

*Министерство сельского хозяйства и продовольствия
Луганской Народной Республики
ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»
Волгоградская государственная академия последипломного образования
Волгоградский государственный университет
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Воронежский государственный аграрный университет имени императора
Петра I
Воронежский государственный университет
Воронежский государственный технический университет
Воронежская государственная лесотехническая академия
Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кубанский государственный университет
Кубанский государственный аграрный университет
Курский государственный университет
Мурманский государственный технический университет
Общество русской культуры «Подмосковные вечера» (г. Афины, Греция)
Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова
Сибирское отделение Академии военных наук РФ
Уральский государственный аграрный университет*

«Духовная составляющая Великой Победы»

**(К 70-летию Победы советского народа в Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг.)**

Материалы

**Международной научно-практической конференции
16 апреля 2015 года**

Часть I

Луганск 2015

УДК 94:378.035.6
ББК 63.3(2)62: 87.77

Печатается согласно решению Ученого совета
ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»
(Протокол № 6 от 26 марта 2015 года)

Редакционная коллегия

Чекер В. Н. (главный редактор) – декан факультета гуманитарного образования, заведующий кафедрой философии ГОУ ЛНР «ЛНАУ», кандидат философских наук, доцент.

Пашина Н. П. – заведующая кафедрой политологии и социологии ГОУ ЛНР «ЛНАУ», доктор политических наук, доцент.

Чекер Н. В. – доцент кафедры философии ГОУ ЛНР «ЛНАУ», кандидат философских наук, доцент.

«Духовная составляющая Великой Победы» (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): Материалы Международной научно-практической конференции. 16 апреля 2015 года. - Часть I. – Луганск, 2015. – 264 с.

В сборник вошли статьи и тезисы докладов участников Международной научно-практической конференции «Духовная составляющая Великой Победы» (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). В материалах конференции нашли отображение следующие аспекты: идейно-нравственный фактор Победы в Великой Отечественной войне; сохранение исторической правды и памяти о Великой Отечественной войне - долг современных поколений; русская философия о трагедии и смыслах Священной войны; Великая Отечественная и Вторая мировая войны в современном отечественном и зарубежном массовом сознании; соблазн национальной исключительности (нацизм и фашизм); история и современность; проблемы идентичности в военных конфликтах; память о Подвиге как основа духовно-патриотического воспитания молодёжи; духовно-нравственный кризис современного общества: факторы, сущность и пути преодоления.

При публикации материалов максимально сохранены орфография, пунктуация и стилистика, предложенные авторами. За содержание работ, достоверность приведенных фактов и статистических данных ответственность несут авторы.

Организационный комитет конференции

Председатель – **Ткаченко Валентина Григорьевна**, ректор ГОУ ЛНР «ЛНАУ», член-корреспондент Национальной академии аграрных наук Украины, академик Академии экономических наук Украины, академик Академии гуманитарных наук России, академик Международной академии науки и практики организации производства, заслуженный работник народного образования Украины, доктор экономических наук, профессор.

Заместители председателя:

Матвеев В. П. – первый проректор, проректор по учебной работе ГОУ ЛНР «ЛНАУ», кандидат технических наук, доцент.

Чертков Д. Д. – проректор по научной работе ГОУ ЛНР «ЛНАУ», доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

Бурнукин В. А. – проректор по воспитательной работе ГОУ ЛНР «ЛНАУ», кандидат экономических наук, доцент.

Прохорова О. А. – проректор по научно-педагогической работе заочного и дистанционного образования ГОУ ЛНР «ЛНАУ», кандидат экономических наук, доцент.

Чекер В. Н. – декан факультета гуманитарного образования, заведующий кафедрой философии ГОУ ЛНР «ЛНАУ», кандидат философских наук, доцент.

Пашина Н. П. – заведующая кафедрой политологии и социологии ГОУ ЛНР «ЛНАУ», доктор политических наук, доцент.

Члены оргкомитета:

Акимов О.К. – депутат народного совета ЛНР, Председатель федерации профсоюзов Луганской Народной Республики (г. Луганск).

Болотов Н.А. - ректор Волгоградской государственной академии последипломного образования, профессор, доктор исторических наук (г. Волгоград)

Гвоздев В.В. – ректор Курского государственного университета, профессор, кандидат филологических наук (г. Курск).

Донник И.М. – ректор Уральского государственного аграрного университета, академик РАН, профессор, доктор биологических наук (г. Екатеринбург).

Воронин Б.А. – проректор по научной работе и инновациям Уральского государственного аграрного университета, заведующий кафедрой управления и права, профессор, доктор юридических наук (г. Екатеринбург).

Барышев М.Г. – проректор по научной работе Кубанского государственного университета, профессор, доктор биологических наук (г. Краснодар).

Бухтояров Н.И. – проректор по учебной работе Воронежского государственного аграрного университета, доцент, кандидат экономических наук (г. Воронеж).

Воротников И.Л. – проректор по научной работе Саратовского государственного аграрного университета, профессор, доктор экономических наук (г. Саратов).

Зайцев В.В. – проректор по научной работе Волгоградского государственного социально-педагогического университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Волгоград).

Кошаев А.Г. – проректор по научной работе Кубанского государственного аграрного университета, профессор, доктор биологических наук (г. Краснодар).

Цепляев А.Н. – проректор по научной работе Волгоградского государственного аграрного университета, профессор, доктор сельскохозяйственных наук, заслуженный работник высшей школы РФ (г. Волгоград).

Батанина И.А. – директор института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета, профессор, доктор политических наук, академик Академии политической науки РФ, академик Академии гуманитарных наук РФ (г. Тула).

Бондарь А. Ф. – ветеран Великой Отечественной войны, участник боевых действий, зам. председателя Совета ветеранов ЛНР, профессор кафедры политологии и социологии Луганского национального аграрного университета (г. Луганск).

Дибач Я.И. – митрофорный протоиерей, доктор богословия (г. Торревьеха, Испания).

Гончаров В.Н. – профессор кафедры экономики предприятия и управления трудовыми ресурсами Луганского национального аграрного университета, доктор экономических наук (г. Луганск).

Корабельников А.А. – профессор, главный ученый секретарь Академии военных наук РФ, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии военных наук РФ, полковник, доктор военных наук (г. Москва).

Соловьев А.А. – профессор, ученый секретарь Сибирского отделения Академии военных наук РФ, член-корреспондент Академии военных наук РФ (г. Омск).

Пороховская Т.И. – доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук (г. Москва).

Криштапович Л.Е. – профессор Белорусского государственного университета, доктор философских наук (г. Минск, Республика Беларусь).

Матаева М.Х. – профессор Казахского инновационного университета, доктор юридических наук (Республика Казахстан).

Муза Д. Е. - профессор кафедры философии, культурологии и социально-гуманитарных дисциплин ГБУВО РК "Крымский университет культуры, искусств и туризма", член-корреспондент Крымской Академии наук, доктор философских наук (г. Симферополь).

Трипольский Р.И. – заведующий кафедрой философии, истории и социологии Мурманского государственного технического университета, профессор, доктор философских наук (г. Мурманск).

Чернышев А.С. – заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой психологии Курского государственного университета, профессор, доктор психологических наук. (г. Курск).

Гронский А.Д. - Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в г. Минске, кандидат исторических наук (г. Минск, Республика Беларусь).

Папцова А.К. – старший преподаватель Комратского государственного университета, кандидат философских наук (Республика Молдова, г. Комрат).

Романова С.Я. – и.о. зав. кафедрой общественных дисциплин Комратского государственного университета (Республика Молдова, г. Комрат).

Самородов В.Н. – доцент кафедры философии, истории и социологии Мурманского государственного технического университета, кандидат философских наук (г. Мурманск).

Теплицкий Ю.М. – заведующий кафедрой истории, педагогики и языкознания Луганского национального аграрного университета, кандидат исторических наук (г. Луганск).

Чекер Н.В. – доцент кафедры философии Луганского национального аграрного университета, кандидат философских наук (г. Луганск).

Чугунов Е.В. – старший преподаватель кафедры философии Луганского национального аграрного университета (г. Луганск).

**Приветственное слово ведущего конференции
Черткова Дмитрия Дмитриевича**

проректора по научной работе ГОУ ЛНР «ЛНАУ»,
профессора, доктора сельскохозяйственных наук

Уважаемые участники конференции, гости, представители руководства Луганской Народной Республики, духовенства, общественных организаций, коллеги, студенты!

70 лет назад советский народ победил фашизм.

Однако заокеанские сценаристы сделали все, чтобы идеология героизации ОУН-УПА возродила НЕОНАЦИЗМ.

Зная не понаслышке, что такое война, переживая все тяготы военного конфликта, мы не могли оставить без внимания такое событие, как 70-летие Победы советского народа в войне против немецко-фашистских захватчиков. Сегодняшняя конференция актуальна как никогда: мы должны помнить прошлое ради будущего! Мы победили в 1945, победим и сегодня!

Разрешите Международную научно-практическую конференцию, посвященную 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. «Духовная составляющая Великой Победы», считать открытой!

**Приветственное слово ректора
ГОУ ЛНР «ЛНАУ»**

члена-корреспондента Национальной академии аграрных наук Украины, академика Академии экономических наук Украины, академика Академии Гуманитарных Наук России, академика Международной академии науки и практики организации производства, заслуженного работника народного образования Украины, профессора, доктора экономических наук

Ткаченко Валентины Григорьевны

Уважаемые участники конференции!

Дорогие наши гости!

Мы рады приветствовать вас в стенах нашего университета, одного из старейших вузов Донбасса. В годы Великой Отечественной войны из нашего, в то время Луганского сельскохозяйственного института, ушли на фронт 173 человека, среди них были преподаватели, сотрудники, студенты, работники учебно-опытного хозяйства. Не вернулись с полей сражений 104 человека.

Выпускник нашего вуза 1943 года Бурмак Григорий Васильевич стал Героем Советского Союза. Многие наши сотрудники-фронтовики были награждены орденами и медалями.

Мы помним о каждом из них, и их светлой памяти и памяти их побратимов-фронтовиков из всех республик Советского Союза посвящаем эту международную конференцию.

В 1941 году часть нашего вуза была эвакуирована в Таджикский сельскохозяйственный институт, г. Ленинобад. Мы благодарны нашим таджикским друзьям за гостеприимство в годы войны. До прошлого года у нас обучались десятки юношей и девушек из Таджикистана.

В 1942 году оставшаяся часть была эвакуирована в Саратовскую область. Наш вуз и поныне поддерживает дружеские и деловые контакты с Саратовским государственным аграрным университетом.

В военные годы в здании нашего института размещался военный госпиталь №3415, здесь же была сформирована 214 Кременчугско-Александррийская стрелковая дивизия, которая прошла боевой путь от Великих Лук до Праги.

В 1944 году обе части эвакуированного института вернулись в Ворошиловград для учебы и восстановления разрушенных корпусов. Работали по 10 часов ежедневно все: 4 часа на строительстве, 6 часов учились.

До 2014 года в самом плохом сне мы не могли представить, что вновь в один из корпусов нашего вуза попадет вражеский снаряд, выпущенный на сей раз из орудия украинских карателей.

Дорогие участники конференции!

Мы глубоко ценим ту моральную поддержку, которую вы оказываете нам в это нелегкое для нас время своим участием, очным и заочным, в работе конференции.

Всего в оргкомитет конференции пришло 186 тезисов и статей из Луганской Народной республики, Донецкой Народной Республики, Республики Беларусь, республики Казахстан, Республики Молдова, Канады, Испании, Греции и Российской Федерации.

Особо хочу поблагодарить представителей российских вузов, в одном из которых, а именно: в Ленинградском государственном университете имени А. А. Жданова, мне выпало счастье учиться, защитить кандидатскую и докторскую диссертации по экономике.

Позвольте пожелать вам успешной работы, творческих дискуссий, плодотворного научного и личного общения!

**Приветственное слово председателя региональной общественной
организации «Луганское землячество» города Москвы,**

руководителя общественного
представительства Луганской области,

Почетного Председателя Совета
землячеств Украины в Москве

Челомбитько Николая Ивановича

Уважаемая Валентина Григорьевна!

Позвольте от имени многочисленного отряда москвичей, объединенных в Луганское землячество, от коллектива общественного Представительства

Луганской области и от себя лично сердечно поблагодарить Вас за приглашение на международную научно-практическую конференцию Луганского национального аграрного университета «Духовная составляющая Великой Победы», посвященную 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Для всех для нас, луганчан, в какой бы части света мы ни проживали, прошедший год стал, пожалуй, самым трудным. Необъявленная война, которой киевское правительство намеревалось сломить стремление жителей Луганщины к установлению народной республики, провалилась. Мы, московские луганчане, ежедневно с болью и тревогой следили за вашей героической борьбой. И параллели этого противостояния все время напоминали нам о грозных днях Великой Отечественной войны, когда благодаря непоколебимому мужеству и стойкости луганчан Донбасс был освобожден от врага.

К сожалению, ввиду плотного графика члены землячества не имеют возможности принять участие в конференции. Позвольте нам, дорогие наши земляки, пожелать вам всего самого наилучшего, успешного проведения конференции и непоколебимой уверенности в нашей полной поддержке.

С искренним уважением

Президент Луганского землячества
в Москве, Руководитель общественного
представительства Луганской области,
Почетный Председатель Совета
землячеств Украины в Москве.

Н. И. Челомбитько

Приветственное слово

Президента Сибирского отделения Академии военных наук РФ
генерал-майора **Фёдорова Андрея Эдуардовича**

Уважаемая Валентина Григорьевна! Уважаемые члены оргкомитета
Международной научно-практической конференции
«Духовная составляющая Великой Победы»!
Уважаемые участники конференции!

Историческая память... О ней много пишут, громко говорят, спорят. Действительно, корни наши, уходящие в прошлое, — это нити, связывающие нас с нашими предками, хранящие каждого из нас в изменчивом мире. Это вены, пронизывающие тело народа, по которым текут животворные соки — те, что не дают увянуть тысячелетнему дереву, возросшему на почве, расчищенной заботами поколений. Память не нейтральна и не пассивна. Она учит и призывает, убеждает и предостерегает, оказывает притягательное воздействие и даёт силы для новых свершений.

Прочувствовать всё, что было в прошлом — все те радости и беды, — как лично свои, увидеть в давно отжившем и превращённом в символ историческом деятеле-соотечественнике, живого человека, пережить его судьбу как свою собственную, его терзания, его мучения как свои личные, совместно с ним возвыситься, совместно с ним упасть, покаяться и умереть вместе с ним — в этом, именно в этом высший смысл углубления в историю!

Ваша конференция проходит в знаменательный 70-й год Великой Победы Советского народа над фашизмом!

История должна не просто изучаться, она должна переживаться. Ничто не возвышает нас более, чем сострадание. Ничто не привязывает нас к своему народу так, как сопереживание. Подлинное призвание истории в том, чтобы созидать — делать человека добрее, будить в нём душевную привязанность к своему народу, к своей стране, спасти его от духовного обнищания. Юноше, обдумывающему жизнь, важно постоянно думать о том, что наряду со множеством профессий, предоставленных ему обществом для выбора, есть такая, которой он должен овладеть обязательно, — профессия защитника Отечества. Чувство патриотизма, система ценностей, нравственных ориентиров закладывается в человеке в детстве и юности. Необходимо в полной мере использовать лучший опыт воспитания и просвещения, который был и в Российской империи, и в Советском Союзе. Справедливо говорят, что настоящий патриотизм — это образованный патриотизм. Настоящий патриот тот, кто знает, как и чем он может служить своему Отечеству. Хорошо учиться, получать больше знаний, образовывать себя сегодня — это значит быть готовым отдать свои знания, своё умение своей стране завтра. Патриотизм — это прежде всего дело служения своей Родине.

Успехов вам в работе конференции, плодотворных дискуссий, творческих начинаний, находок и новых поисков! Сибирского всем здоровья!

С уважением Президент Сибирского отделения
Академии военных наук, генерал-майор

А.Э. Федоров

Ученый секретарь, профессор,
член-корреспондент
Академии военных наук РФ

А.А. Соловьев

Вклад тружеников сельского хозяйства Луганщины в разгром немецких оккупантов в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны жителям Луганщины пришлось пережить тяжелейшие испытания, но они не покорились врагу. Занимая Донбасс, гитлеровцы рассчитывали поставить его экономику на службу рейху и поэтому надеялись заставить работать все предприятия нашего региона, но их планам не суждено было осуществиться. Мешало осуществлению этих планов нежелание наших горняков и колхозников работать на оккупантов.

В момент вторжения на нашу территорию и во время продвижения через населенные пункты Донбасса захватчикам удалось полностью уничтожить в первые недели войны сравнительно небольшую часть колхозов. Подавляющее большинство колхозов продолжало действовать и после наступления немецко-фашистских войск. В процессе насаждения местного аппарата фашистских оккупационных властей гитлеровцы стремились превратить наши сельхозартели в лжеколхозы и установить там общинные порядки. Большинство таких сельхозартелей, не поддаваясь контролю со стороны оккупантов, в течение нескольких недель сохраняло еще свой социалистический характер.

Колхозов, просуществовавших в тылу врага первые недели немецко-фашистской оккупации, было довольно много, но не всем им удалось завершить цикл летних полевых работ в 1941 г. Далеко не всем удалось, в конце концов, уберечь от фашистских грабителей плоды совместного труда. Колхозники таких сельхозартелей сами уничтожали часть артельного имущества, резали скот, делили между собой зерно, снабжали продовольствием выходивших из окружения советских воинов, а также партизанские группы и отряды.

Но с 1942 года сельское хозяйство на нашей земле, как следует из справки сельскохозяйственного отдела Ворошиловградского обкома партии ЦК КП(б)У № 50 «О весеннем севе и посадке овощей трудящимися прифронтовых совхозов» 27 мая 1942 г., возрождается: «Чернухинский совхоз, расположенный в двух километрах от линии фронта, не имея плана сева и посадки овощей, посеял 30 га ячменя, 20 га овса, 11 га кормовой свеклы, 2 га лука, 7 га огурцов, 1,5 га редиса, закончил подготовку рассады помидор на 2 га, капусты поздней на 1 га, дополнительно засеял еще 5 га столовой свеклы, 3 га огурцов и 13 га поздних культур. Привел в культурное состояние фруктовый сад и плантацию малины. Не имея совершенно автола (получили всего 2 кг), применили разные твердые масла и с большими предосторожностями на них производили работу тракторов.

Совхоз «Горский» посеял 717 га ранних зерновых, 49 га овощей, 30 га продовольственной бахчи. Совхоз законтрактовал более 100 голов телят у населения, из которых 52 телки были поставлены на совхозную ферму. В результате хорошего ухода за телятами – ни одного случая заболевания, падежа и дореза телят не было, все телята были в хорошем состоянии».

Если немецким захватчикам удалось разрушить промышленность, транспорт, сельское хозяйство, школы, больницы и т. д., то не удалось сломить волю жителей в борьбе с фашистскими захватчиками за свою свободу и независимость. Уверенные в своем освобождении, патриоты Донбасса не пассивно ожидали своего освобождения, а всемерно боролись с гитлеровскими бандитами, срывали гитлеровские приказы, объявления и плакаты, проводили агитационно-разъяснительную работу, разоблачая ложь фашистской пропаганды о «непобедимости» немецкой армии.

Например, в неполной средней школе села Первомайска Сватовского района занятия с учениками вопреки указаниям немецкого командования проводились по программе советских школ 1939 г. Из программы ничего не выбрасывалось, пользовались учебниками, в которых читались все статьи полностью, выдержки из грамматики брались с полным сохранением содержания (работу проводили учителя Дехтеренко, Веретельник и Веретельникова).

Активная борьба с оккупантами велась в сельской местности. Отвечая на призывы подпольных партийных органов, крестьяне активно саботировали распоряжения оккупантов, срывали поставки продукции, прятали инвентарь, выводили из строя сельскохозяйственную технику. Борьба велась под лозунгом: «Ни одного пуда хлеба захватчикам!» О действенности этой борьбы можно судить по следующим фактам. Большая часть области была оккупирована гитлеровскими войсками в июле 1942 года. К этому времени хлеб еще не был обмолочен, а во многих местах – не скошен. Захватчики рассчитывали, что им удастся вывезти значительную часть хлеба в Германию. Но они натолкнулись на упорное сопротивление. Подпольщики Краснодона, Боково-Антрацита, Сватова, Старобельска, Марковки, Беловодска, Ивановки распространили среди населения листовки с призывом прятать зерно, не давать его оккупантам.

Горя желанием всемерно усилить помощь нашей родной Красной Армии в разгроме врага и желая быстрее выздоровления раненым бойцам и командирам, общее собрание колхоза «Новое село» Макартетинского сельсовета Новопсковского района в декабре 1943 года постановило: взять шефство над ранеными бойцами и командирами Красной Армии, находящимися на излечении в госпитале в/части 86 724; выдать для новогодних подарков раненым госпиталя из имеющегося сверх государственного плана развития животноводства одного бычка, одну овцу и 10 кур, а также из запасов колхоза 200 кг картофеля; каждому колхознику из своих собственных запасов сделать посылку для новогодних подарков ранеными бойцам и командирам и сдать не позже 20 декабря 1943 г.

В селе Байдовка Старобельского района 20 мая 1944 г. Ольга Ромашко, исполненная благодарности Красной Армии и ненависти к врагу, внесла в дело обороны страны 30 тысяч сбереженных от немцев трудовых рублей, накопленных за годы честной, мирной колхозной жизни. Она попросила использовать эти 30 тысяч рублей на вооружение взвода, которым командовал ее муж – сержант Иван Ромашко.

Это была волнующая демонстрация преданности воинов своему долгу перед Отечеством, их готовности героически, не щадя ни крови своей, ни самой жизни, биться за полную победу. Именно срыв попыток фашистских захватчиков поставить себе на службу промышленность и сельское хозяйство является главным итогом всенародной борьбы против фашистских оккупантов на Луганщине.

Мы не забудем и не простим фашистам загубленных жизнью жителей Донбасса – защитников своей земли.

Эта память – наш долг перед Победой. Перед будущими молодыми поколениями нашего Отечества.

И сегодня особенно важно, какими будут наши потомки, в какой мере они освоят две важные социальные роли – роль гражданина и роль патриота. Нам есть чем гордиться и есть о чем рассказывать детям.

УДК 94(477.6):63

Ткаченко В. Г.,

Луганский национальный
аграрный университет
rector@lnau.lg.ua

Духовная составляющая Великой Победы

Любовь к отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и саму жизнь; в горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию...

Н. А Некрасов.

Нельзя создавать новый мир, минувя прошлое, – это знали люди во все времена. Всестороннее научное исследование истории нашего края делает нас богаче и умнее, щедрее и проникательнее в мыслях и делах, в планах и свершениях. Ведь история – это наше прошлое, настоящее и будущее, которое будет строиться нашими руками.

Донбасс всегда являлся уникальным регионом, который оказывал и оказывает влияние на все исторические процессы как в Украине, так и за ее

пределами. Сегодня же события в Донбассе стали судьбоносными для всего русскоязычного народа.

Сегодня идет продолжение той Великой Отечественной войны...

В годы Великой Отечественной войны на всех фронтах, в самых жарких боях с немецко-фашистскими захватчиками сражались тысячи жителей Донбасса.

История развития сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны является одной из тем, без которых невозможно воссоздать историю всей войны, а следовательно, и значительную часть жизни украинского народа. Сельскохозяйственное производство является отраслью народного хозяйства, которое необходимо для обеспечения жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом. Именно во время военных действий снабжение продуктами питания армии, гражданского населения было одним из решающих факторов победы. Во времена Великой Отечественной войны от аграрной политики воюющих государств во многом зависели настроения крестьян как потенциальных противников или союзников.

Аграрный сектор Донбасса, крупнейшего промышленного региона, всегда отличался своими особенностями развития. Во время Великой Отечественной войны регион имел для воюющих государств стратегическое значение. Здесь находились военные силы, и обеспечение продуктами питания в таких экстремальных условиях определяло их боеспособность и становилось решающим для развития событий Великой Отечественной войны.

С первых дней Великой Отечественной войны в Ворошиловградском сельскохозяйственном институте была организована охрана территории из студентов и преподавателей. Когда фронт вплотную приблизился к городу, студенческая охрана трижды задерживала немецких диверсантов. Выпускники и студенты института защищали свою Родину в рядах Советской Армии – Мавроди Мария Александровна, Бондарь Анатолий Федорович, Бутыльский Матвей Сильвестрович, Бидненко Иван Михайлович, Бурмак Григорий Васильевич, Мечетный Николай Степанович, Тибабышев Николай Кириллович и др.

Каждый год торжественное заседание в Луганском национальном аграрном университете знаменуется возложением цветов к памятнику погибшим в годы войны преподавателей, сотрудников и студентов, расположенного на территории студенческого городка ЛНАУ.

Так в чем же духовная составляющая Победы в Великой Отечественной войне?

Одним из составляющих являются патриотизм людей и окрепшая в войне сила Красной Армии, сплочение народов СССР, единство фронта, тыла и временно оккупированной территории. Справедливые освободительные цели войны сделали ее поистине Великой, Отечественной, народной, вызвали массовый героизм советских людей на фронте и в тылу.

Мы победили, потому что вели справедливую войну, защищали честь, свободу и независимость своей Отчизны, оказывали бескорыстную помощь народам Европы, попавшим под иго фашистских оккупантов. Опыт истории

показал: армии и народы, ведущие справедливые войны, имеют все основания рассчитывать на успех своей борьбы. Благородство целей борьбы советского народа было великой нравственной силой, побуждавшей советских людей на боевые и трудовые подвиги, которые изумляли мир. В годы войны подтвердились слова народной мудрости: «Великая цель рождает великую энергию».

Духовная мощь народа проявилась в моральном духе войск и трудовом напряжении в тылу, в стойкости и самоотверженности при выполнении долга перед Родиной, в героической борьбе в тылу врага и в массовом партизанском движении.

И сегодня в честь 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне в парке, который располагается на территории Луганского национального аграрного университета, высадили 70 кустов сирени.

Сирень – символ любви, доброты и мира, и именно букетами сирени весной 1945 года жители Советского Союза встречали солдат-победителей, возвращавшихся с фронтов Великой Отечественной войны.

Осознание молодым украинским поколением тяжелых событий Великой Отечественной войны на примере истории родного края, города, посёлка – бесценный урок человечности, необходимый украинскому обществу.

Нам эта дата особо дорога, потому что Донбасс не смирился с тем, что сегодня поднимают голову фашисты на Украине. И нужно сказать, что это произошло не в 2014, не в 2011 году, а значительно раньше. Донбасский народ твердый в своем характере, в своем духе – он никогда не станет на колени перед фашизмом!

УДК 94:172.4:341.382 (477.75)

Бабури́н С. Н.,

*главный научный сотрудник Института
социально-политических исследований РАН,
заместитель председателя
Государственной Думы России 2 и 4 созывов
info@baburin.ru*

Ялтинские договоренности великих держав в 1945 году и их уроки для XXI века

70 лет назад, в феврале 1945 года, в ходе Ялтинской (Крымской) конференции руководителей держав Антигитлеровской коалиции были согласованы основы Ялтинско-потсдамского мирового устройства, закрепленные совместным Заявлением У.Черчилля, Ф.Д.Рузвельта и И.В. Сталина и Протоколом работы Крымской конференции от 11 февраля 1945 года, а также серией соглашений.

Поскольку «нет пророка в своем отечестве», я начну с цитаты из выступления Президента США.

Ф.Д.Рузвельт, выступая после возвращения из Ялты перед Конгрессом США, заявил: «Крымская конференция стала поворотным пунктом, я надеюсь, в нашей истории, а значит, и в истории всего мира... Мы должны либо взять ответственность за мировое сотрудничество, либо нести ответственность за следующую мировую войну... Уверен, для конгресса и всего американского народа результаты этой конференции станут началом долговременного мира, при котором мы с Божьей помощью построим лучший мир, где должны жить и будут жить наши дети и внуки, дети и внуки всего мира» [1, с. 191].

Среди основ, на которых сложились решения конференции – Атлантическая хартия, подписанная Ф.Д.Рузвельтом и У.Черчиллем 14 августа 1941 года. Особо хочу отметить, что среди них и принципы, обозначенные И.В.Сталиным в 1943 году в качестве задач антигитлеровской коалиции:

- освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств;
- предоставление освобождённым народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве;
- возмездие фашистским преступникам за все совершенные им злодеяния;
- установление такого порядка в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;
- создание длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи [2, с. 623].

Таковы были планы И.В.Сталина. Что же дала миру Ялта 1945 года?

Ялтинская конференция наметила черты нового порядка международной безопасности, начиная с создания державами антигитлеровской коалиции на территории Германии особых зон оккупации и заканчивая распределением между державами-победительницами территориальных зон геополитической ответственности. Была принята Декларация об освобожденной Европе, в которой подчеркнута: «В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций» [3, с. 266].

Конференция окончательно приняла решение учредить всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности, намечены ключевые принципы ООН, договорились собрать 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференцию Объединенных наций для принятия Устава новой организации. Согласовали позиции по Югославии, Польше, ряду других государств. Именно в Ялте был сделан шаг к решению одного из наиболее спорных вопросов послевоенного устройства мира — намечены границы Польши. Подтвердив, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона, главы трех правительств признали, “что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе” [3, с. 270, 280; 4, с. 128-136].

Руководители США и Великобритании добились в Ялте от СССР обязательства вступить в войну против Японии, взяв на себя обязательства

сохранять независимый статус Внешней Монголии; восстановить принадлежащие России права, нарушенные вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно вернуть Советскому Союзу южную часть о.Сахалин и все прилегающие к ней острова, гарантировать как интернационализацию торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР, так и совместную эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза при сохранении суверенитета Китая над Маньчжурией. США и Великобритания письменно гарантировали передачу Советскому Союзу Курильских островов [3, с. 273].

Подписывая 11 февраля 1945 г. соответствующее соглашение, США и Великобритания согласились, что эти претензии Советского Союза должны быть удовлетворены после победы над Японией без каких-либо условий.

Решениями Ялтинской конференции за государствами — будущими постоянными членами Совета Безопасности ООН было закреплено право установить режим территориальной опеки, определены территории, к которым он мог применяться [3, с. 276].

Двадцать лет назад, выступая 6 февраля 1995 года в зале Ливадийского дворца в связи с 50-летием Ялтинской конференции лидеров антигитлеровской коалиции, я отмечал, что среди уроков Ялты – и урок политической воли, когда смогли достичь соглашения лидеры идеологически несовместимых общественных систем, и урок исторической ответственности, в том числе ответственности держав-победительниц за международную безопасность и стабильность. Ялтинские договоренности Ф.Рузвельта, И.В. Сталина и У. Черчилля – поучительный пример реалистической политики и того, какие преимущества такая политика дает государствам, имеющим силу, возможности и внутреннее достоинство отстаивать свои интересы [5, с. 287-291].

Ныне уроки именно «той» Ялты актуализировались как никогда.

Лидеры США, решив при разрушении СССР закрепить за США роль единственной сверхдержавы, забыли предостережения своих великих предков. Напомню слова Президента США Джона Куинсли Адамса, который 4 июля 1821 года, осуждая английский колониализм, предостерегал: «Да не станет Америка искать зло на чужбине, ибо ввергнет ее это в пучину несправедливых войн и интриг, алчности, зависти и амбиций, стирающих грань между добром и злом и разрушающим сами основы свободы, на которой построена американская политика, и политика эта незаметно станет политикой силы». Америка может «стать мировым диктатором, но лишь ценой потери своей души» [Цит. по: 6, с. 13].

Ялтинско-Потсдамская система мирового порядка, контуры которой были намечены здесь 70 лет тому назад, разрушена. Что дало миру навязанное англо-атлантистами отречение от Ялтинских решений 1945 года в 1989-1991 годах? Главное – войну и разрушения.

Мир, который она обеспечила Европе почти на 50 лет, сменился целой чередой вооруженных конфликтов. Первым таким конфликтом стало кровавое разрушение СФРЮ, завершившееся беспрецедентной агрессией НАТО против Союзной Республики Югославии. Одновременно началось с периодическим обострением межнациональное противостояние в различных регионах Советского Союза, которое практически сразу привело к разъединению Молдавской ССР на Республику Молдову и Приднестровскую Молдавскую Республику. В 2014 году запольхала Украина, наследники бандеровцев схватились с наследниками украинских антифашистов. В пожарищах войн и конфликтов Афганистан, Арабский мир.

Что может дать миру извлечение уроков и учёт опыта Ялтинских договоренностей 1945 года?

Первое. Ялтинские договоренности 1945 года могут стать той моделью демонтажа недостроенного, но уже обрушающегося Мальтийско-Мадридского мирового порядка. Однополярность рухнула, несмотря на состоявшееся после саммита 1996 года в Мадриде расширение НАТО на восток. Эпоха односторонних решений продлилась лишь около 20 лет. В Ялте 1945 года консерватор У.Черчилль, либерал Ф.Д.Рузвельт и коммунист И.В.Сталин смогли прийти к хрупкому, но балансу интересов. Не без локальных конфликтов этот баланс продержался почти 50 лет. Эпоха Горбачева-Ельцина с её тотальными уступками Западу сформировала у евроатлантических лидеров ложное впечатление, что так будет всегда. Россия не боролась за Прибалтику, за сам Советский Союз и эффективность СНГ, кое-кто посчитал, что на мировой сцене она будет присутствовать лишь в качестве тени прошлого. Преждевременный вывод.

Второе. Мир между народами и государствами может быть обеспечен только через взаимные договоренности и общий компромисс. Общение через взаимные ультиматумы и санкции контрпродуктивно, не способно стать основой надежного мира. При крахе односторонней попытки США и НАТО поглотить Украину, включив её в свою геополитическую систему, логично было бы ожидать противодействия и России, и пророссийских сил самой Украины. Тем удивительнее возмущение лидеров США и ряда стран Европы *несогласованными с ними* действиями России по возвращению Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, а потом и восставшим антифашистским Востоком Украины. Гегемонизм единственную сверхдержаву не только развратил, но и расслабил.

Роковую роль для мировой безопасности сыграла и попытка приучить общественное мнение к двойственности мировых стандартов. Говоря именно об этом 18 марта 2014 года перед Федеральным Собранием России, В.В. Путин обоснованно отметил, что, отрывая Косово от Сербии, наши западные партнеры сами создали прецедент, доказывая всем, что никакого разрешения центральных властей страны для одностороннего объявления независимости не требуется. Президент России процитировал Письменный меморандум США от 17 апреля 2009 года, представленный в Международный Суд ООН в связи со слушаниями по Косово, в котором четко заявлено: «Декларации о

независимости могут, и часто так и происходит, нарушать внутреннее законодательство. Однако это не означает, что происходит нарушение международного права». И привел цитату уже из решения Международного Суда ООН по Косово от 22 июля 2010 года: «Никакого общего запрета на одностороннее провозглашение независимости не вытекает из практики Совета Безопасности... Общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости» [7, с. 8].

Таким образом, эгоизм наших западных партнеров ныне даже не скрыт. Требуя «вернуть Крым в Украину», они не только далеки от реализма, далеки от международного права, но они перечеркивают все собственные правовые позиции последних лет. Они забыли уроки Ялты и даже уроки войны.

Между тем именно крах Мальтийской односторонности и стихийное обращение многих сегодня к Ялте 1945 года дает возможность через опыт Ялтинско-Потсдамской системы наметить основные черты новой, более сбалансированной и справедливой системы международной безопасности.

Во-первых, признание многополярности мира и учета равноправных интересов всех государств и народов планеты. Баланс в Европе и мире сил и интересов, предполагающий ответственность за политическое, экономическое и территориальное равноправие государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Даже в среде мировых пацифистов признается, как отмечает Р.Макнамара, необходимость обеспечения всех государств гарантиями против внешней агрессии [8, с. 3-4].

Во-вторых, укрепление пошатнувшейся роли Организации Объединенных Наций с наделенными властными полномочиями Советом Безопасности во главе, прекращение одностороннего попрания международного права напоминающим недобросовестную конкуренцию объявлением санкций одними государствами в отношении других.

В-третьих, восстановление значения международного правопорядка как системы глобальных общественных отношений, урегулированных правом.

И, наконец, в-четвертых. Пора осознать тупиковость формирования современных межгосударственных отношений вне общей цели формирования системы устойчивого развития человечества. Эпоха неустойчивого развития государств себя исчерпала. Как никогда ранее очевидно, что только глобальный мир может обеспечить сохранение глобальной окружающей среды в качестве основы существующего развития всех.

Это первоочередные выводы, которые хотелось бы наметить, приложив к сегодняшней международной ситуации уроки Ялтинской конференции лидеров Антигитлеровской коалиции в феврале 1945 года.

Литература

1. Цит. по: Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США: пер. с англ. М., 2015.
2. Ленин В.И., Сталин И.В. о социалистическом государстве и советской демократии. М., 1951.
3. Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (4 - 11 февр. 1945 г.): Сб. док. М., 1979.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 -1945 г. Т. 5. М., 1963.

5. Бабурин С.Н. Геополитический смысл Ялтинской (1945) конференции // Российский путь: утраты и обретения. М., 1997.
6. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США: пер. с англ. М., 2015.
7. Послание Президента РФ Путина В.В. к Федеральному Собранию от 18 марта 2014 г. М., 2014.
8. *McNamara R.* The Changing Nature of Global Security and Its Impact on South Africa. Address To the Indian Defense Policy Forum. New Delhi, 20 November, 1992 (Washington D. C., December, 1992).

УДК 94:378.035.6

Баранов В. Е.,

*Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет
kelembet@yandex.ru*

Личностный фактор Великой Победы

Мы справедливо говорим и пишем, что Победу нашего народа в Великой Отечественной войне подготовили и обеспечили не только передовая советская военная техника, и не только талант советских полководцев и общее руководство Верховного Главнокомандующего, и даже не только передовой социалистический строй. Тут важен конкретный результат перечисленных моментов – моральный дух и воля к победе нашего народа, которые передавались и концентрировались в воинском духе армии, защищавшей Родину. Эти последние – не просто человеческая психология, они даются не всякому человеку, не всякому народу или общественному классу. Для того чтобы нести в себе этот дух, человек, народ сначала должны приобрести то, что называется личностным качеством, стать человеком-личностью, народом-личностью. Разберемся в этих понятиях.

Вспомним хрестоматийную притчу о трёх строителях Шартрского собора. Один из них идентифицирует себя только с самим собой, он добывает себе хлеб для собственного пропитания. Это просто раб, «холоп». Другой живет ради семьи, круг его ценностей шире, но всё же он замкнут на потребительские, телесно-природные задачи физического существования. А третий на тот же вопрос: «Что ты здесь делаешь?», гордо подняв лицо, отвечает: «Я строю Шартрский собор!». В его бытии присутствует метафизика универсальности, а это и есть основа личностного бытия.

Личность – не синоним человека. Мыслят, действуют, страдают, обладают собственностью и т. д. не личности, а люди как личности, либо – как не личности, то есть как люди, не достигшие, не имеющие статуса, или качества личности. Человек может пребывать, осуществлять свое бытие на разных уровнях: а) индивидуально бессубъектном (конформистском, суггестивном), б) индивидуально субъектном (эгоцентричном, индивидуалистичном) и в) доминирующим, универсально субъектном, которое только и можно назвать личностным.

Первый из этих уровней наблюдается в условиях поглощения человека группой, обществом и представляет собой полную безликость, человека, его крайнюю некритичность, несамостоятельность, подражательность, смирение, покорность. Поведение («социальные действия») человека на этом уровне можно охарактеризовать известным термином Макса Вебера как «традиционно-ритуальное». Гегель (в «Феноменологии духа») называл такое состояние человека просто «сознанием»: здесь нет еще самосознания, рефлексии. Такое бытие человека наблюдается в обществе, не заинтересованном в индивидуализации человеческого бытия, игнорирующем осознанную субъектность каждого человека. В этих условиях человек не имеет еще четкой я-идентификации, говорит о себе в третьем лице (как это делает маленький ребенок: «Вовочка хороший») или отождествляет себя с окружающей группой.

Второй уровень – это уровень индивидуально-индивидуалистического бытия человека. Человек осознаёт себя как отличного от других, у него уже есть самосознание. Рассматривая в «Феноменологии духа» «самосознание» как уровень индивидуального бытия человека, Гегель писал, что «отдельный индивид есть несовершенный дух, некоторый конкретный образ, во всем наличном бытии которого доминирует одна определенность, а от других имеются только расплывчатые черты» [1, с.14]. «Индивид... есть сохранение себя в отношении к другому». Для индивида «всё дело сводится к его самостоятельности и свободе, к тому, чтобы спасти и сохранить себя для самого себя за счет мира» [1, с.124]. Индивидуальное состояние экспансивно и агрессивно. Это всегда конкурентная борьба каждого «за свое собственное счастье». Но это такое счастье, когда «каждый идет на смерть другого... и отношения обоих самосознаний определено таким образом, что они *подтверждают* самих себя в борьбе не на жизнь, а на смерть» [1, с. 101]. Человечество приходит к массовому распространению и господству индивидуалистического бытия людей в эпоху цивилизации, взрывая и вытесняя из жизни общества пришедший из неолитически-палеолитических глубин первоначальный доиндивидуальный модус (уровень) человеческого бытия.

Представители современной буржуазной культуры называют этот уровень человеческого бытия *личностным*: личность у них – то существо, которое может о себе сказать «Я». Например, по Рикеру, личность – это человеческая «своеобычность», «особенность», осознание «своей самости» [2, с. 41, 42]. Предельный эмпиризм такой позиции очевиден. Здесь автор не признает («не видит») в человеческом бытии какой-либо метафизики (духовности).

Третий уровень человеческого бытия – личностный. Здесь человек «очищается от своей единичности», «освобождается от самого себя» (Гегель), ему открываются горизонты бытия общества, человечества, космоса. Доиндивидуальный конформизм и индивидуально-частные интересы уступают свое господство целям и интересам человека универсального. Внешнее, социальное становится его внутренним, собственным. Нет сомнений, что огромная масса советских людей – тружеников тыла и участников боевых действий – в значительной степени обладали подобными личностными качествами. Их самосознание, их самоидентификация выходили за рамки

индивидуальных или узко групповых (семейных, клановых, территориальных, национально-этнических) интересов. Это и есть: «Нам нужна одна победа, одна на всех...».

Возникновение и существование личностных качеств в человеке, сама возможность личностного бытия формируется в человеке теми социальными группами, в которые он входит. Эти группы, в свою очередь, могут оказаться безлико-доиндивидуальными (толпа, приятельская компания), могут быть индивидуалистичными, коллективно-эгоистичными (корпорация), но могут быть и коллективными личностями – коллективами.

Коллектив – это группа, перед которой обществом поставлена социально значимая цель, которую осознают все члены группы и в процессе достижения которой между ними складываются отношения взаимной требовательности, уважения, привязанности, симпатии и любви [См.: 3]. Противники коллективизма представляют дело так, будто бы коллектив «нивелирует личность», поработщает, давит его и т. п. Но на самом деле всё наоборот: коллектив только и является средой и средством порождения тех качеств в человеке, которые мы называем личностными. Эти качества: озабоченность общим делом, бескорыстное ему служение, проблемы других людей, коллектива, общества становятся мотивами поведения члена коллектива. Коллективы – посредники между обществом и человеком. Они доводят до каждого своего члена цели и ценности общества и тем самым универсализируют их бытие, поднимают их на уровень личностей. Историческое место социальных групп типа коллективов – конечно же, постцивилизация, постбуржуазность, социализм и коммунизм.

Коллективом может быть семья, живущая в обществе и для общества и воспитывающая своих детей по общественным требованиям. Коллективом может быть группа работников предприятия, воинское подразделение. Коллективом может быть народ, нация, население страны, если эти «группы» живут интересами страны, человечества, Природы, Вселенной. Но и семья, и коллектив предприятия, и народ, нация могут деградировать в состояние корпорации и приятельской компании или толпы. Именно до этого состояния стремится сегодня довести капитализм и тех, и других, и третьих.

Открывая личность более высокого порядка, человек, народ просветляются, «сбрасывают пелену» (А. Маслоу), выходят «за пределы самих себя» (Г. Гегель), устремляются к высшей личности (Бога, Человечества), совершают «религиозное обращение» как второе, подлинное – духовное рождение. Кто переживал такое обращение – религиозное или нет, не важно – тот понимает, что это такое, а кто его не испытывал, тому и так неплохо живется в дремучих недрах потребительно-эгоистического индивидуализма.

Эти высоты духа, несомненно, присутствовали в 20-40-х годах в советских людях, советских нациях и у всего советского народа в целом. И этого принципиально не было в противостоящей нашему народу-личности фашистской армии. Правда, они тоже объявляли себя социалистами, и на каждом солдате была «религиозная» бирка «С нами бог». Но их «социализм» – узко национальный, то есть националистический, корпоративный, и точно так

же их бог – это вовсе не Бог как сущность мира, а всего лишь корпоративный лидер, атаман, пахан. За их спиной не стоял авторитет человечества и исторического прогресса, тогда как наш народ понимал и не сомневался, верил и чувствовал, что, освобождая себя от фашизма, он освобождает от него всё человечество. На этом мировоззренческом, духовном подъёме, на этом обращении к метафизике бытия, к Высшему бытию – религиозно ли, светски ли понятому – только и была достигнута невероятно трудная и еще более невероятная с индивидуалистической точки зрения Великая Победа.

Теперь социализма (и даже того, что после войны называлось социализмом) у нас нет. Опять господствует частная собственность и обусловленное ею царство корпоративного эгоизма и индивидуализма. Капитализм требует от каждой страны, от каждого народа, от каждого человека устремленности только к собственной наживе и выживанию. Нам сегодня активно навязывается так называемое постмодернистское общество с его принципом деконструкции: надо разрушать всё, любые «угнетающие человека» структуры и ценности – государство, школу, армию, семью, прогресс, духовность, патриотизм. Остаться должен только единичный, индивидуальный и индивидуалистичный человек-червячок – один на один с самим собой и только своими собственными потребностями. Вот что пишет об этом один из западных наблюдателей такой жизни. «Идеал подчинения личности рациональным коллективным правилам рассыпался в прах; процесс персонализации обеспечил в широких масштабах фундаментальную ценность — ценность индивидуального развития, признания субъективного своеобразия, неповторимости личности [4, с. 20].

Происходит подмена понятий. Индивидуальность называют личностью, индивидуализм – высшей ценностью, материальное потребление – единственным достойным человека занятием и т. д. И этот же принцип распространяется на любые социальные группы – от индивидуальных дружеских пар и семей до крупных социальных слоёв, народов и наций. Людям задается соблазн индивидуалистического бытия.

Сегодня Европа, Запад неудержимо хлынули на Украину и пытаются превратить народ в некоторую смесь корпораций и толп. Это – осознанное добывание советского социализма и одновременно очередная подпитка капитализма ресурсами других стран. Капиталу необходимо, чтобы и отдельные люди, и все социальные группы как можно дальше отстояли от статуса личности, вплоть до полной их бессубъектности и покорности. И, как в жутких антиутопиях, миллионы украинцев, как говорит молодёжь, «ведутся» на это, соблазняются этим и счастливы в своем уродстве. Народ теряет качество личности, теряет свое лицо, теряя связь с человечеством как коллективом всех народов.

Противостояние этой экспансии позволяет и отдельным гражданам, и большим социальным группам сохранить свое личностное состояние. Сегодня на украинском «острове свободы» – на Востоке, в Новороссии не иссякает дух «строителей Шартрского собора», сохраняется универсальное личностное мировоззрение, не иссякли ценности освобождения от тирании своих и

иностранных олигархов. Мы из своего российского далека видим, что здесь народ интегрируется в единый коллектив, в котором каждый человек становится свободным, добровольным участником общего дела. Возникают группы по оказанию помощи раненым, по контролю за распределением гуманитарной помощи, по восстановлению разрушенных городов, по организации посевной кампании на селе и т. п. Сами военные действия совершаются не государственной Армией, а добровольно сформированными группами ополченцев. И все подобные группы становятся подлинными *органами* общего коллектива, которым является всё население республик. Здесь нет националистических претензий к другим народам и внутринациональных конфликтов, здесь налицо массовое стремление к единству с другими народами в рамках единого «обобществившегося человечества». Наш национальный гений А. С. Пушкин мечтал когда-то о том далеком времени, «...Когда народы, распри позабыв, В великую семью соединятся». Так или иначе, история движется *в этом* направлении, а не к индивидуалистическим «деконструкциям» постмодернизма. Ссоры, распри и войны могут быть только между индивидуалистически-эгоистическими субъектами – люди это или целые нации. В коллективе не может быть неразрешимых споров и жестких столкновений – не важно, отдельные это люди или целые народы в рамках человечества как единого суперколлектива и суперличности. Народ Восточной Украины сегодня совершенно очевидно представляет собой единый коллектив и единую коллективную личность, берущую на себя миссию освобождения не только себя, но и всего обманутого собственной буржуазией украинского народа. История повторяется. Во всех войнах побеждает не сила, а правда.

Литература

1. Гегель Г. Феноменология духа. – Соч. – Т. IV. – М., 1959.
2. Рикер П. Какого рода высказывания о человеке могут принадлежать философам. – О человеческом в человеке. – М.: ИПЛ, 1991.
3. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1983.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – М., 2004.

УДК 101.1

Баркова Э. В.,

*Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова
barkova3000@yandex.ru*

Победа как категория экосоциологического мировидения в концепции Возрождения-XXI

Смена векторов на социально-историческом календаре, включая тенденции, характерные для России, Украины и всего современного мира, обусловили изменения в оценках многих исторических событий, включая Великую Отечественную войну и смысл Великой Победы советского народа. Сегодня более очевидны, чем раньше, великие следствия этой Победы: счастье и ликование, ставшие возможными для поколений, выросших и живших во

второй половине XX века, как жизненная альтернатива тем бедам, которые несла фашистская агрессия, и трагедиям, реально грозившим Миру. Сегодня даже трудно представить, какими бы для всего человечества могли стать десятилетия, начиная с 40-х годов XX столетия, если бы не было победного 1945 года.

Но такое переосмысление на основе объективно-истинного анализа предполагает следующий шаг – исследование смысла того *победного гуманизма и его философии*, противостоящей сегодня в условиях жесткой информационной войны не только политическим и экономическим интересам сил, расшатывающим пространство современного мира, но и активно продвигаемой и в России, и в Европе философии и идеологии трансгуманизма, снимающего ценность исторического прошлого. Д.И. Ицков – глава трансгуманистического движения «Россия – 2045» – считает ключевыми для его Движения две цели: «запуск мегапроектов по разработке антропотехнологических преобразований человека и его социальной среды, включая сверхзадачу переноса сознания и личности на небιологический носитель, и одновременно разработку социогуманитарных проблем этого переноса, в том числе... нового социального субъекта, нового типа общества». [1. С. 9].

Почему же трансгуманизм – это отход от гуманизма Великой Победы 1945г., духовная и мировоззренческая измена великой мечте человечества о светлом будущем? С точки зрения трансгуманистической философии, уход со сцены истории собственно человека есть антропологическая революция, автоматически обесценивающая традиции, культуру, ценность исторических свершений «старого» Человечества - все, включая гуманизм и человечность как тип мироотношения. А потому в этом культурном пространстве исчезают и ценности дружбы, любви, искренности, побед, счастья и здоровой семьи.

Именно против такой – уже в прямом смысле бесчеловечной – философии направлена логика и исследование *социально-ответственного проекта Возрождения-XXI*. В соответствии с его логикой возможен планетарный Ренессанс как новое эколого-ориентированное мировоззрение и практика нового гуманизма, сохраняющая, развивающая и совершенствующая Природу и Культуру именно человека, ибо их исчерпанность никто не доказал, тогда как для утверждения обратного существует немало доказательств.

Философской основой новой волны Возрождения выступает *экофилософия как всеобщая форма Культуры XXI века*. Ее цель – открытие и развитие обновленной картины мира, направленной на поиск универсальных оснований бытия, принципов будущего и изучение категорий, выявляющих перспективы развития органически Целостной системы Человека-Культуры-Общества-Природы-Вселенной. Разработка экофилософии мыслится как ответ на вызовы нашей эпохи и потому ориентирована на отбор и исследование категориального аппарата, включающего прежде всего категории, утверждающие Бытие и неснимаемый статус ценности Жизни. В ряду ключевых категорий экофилософии поэтому наряду с такими категориями, как «истина», «человек», «культура», «идеал», «природа», «гармония», «красота»,

«преемственность», «прогресс» должны, по нашему убеждению, занять важное место такие категории, как «добро», «надежда», «любовь», «счастье», «мечта», «победа».

Эта логика открыто противостоит тенденции, характерной для коммуникативистики и содержания пространства философии, утверждающего, что в условиях информационного общества смысл всемирной и отечественной истории исчезает, поскольку события как «информационные единицы» дискретны и не связаны друг с другом: одно сменяет другое вне связей и преемственности подобно смене программ в компьютере. Подготовка к празднованию Победы в Великой Отечественной войне все последние годы тоже в целом следует этой логике – проводятся отдельные мероприятия, создаются неплохие телепередачи, но в целом они не связаны с сознанием общества и не ведут к повышению самосознания и Достоинства Культуры. Вот почему в экофилософии, восстанавливающей нормы мышления и в перспективе поведения человека, акцент переносится с креативности, понятой как инновационность, на высокое творчество как феномен культуры, направленной на развитие человека и общества.

Думаю, экофилософское исследование категории «победа» занимает одно из самых главных мест в этой обновленной в контексте Возрождения-XXI картине мира.

Победа, как правило, мыслится как желанное завершение какого-либо события или этапа, как успех в бою или битве, закончившейся поражением противника, а также как успех в спортивном состязании, соревновании, закончившийся поражением соперника [2].

Используемое и в переносном смысле — как какое-либо достижение в результате борьбы, преодоления чего-либо, успех в борьбе за что-либо - это событие после осуществления остается в памяти, и, тем самым, подчеркнем это особо – остается в прошлом.

Тогда как феномен Великой Победы в контексте экофилософии не сводится к событийности, к восприятию только определенных результатов единоборства. Победа – это пространство торжества бытия Человека в контексте добра, справедливости, красоты, в контексте Мечты и Подвига. Победа – это особый уровень бытия Человека и общества как Субъекта, который эмоционально и рационально осознает свою великую созидательную миссию в мире. Нравственно-онтологический смысл Победы – именно в торжестве духовного над материальным, в данном случае – над материально-потребительской одномерностью, частичностью человека, над навязанным ему инструментальным статусом, разрушающим бесконечность и вечность как реальные измерения бытия человека. Победа – это высший уровень преодоления зла, порождаемого частичностью человека, опущенного до уровня механической игрушки-автомата, стремящегося лишь максимально укорениться в одномерно-овеществленной среде. И понимание победы как преодоления соперника любой ценой – как раз проявление такой одномерности. Поэтому духовно-нравственный масштаб Победы как категории экофилософского мировоззрения оказывается несовместимым с логикой

философии трансгуманизма, «опустившей» человека до уровня элементарной части чуждой его сущности системы и настойчиво снимающей духовность, осознание себя в контексте высших достижений Всемирной Истории и Культуры как неснимаемую характеристику человека- Победителя.

Вот почему необходима смена мировоззрения, которая позволит преодолеть «антропотехнологическую» слепоту восприятия реальности, «пропускающую» ее духовно-нравственный уровень. Характерно, что хотя и сегодня на московских сценах идут замечательные спектакли о Великой Отечественной войне, поставленные по произведениям советских и зарубежных писателей, а в открытом доступе можно посмотреть по-настоящему художественные фильмы, раскрывающие великий нравственный смысл и цену Победы, а все учебные заведения готовятся к встречам, посвященным ей, - но все это существенно не влияет на изменение ценностных ориентиров молодежи, социализированной в виртуально-игровых пространствах, техносфере современного общества и живущей в пространстве норм и стандартов массовой культуры.

Вектор экофилософии иной. Здесь Победа не ограничена поклоном, формой разового приношения дани уважения и памяти павшим. Феномен Победы востребован в ином измерении – как постоянная направленность на восстановление норм воспитания; как маяк-ориентир сознания общества на достижение своего достоинства и развитие самосознания. Победа здесь – это жизнеутверждение в мировоззрении и практических преобразованиях всех субъектов общества – и личности, и регионов, и культур, и страны, - и потому и мира в целом. В этой логике отсутствует эпатаж, установка на инновационность проекта или внешнюю престижность – напротив, здесь более существенным оказывается восхождение к великой традиции Победы 1945-го. Смысл этой победы во многом не в прошлом, а в будущем. И неизбежная победа живого и искреннего солдата, такого как Василий Теркин, здесь более значима, чем впечатляющие кадры военной техники и цифры, свидетельствующие о мощи военной машины всей Европы и Америки, их производственных концернов и не знающих сострадания солдат, готовых уничтожить все живое на нашей Земле. Востребованность Победы в контексте экологии человека и социальной экологии поэтому обусловлена здесь утверждением победы Человека над бездушным механически-машинным миром [3].

В силу этого развитие категории «победа» и ее нравственного смысла мне видится в открытии современных форм созидания *нового – не повторяющего прошлого (что невозможно и бессмысленно) – типа гуманизма – носителя бытиеутверждающих смыслов и показывающих путь реформирования систем современного образования, воспитания Человека, обеспечивающего перспективы Культуры и Природы. Развивая концепцию нового гуманизма, Ирина Бокова – Генеральный директор ЮНЕСКО - напоминает: «Своим рождением ЮНЕСКО обязана простой идее: «мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира. Преамбула Устава ЮНЕСКО совершенно определенно подтверждает гуманистический аспект всех теорий и конкретных действий в защиту мира.*

Однако если мир есть благо для человека, то именно человек несет за него ответственность, является его гарантом своими намерениями и волей» [4. С.12]. В изменившихся после Великой Отечественной войны исторических условиях необходима конкретизация принципов нового гуманизма на основе экофилософии и практики утверждения пространства Победы.

Развитие пространства Победы на основе экофилософии в проекте Возрождения-XXI прежде всего предполагает большую напряженную и постоянную работу, открывающую и в традициях великого прошлого, и в перспективах современности и целях будущего те мировоззренческие формы, которые могут быть переосмыслены в логике жизнеутверждения, развития самосознания на основе веры в Человека-Победителя. Именно в этом и смысл работы педагога, который в контексте Победы обучает студентов гуманистическому видению и освоению мира, таков смысл борьбы за торжество многополярного мира, в котором уже не работает принцип силы, а торжествуют взаимопомощь, сотрудничество и взаимоуважение страны и народов. И это - внутренний смысл истории, которая – несмотря на все беды современного мира, предательства и откаты назад – сохраняет свой культурно-гуманистический духовный код, укрепляя человечество на его магистральном пути к самовозвышению. Эта работа – не абстракция, за ней - уже начатые и проведенные дела, выраженные как в научных работах автора, в выступлениях на конференциях, так и в делах, совместных со студентами, аспирантами, педагогами и общественными организациями.

Таким образом, Победа как категория экофилософии в проекте Возрождения-XXI – это состояние бытия и содержание сознания личности, культуры, общества, в котором максимально полно выражены их сущность, включая исторические смыслы и нравственно-ценностные ориентиры в перспективе Жизни. Поэтому именно сегодня Победа, понимаемая как истина прогрессивного мира, как справедливость и гуманизм, духовность и творческая свобода, выступает важнейшим гарантом возвращения человека, региона, страны, человечества к самим себе и на этой основе к дальнейшему творчески-гуманистическому освоению и совершенствованию своей Культуры. В развитии такой логики и содержательности категории «победа» – залог сохранения Мира, Природы-Культуры Земли и планетарного бытия Человека с его Великими Победами, среди которых неснимаемо место победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Литература

1. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г /Под ред. Д.И.Дубровского, С.М.Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 352с.
2. Победа // <https://ru.wikipedia.org>
3. См.: Баркова Э.В. Феномен Сталинграда в историческом выборе современной России // Великая победа и ценности гуманизма: история, аксиология, идеология и культура. Материалы научной конференции. – М.: Изд-во РГГЭУ, 2010. С. 18-35
4. Бокова И. Новый гуманизм в XXI веке /душей цивилизации. – М.: ЛЕНАНД, 2014. / Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. – М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 12-17

Состояние и возможности формирования идентичности Новороссии

Актуальность темы стремительно растёт. На Украине устойчиво проявляются идентификационные размежевания регионов, вызванные слабостью оснований государственного единства. Неудача конструирования государственной идентичности на этнократической основе стала весомым фактором дезинтеграции Украины. От ответа: кем считают себя жители Донбасса, Слобожанщины, Нижнего Поднепровья, Одессы во многом зависит успех Новороссии.

Цель тезисов – определить состояние и ресурсы конструирования политической идентичности Новороссии в пределах Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Днепропетровской, Харьковской, Донецкой и Луганской областей.

Значительная часть жителей Юга и Востока проявляет двойную идентичность, что видно по выбору родного языка и языка повседневного общения. Значительно сказывается на самосознании уровень урбанизации и отраслевая специфика экономики. На Юге и Востоке сосредоточено 80% промышленного потенциала Украины [1,с.44]. По расчетам А. Кошика, Юг и Восток давали в 2004 г. 58% валовой добавленной стоимости и 54,4% налоговых поступлений в бюджет, $\frac{3}{4}$ объема реализованной промышленной продукции, 64% экспорта страны [2].

Юг и Восток осознают себя «переходными» территориальными сообществами [3,с.343]. Преобладающий фактор выбора идентичности – языковой. Украинское общество разделено пополам по приверженности языку в повседневном общении. По анкетному опросу, проведённому Киевским международным институтом социологии в 2004 г., в семьях 45% жителей страны говорит по-украински, 10% - на обоих языках, 45% - на русском [4,с.89]. На Востоке и Юге предпочитают русский язык. Важный аспект – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. Судя по опросу, проведённому Центром региональных исследований и стратегий, на Юге Украины весной 2011 г. доля считающих русский язык родным составляла 95-97%, выступали за придание русскому языку статуса регионального 43%, а второго государственного – 41% [5].

Региональная идентичность Юга и Востока проявлялась на всех выборах, начиная с 1990 г. В конце 1980-х гг. создано «Интернациональное движение Донбасса» под руководством Д. Корнилова, которое сделало символом черно-сине-красное знамя. 27 марта 1994 г. состоялся совещательный референдум, в котором приняло участие 72% избирателей в Донецкой области и 75% - в Луганской. За федеративное устройство и придание русскому языку статуса государственного высказались от 80% до 90% граждан, принявших участие в

референдуме [6]. Федеративные устремления получили выражение на Северодонецком съезде в 2004 г., принявшем решение о проведении в Донецкой и Луганской областях референдума.

«Водораздел» между прозападными и пророссийскими регионами Украины проходил по северным и западным рубежам Одесской, Николаевской, Днепропетровской, Харьковской областей. Юг и Восток проявлял неизменную поддержку пророссийских партий [7]. Так, на выборах в Верховную Раду Украины (октябрь 2012 г.) Партия регионов набрала 65,1% в Донецкой области, 57,1% - в Луганской, 52,3% - в Автономной Республике Крым, 46,9% - в г. Севастополе, по 40-41% - в Одесской, Запорожской и Харьковской областях, 35,8% - в Днепропетровской и 29,3% - в Херсонской области. Аналогичны распределения поддержки КПУ [8, с. 160-161].

Представляет интерес опрос, проведённый в июне 2011 г. Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в Николаевской, Одесской и Херсонской областях, Автономной Республике Крым (гнездовая пропорциональная выборка 2500 чел.). Гражданами Украины в первую очередь считали себя 46% респондентов, жителями города или местности – 31%, жителями области или группы областей – 10%, гражданами СССР – 9%. Но баланс сильно различался: в АРК и Херсонской области гражданами Украины считали себя 37-38%, а в Николаевской области – 66%. Очевидна зависимость распределений от этнической самооценки. Считали себя русскими 62% крымчан, 24% жителей Одесской области, 18% херсонцев и 14% жителей Николаевской области. Государственная украинская идентичность преобладала у 68% этнических украинцев и у 26% русских в 4 регионах. Установлена прямая пропорциональная зависимость между уровнем приверженности Украине и поддержкой прозападной геополитической ориентации [9, с.272-273, 282-283].

Эскалация конфликта идентичностей отчетливо началась с лета 2012 г. в связи с принятием закона Украины о региональных языках. Опрос Центра им. А. Разумкова (27 июля - 9 августа 2012 г.) во всех регионах (репрезентативная выборка 10979 чел., погрешность 1%) выявил различия идеологических и геополитических ориентаций. На Юге и Востоке Украины преобладала поддержка союза с Россией (14%) и коммунистических идей (8-9%). На Западе доминировала националистическая приверженность (29%)[10, с.60-61].

Результаты опроса, проведенного Центром «Социальный мониторинг» в ноябре 2012 г., о выборе между ассоциацией с Евросоюзом или участием в Таможенном союзе зафиксировали размежевания: существенно преимущество сторонников Таможенного союза на Востоке (54%) и Юге (74%); на Западе преобладали сторонники ассоциации с Евросоюзом (66%); соотношение равное в Центре [11].

Поддержка унитарного устройства, по сведениям социологической службы «Рейтинг», выросла в целом по стране с 50 до 61% за 2011–февраль 2014 г., а федерации – сократилась: с 25 до 24%. Именно в Донбассе за федеративное устройство выступало наибольшее число опрошенных – 59% [12].

Киевский международный институт социологии провел опрос 8-18 февраля 2014 г. (выборка 2032 чел. во всех областях Украины). 30% как основную причину конфликта указали «влияние Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». Но мнения резко дифференцированы по регионам: на Востоке и Юге так считали 57% и 44%, в Центре и на Западе – соответственно, 17% и 5%. Наименьший удельный вес тех, кто симпатизировал участникам «Евромайдана», на Юге – 20% и Востоке страны – 8% [13].

Анкетный опрос 8-16 апреля 2014 г., проведенный Киевским международным институтом социологии в 8 областях Юга и Востока Украины (выборка 3232 чел., погрешность 1,8%) [14], доказал резкое размежевание внутри региона. Отчетливо выделялись Донецкая и Луганская области, где в 1,5-2 раза ниже признание легитимности захватившего власть 22 февраля режима. Если по 8 областям считали «Евромайдан» оправданным протестом 41,7%, то в Донецкой и Луганской областях – соответственно, 20 и 26,8%. Далее по нарастанию поддержки «Евромайдана» последовательность: в Запорожской области – 43,7%, Харьковской – 47,5%, Одесской – 50,1%, Днепропетровской – 54,5%, Николаевской – 60,3% и Херсонской – 61,9%. Донбасс отчетливо выделялся неприятием нового режима. Небольшой перевес прозападных ориентаций выражен в Запорожской, Харьковской и Одесской областях. Преобладала поддержка нового режима в Днепропетровской, Николаевской и Херсонской областях.

Респонденты в Донбассе видели решение проблем в федерализации Украины и тесном сотрудничестве с Россией, а от 58,1 до 62,9% поддерживали воссоединение Крыма с РФ (в целом по Югу и Востоку был характерен паритет: за реинтеграцию Крыма 43,0 при 44,3% против) [14]. Поддерживали или «скорее поддерживали» мнение о том, что их регионам следовало отделиться от Украины и присоединиться к РФ, 30,3% жителей Луганской области, 27,5% жителей Донецкой области и 16,1% - Харьковской области [14]. В остальных 5 областях такие настроения слабы.

Данные тенденции проявлялись и по иным индикаторам идентичности в опросе 10-15 апреля 2014 г. Так, считали для себя главной угрозой «вторжение России» 6,4% респондентов в Донецкой области, 10,7% - в Луганской и, на контрасте, 36,2% - в Николаевской и 42,7% - в Херсонской областях [14]. Именно в Донецкой и Луганской областях – наивысший процент опрошенных, которые считали, что Россия справедливо защищает интересы русскоязычных граждан. Эти регионы резко выделялись поддержкой гипотетического ввода российских войск, экономических и политических ориентаций на Россию, а не на Евросоюз и США. Только в Донбассе угроза со стороны киевского режима оценивалась как более весомая, чем со стороны РФ. Индикаторы позиционирования сообществ Донбасса носят антиолигархический характер. Считали, что надо национализировать всю или только нажитую незаконно собственность олигархов, 73,2% респондентов в Донецкой области и 72,7% - в Луганской области (65,5% по всему Югу и Востоку) [14].

Имеют принципиальное значение итоги референдумов в Донецкой и Луганской народных республиках 11 мая 2014 г. В ЛНР явка составила, по данным организаторов, 75%. Выказались за независимость от Украины 96,2% явившихся [41]. В ДНР проголосовали 74,9% имеющих право голоса, за независимость выступили 89,7% явившихся [15]. Для сравнения, в выборах Президента Украины 25 мая 2014 г. приняли участие 3,22% в Донецкой и 4,79% - в Луганской областях [16].

Аналогичный конфликт проявлялся и в сентябре 2014 г., после жестоких карательных операций киевского режима. Степень поддержки вступления Украины в НАТО и «антитеррористической операции» в Новороссии остается крайне дифференцированной по макрорегионам. Итоги выборов в Верховную Раду Украины 28 октября 2014 г., подсчитанные в процентах от списочного состава избирателей (с учетом неявки) доказали географическую неизменность раскола «Запад – Восток». Он отчетливо выделяет области с повышенной поддержкой Оппозиционного блока и Коммунистической партии Украины (Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Запорожскую, Днепропетровскую, Харьковскую, а также оккупированные Украиной части Донбасса). В Харьковской области за Оппозиционный блок голосовало больше 32% избирателей, в Донецкой – 39%, в Луганской – 36%, в Днепропетровской – 24%, в Одесской – свыше 18%. КПУ набрала в Луганской области 12%, в Донецкой больше 10%, в Запорожской, Николаевской, Херсонской, Одесской и Харьковской – по 8-9%. Ареал оппозиции режиму распространился на Черниговскую, Сумскую, Черновицкую и Закарпатскую области [17].

По мере эскалации кризиса в Украине он перерос из партийно-идеологического в этнополитический. Начавшиеся 1 марта 2014 г. демонстрации на Юге и Востоке привели к провозглашению независимых Донецкой и Луганской народных республик. Как полагает О.Б. Неменский, требуется разработать доктрину новороссийской идентичности. Для её эффективности нужны: укорененность в исторической традиции; опора на сильные ценностные императивы – православие, человеческое достоинство; создание языка полемики и пропаганды, включающего сильную систему аргументов для работы с массовым сознанием [18, с. 28-30]. Историческими символами идентификации Новороссии могут стать победы в русско-турецких войнах и Великой Отечественной войне; полиэтничный и многоязычный характер сообщества, его экономические ресурсы; личности Екатерины Великой, П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, А.Э. Ришелье, героев советского времени.

Украина – «глубоко расколотое» общество. В нем отсутствовала устойчивая национальная идентичность большинства жителей. Устойчиво проявляются долгосрочные размежевания: центр–периферия (с преобладанием локальной идентичности), город–село, религиозность–секулярность, русскоязычные–украиноязычные территории. Пространственное распределение различных расколов совпадает, усиливая их конфликтогенный потенциал. Принятое деление Украины на отчетливо выраженные Запад, Центр, Юг и Восток неполно соответствует современному состоянию идентичности. Речь

должна идти об «ядрах» ареалов и об их перифериях, переходных от одного типа к другому.

Кризис украинского государства (2013–2015 гг.) сделал необратимым рост русской этнической и российской государственной идентичности в Крыму. Более сложные процессы идут в Новороссии вследствие гражданской войны. Вероятно критическое ослабление украинской идентичности и рост региональной – «новороссийской». Проявляется размежевание 8 областей Юга и Востока по линии выбора между европейской и евразийской интеграцией, отношения к кризису и государственному перевороту. Проукраинским (в порядке убывания) является общественное мнение Херсонской, Николаевской, Днепропетровской и Запорожской областей. Харьковская и Одесская области имеют средний потенциал развития региональной «новороссийской» идентичности. В 6 областях Юга и Востока Украины растёт конфликт идентичностей, но киевский режим ещё владеет инициативой в информационном пространстве. Гражданская война породила новые расколы территориальной идентичности внутри Юга и Востока, создавая препятствия для строительства Новороссии. Этот вызов ставит задачи поиска привлекательных ценностей, которые позволили бы деконструировать навязанную извне украинскую идентичность. Такой поиск может идти как в русле обоснования политико-культурного единства Новороссии, так и усиления влияния российской идентичности. ДНР и ЛНР являются «точкой роста» будущей федеративной Новороссии, которая может объединить ряд регионов бывшей Украины, не приемлющих нацизм. В конечном же счёте судьба Новороссии будет решена военными и дипломатическими средствами.

Литература

1. ДНР объявила о преемственности к Донецкой Республике, провозглашённой в 1917 году. Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1423248170>.
2. За независимость ДНР проголосовали почти 90%. ЦИК республики подвел итоги плебисцита. Режим доступа: <http://vesti-ukr.com/donbass/51191-za-nezavisimost-dnr-progolosovali-pochti-90-zhitelej-regiona>
3. Інформаційно-аналітичні матеріали «Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільна настрої та очікування (робоча версія): до круглого столу на тему «Україна напередодні парламентських виборів: чи справдяться очікування громадян». 26 вересня 2012 р.». Київ: Центр Разумкова, 2012. 105 с.
4. Князева Е.В. Самоидентификации населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. Одесса: ВМВ, 2013. С. 267-284.
5. Кошик А. Экономические противоречия между регионами: миф или реальность? Режим доступа: www.analitik.org.ua/publications/koshyk/
6. Кремень В. Україна: проблеми самоорганізації / В. Кремень, Д. Табачник, В. Ткаченко. Харьков: Промінь, 2003. Т. 2. 464 с.
7. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине / В. Малинкович // «Оранжевая революция». Украинская версия. М.: Европа, 2005. С. 29-64.
8. Мальцев В. Україну склеїть не удалось. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2014/10/30/1333099.html>
9. Марков С.А. «Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества // «Оранжевая революция». Украинская версия. М.: Европа, 2005. С. 65-90.

10. Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! Режим доступа: <http://www.km.ru/ukraina/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/>
11. Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014. Режим доступа: <http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598.html>
12. Неменский О.Б. Модели южнорусской идентичности на Украине // Вопросы национализма. 2014. №2(18). С. 20-31.
13. Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине. Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine>
14. Позачергові вибори Президента України 25 травня 2014 року. – Режим доступа: http://www.cvk.gov.ua/vp2014/wp095pt00_f001f01=702pt001f01=702pt049f01=5.html
15. Результативнаціональногоопитування IRI в Україні: березень 2014. Режим доступа: <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14086/>
16. 46% населения считают, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20121221/203597047.html>
17. Украина 2012: как выбирали народных депутатов. Украинские выборы глазами международных наблюдателей / Редкол. А. Кочетков и др. М.: Книжный мир, 2012. 319 с.
18. Черкашин К.В. Трансформация поведения избирателей Украины после «оранжевой революции». Режим доступа: www.electoralgeography.com/docs/cherkashin/cherkashin1.doc

УДК 321.01

Борисов В. И.,

Смоленский государственный университет

Теплицкий Ю. М.,

Луганский национальный аграрный университет

Духовные истоки Великой Победы (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.)

В круговороте ежедневных проблем мы обычно забываем о том, что все наши земные страсти происходят на поверхности совершенно крохотной (по космически меркам) песчинки, которая мчится сквозь бездны вселенского мрака с непостижимой скоростью – 95 тысяч километров в час. «Ничто так не волнует людей, как звездное небо над головой и нравственный Закон внутри нас», - отмечал Иммануил Кант.

Однако мы жили в прекрасном и жестоком, фееричном и разрушительном XX веке – веке, завершившем второе тысячелетие и открывшем дверь в третье. Не это ли является причиной глобальных войн, невиданной жесткости «просвещенных» обитателей XX-XXI столетий? Как человечество пришло к состоянию «уничтожающего прогресса» и губельного величия?!?

На древних и старых архитектурных сооружениях были разные надписи, символы эпох: в античности – «Познай самого себя» (храм Аполлона в Дельфах); в эпоху Ренессанса – «Делай, что хочешь» (Телемская обитель в романе Рабле).

Российский философ и публицист В. Кутырев так обобщил цивилизационные идеи и лозунги прошлого:

Цивилизационные эпитафии времени:
XIX век: «Сумерки богов», «Бог умер»,
«Да здравствует человек!».
XX век: «Преодоление человека»,
«Смерть человека», «Да здравствует наука!».
XXI век: «Помрачение разума»,
«Становление сверхинтеллекта»,
«Да здравствует Большой брат (компьютер)!».

Цивилизационные лозунги времени:

Реализм: Как я тебя люблю.

Модернизм: Ты бы мне нравишься.

Постмодернизм: Я тебя бы нравишься, ты как мне люблю.

При этом в середине XX века сердце Европы обогатилось чудовищными антиидеями: «Каждому – свое» (ворота в Бухенвальде). Последний лозунг был «развит» далее. Вот три лозунга-директивы нацистской ксенофобской доктрины: «Техника обезличивания» (Гитлер), «Ставка на негодяев» (Геринг), «Вперед, по могилам» (Геббельс). Фашизм – анахронизм истории? И да, и нет. За последние три с половиной тысячелетия весь цивилизованный мир прожил без войн всего 230 лет, уничтожение себе подобных – доминанта бытия человечества.

Все тысячелетия известной нам истории «человека разумного» идет напряженный, интуитивный, а порой и сознательно – целеустремленный поиск – чем же заполнить ценностнодуховную матрицу поколений, пришедших в сей мир, чтобы человек был воистину Человеком с большой буквы и даже разумным, а не обратился в кровавое всеразрушающее чудовище – Геростратов, Неронов, Гитлеров и им подобных, чтобы плодами нашей жизни была «красно украшенная» матушка земля, а не пепелища Хиросим и Нагасак!?

Это столь важно и актуально, ибо известно, что духовная определяющая матрицы отдельного человека, этноса державы и цивилизации опосредствует их место в мировой табели о рангах.

Так неведомые до этого народы, заложив в свою матрицу развития исторический драйв и оседлав гребень цивилизационной волны, из гонимых и попираемых становились властелинами мира, повелителями духовно деградировавших либо стагнирующих до этого великих и несокрушимых соседей по континентам!!!

Российский историк В. Соловьев еще в конце XIX века со страстью искал возрождения человека и общества на качественно преобразованных началах, при которых особенности и отличия этносов и держав перестанут быть границей, а станут основанием положительного соединения.

Осмысливая эти положения, российский историк Л.Н.Гумилев дает следующий ответ на данную фундаментальную проблему: «Всякая культура, развивающаяся на перекрестке субэкумен, может породить новый синтез и стать центром новой группировки культур. Такие процессы начались в Тибете, еще раньше в Византии, но субэкументальные узлы, образовавшиеся там, были «смяты» историческим процессом.

Духовный взлет России в XIX веке вызвал у Шпенглера ожидания, что Россия станет новым культурным центром мира. В этом свете (почти как Белый и Блок) Шпенглер воспринял и революцию. Такие надежды до известной степени разделял А. Тойнби. На сегодняшний день вопрос остается теоретически открытым». России, Украине и славянскому миру для достижения величия и процветания необходимы великие созидательные идеи нового мироустройства, базирующиеся как на тысячелетней ментальности славянства, так и синтезе культурных и цивилизационных основ Запада и Востока.

А. Тойнби на основе этого заключал: «Наши потомки не будут лишь западными жителями, как мы. Они будут наследниками Конфуция и Лао-цзы, так же как и Сократа, и Платона, и Плотина, наследниками и Гаутамы Будды, так же как и Иисуса Христа, наследниками Заратустры и Мухаммеда, так же как пророков Илии и Елисея, и апостолов Петра и Павла...» (66, 133)

За всю обозримую историю только те этносы, державы цивилизации достигали процветания и величия, которые продуцировали судьбоносные идеи развития и выдвигали гениальных представителей для их воплощения. Так, у Мухаммеда, основоположника ислама, в начале его деятельности было всего 43 последователя, Иисуса Христа окружала горстка учеников. Вскоре их последователи насчитывали сотни тысяч, затем десятки миллионов, в настоящее время счет идет на миллиарды.

Основоположник инквизиции Игнатий Лойола в начале своей деятельности имел всего лишь 6 последователей, Чингиз-хан – не намного больше, однако вскоре, вовлекая в орбиту своего влияния миллионы людей, завоевал значительную часть известного тогда мира.

Каковы же цивилизационные, религиозные и этнонациональные идеи народов мира за прошедшие тысячелетия?

«Прекрасно-доблестный человек – основа процветания и мощи державы, воздаяния же героям – память в веках» - цивилизационная идея Эллады.

«Весь мир – зона жизненных интересов Римской империи. Все народы либо ее союзники, либо данники, либо враги, к которым применим принцип: «Карфаген должен быть разрушен» - Римская идея однополюсного мира.

«Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать» - цивилизационная идея Руси.

«Православие, самодержавие, народность» - цивилизационная идея Российской империи.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» - цивилизационная идея СССР.

«Солнце никогда не заходит над Британской империей» - цивилизационная идея Англии.

«Германия – превыше всего» - цивилизационная идея Германии.

«Америка – страна равных возможностей» - цивилизационная идея США.

Какова же Великая Созидательная сверхидея, которая выведет из системного кризиса не только славяно-евразийскую цивилизацию, но и весь современный мир, погрязший в противостоянии «золотого миллиарда» и всего прочего мира, обращенного им в «гумус» своего роста и бытия, что ставит планету в ситуацию «гибели всерьез»?

Славянский мир «лежит» на «тектоническом разломе» Запада и Востока, двух противоположных ментальностей, мироощущений. Это в значительной мере предопределяет необычную, неординарную, трагическую историю славянства, столь обильно «приправленную» кровью, войнами, революциями, всякого рода потрясениями, неизбывной трагичностью бытия.

Прошлое необходимо осмыслить и постичь, ибо прошлое, настоящее и будущее – звенья единой исторической цепи событий. Из элементов прошлого мы «конструируем» настоящее и будущее и поэтому без его осмысления нам не построить ни гармоничное настоящее, ни «светлое» будущее.

Прошлое «давит» только до тех пор, пока оно укрыто тьмою незнания. Осмыслив и расставив все на свои места, осознав свое прошлое, мы превращаем его из непосильной ноши в живой опыт, в опору и надежду завтрашнего дня.

История славянства за уходящее тысячелетие – великая в своей трагичности и трагичная в своей величии – со всей остротой поставила вопрос – «Что век грядущий нам готовит?»

Доминантной истории славянского мира за прошедшие тысячелетия его развития является его уникальная историческая миссия, которая заключается в интеграции векторов развития как западной, так и восточной цивилизаций, что в условиях глобализации имеет определяющее значение.

Литература

1. Теплицкий Ю.М. «Запад» - «Восток» и феномен славянской цивилизации. История и альтернативные сценарии развития – К.: Аристей, 2005.
2. Теплицкий Ю.М. Национальная идея: Украина, Россия и мир в XXI столетии («Золотой век» или апокалипсис?) – К.: Аристей, 2007.
3. Фридман Т. Жаркий, плоский, многолюдный. Кому нужна «зеленая революция» и как нам реконструировать Америку – М.: А.Т. Астрель, 2011,
4. Если бы земля была деревней? – «2000». -2005, «Аспекты», 28 февраля – 3 марта. – с. 1.
5. Харви Д. Самое время для революции. – «Итоги», 2011, № 18(300), 4-10 мая.
6. Бауман Э. Текучая современность – Спб: «Питер», 2008.
7. Борисов В.И., Денисенкова Н.Н., Теплицкий Ю.М. Глобализация: история, современность, будущее – Смоленск: Изд-во «Свиток», 2013.
8. Нежданов А. Жизнь в пузыре: информационную тюрьму выстроим себе сами. – «2000». - 2012, № 3 (590), 20-26 января, с. 4.
9. Рутковский А. Проблемы размножения бесславных ублюдков – «2000» - 2013, № 4 (639), «Аспекты», 25-31 янв. с. 1.
10. См.: Леонтьев А. Шизокапитализм. Сверяясь с индексом борща – «2000», «Свобода слова», 2011, № 13 (352), с. 2.

Исторические предпосылки раскола Украины

После 1991 года мы стали свидетелями распада Югославии и Чехословакии. Конец этих государств был во многом закономерен, ведь они состояли из достаточно сильно различающихся регионов, объединенных в рамках государственных границ лишь волей политических элит. В 2014 году начался распад еще одного европейского государства – Украины. Во многом события в этой стране были спровоцированы влиянием извне, однако причины произошедшего крылись в самом устройстве этой страны. Несмотря на то что она была объявлена унитарным государством, на деле Украина представляла собой объединение нескольких регионов, обладающих собственной историей и менталитетом.

Центральную часть страны занимает Малороссия – земли древней Руси с центром в Киеве. В позднем средневековье эта земля завоевана Речью Посполитой, а в состав России вошла в 17 веке при Богдане Хмельницком. Собственно это и есть настоящая Украина. С востока к Малороссии примыкает Слобожанщина со столицей в Харькове. Во времена Московского царства Харьков был пограничной крепостью, вокруг которой правительство разрешило поселяться православным беглецам из Речи Посполитой. Сейчас это один из интеллектуальных и промышленных центров страны. Западная Украина была захвачена поляками в четырнадцатом веке и вплоть до 1939 года эта земля никогда больше не входила в состав русского государства. За это время местное население сильно изменилось, приняло новую религию (грекокатолицизм), создало собственную культуру и ментально стало ближе к европейцам, чем к остальным украинцам. Одновременно и их язык сильно полонизировался, превратившись в отдельный диалект. В Первой и во Второй мировых войнах уроженцы этого края воевали против России, так что русофобия тут имеет давние традиции. По сути, совершенно отдельным миром является Закарпатье, населенное, помимо украинцев венграми и русинами.

Весь плодородный юг Украины занимает Новороссия. Этот регион возник в восемнадцатом веке после того как Российская империя разгромила Османскую и вассальное ей Крымское ханство. В качестве трофеев победителям достались огромный, безлюдный, но потенциально очень богатый регион, простиравшийся от Молдавии до Кубани. Вскоре началась колонизация этой земли, названной Новороссией. Сюда пошел поток переселенцев, причем не только из центральной России. Земли для поселения без всяких проблем получали немцы, сербы, болгары, греки и армяне. Именно в это время возникли те города, которые и сейчас по праву считаются экономическими, культурными и промышленными центрами страны: Одесса, Николаев, Мариуполь, Днепропетровск (Екатеринослав), Запорожье (Александровск), Херсон.

Естественно, что тут возникли своя ментальность и культура, делающая жителей края непохожими на своих северо-западных соседей-украинцев. Чуть позже, в девятнадцатом веке, начался стремительный взлет одной из частей Новороссии - Донбасса.

В рамках советского проекта все эти регионы были объединены в одну Украинскую Советскую Социалистическую республику, к которой в 1954 году был присоединен Крым, мнением жителей которого никто даже не поинтересовался.

После 1991 года Киев повел курс на унификацию ставшей независимой Украины и попытался навязать всей стране ценности, характерные для её западной части. С центральной частью республики проблем не возникло, а вот у жителей формально несуществующей Новороссии пошло отторжение «западенских» ценностей. При этом для многих это был вовсе не политический выбор, а отторжение украинства как чего-то чуждого на подсознательном уровне «свой-чужой». Так что несмотря на годы украинизации, этот край остался в культурном поле Русского мира. Майдан в 2004/2005 году наглядно продемонстрировал раскол Украины на два больших лагеря, которые условно можно обозначить как националистически-прозападный с центром во Львове и прорусский с центрами в Крыму и Донбассе.

Так что при продолжении давления на юго-восточные регионы распад Украины был неизбежен, на что обращали внимание многие авторы.

При этом первая попытка русских регионов выйти из состава страны состоялась еще в мае 1992 года, когда Верховный Совет Крыма принял Акт о государственной самостоятельности Крыма и Конституцию, закреплявшую равный статус русского, украинского и татарского языков. Верховная Рада Украины отменила крымский Акт, но крымский сепаратизм из фантома превратился в факт политической жизни. В 1994 году Крым выбрал своего президента, которым стал лидер Республиканского Движения Крыма Юрий Мешков. Лозунг «Крым в состав России» постепенно начал реализовываться. Началось все с чисто символического перехода полуострова на московское время. Затем, опираясь на пророссийские силы региона, Мешков попытался проводить решительную политику, сменил руководителей силовых ведомств, но справиться с экономическим кризисом не смог. Вдобавок в его окружении начались разногласия, которые скорее всего, подогревались Киевом. В итоге между крымским президентом и парламентом началось противостояние, третейским судьей в котором выступил Киев, тем самым вернувший себе контроль над ситуацией. Затем полномочия крымской власти были серьезно урезаны, а пост президента упразднен. В соответствии с законом Украины «Об отмене Конституции и некоторых законов Автономной Республики Крым», полуостров фактически лишился всех полномочий, хотя юридически провозглашался Автономной Республикой. Кроме внутренних противоречий, в неудаче крымских начинаний во многом виновата и позиция России. Ведь Мешков делал все для сближения с Москвой, но Ельцину не нужен был конфликт с Украиной, а потому симферопольские инициативы не нашли поддержки в Кремле. Президент Украины Леонид Кучма вспоминал: «Когда

возникла сложная ситуация в Крыму, тамошний президент Мешков и его правительство стали говорить чуть ли не об отделении полуострова от Украины, я позвонил по телефону Борису Николаевичу [Ельцину]. Он абсолютно адекватно понял ситуацию и соответствующим образом отреагировал» [1]. Так русское движение Крыма получило серьезный удар, а возвращение полуострова в состав России было отложено на 20 лет.

В отличие от крымчан донецкая элита, защищая свои интересы, до последнего момента делала ставку не на сепаратизм, а на политическую и экономическую экспансию на Украину. Гигантский потенциал Донбасса позволил представителям этого региона достичь такого влияния, что дончане в конце концов заняли посты президента, премьера и спикера парламента.

Лишь после государственного переворота 2004 года в регионе появились идеи обособления от Киева. Однако тогда между элитой Украины и Донбасса был достигнут компромисс, и регион остался в составе единой страны. И всё же после очередного майдана зимой 2013/14 г. и начала наступления украинских националистов на их права жители Донбасса приняли решение о суверенитете своей родины.

Стоит отметить, что родившаяся на наших глазах Донецкая Народная Республика – вовсе не первое государственное образование, созданное местными жителями.

Давайте сделаем небольшой исторический экскурс. После походов Тамерлана в конце четырнадцатого века эта некогда достаточно населенная земля обезлюдела и получила название «Дикое поле». Затем восточная часть территории Донбасса входила в состав Области Войска Донского, а ее большая западная часть была подконтрольна Крымскому ханству. Летом 1599 года боярин Богдан Бельский, отправленный в военную экспедицию на Северский Донец, основал крепость Царев-Борисов. С этого момента можно говорить о русской экспансии на земли будущего Донбасса. В 1721 г. русский рудознатец Григорий Капустин открыл залежи каменного угля у реки Кундрючей – притока Северского Донца. Позднее по приказу Петра I были снаряжены еще две экспедиции для геологоразведки, и с 1724 года началась промышленная добыча угля в Донбассе.

После русско-турецкой войны 1735-1739 гг. практически весь Донбасс окончательно вошел в состав Российской империи. Началась активная русская колонизация края. К концу девятнадцатого века Донбасс становится одним из ведущих промышленных регионов. Здесь работают крупные казенные металлургические заводы, активно развивается угольная, металлургическая и коксохимическая промышленность. Именно в это время Донбасс складывается в единый взаимосвязанный экономический регион, охватывающий Екатеринославскую, Харьковскую и частично Херсонскую губернии и Область Войска Донского. Вопрос о выделении Донбасса в особую административную единицу ставился не раз. В начале 1917 года был даже создан правительственный орган Временный Донецкий комитет, чьей задачей было планирование экономического развития Донбасса как единого комплекса.

После отречения Николая Второго от трона территория Российской империи осталась практически без центрального руководства. Временное правительство с обязанностями явно не справлялось, и держава пошла в разнос. Но раз власть Центра ослабла, то быстро нашлись желающие воспользоваться этим на местах. Так, в Киеве группа товарищей назначила себя украинским правительством и назвала себя Центральной Радой. Временному правительству было не до выяснения подробностей. Центральную Раду в Петрограде признали и даже согласились с созданием то ли автономной, то ли самостоятельной Украины. Единственное, все никак не могли договориться о границах нового политического образования. Киевские делегаты в столице бывшей империи в июне 1917-го пытались добиться признания своей юрисдикции над огромными территориями Юга России. В результате пришли к консенсусу: три новороссийские (Екатеринославская, Херсонская и Таврическая), Харьковская и частично Черниговская губернии изымались из числа территорий, подконтрольных Центральной Раде. [2]

Пока киевские и петроградские политики спорили, жители пяти спорных губерний решили самостоятельно определить судьбу региона. Уже в апреле 1917 года в Харькове собрался I Областной съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов, который учредил Областной комитет Донкривбасса и принял положение об организационной структуре Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. 13-16 июля 1917 года в Харькове состоялась областная конференция РСДРП(б), которая создала собственный обком. Своим руководителем большевики выбрали любимца народных масс, человека с легендарной судьбой, Федора Сергеева (Артема).

После октябрьского переворота Центральная Рада провозгласила создание Украинской народной республики (УНР). Украиной объявлялись не только Киевская, Подольская, Волынская, Полтавская и вся Черниговская губернии, но и Екатеринославская, Харьковская, Херсонская и Таврическая (без Крыма). В ответ пленум Исполкома Советов Донкривбасса осудил заявление Центральной Рады и высказался против посягательств Рады на территорию Донбасса. В тот день прозвучали слова Артема о необходимости создания “независимой от киевских центров самоуправляющейся автономной Донецкой области”. В это же время украинские большевики попытались взять власть в Киеве, но когда в Киеве собрался I съезд Советов Украины, оказалось, что большевики находятся в абсолютном меньшинстве. Потому украинские большевики отправились в Харьков, где как раз проходил III съезда Советов Донкривбасса. После прибытия киевских беглецов съезд переименовали в I съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Украины, и 25 декабря по новому стилю было объявлено о создании Советской Украины. Название нового государства сохранялось то же, что и у Центральной Рады, - Украинская народная республика. Возглавил это образование коммунист-украинец Николай Скрыпник. Стоит отметить, что киевские и донецкие большевики относились друг к другу весьма прохладно. Киевляне утверждали, что Донкривбасс – часть Украины, а значит, должен подчиняться им. Донецкие товарищи объясняли, что Донкривбасс – вполне самостоятельное

образование. Тем более что ни экономически, ни культурно с Украиной он не связан, а население края преимущественно русское. Дело дошло до того, что мирить большевиков из Москвы прибыл Серго Орджоникидзе. Временно ситуацию удалось успокоить, но как только революционные войска взяли Киев и туда переехали органы власти советской УНР, в Харькове тут же собрался IV съезд Советов Донкривбасса, и 9 февраля 1918 года была провозглашена независимость Донецко-Криворожской республики (ДКР). [3] Через пять дней было сформировано правительство ДКР. Однако долго республика не просуществовала, так как была завоевана войсками кайзеровской Германии. Её правительство, армия и несколько десятков тысяч гражданских специалистов отошли на соединение с Красной Армией к Царицыну. После поражения Германии в Первой мировой войне ее войска покинули территорию Донбасса. Однако не успела там установиться Советская власть, как регион был занят Вооруженными силами Юга России, и там была установлена белогвардейская администрация. Окончательно Красная Армия заняла Донбасс в начале 1920 года. Все это время шла подковерная борьба большевиков-сторонников создания ДКР с большевиками-украинцами. Ведь последним, чтобы удержаться у власти, требовалось уравновесить классово-чуждую, «несознательную» сельскую массу Малороссии донецким пролетариатом. В конце концов, в спор Украины и Донбасса вмешалась Москва, и было приказано считать Донбасс частью Украины. В регионе началась повальная украинизация. Николай Скрыпник, первый глава правительства Советской Украины, видел главную задачу коммунистов Украины так: “Для того чтобы осуществить свои классовые, пролетарские, коммунистические задачи, рабочему классу на Украине нужно, обязательно нужно не отождествлять себя с русским языком и с русской культурой, не противопоставлять свою русскую культуру украинской культуре крестьянства” [4].

Впрочем, с этим решением на местах не смирились, и в феврале 1920-го в Юзовке (ныне город Донецк) прошел съезд волостных ревкомов Юзовского района, который заявил: “Съезд настаивает на быстром экономическом и политическом слиянии Донецкой губернии с Советской Россией в едином ВЦИК Советов”. Однако несмотря на сопротивление донецких автономистов, регион так и остался в составе УССР.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что события 2014 года стали не случайностью, а лишь закономерным продолжением давней борьбы жителей Крыма и Донбасса за право на самостоятельность.

Литература

1. Бунтовский С.Ю. Почему восстал Донбасс. Загл. с экрана http://vybor.ua/article/sistemnyye_problemy_gosudarstvennosti/pochemu-vostal-donbass.html
2. Максим Калашников, Сергей Бунтовский. Независимая Украина: Крах проекта. — М: Фолио, 2009. — 416 с.
3. Иванов А.А., Бунтовский С.Ю. Донбасс: Русь и Украина. Донецк, «Цифровая типография», 2013. — 238 с.
4. Бунтовский С.Ю. Украина: русский взгляд. Очерки истории. Донецк, Ноулидж, 2014. — 645 с.

Память о немеркнувшей славе нашего народа как основа патриотического воспитания молодежи

Память о славном подвиге даже одного человека, тем более о подвиге целого поколения – это святыня для народа. Она – тот бесценный груз, с которым мы живем, строим будущее, сверяем свои поступки с героическим прошлым истинных патриотов нашего Отечества.

Никогда не померкнет в веках память о подвиге нашего народа в Отечественной войне 1812 года, в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., о борьбе патриотов Донбасса против киевской хунты, бандеровщины и националистов разных мастей, навязавших гражданскую войну мирному и трудолюбивому народу пролетарского края.

Великий гуманист и патриот своей Родины Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил: «Память – основа совести и нравственности. Хранить память – это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память – наше богатство».

Моему поколению, а это люди, которым сегодня уже за восемьдесят, была уготована судьба: начать свою жизнь с малолетства в условиях войны советского народа с немецко-фашистскими оккупантами, а в последние годы своей жизни, т.е. сейчас, переживать тяготы гражданской войны, которая ведется киевской хунтой против собственного народа. Очень печальная судьба, и добавить к этим словам просто нечего...

Память о той проклятой войне с фашистами навсегда поселилась в моем сердце. Уже позже – в студенческие годы я со своим другом Анатолием Назаренко, обучаясь в Ростовском государственном университете, написал стихотворение «Воспоминания о войне» [1,с.116], которое четко обозначило состояние души детей и подростков...

Ну, что ты, память, виснешь тяжким грузом
Как будто вес пудовый на спине?
В год сорок первый малым-карапузом
Вступил я в жизнь навстречу той войне.

Она еще как будто бы в сторонке
Готовила жестокий лозунг: «Ты убей!»
Подписывала лихо похоронки
Готоя бланки пленов и смертей.

Потом взмахнет сурово черным дымом
И навсегда отравит сердце мне.
Уйдут на фронт отец и мой дядя,
Чтоб навсегда остаться на войне.

А я с друзьями выучил «Катюшу»
И тем бойцам, что встретил на пути,
Пел много раз, в беседах был послушен,
Чтоб душу им перед боем отвести.

Ах, память, - слышишь, в этом мире где-то
Вновь о добре взывает чья-то боль.
Фронтовики и ныне ждут добра и света,
А им всё снится тот последний бой.

Мне в неполные двенадцать лет пришлось трудиться подсобным рабочим в кузнице, ездовым на посевных работах, участвовать в уборке урожая и сборе колосков зерновых культур на полях...

Позже, после войны, Указом Президиума Верховного совета СССР я был удостоен медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а затем Указами Президентов Украины награждался юбилейными медалями:

– «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Указ Президента Кучмы Л.Д.;

– «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Указ Президента Ющенко В.А.;

- «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Указ Президента Януковича В.Ф.

А также медалями «За верность Присяге», «Защитнику Отечества», «Маршал Советского Союза Жуков».

Память – это не только духовное состояние человека, его чувства и переживания о прошлых или происходящих событиях в обществе, где он проживает. Память влияет на конкретные действия субъекта в процессе трудовой деятельности, в межличностных отношениях.

Память положительно влияет на чувства привязанности к тем местам, где человек родился и вырос, на уважительное отношение к языку своего народа; на проявление заботы об интересах малой родины, она проявляется в отстаивании чести и достоинства родной страны.

Память любого человека с течением времени и увеличением его возраста может притупляться и даже исчезать. Может исчезнуть и память поколений, если не прилагать усилий к развитию патриотических чувств людей, и в этом направлении всем нам надо напряженно работать.

Что такое патриотизм?

Многие мыслители и педагоги прошлого, раскрывая роль патриотизма в процессе личностного становления человека, указывали на его многостороннее формирующее влияние.

Так, Ушинский К.Д. считал, что патриотизм является не только важной задачей воспитания, но и могучим педагогическим средством. Он писал: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную

опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями» [2, с.160].

В толковом словаре Владимира Даля слово «патриот» означает «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник», [3, т.3, с.24].

По мнению многих ученых, патриотизм всегда был и остается нравственным и политическим принципом, социальным чувством, содержание которого выражается в любви к своему Отечеству, преданности ему, гордости за его прошлое и настоящее, стремлении и готовности его защищать. Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками борьбы за свободу и независимость Родины.

9-го мая 2015 года весь прогрессивный мир нашей планеты будет отмечать 70-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Сейчас в большинстве стран мира ведется подготовка к этому великому празднику. Используются многие прежние и новые формы патриотического воспитания молодежи, проявляется забота о ветеранах войны, тружениках тыла, детях войны. Вот некоторые эффективные формы патриотического воспитания:

- создание многопрофильных музеев, открытие тематических выставок. Примером может служить организованная на ВДНХ (Москва, Россия), в павильоне Украины выставка, повествующая о жестокости и зверствах бандеровцев и националистов на юго-востоке Украины. Здесь не только представлены экспонаты, но и обеспечено присутствие живых свидетелей страшных событий войны – жителей городов и сел Донбасса, которые рассказывают экскурсантам о тех пережитых ими зверствах;

- участие педагогов и студентов в научно-практических конференциях, посвященных 70-летию Великой Победы;

- сбор бесценных материалов о событиях военных лет: наград участников боев, треугольников писем с фронта, фотографий, воспоминаний о военном времени родных и близких погибших героев и множество других очень полезных дел в организации патриотического воспитания молодежи.

Все эти и другие активные формы патриотического воспитания могут и должны использоваться в каждом вузе, школе, техникуме.

На фоне всего этого выглядят кощунством действия киевской власти накануне 70-летия Великой Победы многомиллионного советского народа над фашистской чумой:

- принятие решения об отмене празднования Дня Победы вообще;

- официальное признание вояк УПА участниками войны и предоставление им соответствующих льгот;

- отмена всей героической символики, отражающей подвиги народа в борьбе за Победу, утверждающей справедливость, честность, дающей возможность воспитания патриотизма среди молодежи и т.д.

Безумцы правят бал, правители, у которых потеряна честь и совесть, марионетки в руках кукловодов из США и Европейского союза!

Хочу особо подчеркнуть в докладе пример невиданного патриотизма и преданности интересам своего родного вуза руководителя ЛНАУ В. Г. Ткаченко и ее помощников.

Какую цену собственного здоровья, напряженного труда, страха и переживаний за судьбы многотысячного коллектива, сохранение животных учебно-опытного хозяйства, учебной и научной базы, общежитий, столовой, Дворца культуры студентов и т.д. заплатила наш ректор университета, профессор Валентина Григорьевна Ткаченко, знает только Бог.

Она ни на один день, ни на час не оставляла без своего внимания и заботы всех вопросов жизнедеятельности сотен людей и хозяйственного комплекса вуза. Поистине это высочайший подвиг женщины – талантливого руководителя многотысячного коллектива, учителя и воспитателя молодежи, достойного гражданина нашего Отечества, человека величайшей ответственности, чести и справедливости. Эти качества у нее проявились, когда в стране царила жестокая несправедливость и разрушения, кровавая бойня, организованная киевской хунтой против собственного народа в Донбассе.

Рядом с Валентиной Григорьевной мужественно трудились надежные помощники и соратники, патриоты учебного заведения: первый проректор Вадим Петрович Матвеев; проректор по научно-педагогической работе заочного и дистанционного образования Ольга Анатольевна Прохорова; проректор по финансово-экономическим вопросам Людмила Семеновна Евсюкова; главный бухгалтер Клавдия Александровна Куприк; заместитель декана экономического факультета Игорь Анатольевич Денисенко; директор учебно-научно-производственного комплекса «Колос» Николай Геннадиевич Гарькавченко; работники приемной комиссии университета Юрий Николаевич Бабак и Алла Николаевна Щеглова; председатель студенческой профсоюзной организации Валентина Ивановна Шепитько и многие другие.

Это люди высокого долга и ответственности. Они в сложнейшее военное время (время обстрела территории университета) добросовестно делали свое дело: организовывали четкую работу всех служб по кормлению и охране животных, которых в хозяйстве несколько тысяч голов; заботились об охране пасеки, биологических лабораторий и сельскохозяйственной техники.

Невозможно было без слез и восхищения слушать рассказ о том, как директору учебно-научно-опытного агрокомплекса Николаю Геннадиевичу Гарькавченко и его надежным помощникам (заведующему кафедрой растениеводства Николаю Васильевичу Ковтуну и главному агроному Сергею Юрьевичу Шаповалову) чудом удавалось на стареньких «Жигулях» (под обстрелами!) передвигаться по полям учебно-опытного хозяйства, чтобы собрать тыкву, свеклу, кукурузу, траву для кормления животных. И всё это ежедневно и по несколько раз в день!

Вызывает восхищение и радость, как несколько десятков людей – работников учебно-научно-производственного комплекса – могли справляться с огромными объемами работ в невыносимых условиях: без освещения, без бензина; они носили воду и корм животным вручную. Иначе как массовым трудовым подвигом славных людей это не назовешь. Все это позволило

выдержать и выстоять. Надо добавить к этому, что в силу известных причин сотрудники ЛНАУ не получали зарплату, им не платили пенсии, продолжительное время отсутствовала гуманитарная помощь, не работало отопление помещений, не было света, не работала телефонная связь...

Осмысливая все это, осознаешь, что киевским «лжевождям» и националистам пора понять, что народ Донбасса нельзя победить ни при каких обстоятельствах и он, этот мужественный народ, добьется права самому строить свою жизнь, какие бы меры и действия ни предпринимала хунта и её покровители из США и Европейского союза.

События прошлых и сегодняшних дней постоянно жгут горечью наши сердца.

Свое душевное состояние я выразил в стихотворении «Обращение к брату, когда на нашей земле идет война»[4, с.144].

Ты помнишь, брат, наше военное детство:
Ревут самолеты и пули свистят,
Проклятое время фашистского зверства,
Надежда одна - на советских солдат.

И они принесли спасенье Европе:
Зверя добили, сожгли на корню.
Фашисты клялись о мире «до гроба»
Нюрнберг подытожил, проставив черту.

У фашистского зверя – звериная личина:
Идея одна – для людей геноцид,
Мы знали тогда – наступит кончина
Армия фашизму сломает хребет.

Сегодня у хунты иная задача:
Под гаслом миротворцев –«надо карать!»
А армия ныне – сброд неудачи
За деньги готова свой народ убивать.

Ныне, брат, опять идут бои,
Нас убивают лишь за то, что мы славяне.
Хунта власти шлет свои полки
На нашу землю, где сплошные раны.

Дядя Сэм увидел себе сенс,
Что в недрах наших залегают газ.
Он слугам в Киеве отдал наказ:
«Очистить землю, допустить лишь нас»...

Но всё видит Бог, и будет суд!
Над палачами мирного народа,
Того, кто землю защищает, славит труд
Во славу мира, счастья и свободы.

А вы, враги, сгорите в пламени греха
И захлебнётесь человеческой кровью!

Ваш род весь будет проклят на века
За боль и горе нашего народа.

Запомни, брат, что верить всем не стоит,
Особо тем, кто много говорит
И рожу миротворца строит,
Когда в Отечестве земля горит.

Запомни брат, ты хорошо запомни –
Кто друг, а кто народу - враг!...

Хочу сказать вам, друзья, что по решению нашего руководителя В. Г. Ткаченко создана редакционная коллегия, занимающаяся подготовкой Книги Памяти. В этом издании многие работники университета и студенты расскажут о своих делах и переживаниях в дни жестокой борьбы в 2014 году с киевской хунтой, бандеровщиной за свободу и право жить не по принуждению, а по справедливости и правде.

Литература

1. Богачев В.И. Избранное в четырех томах. Т.1. Поэзия. – Луганск: «Янтарь», 2013. – С.116.
2. Ушинский К.Д. Педагогика: Учебное пособие. – Москва: Высшая школа, 1977. Т.2. – С.160.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, 1955. – Т.3 С.24.
4. Богачев В.И.Избранное в четырех томах. Т.4.Повести,рассказы, стихи. – Луганск: «Промпресса»,2015. – С.144.

УДК 947.084.8

Чернышев А. С. ,

*Курский государственный университет
psychology@kursksu.ru*

Социальная психология детства на оккупированной территории: утраты и силы противодействия злу (из воспоминаний автора)

Специфика детства как социального института проявляется в торжестве Радости – Счастья – Праздника Жизни, которые в полной мере обеспечивают благополучную биологическую, и особенно – психологическую помощь ребенку и дают ему то, что называется «человечным в человеке» – личность, сознание, духовность, душевность. В итоге закладывается смысл жизни: стремиться к людям, чтобы оказать им помощь, отдать свои силы любимому делу, которое приносит пользу стране и людям...

Так выглядит социально-психологическая структура детства как фактор социализации ребенка, стабильно функционирующая в мирное время и быстро изменяющаяся в военные годы. Особенно на оккупированных территориях [2].

С первых же дней войны многое было потеряно: ушли на фронт самые близкие люди, в семьи пришли большое горе и страх... С приходом оккупантов рухнула вся социальная функция защиты ребенка и возникла ситуация угрозы детству как явлению жизни... Были закрыты школы, больницы, детские сады, клубы, почта, блокированы каналы материального обеспечения: не выдавалась зарплата, кончились такие необходимые продукты, как хлеб, соль, а из предметов быта – спички, керосин, дрова и т.д. и т.п. Согласно доктрине рейхсляйтера М. Бормана, не рекомендовалось немецким медикам обслуживать население на оккупированных территориях [1].

Но самые тяжелые последствия наступили в социально-психологической атмосфере: реальные угрозы смерти (на глазах у детей немцы избивали и убивали их матерей, братьев и сестер, отнимали последнее имущество). И хотя эти трагические сцены происходили не так часто, они наводили ужас на длительное время, создавали обстановку напряжения, стресса. Стресс для детской души – страшная всеразрушающая сила.

... До сих пор с содроганием в душе помню, как немцы белым днем избивали сапогами моего двоюродного дедушку Ивана Николаевича Павлова, пытавшегося урезонить варваров, выбрасывающих ульи из омшанника, предлагая им дать меду из бочки. Когда же его невестка Мария вступилась за свёкора, ей выстрелили в голову. Остались сиротами три ее дочери – Лида, 10 лет, Поля, 8 лет, Валя, 4 года. Они были наши соседи, и мы с замиранием смотрели в окно на эту ужасную сцену.

... На наших глазах немец в приступе бешенства избил руками и ногами моего старшего брата Михаила, неправильно понявшего его команду – нести за немцем настрелянных наших кур. Брат понес их в свой дом... Долго у нас на чердаке хранилась братова шапчонка вся в запекшейся крови. Брату было тогда 13, а мне 5 лет... Не было радио, телефона, газет, но народная молва почти мгновенно извещала и наше и другие села о подобных случаях [3].

... Но более всего страдали дети от потери его величества Праздника. Праздник для ребенка – живая сказка, состоявшаяся мечта, море радости, счастья, общения с любящими и любимыми. Праздник – не только эмоциональное обогащение, но и психологическое приобретение моральных качеств, усвоение традиций и обычаев народа.

Большие потери принесла детям также почти исчезнувшая игра. Психологи знают, что из всех факторов психического развития ребенка игра является самым мощным средством, недаром ее называют «восьмым чудом света». В оккупации игрушки заменили жизненно опасные военные предметы – пули, гранаты, снаряды, мины и т.д. Сколько тяжелых драм постигли подростков, безответственно «игравших с военными игрушками!» Были не только увечья, но и смертельные исходы... Почти полная потеря института детства на оккупированной территории грозила тяжелыми необратимыми последствиями для развивающейся личности детей.

К счастью, в глубинных слоях русской национальной психологии – национальном духе, национальном характере и национальном самосознании нашлись живительные силы спасения детской (и взрослой) души в самых

драматических ситуациях нашей военной жизни. Могучим двигателем психологической поддержки было всеобщее мнение о нашей победе в войне. Эту истину постоянно повторяли и стар и млад, в нее верили свято и бесповоротно. Отдельные выходы иного мнения тут же жестоко подавлялись. Какая это мощная сила – национальное единство, сплоченность и вера в силу своего народа, свою Победу! Здесь уместно будет заметить, что тогда, к счастью, не было современного телевидения, постоянно порочащего все российское и насаждающего культ денег и бездуховности. Иначе оккупанты приобрели бы в лице телевидения союзника, а нам пришлось бы «воевать на два фронта».

Огромную роль в поддержке детей играла семья. Изменилась психология семьи: семьи стали сплоченными, дружными, духовными. Центрами сплочения стали воины – отцы, братья, сестры. Особую роль играли отцы-воины. Они стали кумирами, их образ витал в семье, их ждали домой с большим трепетом, и были готовы встретить с радостью и здорового, и раненного, и искалеченного... Только бы вернулся живой! И хотя при оккупации письма с фронта не приходили – вера в «живого и невредимого» не пропадала. Изменились роли детей в семье – старшие заменяли ушедших на войну, младшие также включались в работу. Огромную воспитательную миссию исполняли бабушки: в суровый холод на теплой печке в кругу внуков рассказывались сказки, былины, истории, воспоминания о мирной жизни. Это была настоящая школа воспитания и образования. Низкий поклон вам, любимые наши бабушки!

Освобождение. Вера поддерживается и питается реальными жизненными успехами. Мы свято верили в нашу Победу, в скорое освобождение. И оно наступило... Это был Праздник счастья, Надежды и Награды за стойкую Веру!

... Теплый мартовский день 1943 года. Полная неопределенность: враги ушли или замаскировались? И стар и млад вышли на улицу и собрались около одной хаты. Неожиданно появились 8 всадников: ехали спокойно, красиво. Наши? Да, они! Какими родными, красивыми были эти молодые конные разведчики! Люди молча плакали, а конники, не нарушив строя и не отвлекаясь, поехали дальше...

За истекшие 72 года многое пережито, многое забыто, но День освобождения и его переживание запомнились навсегда и в деталях.

Психологический склад детей военного лихолетья.

Это поколение имеет свое «лицо», свой психологический облик. В принципе в трудных условиях сформировалось поколение созидателей, сочетающих высокую профессиональную культуру с твердыми нравственными принципами, выстроивших собственную судьбу, создавших крепкие семьи, воспитавших детей и внуков. Но были и потери: пробелы в усвоении культуры и науки, эмоциональные травмы детства, крепко ударившие по здоровью.

... Типична судьба учеников нашего класса Селинской семилетней школы. В 1944 г. нас, босоногих, в рваных одежках первоклассников было около 90 человек И пришли мы в школу самостоятельно. Мамы были заняты и не смогли привести нас за руку в храм науки. Не было торжественной линейки,

музыки, цветов... Но мы и в этой обстановке испытывали торжественность момента. И было два первых класса – 1 а и 1 б. Но к пятому классу нас осталось менее 20 человек (после 4-го класса многие пошли работать, ведь тогда было обязательным только начальное образование). Пополнили ряды учеников дети из близлежащих хуторов и сел: хутора Корчагина, поселка Орлова, села Глубое. Ходили они в школу в любую погоду пешком за 5-7 километров в один конец.

В 1951 г. мы, 29 человек, закончили Селинскую школу, имея за плечами 7 классов. С огромным желанием и волей встали мы на путь самосовершенствования в рамках высокосодержательной деятельности. И многого достигли. Вот далеко неполные данные о судьбах моих одноклассников:

а) заняли достойное место в мире профессий: есть доктор наук, профессор, академик; офицеры – два полковника, капитан; инженеры – инженер-атомщик, инженер-строитель, горный инженер; инженер-экономист; инженер-железнодорожник; редактор районной газеты; учителя начальной и средних школ; зав. библиотекой села Селино; техники-строители; продавцы, слесари-инструментальщики...

б) по-человечески сложились у большинства судьбы в широком плане: созданы крепкие семьи, состоялись хорошие прочные связи с окружающими.

... Но тем не менее вывод напрашивается определенный: военное детство – это большая трагедия, это противоестественно; дети должны жить только в мирной жизни!

Литература

1. Военно-исторический журнал. 1965, № 1, с. 82–83.
2. Детство, опаленное войной (под ред. проф. А.Ю. Друговской). – Курск, 2005. – 528 с.
3. Чернышев А.С. Враги ворвались в мое детство // Детство, опаленное войной. – Курск, 2005. – С. 183–188.

УДК 172.4:94

Марчуков А. В.,

Институт Российской истории РАН

marchukov@mail.ru

Память о войне и национальная идентичность

На фоне нынешних политических событий на Украине и войны на Донбассе тема конференции звучит злободневно. И не только потому, что в боевых сводках упоминаются те же названия городов и сёл, что и в 1941–1943 гг. Или потому, что как и тогда, враг на Донбасс пришёл с Запада. Великая Отечественная война и отношение к ней стали мерилом мировоззрения, критерием идентичности (в том числе национальной), нравственным выбором – и отдельного человека, и народа в целом.

Для нынешней Украины та война – уже давно не «Великая Отечественная», Победа – не победа. А итоги боёв 1943–1944 гг. – не освобождение, а новая «оккупация», на сей раз «тоталитарным СССР». Соответственно другими стали и герои, призванные служить для граждан Украины примером. К этому Украина шла все годы своей «самостийности». Уже при президенте Л. Кучме (усилиями властей и украинствующей интеллигенции) были сформулированы новые принципы трактовки Великой Отечественной войны.

Для начала была изъята эмоционально-оценочная составляющая войны («Великая Отечественная») – якобы для «непредвзятости оценок», и она стала преподноситься как «советско-немецкая». Непредвзятость тут ни при чём: таким способом просто расчищалось ментальное поле для утверждения иных – противоположных – её оценок. «Ревизия» социальной психологии стала непременным условием новой, комбинированной трактовки войны. На первый взгляд противоречивой, но на самом деле продуманной, если учесть, что разные её положения рассчитаны как на внутреннего, так и на внешнего «потребителя» [1].

С одной стороны, Украина стремилась преподнести себя как страну-победительницу и участницу Антигитлеровской коалиции. При этом «забывая», что собственно таковой она не была, поскольку являлась частью СССР, который-то как раз и был той страной. Об СССР лишний раз не упоминали. Этот идеологический посыл был рассчитан на страны Запада.

После 2014 г. маски оказались сброшены, и отрицать то, что на Украине процветает неонацизм и украинский ультра-национализм, тесно связанный с государственной властью, просто бессмысленно и безнравственно. Тем не менее П. Порошенко собирается продолжить убеждать мировое сообщество в том, что на Украине чтят память жертв нацизма и чествуют его победителей, для чего и объявил 8 мая «Днём памяти и примирения». Этим киевские власти как бы дистанцируются от украинской реальности. Кроме того, они в очередной раз демонстрирует свой «европейский выбор»: отмечая именно 8 мая, они переходят на «западные» символические даты и смысловые ценности. Перенос смысловой нагрузки с 9-го на 8-е также символизирует и отказ от «советского прошлого».

Формально 9 мая как памятная дата пока оставлено – но временно и как уступка-подачка тем, для кого этот день действительно является святым. Потому что для внутреннего употребления предусмотрены совсем иные приоритеты. Здесь Украина изображается как «жертва двух диктатур» (гитлеровской Германии и сталинского СССР) и борец против «советской оккупации». И потому героями и освободителями объявлены те, кто якобы воевал против них обоих, то есть являлся некоей «третьей силой». А именно ОУН-УПА и прочие украинско-националистические группы и организации, в том числе созданные либо при непосредственном участии Германии, либо при поддержке её органов власти и силовых структур (включая СС).

На протяжении всего периода независимости государственными органами, средствами массовой информации, системой образования,

официальной наукой Украины велась целенаправленная работа по приданию этим организациям имиджа и статуса «третьей силы». Они были объявлены главными и единственными патриотами Украины, духовным и политическим образцом. «Память и примирение», о необходимости которых твердили все украинские президенты, включая Порошенко, на деле означает почитание и героизацию оуновцев, полицаев, «вояк» УПА и 14-й гренадёрской дивизии СС (на Украине более известной под названием «Галиция») и т.д.

Однако коренная переоценка Великой Отечественной войны пусть и одна из важнейших составляющих, но всё же только часть политики Украины в области истории и исторического сознания.

Всё, что происходит на Украине, явилось следствием исторического пути тех земель, которые её составляют (или уже не составляют). Дело в идеологии и, шире, в той национальной идентичности, на которой основано государство и которую оно воспроизводит. Политические и военные конфликты, гонения на русский язык и культуру (как «чуждые украинцам»), русофобия, агрессивные идеологические кампании (непременным условием которых является демонизация России и возвеличивание тех, кто выступал против неё – Мазепы, Петлюры, Бандеры и др.), украинизация (то есть политика, направленная на насильственное изменение сознания и национальной идентичности населения) – лишь внешние проявления противостояния идентичностей, мировоззрений, систем ценностей. У конфликта есть географические очертания, но истинное поле битвы – это сознание людей независимо от места жительства, этнического происхождения и языка.

Нерв истории этой земли – это проблема выбора её народом культурно-цивилизационной и национальной идентичности и как следствие – самого пути развития. Выбор идентичности (начиная с конца XVI в.) проходил в форме противоборства различных религиозно-культурных ориентаций (на латинский Запад или Православный Русский мир), с середины XIX в. приобретших вид *национальных проектов* (польского, общерусско-малорусского, украинского). Проекты предполагали умозрительную разработку того или иного образа нации (т.е. её конструирование), привязку его к конкретным условиям (этническим, культурным, языковым) и формирование на основе данного населения нации в соответствии с выработанным образом. Логическим продолжением конструирования становился вопрос о её политическом самоопределении, а если брать шире – культурной, духовной и геополитической принадлежности либо к Русскому миру, либо к Западу.

Одной из причин современных событий как раз и стал новый этап воплощения в жизнь украинского проекта. Возник он в середине XIX в. и своей целью имел создание национально-государственного организма «Украина» и особой *украинской* нации как нации «не-русской» по определению. Ключевой принцип украинства – это отрицание за членами создаваемой украинской нации общерусских духовных и этнических корней, противопоставление всему русскому: истории, Церкви, литературному языку, культуре. «Русскому» не как «российскому», а тем глубинным пластам в истории, сознании и культуре

собственного народа, что восходят к временам политического, этнического и культурного единства Руси [2].

О том, что «не-русскость» была сутью проекта, говорит введённое его адептами название для этой нации – *украинцы*. Об этом же говорит и упорное нежелание украинских националистов использовать исторические этнонимы – *малоруссы*, *малороссияне*, *русские*. Тем самым уже на уровне терминологии проводилась грань, которая отделяла бы малороссов от остального Русского мира.

Украинский национализм имеет сильный мобилизующий потенциал, свои культовые фигуры и национальные мифы, на которых и строится украинская идентичность. В их числе «извечное этническое различие украинцев и русских», «притеснение украинской мовы и культуры», «колониальное угнетение Украины Россией», «голодомор», героизация ОУН-УПА и дегероизация советских воинов-освободителей и т.п.

В украинском проекте изначально заложена и ориентация на Запад. Отрицание русскости, постоянное подчёркивание принадлежности Украины к культуре, политике и ментальности Запада – его важнейшие положения. Украинский национализм (а со временем – и государство Украина) ориентировался на Запад и как на противника России (в лице поляков, Австро-Венгрии, Германии, США). А те уже с XIX в. взращивали украинство идейно и материально, так как понимали, что претворение в жизнь идеи о существовании особой нации ведёт к национальному расколу общерусского пространства, а затем и политическому развалу России-СССР.

На основе образа нации адепты проекта (а после 1917 г. и советская власть) вели преобразование населения (малорусского, русинского) в «украинцев», создавая украинский литературный язык, национальную историю, культуру, государственность. В результате в первой трети XX в. появилась «Украина» как национально-государственная единица и украинская нация (хотя и не в таком виде, как их представляли себе националисты).

Но даже после того как советская власть с помощью принуждения, пропаганды и системы образования «убедила» людей в том, что они являются «украинцами» и живут не на Юге России, а на Украине, их восприятие мира осталось отличным от того, которое желали бы видеть адепты украинства. Советский период последние рассматривают как продолжение общерусской истории. В это время действовал целый ряд социокультурных процессов, оказавших заметное влияние на мировоззрение и идентичность населения. Сознание миллионов людей, особенно в южных и юго-восточных областях УССР, вобрало в себя культурные и мировоззренческие устои того периода.

К ним относится сознание принадлежности к огромному государственному и историко-культурному пространству России-СССР и гордость за это. Новая эпоха выдвинула новых – общих для всей страны – героев, ключевые вехи. И память о Великой Отечественной является одной из ключевых составляющих этого сознания. Именно поэтому украинские националисты ведут яростную борьбу с советским прошлым: оно не вписывается в созданную ими картину мира.

Таким образом, пересмотр на нынешней Украине отношения к Великой Отечественной (и Второй мировой) войне обусловлен действием сразу двух основополагающих положений идеологии украинства: его изначальной антирусской направленностью и отторжением советского периода.

На рубеже 1980–1990-х гг. партийная номенклатура УССР сделала украинский проект государственной идеологией Украины. Он позволял ей легитимизировать власть и перед миром и своими гражданами обосновать законность и необходимость существования Украины как страны. А себя – как её «элиты». Поэтому украинский правящий класс, на самом деле по своим взглядам и интересам космополитический, и воспроизводит идеологию украинства. Утверждая её при помощи ассимиляции-украинизации других этносов (прежде всего русских), а также радикальной переделки национального облика и психологии тех людей, кто в силу своей привязанности к русской культуре, языку, прошлому не вписывается в «нужный» образ нации. Переделки – или уничтожения.

Но для миллионов людей важны совсем иные ценности. У них другие герои, другое мировоззрение и образы прошлого. И отделение от Украины Крыма, образование Донецкой и Луганской народных республик, народно-освободительное движение в Новороссии (пока что силой подавленное Киевом) – тому подтверждение.

Альтернатива проста: либо сдаться на милость украинства (идеологию которого воплощает государство), либо отстоять право быть собой. Милости от Украины не будет: логика утверждения украинского проекта предполагает устранение прочих идентичностей и мировоззрений, а как теперь стало окончательно ясно – и их носителей. Остаётся непростой, но единственно возможный путь – борьба за свободу. Как в годы Великой Отечественной. А для этого нужно осознание неизбежности борьбы, разработка её идейных принципов и ясное понимание своей национальной и историко-культурной идентичности.

Единственной настоящей альтернативой украинству является общерусская идея (с её историко-региональными подвидами). Именно она в наибольшей степени соответствует истории и народному сознанию, восходя к временам культурного, этнического и политического единства Руси [3].

Благодаря изначальной русскости и исторической традиции население Донецко-Криворожского бассейна, Новороссии, Харьковщины вплоть до 1920–1930х гг. в массе не воспринимало себя как «украинцев», а свою землю – как «Украину». И негативно относилось к попыткам украинских националистов (являвшихся под жовто-блакитным флагом и вместе с иностранными армиями) оторвать себя от России. Это ярко показали события времён Гражданской войны: например, история Донецко-Криворожской советской республики (1917–1919 гг.), или крестьянского движения в Приазовье и на Донбассе, воплощением которого стало махновское движение [4].

История постсоветской Украины показала, что общерусская идея возродилась, живёт и приобретает всё больше сторонников, уставших от диктатуры украинства и не желающих отречься от своей истории, совести и

русского имени. В настоящее время эта идентичность органически включила в себя многие смысловые моменты, ключевые вехи и героев нашего недавнего прошлого – советского периода истории. И прежде всего те моменты, что относятся ко времени войны, которая для сторонников Русского Мира была, есть и останется Великой, Отечественной и Победной.

Литература

1. *Гузенкова Т.С.* Украина: разрыв с наследием Великой Победы // ОУН-УПА. Правдивая история. Киев, 2006. С. 25.
2. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. Изд. 2. М., 2015. С. 92–96.
3. См. *Марчуков А.В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011.
4. См.: *Корнилов В.В.* Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011; *Махно Н.И.* Воспоминания. М., 1992. С. 55.

УДК 94:378:001:63(470.51/54)

Донник И. М., Воронин Б. А., Лоретц О. Г.,
Уральский государственный аграрный университет

Высшее аграрное образование и наука на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны и сегодня

Великая Отечественная война коснулась и высших учебных заведений страны.

Свердловский сельскохозяйственный институт был создан 5 февраля 1940 года, и начало его становления пришлось на годы войны.

Ушли на фронт 58 студентов и 22 преподавателя. Многие из них не вернулись. Погибли преподаватель кафедры физики Виктор Константинович Викторов, старший лаборант кафедры химии Вячеслав Николаевич Лунев, коновозчик Иван Павлович Стерехов, преподаватель физкультуры Виталий Николаевич Упоров, студент агрономического факультета Алексей Любимов. Война затронула практически всех. Значительное количество сотрудников ССХИ старшего поколения - бывшие фронтовики. Среди них - П.А. Ветлужских, М.П. Дормидонтов, И.М. Дадеко, Н.Д. Жеребцов, И.Ф. Кабаков, В.М. Морев, А.Г. Морозов, В.Д. Очаков, Г.И. Селянин, П.Ф. Солдатенков, В.Ф. Трушин и многие другие.

Для оставшихся в вузе преподавателей и студентов повседневная жизнь шла своим чередом: институт работал, студенты продолжали учебу. В условиях военного времени нарастали бытовые проблемы: на всем приходилось экономить. Суровое время диктовало свои законы. За халатное отношение к своим обязанностям, за невыход на работу люди привлекались к судебной ответственности. Дирекция института строго следила за нарушением дисциплины со стороны студентов. Но были и поощрения. Студенты поощрялись за отличные показатели в учебе, сотрудники - за хорошую работу. Так, приказом № 284 от 5 сентября 1944 года директор института О.А. Иванова «...за отличные показатели в продолжении всего периода обучения в ССХИ»

объявляла благодарность сталинскому стипендиату В. М. Лебежениновой, окончившей агрономический факультет. Ей также присуждалась премия - поросенок. Другим отличившимся студентам и преподавателям объявлялись благодарности и выдавались денежные премии по 800 рублей. Приходилось думать и о тех, кто вернулся с фронта. Так, отличники учебы и инвалиды войны обеспечивались выдачей дополнительного блюда в столовой из продуктов учхоза.

В течение всех военных лет студенты, помимо учебы в вузе, привлекались к работе на оборонных заводах, разгружали санитарные поезда, работали на погрузке угля и дров. Для нужд института и оказания помощи семьям фронтовиков и сотрудников студенты ежегодно заготавливали дрова, постоянно мобилизовывались на сельскохозяйственные работы и лесозаготовки. В выходные дни для обеспечения капустой столовой организовывались массовые выезды на полевые работы в учхоз. В 1943 году институт получил в свое распоряжение отделение Чернобровского совхоза Белоярского района Свердловской области, которое стало учебно-подсобным хозяйством.

Студенты одновременно проходили здесь практику и производили сельскохозяйственную продукцию как для государства, так и для институтской столовой, а также семей сотрудников вуза. Хозяйство это находилось в тяжёлом состоянии. Не хватало техники, поэтому для обработки земли использовались быки и коровы. Трудиться приходилось от зари до зари.

Сотрудники и студенты работали также в госпиталях, где лечились раненые воины Красной Армии. Они дежурили в палатах, читали бойцам газеты, выступали с концертами художественной самодеятельности, писали письма родным, поддерживали морально. Помимо своей основной деятельности, коллектив института участвовал в субботниках, средства от которых шли на помощь фронту, проводил сбор личных сбережений. 80 % студентов стали донорами. Только в 1943 году ими было отработано 530 человекодней в госпиталях, сдано 50 литров крови. В связи с нехваткой специалистов студентов отправляли в колхозы и совхозы бороться с эпидемиями ящура, с инфекционной анемией животных, с сорняками-вредителями. По причине этих вынужденных отвлечений от учебы администрации института пришлось продлить занятия до 8-10 часов в день, увеличить количество лекций, проводимых в вечерние часы и воскресные дни. Это создавало серьезные трудности в изучении ряда дисциплин, особенно сложных для усвоения, и преподаватели давали дополнительные индивидуальные и групповые консультации. Было организовано кураторство, велась систематическая работа над материалом пропущенных занятий. В результате сократился отсев студентов из института из-за неуспеваемости.

Как и многим другим городам тыла, Свердловску довелось принять у себя эвакуированных. Коснулось это и сельскохозяйственного института. 5 сентября 1941 года в Свердловск прибыл коллектив Киевского ветеринарного института. Его эвакуация проходила в спешке, поэтому институт лишился инвентаря, наглядных пособий, библиотеки. Всё это сгорело. Удалось сохранить лишь ничтожную часть фондов. У сотрудников и студентов не было даже белья и

тёплой одежды. Прибывшие люди были размещены в общежитии, обеспечены продовольствием, обувью и одеждой. Коллектив Киевского института вошёл в состав ветеринарного факультета ССХИ. Возвратившись в 1944 году в Киев, руководство Киевского ветеринарного института послало благодарственное письмо в адрес коллектива ССХИ.

В годы войны профессорско-преподавательский состав ССХИ пополнился также квалифицированными учеными из Белорусского и Кишиневского сельскохозяйственных институтов.

В Свердловск приехали: академик АН БССР Т.И. Годнев – на кафедру физиологии растений; профессор В.В. Попов - кафедру геодезии; профессор Н.Н. Кравцевич - кафедру физики; профессор Л.П. Кердиваренко - кафедру механизации сельского хозяйства; профессор А.В. Абдов - кафедру органической химии; профессор В.Н. Андреев - кафедру ботаники; профессор Л.В. Олеандров – кафедру физиологии животных. В результате этого значительно вырос общий квалификационный уровень преподавательского состава ССХИ. Эвакуированные ученые оказали большую помощь в совершенствовании учебного процесса, в организации научной деятельности, способствовали оживлению работы вуза.

Несмотря на тяготы войны, в институте успешно развивалась наука. Доцент М.Л. Плешков разработал новую систему удобрений в севооборотах картофеля и овощей, доцент З.Д. Кольцова внедрила агротехнику выращивания высокоурожайной пшеницы, профессор П.И. Шталов занимался исследованием по преодолению бесплодия сельскохозяйственных животных. Проводились и другие научные исследования. Коллективы кафедр ветеринарного факультета создали инструкции по обезвреживанию финнозного мяса для мясокомбинатов, а также новые способы лечения онхоцеркоза в холке лошадей с применением соответствующей методики хирургического вмешательства. Интересным и весьма эффективным было применение новых клеевых повязок при ранении животных. Сотрудники ветеринарного факультета с успехом справились и с таким направлением научных исследований, как разработка принципов борьбы с болезнями рыб в водоемах Урала. По заданию Ветеринарного управления Красной армии профессор В.Г. Касьяненко и доцент В.К. Чубарь разработали методику ускоренного лечения раненых лошадей. Под руководством профессора Ф.М. Пономаренко коллектив сотрудников ветеринарного факультета по поручению Уральского военного округа весной 1942 года подготовил справочник «В помощь войсковому ветврачу». Под руководством профессора Р.С. Чеботарева был подготовлен к печати «Словарь по паразитологии».

Проводились в годы войны в институте и необычные для Урала исследования. Академик Т. Н. Годнев и доцент СМ. Маштаков изучали особенности агротехники такой экзотической для нашего края культуры, как каучуконос кок-сагыз. На получение урожая теплолюбивой сахарной свеклы в условиях сурового уральского климата были направлены исследования доцента А. М. Левина. Конечно, эксперименты эти проводились не по чьей-то прихоти. Данное сырье было остро необходимо, а районы, где традиционно

возделывались эти культуры, были оккупированы врагом. Дефицит бензина вызвал интерес к другим видам топлива. И под руководством профессоров А.В. Аблова и А.П. Кердиваренко были проведены опыты и даны рекомендации по применению скипидара-сырца в качестве пускового топлива, изготовлены опытные экземпляры газогенераторных установок к трактору СТЗ, что позволило ряду МТС перевести двигатели на твердое топливо - дрова.

Показателем масштабов проводимых научно-исследовательских работ является тот факт, что именно в эти годы в институте были защищены 5 докторских и 4 кандидатские диссертации. Таким образом, в военные годы на фронте и в тылу преподаватели, сотрудники и студенты ССХИ вносили свой вклад в общую Победу.

Сегодня Уральский государственный аграрный университет (этот статус вуз получил 17 мая 2013 года) – многопрофильное учреждение высшего профессионального образования в системе Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

По многим показателям УрГАУ входит в перечень лучших вузов Минсельхоза России.

В структуре университета сегодня функционируют:

- факультет агротехнологий и землеустройства;
- факультет ветеринарной медицины и экспертизы;
- технологический факультет (зоотехния и переработка продукции животного происхождения);
- инженерный факультет (в т. ч. пищевая инженерия);
- факультет транспортно-технологических машин и сервиса;
- институт экономики, финансов и менеджмента;
- институт дополнительного образования;
- аспирантура;
- докторантура по научной специальности 08.00.05.

Научно-исследовательская деятельность в УрГАУ осуществляется в рамках 22 научных школ, центра коллективного пользования научным оборудованием (приборами), агротехнопарка «Студенческий» с бизнес-инкубатором.

В университете также функционируют:

- научно-исследовательский институт биологической безопасности;
- научно-исследовательский институт продовольственной безопасности и экологии;
- научно-исследовательский институт агроэкономики и права;
- научно-исследовательский институт физико-химических проблем и техносферной безопасности.

Исследования также проводятся на земельном участке площадью 270 га, где размещены экспериментальный сад плодово-ягодных и лекарственных культур, пчелопасека, мини-ферма по выращиванию бройлеров, теплицы для выращивания зеленных культур, овощей защищенного грунта, цветов и других культур. В УрГАУ работают 4 академика Российской академии наук, 5 член-

корр РАН, более 60 докторов наук, около 200 кандидатов наук. Студентов и аспирантов обучается свыше 7 тыс. чел.

При написании настоящей статьи использовались архивные материалы из истории Свердловского сельскохозяйственного института.

УДК 140.8:329.17

Пороховская Т. И.,

*Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
632712@mail.ru*

Философские основания нацизма

«Вечный фашизм» - так назвал своё эссе Умберто Эко. Итальянский фашизм, пишет Эко, «складывался из культа харизматического вождя, из корпоративности, из утопической идеи о судьбоносности, из империалистической воли к завоеванию новых земель, из надсадного национализма, из выстраивания страны в колонну по два, одевания всех в черные рубашки, из отрицания парламентской демократии, из антисемитизма» [7, с. 55]. От немецкого, замечает он, итальянский фашизм отличался не большей мягкостью или толерантностью, а большей «расхлябанностью», как политической, так и идеологической, а также отсутствием внутреннего стержня, собственной философии. «...Следом за итальянским фашизмом - в тридцатые годы – фашистские движения появились в Англии (Мосли), Литве, Эстонии, Латвии, Польше, Венгрии, Румынии, Греции, Югославии, Испании, Португалии, Норвегии и даже в Южной Америке и, разумеется, в Германии. И именно итальянский фашизм, - пишет У.Эко, - создал у многих европейских лидеров убеждение, будто эта власть проводит любопытные социальные реформы и способна составить умеренно-революционную альтернативу коммунистической угрозе» [7, с. 59-60].

После освобождения от фашизма, рассказывает У.Эко, он впервые увидел снимки геноцида евреев: «Я понял, от чего именно нас освободили» [7, с. 52]. Эко утверждает, что фашизм – отнюдь не случайное и не чуждое для европейской культуры явление. Он вводит понятие «ур-фашизм» («вечный фашизм»), который, прежде всего, в форме интеллектуальных оснований национализма как возможность, интенция присутствует в западной культуре. На это же обращает внимание и А.А.Зиновьев, который называет фашизм крайней формой «западнизма» [См.: 2]. Как показала практика, при известных условиях респектабельный «западнизм» легко перестраивается в зловещий фашизм, и наоборот. Франко был фашистом и союзником Гитлера и Муссолини еще до Второй мировой войны. Никаким изгоем в Европе его не считали, никаких санкций ему не объявлялось, Испания не потеряла своего места в первом мире, а в международную политическую изоляцию режим Франко попал только с конца 1946 года. И при Франко Испания была страной, вписанной в Европу, с открытыми границами, куда приезжали отдыхать

европейцы, и уход франкизма прошёл плавно, так что ни о какой непроходимой границе между фашизмом и «западнизмом», считает Зиновьев, говорить не приходится. Не случайно современная западная политическая элита так терпима к проявлениям неонацизма в Прибалтике и на Украине.

М.Хоркхаймер и Т. Адорно в «Диалектике Просвещения», которую они начали писать еще во время войны, прозорливо предупреждали: «В Германии фашизм победил с помощью вопиюще ксенофобской, враждебной культуре коллективистской идеологии. Теперь, когда он опустошает планету, народы вынуждены бороться против него, ибо не остается никакого иного выхода. Но когда все уже будет позади, дух свободы вовсе не обязательно начнет распространяться по всей Европе, ее нации, возможно, станут такими же ксенофобскими, враждебными культуре и псевдоколлективистскими, каким был фашизм, от которого они были вынуждены обороняться. Движение лавины не прервет с необходимостью даже поражение фашизма» [6, с. 270].

М.Хоркхаймер и Т. Адорно первыми поставили вопрос об интеллектуальных истоках идеологии нацизма. Той философией, которая определила специфику немецкого национализма, они считали философию Просвещения, и в особенности, ее развитие в кантовской теории самоопределения, хотя сам Кант националистом не был. В статье «Ответ на вопрос: Что такое просвещение?» И.Кант пишет: «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [4, с. 29]. Просвещение, замечают Хоркхаймер и Адорно, противоречиво и тоталитарно, как ни одна из систем. Оно сделало разум «органом калькулирования, планирования» [6, с. 112], нейтральным по отношению к целям. Речь идет не просто об инструментализации разума, науки, но о безудержном «саморазрушении» самого Просвещения с далеко идущими последствиями. В «Критике чистого разума» И.Кант писал: единственное, что привносится разумом, - это идея систематического единства, формальные элементы жесткой понятийной связности, но не содержательные цели, которые для Просвещения являются иллюзией, ложью, «рационализацией». Однако, пишут Хоркхаймер и Адорно, «до тех пор, пока не принимается во внимание, кем именно используется разум, последний ничуть не менее сродни насилию, чем посредничеству, в каждом отдельном случае в соответствии с положением индивидуума или группы он в качестве данности легитимизирует войну или мир, терпимость или репрессии. Поскольку содержательные цели разоблачаются им в качестве наносящих ущерб его же собственному самозаконодательству, он служит, будучи формальным, любому естественному интересу» [6, с. 111].

Просвещение сделало природу предметом для общества, а людей – материалом для властвующих элит, вместо содержательных целей деятельности ввело понятия «интерес», «самосохранение», «меньшее зло». «Властвующий дух, - пишут Хоркхаймер и Адорно, - начиная с Гомера и кончая модерном, ...привык относиться с подозрением ко всякой иной путеводной звезде, кроме звезды меньшего зла» [6, с. 48], и в конечном итоге «чистый разум становится

неразумием, безошибочным и бессодержательным способом функционирования. ...Изворотливое самосохранение для верхов представляет собой борьбу за фашистскую власть, а для индивидов – приспособление к бесправию любой ценой» [6, с. 115]. Позже Х.Арендт покажет, какую роль в моральном самооправдании при фашизме играл аргумент меньшего зла. Эскалация зла в Германии, пишет она, происходила постепенно, истреблению евреев предшествовала последовательно выстроенная череда антиеврейских мер. Те, кто рассматривал свое участие в них как меньшее зло, и не заметили, как ситуация стала такой, что «хуже уже быть не могло». «...Те, кто выбирает меньшее зло, - пишет Арендт, - очень быстро забывают, что они выбрали зло», а «идея о приемлемости меньшего из зол сознательно используется для того, чтобы расположить государственных чиновников и население в целом к принятию зла как такового» [1, с. 69].

В эпицентре кантовской этической теории находится идея самоопределения: индивид сам открывает и устанавливает для себя нормы своего поведения. Кантовская воля, будучи «универсально законопорождающей», способна относиться как к предмету и к себе самой. Кантовский принцип «во всем поступать исходя из максимы своей собственной воли как таковой» М.Хоркхаймер и Т. Адорно считают и ключом к тайне сверхчеловека Ницше: «Его воля ничуть не менее деспотична, чем категорический императив. Оба принципа нацелены на независимость от внешних сил, на определяемую в качестве сущности Просвещения безусловную зрелость» [6, с. 143]. Эта позиция только усиливается ригоризмом Канта. «Можешь, потому что должен» - так звучит императив кантовской этики долга. Гейне считал, что как революционер Кант затмевает Робеспьера.

Кант ставит под подозрение сострадание, считает, что оно «само по себе не обладает достоинством добродетели», называет сострадание «известного рода слабоволием». «Фашистскими хозяевами мира, - пишут Хоркхаймер и Адорно, - чувство отвращения к состраданию было преобразовано в чувство отвращения к политической терпимости и воззвание о введении чрезвычайного положения, в чем они сошлись с Шопенгауэром, метафизиком сострадания. ...Доброта и благожелательность становятся грехом, господство и угнетение – добродетелью» [6, с. 129-130]. «Гитлер, - пишут Хоркхаймер и Адорно, - был враждебен духу и противочеловечен. Но есть еще и дух, являющийся противочеловечным: признак его – хорошо ориентирующееся во всем превосходство» [6, с. 257].

Идеи, предложенные Кантом для решения философских проблем, были использованы его учениками и последователями для решения проблем национального самосознания. Так, Фихте приходит к выводу, что для полного самоопределения индивида потребуется и его национальное самоопределение. Идеологи формирующегося единого немецкого национального государства в XIX в. часто выступали с националистических позиций. Писатель-националист Э.М.Арендт (1769-1860) высокомерно высказывается о французах. В памфлете 1818 г. он пишет: «Да будем же яростно ненавидеть французов и особенно наших французов, обесчещивающих и оскверняющих нашу работоспособность и

невинность!» [Цит. по: 5, с. 63]. В работе «Торгаши и герои» Зомбарт доказывает превосходство немецкой нации перед англичанами и утверждает, что «милитаризм есть зримая форма немецкого героизма» [3, с. 67]. В.Зомбарт пишет: «Когда иностранцы философствуют о нынешней войне, они, странным образом, все время возвращаются к *одной* мысли: война 1914 г. – это война Ницше. Ее-де развязала Германия, и вдохновлялась она духом Ницше. Если отвлечься от той лжи, будто это мы одни хотели войны, то в этом заявлении есть доля истины. Но оно страдает односторонностью. Войну Ницше можно с таким же успехом назвать и войной Фридриха Великого, войной Гете, войной Шиллера, Бетховена, Фихте, Гегеля или Бисмарка: верно, это именно *немецкая* война. И Фридрих Ницше был лишь последним певцом и провидцем, сошедшим с небес и принесшим нам весть о том, что из нас родится сын Божий, которого он на своем языке назвал «сверхчеловеком» [3, с. 44]. Идеинная база нацизма была создана, до начала практического осуществления этих идей оставалось совсем немного времени. Воплотить эти идеи не позволила Победа советского народа.

Победа в Великой отечественной войне стала самой яркой страницей в «исторической родословной» (Э.Хобсбаум) нашего народа, но она же – и самая великая победа в истории человечества. Повергнув чудовищную гитлеровскую военную машину, наш народ ценой колоссальных жертв победил самое большое из когда-либо существовавших в мире зол и не дал реализоваться зловещей человеконенавистнической фашистской идее, не дал уничтожить нас как народ, будущее нашего народа и многих других народов Европы. В экстремальных условиях войны наш не всегда организованный народ продемонстрировал чудеса самоорганизации, волю к победе, героизм, духовную мощь, готовность идти на любые жертвы ради свободы, национальной независимости, справедливости. Победа сплотила и породнила многонациональный народ Советского Союза общим горем утрат, прошедших через каждую семью, и общим чувством национального самоуважения. Победа приподняла планку наших представлений о себе как народе и его месте в истории. Победа обязывает: мы должны не только свято хранить память о ней, но и быть достойными ее. Сейчас, когда предпринимаются попытки пересмотра истории, ползучей реабилитации фашизма, «наш долг – выявлять его сущность и указывать на новые его формы, каждый день, в любой точке земного шара» [7, с. 80].

Литература

1. Арентд Х. Личная ответственность при диктатуре //Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во ин-та Гайдара. 2013.
2. Зиновьев А.А. Запад: Феномен западнизма. М.:Эксмо, 2003.
3. Зомбарт В. Торгаши и герои: раздумья патриота // Зомбарт В. Собр. соч. в 3 тт. Т. II. С-Пб.: Владимир Даль, 2005.
4. Кант И. Собр.соч. в 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 8.
5. Кедоури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010.
6. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М.- СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
7. Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2000.

О духовном смысле войны. Парадокс христианского отношения

Война является одной из самых тяжёлых коллизий совести и крайне противоречивым объектом для изучения моральной философии. Сложность заключается и в трудности чёткого определения границ этого явления, и в его очевидном противоречии со здравым смыслом, если под таковым понимать как гуманистическую направленность культуры. Крайне непросто, и с первого взгляда невозможно соединить в теоретическом усмотрении нравственный мотив и ужасы войны. А если речь идёт о религиозной, христианской философии, которая по своей сути должна противиться любым проявлениям насилия? Можно ли совместить призыв к любви с необходимостью убивать? Однако то, что не совпадает в теоретическом усмотрении, может быть соединено в практическом мировоззрении, и соединялось в течение долгого времени в культуре и нашей страны, и многих других христианских стран.

Христианское мировоззрение значительно заостряет проблему войны, утверждая: какой бы святой ни была цель битвы, ее все равно приходится достигать путем насилия и убийств, что есть большой грех. Зло не может вести к добру, поскольку высшее, божественное Добро свободно от зла и не нуждается в нем. Поэтому никогда, и ни при каком случае, христианская философия не хвалила войны и не оправдывала их. Но при этом и Отцы Церкви, и Святые подвижники часто благословляли христоролюбивое воинство на священную брань. И это не есть противоречие: оправдывать война – не означает принимать войну. Скорее наоборот, оправдание воинского служения предполагает осуждение войны, поскольку только самоотверженное воинское служение может её остановить. Очень трудный, почти непостижимый ответ на это затруднение дает и Евангелие: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром», - говорит апостол (Рим. 12, 21). Получается, что сражаться надо, но добром. Но что это означает? В чём же состоит добро на войне? Там, где, казалось бы, ему не место? Посмотрим, к примеру, как отвечала на этот вопрос русская христианская философия, которой, в силу исторических событий, пришлось очень серьёзно осмысливать вопрос о духовном и нравственном оправдании войны.

Первый ответ будет вполне очевидным и лежащим в русле западной философии войны. Добро на войне – это её общая благая цель, ради которой допустимо прибегать к столь страшному средству. Ради решения мелких международных споров, отстаивания узких политических интересов нельзя прибегать к вооруженной силе. Кроме того, под «оправданной войной» надо подразумевать отнюдь не правовые или житейские представления о справедливости. Оправданная война должна вестись только ради защиты высших духовных святынь, человеческого начала от бесчеловечного, наконец,

божественного от дьявольского. Такими святынями русские философы И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев и др. считают Родину, христианскую веру, мирный труд. Только эти высшие ценности могут справедливую войну превратить в священную. Но праведная цель борьбы очевидно отрицает её несправедные средства, и здесь мы подходим ко второму возможному проявлению доброго начала на войне. Разумеется, война не может обойтись без насилия, однако было бы ошибочным видеть в ней только насилие и убийства. Это – тенденциозный, поверхностный взгляд, желающий априори осудить воинское служение. Отечественной философии принадлежит подробный анализ всего горизонта и противоречивых, и возвышенных явлений, сопутствующих вооружённой борьбе. Начало углублённой русской философии войны лежит в гениальной диалектике Ф.М. Достоевского, изложенной в произведении с характерным названием «Парадоксалист», где представлен диалог между обычным человеком и «мечтателем». Первый выражает точку зрения обычного житейского реализма: война ужасна, поскольку люди идут убивать друг друга, она ненавистна всем, кто живет в мире, разве она не задерживает прогресса, не противоречит христианской совести и не приносит невиданные тяготы народу? Но у «мечтателя» находятся свои аргументы: «Ложь, - говорит он, - что люди идут убивать друг друга... напротив, идут жертвовать собственной жизнью – вот что должно стоять на первом плане. Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество...»¹. Война при всех своих отрицательных сторонах несет великие нравственные подвиги, которые редко встречаются в мирной жизни. Принижать, замалчивать или цинично относиться к ним – означает вообще утратить веру в нравственность. Война заставляет вспомнить о святости Родины, своего дома, отвлекает людей от мелочных разобщающих интересов, соединяет их в единое целое. Достоевский отнюдь не прославляет войну: он лишь показывает, что к такому сложному явлению нельзя относиться однозначно; его последствия для общества могут быть непредсказуемыми: от полного крушения до великого подъема.

Мысли Ф.М. Достоевского нашли отклик в рассуждениях о войне других русских философов. С их точки зрения, нельзя сугубо отрицательно-реалистически оценивать войну. Как, к примеру, заметил Л.П. Карсавин: «В войне... совершается такое великое добро, как жертва своей жизнью за других»². А другой отечественный мыслитель, Е.Н. Трубецкой, утверждал, что на войне «сверхчеловеческая сила ненависти вызывает ответные действия сверхчеловеческой силы любви»³. Но это отнюдь не значит, что на войне зло настолько причудливо сочетается с добром, и их нельзя отличить друг от друга. Напротив, на войне добро понятно и различимо значительно яснее, чем в

1

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 123.

2

Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 427.

3

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 388.

обыденной жизни. Для каждого защитника Родины нет сомнения, что на священную войну идут умирать и страдать, на грабительскую – убивать и мучить, на справедливой войне защищают мир, на несправедливой – свое право творить насилие. Именно на войне часто становятся ясными животворящая сила любви к своему дому и народу, и именно война воспитывает отвращение к ненависти и насилию, которые желают их уничтожить.

На войне в деле противостояния злу, несомненно, свершается великое добро, но его трагедия состоит в том, что ему приходится противостоять злу несправедливыми средствами. Воин должен убивать, калечить, брать в плен – такова безжалостная греховная необходимость, а христианин знает, что грех к добру вести не может. Снова мы сталкиваемся с противоречием, совершенно нетерпимым для «здорового смысла»: с одной стороны, призывают жертвовать собой ради священной цели, с другой призывают убивать ради этой же цели. Однако это противоречие не абсолютно, оно – диалектическое и решается в рамках именно христианского взгляда на войну. Существует не только нравственный, но и религиозный смысл вооруженной борьбы. Согласно ему, война посылается людям в наказание за грехи и дает возможность грехи искупить. Значит, ради искупления и своих грехов, и грехов ближних христианин должен идти на войну. Но зло и грех – не одно и то же. «Становясь лишь на христианской почве злом, - говорит Ф.А. Степун, - война на ней же, и только на ней, становится смыслом, т.е. – грехом человечества. На почве атеистической цивилизации она теряет этот свой глубокий религиозный смысл.; перестает быть человеческой войной и становится нечеловеческой бойней. Смысл участия христиан в деле вражды, насилия и даже убийства – продолжает свою мысль философ, - заключается только в том, что борясь, воюя, казня и убивая, они не в силах делать все это с чистой совестью»⁴.

Иными словами, смысл участия христиан в войне заключается в том, что они зло превращают в грех, т.е. признают несправедность своих действий. А это – уже первый шаг к изживанию зла и последующему утверждению добра. Из греха есть выход, поскольку человек сознаёт его и берёт на себя его искупление. Нет выхода только из того зла, за которое никто не желает брать на себя ответственность. Да, христианину приходится совершать греховные поступки и тем самым быть вовлеченным в злую, ужасную сторону войны, но он же своим самоотверженным служением ближним будет причастен и к великому добру, которое противостоит на войне злу. Необходимость наносить вред противнику искупается готовностью к самопожертвованию. Войной нельзя победить зло, его можно лишь ограничить, но зло можно победить в себе добром самоотречения. Посылая нам войну, Бог требует от нас подвига, страдания и жертвы, то есть требует, чтобы мы утверждали добро даже в самых страшных обстоятельствах. И если наиболее кратко формулировать духовный смысл войны, о котором говорила христианская философия, то это будет призыв остаться человеком в бесчеловечных условиях войны.

4 Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 189, 192-193.

Актуальность противодействия идеологии и практике фашизма в современном мире

Знаменательная дата 70-летия Великой Победы отмечается в условиях обострившегося политического и идеологического противостояния в современном мире, особенно на европейском континенте. Победа над фашизмом, купленная ценой огромных жертв всех европейских народов, и прежде всего народов Советского Союза, открыла возможность для демократического развития, защиты прав и свобод человека.

Одновременно, сложившаяся за послевоенные десятилетия система европейской демократии стала декларироваться как единственно возможная и универсальная, а страны, провозгласившие эти ценности, как бы автоматически попадают в семью цивилизованных и прогрессивных стран. Неограниченный культ потребительства, мультикультурализм и лелеемая политической системой толерантность, свобода самовыражения в самых невероятных формах становятся критериями этой прогрессивности. С этой стороны европейская политическая культура подвергается эрозии, размыванию критериев морали. Поэтому наказание за хулиганскую выходку «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя в Москве в Европе расценили как попрание прав человека и творческой свободы, а гибель тысяч людей в ходе развязанной Киевом войны в Донбассе – лишь как неизбежное следствие борьбы «легитимного» государства за территориальную целостность. Не случайно философ Герберт Маркузе, в свое время вынужденный бежать из фашистской Германии, назвал толерантность европейской демократии репрессивной. «Толерантность по отношению к рациональному злу, - говорил он, - нынче подается как добро, поскольку оно служит сохранению и упрочению целостности общества на пути от изобилия к большему изобилию» [1, с. 294]. Именно поэтому, отстаивая свой статус-кво, европейское политическое сообщество использует толерантность как средство увековечения борьбы за существование и, как отмечал Г. Маркузе, «подавления альтернатив» [2, с. 295]. Подавления, естественно, по своему усмотрению. Откровенное прославление и полная реабилитация пособников нацистов в прибалтийских государствах, а теперь и в Украине, в ряде других стран; ограничения в правах русскоязычного населения и даже участников борьбы с фашизмом - органически вписываются в рамки этой толерантности. Практически беспрепятственно распространяется человеконенавистническая

идеология фашизма под личиной защиты национальных интересов и национальной культуры, истории. Осуществляется прямая фальсификация сущности и итогов Второй мировой войны, роли Советского Союза в этой войне, а под видом возрождения национального самосознания и культуры пропагандируются откровенно националистические и шовинистические, по сути фашистские идеи.

Понимание фашизма в современной научной литературе имеет дискуссионный характер, вплоть до интерпретации его как политически нейтрального термина или социально ориентированного способа организации общественной жизни. В послевоенной Германии для характеристики прошлого режима используется понятие нацонал-социализма, нацизма, но не фашизма. Однако слово фашизм было использовано нацистской Германией как самоназвание своего режима и его идеологии. Именно поэтому фашизм закрепился в истории как античеловеческая теория и политическая практика. Актуальность противодействия фашизму особенно очевидна на фоне последних событий в Украине и в ряде европейских стран.

Георгий Димитров в докладе на VII конгрессе Коминтерна в 1935 году определил фашизм как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов финансового капитала [3, с. 118]. Данная характеристика достаточно полно иллюстрирует то, к чему постепенно сползает украинское государство.

Прежде всего наступление фашизма в Украине есть результат слабости правящих олигархических групп и их соперничества между собой из-за страха за свою власть; результат эрозии демократических институтов общества.

Нынешняя украинская власть и есть открытая террористическая диктатура реакционных и шовинистических элементов олигархата. Это отчетливо проявилось на майдане и в последовавшей за ним войне против собственного народа. Немецкий философ Ханна Арендт в свое время сделала вывод, что основным признаком фашизма является создание культа ненависти к внутреннему либо внешнему врагу, формируемому мощным пропагандистским аппаратом, не гнушающимся ложью для создания нужного эффекта. Именно такая пропаганда ненависти сегодня охватила все медиапространство Украины.

Как в прошлом, так и сегодня фашизм выступает зачинщиком наступления на интересы тех народов, которые не хотят подчиняться диктату США и их союзников, защищают самостоятельный путь развития. Украинские лидеры не устают повторять о том, что Украина стоит на передовом рубеже противодействия "агрессии" России, пытаясь, в своих интересах, втянуть в открытое противоборство североатлантический альянс.

Одним из важнейших признаков фашизма на Украине является воинствующий национализм и шовинизм самой грубой формы, культивирующий хищническую ненависть против других народов, прежде всего русского. Фашизм в Украине и в идеологии и в практике политической борьбы являет себя как нацизм, когда принадлежащий к титульной нации

априори считается средоточием всего доброго, а любой инородец - носителем зла.

Фашизм всюду, в том числе и в Украине, демагогически апеллирует к набравшим нуждам людей, опирается на разочарования масс. Он импонирует массам резкостью своих нападок на олигархов и коррупционеров, объявляет срежиссированный захват власти на майдане "революцией достоинства". Любая тирания всегда стремится представить себя выразителем интересов масс, она сама есть функция массового общества, где бесследно исчезает всякая качественная определенность, создающая личность. Не случайны все эти майданы и вече, факельные шествия. И не случайно, что последний год украинской истории не явил на киевском олимпе сколько-нибудь значимой личности, кроме наспех вписанной в украинские "святцы" фактически анонимной "небесной сотни".

Философ-антифашист Эрих Фромм как одну из особенностей германского фашизма отметил склонность его к некрофилии [4]. Как здесь не вспомнить любовь президента Ющенко к архаичным артефактам, его бесконечные речи и мероприятия по поводу голодомора, строительство помпезного музея в память о нем. Не удивительно, что нынешняя власть толкнула страну в кровавую войну. Вместо созидательной работы развязана кампания против советской символики и памятников прошлых эпох.

Юбилейный год Победы над фашизмом, его тревоги и надежды еще раз подтверждают его непреходящую ценность, требуют от новых поколений активно противостоять проявлениям фашизма как угрозы миру, благосостоянию и человеческому братству. К сожалению, современная европейская политика, как и в канун Второй мировой войны, готова не замечать неофашистских тенденций, склонна к ревизии выработанных по итогам этой войны принципов в угоду геополитическим и экономическим интересам, а то и просто в угоду политической конъюнктуре. История прошлого и современность свидетельствуют о живучести фашизма. Декларируемое возвращение в лоно демократии восточно-европейских государств и бывших республик СССР повсеместно сопровождается возрождением нацизма и фашизма в той или иной форме, а следовательно, требует не только помнить об уроках борьбы с фашизмом, но и противодействовать ему и в идеологии, и в политической практике.

Литература

1. Маркузе Г. Критическая теория общества. М.: АСТ, Астраль, 2011 - С. 294.
2. Там же - С. 295.
3. Арндт Х. Скрытая традиция. - М.: Текст, 2008. - С. 118.
4. См.: Фромм Эрих. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии. - М.: Высшая школа, 1992.

Бандеровщина как идеология тотального цивилизационного распада: организация сопротивления украинству

Устойчивой основой внутренней и внешней политики властей Украины в последнее время является беспримерное по цинизму правовое, культурное, экономическое и политическое бесчинство как следствие воплощения духа украинства. Следует осознать, что Украина с ее украинством, и, соответственно, все украинизирующие программы ее развития и структуризации имеют своей основой матрицу несобственного, навязанного существования. Она формируется исторически в интересах геополитических противников России. Её подлинная цель – не построение достойного и процветающего государства, но выполнение роли ресурса в мировом противостоянии западно-атлантической и славянской цивилизаций. В таких рамках невозможно подлинно суверенное становление государства и культуры народов, его населяющих. Собственно государственное строительство и общественное развитие в последние десятилетия проходило в насквозь фальшивом, имитационном формате утверждения статусных характеристик, которые так и не смогли наполниться продуктивным истинным и творческим содержанием. Не случайно, что начиная с первых лет так называемой незалежности, Украина все больше погрязала в коррупции государственного аппарата, в политическом криминале, в растущем непрофессионализме управляющих кадров. Лицемерие и продажность политиков, лоббирование ими в Верховной Раде своих личных бизнес-интересов, полное игнорирование нужд трудящегося народа и нескрываемое презрение к нему давно стали нормой политической и общественной жизни Украины.

Третье десятилетие продолжается политика сильнейшего идейного и экономического давления на культуру русскоязычного населения страны. Она выражается в повсеместном угнетении прав русского человека на образование на родном языке – в силу массового закрытия и перепрофилирования школ, в тотальной украинизации делопроизводства и судебной практики, в наглом и беспринципном переписывании истории в угоду невежественному воинствующему национализму, в направленном подрыве традиционных духовных основ русской культуры, в систематическом захвате православных храмов на Западе Украины, в запугивании и избиении священников православной церкви Московского патриархата.

Укрепляющейся духовно-идеологической основой украинизации являются, с одной стороны, униатство и культ Бандеры и, с другой – повсеместное насаждение русофобии, воспитание ненависти к советскому прошлому, клеветнические измышления об историческом прошлом и

настоящем. Все это приняло, в конечном счете, предельно масштабный и откровенный характер, а тотальная ложь украинских государственных СМИ закрепляет ряд вымышленных виртуальных медиасобытий в контексте их действительного бытия. Происходит приписывание бытийного статуса фантастическим измышлениям, встраивание их в структуру реальной жизни как объективных феноменов. Таким образом, ситуацию можно описать двояко: как бытийное обналичивание пустых сущностей или, соответственно, как виртуализацию действительности, превращение ее в полностью искусственную медиасреду с атрофированным общественным и личным сознанием.

Неожиданным образом в этих условиях должен быть скорректирован тезис И. Канта о том, что бытие не является реальным предикатом, поскольку, по его мнению, ничего не добавляет к содержанию предмета. Мы видим, что процесс бытийного обналичивания как раз направлен на претворение виртуального в реальное, но таким образом, что все остается на своих местах, меняя лишь свое представительское обозначение: выдуманное рядится в одежды объективно сущего, приписывая себе предикат бытия. Это означает, что хотя реально содержание предмета не изменилось и фантастическое осталось – по сути – именно таковым, но для уровня не критического общественного сознания оно обзавелось легитимностью подлинного события. В этом бытийном доведении нет реальной содержательности, как и утверждал Кант, но присутствует своего рода приписанная содержательность, и предикат бытия по видимости становится значимой величиной. Эта видимость, однако, в своей истине открывается только автономному сознанию мыслящего субъекта, тогда как общая не критичность и простота рефлексии, царящие в обществе, с согласия и принятия «безмолвствующим большинством», эту автономию утрачивает. Более того, этой автономии мышления не было и прежде. Социальный шизофренизм до времени не проявлялся, но неявно присутствовал. Теперь же он стал очевиден.

Экономическое положение Украины столь же закономерно плачевно, как и ее духовное состояние. В 1991 году был совершен контрреволюционный антисоветский номенклатурный переворот. К власти пришла клика предателей народа, та прослойка партийно-комсомольских и хозяйственных руководителей, которая давно разложилась морально и рвалась к неограниченному обладанию всеми общественными и производственными фондами республики. Они его получили путем преступного передела собственности в 90-е годы, путем политических убийств, криминальных разборок мафиозных конкурирующих группировок. Спустя десятилетие бывшие рэкетеры, бандиты и жулики всех мастей сменили спортивные костюмы на костюмы от Версаче, обзавелись внешне пристойным окружением, но их повадки остались прежними. Результат бездарного хозяйствования новых «эффективных собственников» однозначно и конкретно выражен в том факте, что украинский ВВП до сих пор не превышает 70 % от уровня 1990 года. Получив в 1991 году богатейшую республику Советского Союза, которая в 70-х годах входила в десятку промышленно развитых стран мира, украинская «элита» всё последующее время занималась ее банальным грабежом,

руководствуясь одним стремлением, столь же простым, как и инстинкт червяка – получить немедленную и беспроblemную прибыль. При этом социальная сфера сворачивалась и к настоящему времени от нее мало что осталось. Ответственность за фактическое уничтожение страны, за превращение ее в жалкое и недееспособное квазигосударственное образование полностью лежит на олигархических кланах, их политически-законодательной обслуге в Раде и на всех тех кругах, которые способствовали укреплению монопольной власти украинских магнатов, кто вдохновлял и поддерживал русофобскую идеологию тотального украинства. Таким образом, кроме собственно олигархов и политиков, эту ответственность в полной мере разделяют и деятели культуры – артисты, писатели, журналисты и прочие дичаи, вступившие на иудин путь предательства народных и общественных интересов.

Ни экономически, ни интеллектуально, ни духовно падать дальше некуда. Русский народ терпелив, привык трудиться и стойко выносить на своих плечах все тяготы своего непростого исторического бытия. Основу его силы составляет неугасимый русский дух, живущий в родовой памяти, в традициях героических свершений, в повседневном созидательном труде на благо Родины. Однако киевская хунта, чье правление является закономерным итогом предшествующей деградации Украины, чья практика общения с собственным народом есть смесь банального хutorьянского жлобства и агрессивной нетерпимости к русскоязычному населению, поставила своей первой и ближайшей целью окончательное духовное и экономическое закабаление русских людей, превращение их в бесправных и безмолвных рабов, чья участь предрешена: либо они превращаются в украинствующих ненавистников России, либо будут уничтожены морально, а многие и физически.

Ясное осознание этого факта грядущей гибели поднимает народ к действию. Нам не по пути ни с расплодившимися украинствующими последователями садиста и убийцы Степана Бандеры, ни с американскими прихвостнями во власти, ни с прислужниками европейских содомитов.

Основой великой русской цивилизации является внутреннее чувство, живой архетип всемирной отзывчивости, безусловной справедливости, равенства и братства народов, сострадания к нуждающимся и угнетенным, подлинный гуманизм. Ни презренный предатель Мазепа, ни фашистские коллаборационисты, ни поганые бандеровцы, ни их нынешние приспешники, ни прочая историческая дрянь никогда не станут нашими героями, и мы, русские люди, всегда будем питать по отношению к ним законное чувство неприятия и омерзения.

Время украинствующего шовинистического отребья прошло! Русский дух мощно проявил себя в выступлениях и самоорганизации Юго-Востока. Задушить его невозможно никому, потому что за ним поистине святая правда и воля. Исконная, внутренняя духовная свобода русского человека во время испытаний делает его негибачимым борцом и героем. Он идет до конца, до конца своих врагов – если они имели глупость и неосторожность своей агрессией разбудить его самосознание. Украинствующие, надеясь на безнаказанность и защиту своих заокеанских хозяев, сделали это, они добились

нашего пробуждения и теперь пусть готовятся на своей шкуре испытать всю мощь русского ответа.

Пусть хунта и их вдохновители не строят иллюзий по поводу своей последующей спокойной и безбедной жизни! Зачинщики войны и военные преступники должны быть преданы трибуналу и наказаны. От их бездарного правления не останется ничего, а их имена будут прокляты потомками.

Народ Юго-Востока мирным путем самоорганизации и своим суверенным решением образовал новый субъект международных правовых отношений, Донецкую Народную Республику.

Мы принадлежим русской культуре и русской цивилизации, мы не есть некое нацменьшинство, каким нас считали власти Украины. Мы являемся государственнообразующим, созидающим народом, и русским может быть человек любой национальности, если он чувствует в себе причастность общему благу, духу всемирной любви и свободы, если он труженик и творец, а не простой потребитель глобальной американизированной культуры.

Донецкая Народная Республика провозглашает принципы интернационализма, добрососедства, взаимопомощи, уважения прав личности независимо от вероисповедания и национальности, и, одновременно, не признает все формы эксплуатации человека, делающие его зависимым от призола собственника.

На текущий момент и перспективу выделяется **три основных типа** задач.

Первый заключается *в захвате, удержании и защите власти народа.*

Киевская хунта объявляет набор в национальную гвардию, направленную на борьбу с собственным народом, покупает отряды наемников частных военных компаний, привлекает собственно украинскую армию, выводит на рубежи военную технику – и все это для устрашения и пресечения волеизъявления простых людей, поддержавших требование референдума о самоопределении областей и вышедших на улицы заявить о своем неприятии киевских политиканов, ведущих и приведших страну к культурной, экономической и антропологической катастрофе. Наше несгибаемое намерение выражено в твердом противодействии действиям хунты, в отказе от сотрудничества с ней, в признании ее нелегитимным органом власти.

Второй заключается в переориентации финансовых потоков налоговых сборов и оставление их в Республике, игнорируя киевскую власть. Впоследствии требуется серьезная экономико-правовая реформа, реализующая положение об общественной направленности предпринимательской деятельности, о недопущении эксплуатации человека человеком. Бесконтрольный олигархический режим, приведший страну к развалу во всех ее сферах, должен быть безвозвратно демонтирован. Этот режим плодит государственную коррупцию, мафиозные кланы и теневую экономику, имеет антинародную сущность. Дальнейшее его существование невозможно.

Третий заключается в полном искоренении идеологии бандеровского движения, запрете его символики, соответствующей агитации и пропаганды, жестком пресечении бандеровских шабашей. Идеология Бандеры есть местечковая разновидность фашизма, и подчеркиваем, именно она является

основой насаждаемого украинства галичанского разлива. Действительное же украинство лежит в русле русской цивилизации как ее естественная часть и получает полноценное развитие лишь в приобщенности к ней.

Бандеровщина как реинкарнация фашизма есть крайне опасное проявление ксенофобии и этнической нетерпимости, подавления русскоязычного инакомыслия и несет реальную опасность в построении будущего общества. Ее стремительное возрождение требует реакции русского мира, такой, которая окончательно вырвет ростки фашизма в самом его рассаднике, в Галичине. В противном случае, если бандеровщина останется в общественном пространстве как реальное умонастроение масс, то дело наших отцов и дедов, разгромивших германский фашизм, останется невыполненным, мы предадим их память и будем недостойны имени русского человека.

Эта задача не имеет быстрого решения, но противодействие бандеризму должно стать постоянным, последовательным и бескомпромиссным.

УДК: 17.023.32(495)+(470)

Грамматикопулос Сократ,
Общество русской культуры
«Подмосковные вечера»
г.Афины, Греция
olenamar@yml.com

Русский мир в Греции

Чтобы понять, какая тесная связь между Грецией и Россией существовала во время Второй мировой войны и борьбе с фашизмом, необходимо окунуться в историю прошлого века. Взаимная духовная история появления русских в Греции связана с событиями Первой мировой войны, революцией 1917 года и последовавшей затем Гражданской войной в России. Летом 1916 года под давлением союзников по Антанте Россия отправила на Балканы экспедиционный корпус – в греческие Салоники прибыло две особые пехотные бригады общей численностью почти двадцать тысяч человек, которые сразу же вступили в боевые действия на Македонском фронте, что привело к первым жертвам. Зимой 1916–1917 годов немало русских солдат погибло уже в результате различных эпидемий, а затем и в новых боях.

Останки 400 русских воинов были похоронены на кладбище Зейтинлик в Салониках – самом большом из военных кладбищ в Греции, центром которого стал православный храм в византийском стиле, возведённый в 1926–1936 годах по проекту русского архитектора-эмигранта Николая Краснова. В 1930-х годах русские эмигранты в Греции попытались построить мемориал на русском участке кладбища. Союз русских эмигрантов в Македонии и Фракии выпустил специальное воззвание, в Афинах был даже учреждён Комитет по сбору пожертвований на увековечивание памяти русских воинов. Однако бедствовавшие русские эмигранты не смогли собрать достаточных средств для этого строительства, а вскоре началась Вторая мировая война...

Вообще, история русской белой эмиграции в Греции полна трагических страниц. Как известно, Греция стала одной из первых стран, принявших русских беженцев из охваченной огнём Гражданской войны России. В период русгелевской эвакуации в ноябре–декабре 1920 года в страну прибыло 3,5–4 тысячи эмигрантов из России, центрами расселения которых стали три греческих города: Афины, Пирей и Салоники

Особенно следует отметить ситуацию в Пирее, где большое значение для русских беженцев имела т. н. русская больница, которая начала функционировать ещё в 1902 году и содержалась на личные средства королевы Греции Ольги (племянницы русского императора Александра II). Почти весь медицинский персонал больницы с момента её основания был русским. Больница стала одним из главных центров русских эмигрантов в Греции: в поисках медицинской помощи, пищи, ночлега и многочисленных справок, необходимых для легализации и устройства на работу в Греции, вновь прибывшие в страну беженцы первым делом отправлялись именно туда. Однако в ноябре 1925 года греческое правительство неожиданно приняло постановление, в соответствии с которым больница была принудительно передана для устройства морского госпиталя. Так завершился «русский» период в истории больницы.

Помимо русской больницы, большую роль в жизни русской диаспоры в Греции играло созданное в январе 1921 года по инициативе последнего посланника Российской империи в Греции Е.П. Демидова Бюро трудовой помощи русским при Российской миссии в Афинах. Затем центральным органом русской общины стало представительство Всероссийского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, объединившее большинство русских беженцев. Большую роль играла и русская пргимназия в Афинах.

В целом, все российские эмигрантские организации, действующие в Греции в 1920-е – начале 1930-х годов, можно разделить на три группы. Первую группу составляли бывшие официальные представительства Российской империи в Греции. Вторую – немногочисленные представительства общественных организаций, созданных до октября 1917 года в России и Греции при поддержке греческого правительства и лично королевы Ольги. В третью группу входили общественные организации, объединения и союзы, созданные русскими эмигрантами в Греции, либо представительства центральных организаций белой эмиграции.

10 марта 1924 года греческое правительство признало СССР. Это вызвало замешательство среди эмигрантов и породило желание покинуть Грецию, хотя первым ощутимым изменением в их положении как раз стала невозможность получения визы для переезда в другие страны. По данным самих эмигрантов, в 1925–1926 годах их количество в Греции составляло около 5 тысяч человек. При этом если представители творческой и технической интеллигенции из среды русской эмиграции могли рассчитывать на неплохую работу, то тем, кто не обладал профессиональными навыками и не знал иностранных языков, было весьма нелегко – им часто приходилось довольствоваться местом домашней

прислуги или чернорабочего. Русская диаспора в Греции постепенно распалась, а к середине 1930-х годов активность эмигрантской жизни в Греции и вовсе угасла.

В конце 1930-х годов этнические греки в СССР стали подвергаться гонениям со стороны советской власти. Национальное развитие понтийских греков (потомков эллинов, населявших территории вокруг Черного моря, но вынужденные бежать от турецких преследований 1914–1923 годов, в том числе и в Россию) было насильственным образом прервано; началась их высылка в Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Сибирь и другие отдалённые регионы страны. Те же, кто избежал репрессий, старались уехать на свою историческую родину – в Грецию.

Таким образом, уже тогда в Греции стала постепенно формироваться диаспора греков-понтийцев, которые по крови являлись греками, а по духу – русскими, принесшими с собой уникальную частичку юга России. Конечно, репатриация греков началась ещё в середине XIX века после обретения этой страной независимости, однако именно во второй половине XX века данная тенденция приобрела столь масштабный размах. Действительно, очередной всплеск греческой иммиграции имел место уже после Второй мировой войны – в середине 1960-х, но особенно сильным стал со второй половины 1980-х годов. Всего за всё это время в Грецию перебралось несколько сотен тысяч советских греков-понтийцев.

Фактически именно эти люди и стали основой для формирования современной русскоговорящей диаспоры в Греции. Кстати, к числу русскоговорящих греков можно отнести и т. н. партизан – греческих коммунистов, бежавших в СССР после поражения в гражданской войне (1946–1949), а также их детей, вернувшихся в Грецию после падения режима «чёрных полковников» в 1974 году.

В целом, полноценная русскоязычная диаспора в Греции стала складываться лишь после распада Советского Союза. Сегодня её численность составляет около 300 тысяч человек. Эту диаспору можно было бы назвать одной из крупнейших российских общин в мире, если бы не одно но: подавляющее большинство из этих 300 тысяч – греки-понтийцы и бывшие греческие политэмигранты, и лишь незначительную долю составляют потомки русских эмигрантов первой волны и проживающие в Греции экономические иммигранты из современной России.

Сегодня репатрианты из бывшего СССР в основном компактно проживают в Афинах и городах на севере страны: Салоники, Александруполис, Кавала и др., а также на о.Крит.

Русскоязычная диаспора в Греции представлена рядом крупных организаций – в стране действует более трех десятков обществ наших бывших соотечественников, объединяющих представителей Русского мира. Можно, например, отметить культурно-просветительское общество "Берёзка", "Эмигрант", "им.Княгини Демидовой" (предс.Ирина Жалнина совместно с др. восстановили русское кладбище в р-не Пиреа, где похоронены русские моряки). Данные общества русскоговорящих Афин существуют с 1980 гг и отмечают все

российские светские и церковные праздники, юбилеи русских городов, проводят литературные праздники, посвящённые памяти великих русских поэтов, и т. д. В обществах имеются школы русского языка как для соотечественников, так и коренных греков. Ведется преподавание русского языка на кафедрах в институте Салоник, а также кафедре славистики в Афинском национальном университете им. И. Каподистрии, созданной непосредственно при участии Посольства России.

Большую роль в сплочении диаспоры в стране традиционно играет и Российский центр науки и культуры, который в этом году отмечает свое десятилетие. У истоков его создания стоял первый его директор, а ныне советник Фонда защиты прав соотечественников за рубежом - С.М. Фошкин. Данный РЦНК консолидирует русскоговорящее население Греции, продвигает в стране русскую культуру, проводит литературные вечера, организует показ российских фильмов, отмечает круглые исторические даты. С 29 апреля по 5 мая проходит фестиваль военно-исторических фильмов в Греции.

Отличие от многих других стран в Греции у русскоязычной диаспоры практически отсутствует проблема реализации духовных связей с Родиной. Это неудивительно, учитывая, что Греция и Россия – две православные страны с давними связями, а земли Эллады – пожалуй, единственное место в Западной Европе, где так много русских храмов и местных церквей, история которых так или иначе связана с Россией. Можно, например, отметить церковь Святой Троицы, которая располагается в самом сердце Афин и является одним из центральных мест встреч русскоязычной общины греческой столицы. Кстати, именно возле стен церкви Святой Троицы похоронен последний посол Российской империи в Греции князь Е. П. Демидов и его жена Софья Воронцова-Дашкова, много сделавшие для русских белоэмигрантов, бежавших из России в бурные 20-е годы прошлого века. Можно также отметить уникальную церковь на Русском кладбище в Пирее, храм Иоанна Русского на Эвбее и ряд других.

У русскоговорящей диаспоры в Греции, конечно, существуют и определённые проблемы. «Советские» греки и другие выходцы из СССР (России) испытывали и до сих пор испытывают сложности, связанные с мировоззренческими, психологическими и культурными различиями между вновь прибывшими гражданами и коренным населением, а также обычными для Греции бюрократическими препонами.

Иногда в силу вступают и более субъективные факторы. Так, идея заселить греками-понтийцами территорию Фракии с её постоянно увеличивающимся мусульманским населением с целью «поправить» этнический баланс в регионе в пользу православных греков фактически провалилась поскольку высокий уровень безработицы привёл к достаточному быстрому исходу репатриантов в «свои» общины больших городов, в первую очередь в Афины и Салоники.

Другая проблема – языковой барьер. Русский язык в Греции изучают порядка 8 тысяч человек. Важную роль в распространении русского языка играет Афинский институт русского языка А. С. Пушкина, созданный в 1992

году и имеющий филиалы в ряде других городов Греции. На базе института регулярно проводятся различные общественные, культурные и научные мероприятия, посвящённые знаменательным событиям в жизни России и Греции; на курсах русского языка занимаются около 200 слушателей, его преподают филологи, выпускники российских вузов. Изучение русского языка осуществляется ещё в нескольких крупнейших высших учебных заведениях страны: Афинском университете имени Каподистрии, Университете Македонии и Университете Аристотеля, расположенных в Салониках. При российском Консульстве в Афинах существует русская школа. В обществах русской культуры, разбросанных по всей Греции, имеются школы русского языка как для соотечественников, так и коренных греков. На греческом канале телевидения по воскресеньям проводится урок русского языка. В Греции также издаются несколько газет на русском языке («Мир и Омония», «МК-Афинский курьер», «Эмигрант,») общим тиражом более 40 тысяч экземпляров. Русскоязычная диаспора Греции сталкивается и с вызовами реальной жизни: безработицей, отсутствием собственного жилья (за аренду квартиры приходится отдавать значительную часть заработка), трудностями с получением греческого гражданства и т. д. При этом, конечно, жизнь российской диаспоры в Греции значительно более устроена, нежели во многих других уголках земного шара.

Подводя итоги, следует отметить, что отношения между Россией и Грецией прошли большой исторический путь, и несмотря на любые политические и социальные катаклизмы, никогда не были враждебными. В конце первого десятилетия XXI века особенно динамично развиваются культурные связи между двумя православными народами.

В 2016 году намечается проведение Года Российско-Греции. Хочется надеяться, что к этому времени отношения двух стран, уже сегодня достигшие высокой точки доверия, будут и дальше улучшаться. Ведь хорошо известно: чем лучше отношения России с другими государствами, тем комфортней чувствует себя российская, русскоязычная диаспора в конкретной стране, в данном случае – в Греции, стране, с которой у нас так много общего.

Патриотизм в современном социуме: роль, статус и вектор развития

Лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

Патриот, патриотизм, как термины и как смысловые понятия формируют субъективные и чаще всего абстрактные образы в сознании современного человека. Учитывая тенденции рационализации мышления, эти образы теряют видимую связь с действительностью и, следовательно, не могут осуществлять главную ожидаемую функцию – мотивации к конкретным видам деятельности. Возникает очевидный диссонанс между декларируемыми идеологическими принципами патриотического поведения и потребностью индивида к такому роду занятий. Глубина противоречий нарастает в периоды «временных сжатий», т.е. изменение пропорций между логически осмысленными и рутинными действиями в сторону последних. В этом случае главной проблемой выступает наделение повседневных поведенческих актов патриотическим содержанием.

Патриотизм (от греч. – соотечественник, родина, отечество), любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам. Исторически элементы патриотизма в виде привязанности к родной земле, языку, традициям формируются уже в древности. В классовом обществе каждый класс выражает своё отношение к отечеству через присущие ему специфические интересы [1]. В представленном определении патриотизм имеет склонность к трансформации в различных социальных группах и, очевидно, не может предложить некую универсалию, по отношению к которой каждая личность могла бы себя ассоциировать с качеством патриота.

Прямое следование «букве термина» предопределяет необходимость ряда уточнений таких его требований, как любовь, преданность, интересы отечества. Содержательная часть патриотизма настолько разнообразна в понимании, что представляет словарный набор в виде креативной головоломки (аналог кубика Рубика). Вероятность сложить правильную комбинацию граней увеличивается от числа попыток (приобретение опыта) и организации системного мышления (в области анализа), что, очевидно, является серьезным препятствием в мыслительном процессе не только молодого, но и человека в возрасте.

Прямой преемственности (как это указано в эпитафии) в интерпретации

патриотизма быть не может, поскольку алгоритм целеполагания, ключевые ориентиры в этом процессе, доминанты в мотивации к деятельности, инструментарий (средства) жизнедеятельности разных поколений отличаются и должны отличаться по некоторым компонентам существенно. В этом контексте современная молодёжь составляет конгломерат личностей, не испытавших воздействие механизма идеологической синхронизации сознания и мировоззрения. Плюсы и минусы такого состояния указанного социального кластера следует рассмотреть подробнее.

Потребности в престиже, достижении реализовывались какое-то время назад гордостью за свою страну, за ее достижения, уверенностью в государственных гарантиях прав на труд, образование, безопасность, здоровье, наконец, жилье. Они актуализировались в социальной активности – ударный труд, миграция, изобретения, созидание в различных областях общественной жизни, членство в общественных организациях. Указанные потребности не только остаются, но и обостряются в условиях социальной нестабильности, а средства их удовлетворения сокращаются. Знание истории, традиций, обычаев своего народа всегда выполняло консолидирующую роль, способствовало преемственности поколений, формировало патриотизм.

Например, в 1997 году свое восхищение Петром I и его свершениями высказали 48% голосов, «золотому веку Екатерины» – было отдано в 3,5 раза меньше голосов, остальные периоды отечественной истории: отмена крепостного права, революция, правление Сталина, «оттепель», «застой» и т.д., вплоть до недавнего прошлого («перестройка» и президентство Б. Ельцина) привлекли симпатии совсем немногих – от 2% до 6% опрошенной молодежи.⁵ Спустя 10 лет молодым россиянам вновь было предложено оценить основные периоды истории России. В целом общая конфигурация ответов не изменилась [2, с.35]. Молодежь ориентировалась на те же оценочные модели, которые были в то время характерны для массового сознания населения в целом.

Исследования, проведенные в свое время к 60-летию Великой Победы среди населения России, позволяют сделать вывод о том, что такое значительное событие XX века, как история Великой Отечественной войны в принципиальных вопросах едина для младшего, среднего и старшего поколений населения, героическое прошлое России и сегодня «работает» на консолидацию современного российского общества, на связь и преемственность поколений [3, с.19]. Спустя пять лет молодежь в возрасте от 16 до 25 лет также гордилась победой в Великой Отечественной войне 1941-45 годов (83,2%).⁶ Показали те же самые результаты итоги третьей волны проекта «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»,

⁵ Общероссийские репрезентативные исследования, проводившиеся Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) по единой методике в 1995 и 1997 годах и Институтом социологии РАН в 2007 году. Объем выборочной совокупности в каждом исследовании – по 1750 человек соответственно

⁶ Общероссийское исследование, проведенное Центром социального прогнозирования и маркетинга в апреле-мае 2009 г. в 21 субъекте РФ, с репрезентацией данных исследования на федеральном уровне и на уровне административных округов РФ. Выборка составила 2000 человек

реализованного в декабре 2014 г. – феврале 2015 г. (N=4652 человека, приняли участие практически все федеральные округа страны, кроме Северо-Западного и Крымского округов, 20 городов).⁷ Но в то же самое время не радует молодых людей авторитет России в мире (14,9%) и демократические свободы, которые достигнуты в нашей стране в 1990-е годы (6,9%) [2, с.34].

В мае-июне 2010 г. к 65-летию Великой Победы Российским обществом социологов (РОС) среди молодежи был проведен всероссийский опрос, охвативший 3450 человек в 15 городах России (вторая волна). На вопрос «Что значит быть патриотом России?» молодые люди ответили следующим образом: «уважать и знать историю России» (68,6%), «испытывать гордость за свою страну» (58,4%), «уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста» (48,8%), «испытывать чувство ответственности за происходящее в стране» (33,9%), «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (28,5%), «принимать участие в общественной политической жизни страны» (16%), «не уклоняться от службы в армии» (12,4%), «честно и добросовестно трудиться» (10,3%). Но среди этих высказываний встречались и такие: «я презираю свое отечество, с ног до головы, но мне становится грустно, когда иностранец разделяет со мной это чувство», «сейчас Родина и государство – слишком разные понятия, непонятно, за кого отдавать жизнь, и отдавать ли». В ходе реализации третьей волны проекта выяснилось практически то же самое понятие патриотизма: уважение к истории – 77,3%, гордость за страну – 72,6%, уважение к ветеранам – 64,8%. Можно отметить, что патриотические чувства усилились. Выросла оценка таких критериев патриотизма, как «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (38,1), «не уклоняться от службы в армии» (30,9%), «принимать участие в общественной, политической жизни страны» (26,3%), «честно и добросовестно трудиться» (22,3%).

Но наше поколение в возрасте наших детей много читало, уважало ветеранов, ходило в музеи и слушало классическую музыку, и уж точно наши родители не смотрели по пять сериалов в день и не проводили отпуск по системе «все включено». Историческая память (читай – социальная) на самом деле очень хрупкая вещь. Все зависит от того, как расставить акценты. Есть такой болезненный аспект памяти о войне, как преступления, совершенные в её ходе. По мнению генерального директора ВЦИОМ Валерия Федорова, «закрыть эту главу истории» предлагают 57% венгров, 49% австрийцев, 46% немцев. Народы же стран антигитлеровской коалиции, особенно тех, кто пострадал от военных преступлений больше других, считают своим моральным долгом хранить память о них. Так считают 50% словенцев, 62% поляков, 83% русских. Различные стороны считают спорные вопросы истории принципиально важными для самоуважения и самоутверждения нации и для

⁷ Проект «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» (III-ая волна) осуществлен региональными отделениями Российского общества социологов, науч. рук. проекта: Ю. Р. Вишневецкий, Е. Н. Икингрин, Н. В. Дулина, Е. И. Пронина. Проект реализован во исполнение постановления Президиума РОС от 24.10.2014 г.

выяснения её отношений с бывшими оппонентами. Рассуждая о том, что принесла Красная Армия народам Польши, Чехословакии и другим, 77% россиян говорят: «освобождение от фашизма», и только 11% - «коммунистическую оккупацию». Естественно, что мнение по этому вопросу у самих освобожденных резко отличается.

Не вызывает в таком контексте удивления тот факт, что инициативы наших политиков по введению уголовной ответственности за отрицание этого факта находят широкую поддержку населения. Такую идею Сергея Шойгу одобряют 50% опрошенных россиян. Ведь всем сегодня очевидно, что для России в её нынешнем состоянии признание определяющей роли СССР в победе над фашизмом – один из способов защиты нашего права участвовать в решении судеб Европы и мира [4, с.32].

Социологические опросы позволяют оформить социальную картину сбалансированными количественными и качественными характеристиками, указывающими на узловые проблемы, создающие человеку барьеры для адекватного и объективного восприятия внутренней и внешней ситуации, возможности для самостоятельной интерпретации чужого и собственного жизненного опыта, свободное владение терминологией. Наибольший результат при этом достигается при мониторинговых исследованиях.

Свобода саморазвития и самоопределения предлагает личности практически неограниченную вариативность профессиональной и социальной самореализации, однако именно этот огромный жизненный выбор оптимален и достигает положительного результата лишь в том случае, когда внутриличностная методология принятия решений основывается на общечеловеческих ценностях и определенном символизме. Таким образом, чтобы рационально и практично использовать наличествующую свободу, необходимо опираться на понятие «патриотизм», т.е. любовь к отечеству, преданность ему одновременно являются и целью, и средством достижения этой цели. Примерно так же, как и вера в Бога, являющаяся завершённой системой целеполагания, патриотизм требует аксиоматического принятия базовых норм и принципов, но в то же время побуждает к самостоятельной дефиниции. Насколько молодое поколение способно следованию иррациональных интуитивно осозаемых жизненных принципов – вопрос из числа концептуальных.

Вместе с тем широкий диапазон альтернативных суждений, принимаемых к анализу и личностному переосмыслению для современной молодёжи, следует отнести в категорию позитивных явлений. Действительно, помимо умственной адаптации к описываемому феномену, патриотизм непременно фиксируется в реальных мотивах и поступках человека. Иными словами, глубокие чувственные переживания реализуются через механизмы активной коммуникации. В этом случае молодёжь достаточно полно и открыто демонстрирует результат внутреннего осмысления и толкования патриотизма на бытовом уровне, когда даже незначительные знания, установки и потребности транслируются в унисон общественным и государственным целям и интересам. Проблема заключается лишь в качестве этих эмоциональных и

поведенческих проявлений и устойчивости принципов, задающих лейтмотив дальнейшего межличностного взаимодействия.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения 1.04.2015)
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). – С.5-36
3. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений //Социологические исследования. 2005. №11. – с. 19
4. Федоров В. Новые бои за историю//«Профиль», 26 апреля 2010, № 15-16.

УДК 94:172.4

Гюмюшлю Г. В.,

Комратский государственный университет

Папцова А. К.,

Комратский государственный университет

Комрат, Республика Молдова

papcova@mail.ru

Великая Отечественная война в современном массовом сознании

9 мая 2015 года мир будет отмечать 70-летие Великой Победы. Великая Отечественная война, безусловно, является одной из опор коллективной памяти народов постсоветского пространства. Одним из следствий поражения Советского Союза в информационной войне и, как следствие, в Холодной войне, стала дискредитация существовавшего в стране образа прошлого.

Образ прошлого не просто отражает особенности исторического развития страны, региона, этноса, а выступает в роли памяти об истории. Он определяет значение тех или иных событий в контексте национальной истории, содержит обоснование исторической миссии этноса или региона, аксиологически окрашивает пространство, соседей, персонажей исторических событий, указывает культурных героев [5, с. 96].

Дискредитация образа прошлого имела для страны катастрофические последствия: страну со столь неприглядным прошлым некому было защитить. Народ был дезориентирован – четкие и понятные оппозиции «фашизм-антифашизм», «капитализм-социализм» были заменены оппозицией «тоталитаризм-демократия». И если в прежних оппозициях СССР оказывался на «правильной стороне истории», то в этой оппозиции его место было рядом с фашизмом в числе тоталитарных режимов.

В каждой стране образ прошлого пришлось выстраивать заново, переписать, используя новый дискурс и новые оппозиции, включая указанную «тоталитаризм-демократия». В России попытались сначала просто «поменять знаки». В истории Гражданской войны, например, попытались «обелить

белых», но дальше съемок фильмов типа «Адмиралъ» процесс не пошел и не привел к массовой установке памятников Белой Гвардии. Одной из причин этого была неоднозначная оценка белых в массовом сознании – их образ не был только отрицательным, достаточно вспомнить фильмы «Дни Турбиных», «Бег» и т.д. Еще одной причиной была неоднозначная деятельность Белой Гвардии.

Подверглась изменению и символическая сфера: вернулись прежние названия некоторых городов, таких как Санкт-Петербург, Самара, Екатеринбург, изменялись даты, названия и значения официальных праздников советской эпохи. День Великой Октябрьской Социалистической революции 7 ноября был заменен Днем народного единства 4-м ноября, а 1-е мая приобрел «декоративное значение». Последнее объяснялось снижением значения рабочего класса в условиях становления информационного общества и впечатляющей слабостью профсоюзных организаций в деле защиты прав трудящихся в суровые 90-е годы. Вместе с тем в целом праздникам придается особое значение, так как праздничная культура играет важную роль в формировании российской идентичности [2, С. 52 – 55].

Поэтому особое значение имеет то, что 9 мая остается значимым официальным и народным праздником. День Победы является абсолютной точкой опоры в символической сфере России, подлинным днем народного единства.

В Молдове также произошли изменения в символической сфере: переименовывались улицы, изменялись даты и значения официальных праздников, появились новые праздники. Появились новые учебники истории, где пребывание Бессарабии в составе Румынии (1918-1940) названо Великим объединением, а события 1940 года трактуются как аннексия.

Однако значение праздника 9 мая осталось неизменным. А попытки повлиять на него вызывали реакцию общества – когда в 2010 г. и.о.президента Молдовы М.Гимпу не поехал 9 мая в Москву, население отреагировало мгновенно: количество людей, пришедших праздновать 9 мая у памятников героям войны, резко возросло. В 2014 г. правительство Молдовы решило объявить 9 мая Днем Европы. Это вызвало недовольство, особенно опасное в свете того, что в ноябре должны были состояться Парламентские выборы. Правительство проявило способность к сглаживанию противоречий и перенесло празднование Дня Европы на 10 мая. 9 мая количество празднующих в еще большей степени возросло.

Во многих городах, особенно в Гагаузии, были проведены акции с гигантскими георгиевскими ленточками. Они стали традицией: в 2013 году в Комрате уже разворачивали ленту длиной в 365 метров [7]. В 2014 г. в Кишиневе длина ленты составила 200 метров, ширина 7 метров [8].

В 2015 году празднование 9 мая станет индикатором, который позволит определить, совпадает ли система ценностей у народов и правительств. Разлад в отношении к данному празднику свидетельствует о расколе в обществе. Народ Молдовы показывает свое отношение к празднику уже сейчас. Так, в городе Тараклия ко Дню Победы было высажено 1418 кустов роз [9].

Праздник Победы был и остается самым эмоциональным из официальных праздников. Полярность Дня Победы невозможно пересмотреть и поменять. Никто не готов заявить о том, что Победа над фашизмом – это ошибка или преступление.

Но возможно поставить вопрос о цене и средствах достижения Победы.

Ярким примером подобной попытки является опрос «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней», проведенный в эфире программы «Дилетанты», вышедшей на телеканале «Дождь». Опрос и его результаты вызвали взрыв недовольства, и телеканал был вынужден принести извинения [10]. В России, где безусловная жертвенность – черта национального характера, вопрос о чрезмерной цене Победы не способен коренным образом пересмотреть отношение к войне. Достаточно помнить, что первыми канонизированными святыми Руси стали Борис и Глеб. Но на Западе дискуссии о настроениях населения в период блокады Ленинграда привлекали пристальное внимание исследователей.

Но это лишь эпизод в многолетней работе по изменению представлений о причинах, характере и итогах Великой Отечественной войны. Для СССР и постсоветского пространства она активизировалась в годы перестройки и сразу после распада СССР.

В начале 90-х книжные рынки России были забиты многочисленными экземплярами книги В. Суворова «Ледокол», где автор пытался представить И. В. Сталина в роли несостоявшегося агрессора. А А. Гитлер объявлен правителем, наносящим превентивный удар для защиты несколько разросшейся Германии. Несмотря на антисталинистские настроения в обществе, книга не имела достаточно серьезного влияния. Отчасти в силу этого критика ее не привлекала внимания исследователей, за исключением Г. Городецкого и позже – А. В. Исаева.

Время показало, что умолчание является более действенным средством для изменения отношения к Великой Отечественной войне.

Количество часов истории, выделяемое на изучение тем, посвященных Великой Отечественной войне, сокращалось, воспитательная работа в школах неуклонно сворачивалась. В Молдове использование термина «Великая Отечественная война» заменялось использованием термина «Вторая мировая война». Большой акцент делался на негативной оценке Пакта Молотова-Риббентропа. Мюнхенскому сговору внимание не уделялось. В учебниках XII класса политика III Рейха на оккупированных территориях рассматривалась на примере Холокоста. Использование case study в данном случае позволяет уклониться от рассказа о страданиях остальных народов на оккупированных территориях. Коллаборационизм как явление не привлекает особого внимания составителей учебников. И это в целом характерно для Европы. Действительно, коллаборационизм – сложная для массового сознания на Западе тема. Неслучайно выставка фотографий оккупированного нацистами Парижа, живописующих картины мирной, жизни спровоцировала скандал в Париже [11].

Недостаточная осведомленность о событиях Великой Отечественной войны усиливает эффект попыток пересмотра ее истории.

Пересмотр роли Советского Союза в достижении Победы в массовом сознании осуществляется по различным направлениям: пересматривается значение различных театров военных действий, характер действий советских войск. В массовом сознании на Западе большое значение придается деятельности американцев. Это не удивительно, если снижение роли чтения и увеличение значения аудиовизуальной информации приводит к тому, что представление о войне складывается по фильмам, таким, например, как «Бесславные ублюдки». Да и в современной России в последнее время «творческий взгляд» самовыражающихся режиссеров часто приводит к созданию таких трактовок событий войны, которые не только сомнительны с точки зрения патриотов, но и не разделяются очевидцами-ветеранами. Достаточно вспомнить реакцию ветеранов на отражение характера военных действий в фильмах Н. Михалкова «Предстояние», «Цитадель» [12][13].

Дискредитируется образ советского солдата. Неслучайно пристальное внимание к книге Э. Бивора о штурме и взятии Берлина «Падение Берлина. 1945» [1], где на основе изучения некоторого количества свидетельств очевидцев делаются далеко идущие выводы о моральном облике советских солдат. Автор, однако, не проявляет интереса к изучению свидетельств о действиях солдат войск союзников и к изучению свидетельств о положительном отношении советских солдат к мирному населению.

В последнее время наметилось еще одно направление фальсификации истории Великой Отечественной войны – коллективный вклад советского народа в общую Победу пытаются разложить на этнические составляющие. Наиболее ярко это проявилось в высказывании министра иностранных дел Польши Г. Схетыны о том, что концлагерь Освенцим был освобожден украинскими войсками [14]. Действительный факт о том, что Освенцим освобождали войска 1-го Украинского фронта был подан без упоминания о том, что в годы Великой Отечественной войны названия фронтам присваивалось по региону их действий, а не по национальности служивших в нем солдат.

Пересмотр характера и значения Великой Отечественной войны осуществляется посредством приравнивания коммунизма к фашизму на основании того, что «оба режима были тоталитарными». Очень последовательно этот тезис развивается, например, в книге Ж. Желева «Фашизм. Тоталитарное государство» [4].

Все эти усилия постепенно меняют представление о Великой Отечественной войне в массовом сознании западного обывателя. Но в массовом сознании народов постсоветского пространства глобальному пересмотру мешает актуализация значения Победы 9 мая.

Предпринимаются попытки пересмотреть причины этого. В книге Д. Хапаевой «Готическое общество. Морфология кошмара» [6] значимость воспоминаний о Победе объясняется необходимостью забыть об ужасах коллективизации, депортациях и т.д. Однако эту позицию можно развернуть и

рассмотреть как акцент на ужасах коллективизации, депортациях и т.д. используется для изменения значимости воспоминаний о Победе.

В настоящее время внимание СМИ привлекает такой аспект празднования Дня Победы, как приезд глав правительств Европы на 70-летие Победы в Москву. Для верной оценки действий глав правительств стоит помнить о том, что к началу Великой Отечественной войны Европа практически полностью была оккупирована фашистской армией, и СССР противостоял фашизму практически в одиночку.

В итоге можно сделать следующие выводы: в массовом сознании негативная оценка «исторического» фашизма все еще преобладает. Но меняется представление о том кто, какой ценой и какими средствами победил фашизм. В реальном победителе фашизма стремятся увидеть равного ему по негативной оценке тоталитарного агрессора. Отношение к Великой Отечественной войне в массовом сознании обнажает ценностную систему общества.

Литература

1. Бивор Э. Падение Берлина 1945. Москва: Аст.- 2005. 624 с.
2. Галактионова Н. Роль праздничной культуры в формировании российской идентичности // Вестник МГУКИ. - №2 (34). – 2010. С. 52 – 57.
3. Городецкий Г. «МИФ ЛЕДОКОЛА»: Накануне войны — М.: Прогресс-Академия, 1995. — 352 с
4. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. Москва. Новости, 1991, 336 с.
5. Папцова Алла. Образ прошлого как социокультурный капитал этнорегионального развития. В: Conferința științifică internațională „Politica de stat față de minoritățile naționale și securitatea în bazinul Mării Negre” / «Государственная политика в отношении нацменьшинств и безопасность Черноморского региона» (Chișinău / Comrat, 12-13 mai 2014). Кишинев.-2014. с.99-102
6. Хапаева Д. Готическое общество. Морфология кошмара. Москва: Новое литературное обозрение.-2008. 152 с.
7. <http://ligarus.org/index.php/acti/3298-komrat.html>
8. <http://alfanews.md/ro/stirea-ta/item/1041-tsentr-kishineva-nakryla-ogromnaya-georgievskaya-lenta/1041-tsentr-kishineva-nakryla-ogromnaya-georgievskaya-lenta>
9. <http://nts.md/component/yendifvideoshare/news/493>
10. <http://lenta.ru/news/2014/01/27/raingate/>
11. <http://www.newsru.com/cinema/23apr2008/scandal.html>
12. <http://www.dv.kp.ru/daily/25681/840535/>
13. <http://mkkprf.ru/news-view-10173.html>
14. <http://lenta.ru/news/2015/01/21/ukrosven/>

Формирование образа Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. у послевоенных поколений как гуманитарная проблема

В историческом прошлом имеются события, факты, личности ключевые для мировоззрения некой человеческой общности (социальной, профессиональной, национальной, культурной). Формирование в социуме общей, консенсусной памяти об историческом прошлом представляет собой процесс коммеморации [1]. В этом процессе опираясь на сложившееся понимание прошлого происходит трансляция культурных образов, образцов и ценностей из настоящего в будущее. Тем самым утверждается и сохраняется идентичность человеческой общности. Единство народа существует, пока люди радуются по одному и тому же поводу и плачут по одному и тому же поводу.

В коммеморативной деятельности по увековечению памяти о Великой Отечественной войне, запечатлению её образа в общественном сознании потенциал славного и трагического прошлого может и должен использоваться для духовно-патриотического воспитания молодежи. К сожалению, война остаётся фактором мироустройства: «Всё моё» – сказало злато. «Всё моё» - сказал булат». «Всё куплю» - сказало злато». «Всё возьму» - сказал булат.

Временное отдаление исторических событий приводит к неизбежному угасанию их актуальности в текущей жизни. В народной памяти остаются общие сведения и некоторые самые яркие личности, эпизоды, переломные моменты. Главное – ослабляется эмоциональное отношение к имевшему место в истории. И с каждым поколением этот процесс усугубляется. Не следует никогда забывать злую мудрость: «Если хочешь отомстить врагу, воспитай его детей». Так что прежде всего в семье должны быть озабочены воспитанием детей – единомышленников ради сохранения своих культурно-исторических ценностей.

Коммеморация Великой Отечественной войны осуществляется традиционно в средовом плане (памятники, захоронения, названия городов и улиц и т. д.), в музейной деятельности. Труды историков предоставляют документированные знания о всех аспектах жизни страны в военное время: о работе Государственного комитета обороны, о ходе боевых действий, трудовых достижениях в тылу, о работе медиков, железнодорожников и т. д., о взаимодействии с союзниками, о жизни на оккупированных немецкими захватчиками территориях. Эти знания ценны как основанные на исторических источниках. Их используют в преподавании истории в школе и в институтах. Для формирования эмоционального отклика у подрастающих поколений важны способы и обстоятельства их подачи с учетом детской психологии. Игры и игрушки, кинофильмы, художественная литература соответствующего

содержания имеют большое значение. Кроме того, не следует забывать об опыте юношеских игр типа «Зарница», военно-технических видах спорта.

Литература

1. *И.Н. Юркин*. Памятниковедение науки и техники в контексте теории культурного наследования (коммеморативные аспекты) // История науки в свидетельствах и памятниках Материалы научной конференции. Москва, 24 апреля 2014 г. с.13 – 14.

УДК 378.147+504

Власов А. В.,

*Луганский национальный
аграрный университет*

Патриотическое воспитание будущих специалистов аграрного сектора в контексте профессионально-экологической подготовки

Патриотическое воспитание – это формирование у молодого поколения готовности к выполнению гражданского и конституционных обязанностей, воспитание гордости за свой народ, за тех людей, кто защищал наше Отечество, воспитание чувства гордости к малой родине, тем местам, где мы живем, учимся, растем. Воспитание патриотизма начинается с познания ценностей Отечества.

Патриотическое воспитание будущих специалистов аграрного сектора в контексте профессионально-экологической подготовки.

Патриотизм должен воспитываться в постоянном общении с родной природой, широким знакомством с социальными условиями жизни народа. Когда же говорят о природе, то очень уместно принять мудрое изречение американских индейцев, которые чувствовали свое единство с природой: «Мы не получили землю в наследство от предков, мы одолжили ее у наших детей». Сколько смысла в этих простых словах! Загрязняя и уничтожая природу, мы уничтожаем самих себя, наследие наших предков и будущее наших потомков, мы уничтожаем свою Родину и ведем свой народ к гибели.

Патриотизм – это и бережное отношение к окружающей среде. Те, кто сознательно стал на защиту природы, – настоящие патриоты.

Работа студенческого экологического бюро «Экология человека» в высшем учебном заведении направлена на формирование патриотического воспитания. Целями экологического бюро являются: формирование у студентов представлений о человеке как о части природы, о единстве и ценности всего живого и невозможности выживания человечества без сохранения биосферы, обучение грамотному восприятию явлений, связанных с жизнью человека в природной среде, в том числе и его профессиональной деятельности, то есть формирование экологического самосознания, гражданской ответственности и патриотического воспитания на примерах отношения человека к природе.

Традиционные мероприятия экологического бюро привлекают молодое поколение к различным формам природоохранной деятельности: исследовательской, практической, агитационно-пропагандистской, культурно-

развлекательной и туристско-познавательной. Они помогают им стать социально активными гражданами города, приобрести навыки решения экологических проблем и самим заниматься просветительской работой.

В экологическом движении заметным явлением является просветительская работа и пропаганда экологических знаний через проведение внеаудиторных мероприятий, связанных с экологическими датами страны и мира. Должны проводиться День леса, Год, объявленный годом ЮНЕСКО, Международный день экологических знаний, Международный день биоразнообразия. Существуют множество различных экологических дней, которые люди всего мира отмечают ежегодно. Экологический календарь – один из способов привлечения внимания людей к существующим на сегодняшний день экологическим проблемам, как на территориях отдельных регионов, так и на всем земном шаре.

Деятельность бюро по становлению и развитию экологического самосознания в рамках патриотического воспитания осуществляется по следующим направлениям:

1. *Экологическая пропаганда* – разработка лозунгов, плакатов, значков, эмблем, призывающих к сохранению окружающей среды для воздействия на широкую массу.

2. *Экологическое просвещение* – разработка мероприятий, способствующих распространению знаний о природе и необходимости ее охраны.

3. *Экологическое образование* – создание буклетов, информационных материалов, способствующих обеспечению школьников и населения города систематическими знаниями об окружающей среде.

4. *Эколого-художественная деятельность* – разработка и постановка сценариев литературно-музыкальных композиций, способных на эмоциональном уровне вызвать потребность к сохранению окружающей среды. Этому направлению уделяется большое внимание, потому что пока человек не почувствует сердцем необходимости охраны окружающей среды, никакие законы, лозунги, система штрафов не заставят его это делать. Беречь и охранять родную природу можно только согласно своим внутренним убеждениям.

Экологическое воспитание, развитие экологического самосознания, сущность которого заключается в формировании человека нового профессионально-экологического мышления, способного осознать последствия своих действий по отношению к окружающей среде, умеющего жить в гармонии с природой и направлено на привитие любви к природе.

Воспитание патриота – сложный процесс. Одним из проявлений патриотизма является эколого-профессиональная подготовка будущего специалиста аграрного сектора, поэтому вся работа студенческого экологического бюро направлена на пробуждение любви к родному краю.

Философия войны Н.А. Бердяева в свете опыта Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война была самой страшной войной во всей мировой истории – как по количеству жертв, так и количеству ее участников. Также хорошо известно, что наибольшие потери в этой войне понесли именно народы СССР, причем больше половины этих потерь составило гражданское население (из почти 27 миллионов военные потери составили только около 10 миллионов). Тем самым эта война носила характер откровенного геноцида советского народа со стороны нацистской Германии и ее многочисленных европейских союзников (а последние по численности составляли около четверти всех войск, действовавших против Красной Армии). Более того, в случае победы агрессоров в соответствии с планом «Ост» предполагалось организовать многократное сокращение населения европейской части СССР с целью колонизации ее немцами, причем некоторые территории – Западную и Южную Украину, Прибалтику и Крым – предполагалось полностью «зачистить» от местного населения. Этим определяется вся колоссальность этого события для нашей исторической памяти. Именно в событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно свято помнить и хранить навсегда.

В 2004 году вышла книга одного из «знаковых» авторов для современной русской философии А.Г. Дугина «Философия войны». В ней дана системная парадигма осмысления войны в рамках живой традиции русской православной философии. А.Г. Дугину удается в одной небольшой формулировке объединить этические, экзистенциальные и культурологические смыслы Войны:

«Война имеет начало и конец как исторический период. Но своей неизбежностью, своей повторяемостью, постоянством своих глубинных онтологических причин она превосходит историю, подчиняет ее себе. Это придает ей особое величие. Если люди не будут защищать свой народ и свою веру на войне, они потеряют связь с этим народом, превратятся в жалкие бродячие атомы, а вера их утратит спасительную силу, станет плоской, недейственной, ханжеской мелкобытовой моралью. Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплоченности и жизненной, упругой силы. *Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить.* Это уже призрак, полусущество, случайная тень, несомая к развеиванию в пыли небытия. Поэтому везде, даже в самой мирной из цивилизаций – в христианской цивилизации, никогда не прекращался культ войны и культ воина, защитника и хранителя, стража тонкой формы, которая и давала нации смысл и содержание.

Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель еще земного, но уже православного (т. е. уже ставшего на небесные пути) царства.

Ценности народов, культур и обществ доказываются в войне и через войну. Ценно то, что оплачено кровью. Прекрасно то, в основе чего лежит самоотверженный подвиг. Возвышенно то, за что не жалко отдать множество жизней, – свою и чужие» [3, с. 121].

Отметим, что суть христианского понимания войны явно парадоксальна: справедливая война против агрессора с целью защиты Родины на самом деле является прямым *исполнением заповеди* «Блаженны миротворцы», – а отнюдь не ее нарушением, как обычно думают недалекие «пацифисты» – поскольку *такая война спасает от гибели мирных людей и останавливает агрессора, то есть служит установлению справедливого мира*. Более того, в тех случаях, когда война сознательно ведется с целью *защиты православной веры*, она приравнивается к духовному подвигу и ведет воина в Царствие Небесное.

Обращение к темам философии войны, безусловно, является одним из наиболее ценных и значимых компонентов наследия Н.А. Бердяева – не только в силу глубины и нетривиальности его идей, но и просто в силу особой экзистенциальной смелости и нравственной твердости, которые требуются для ответственного размышления на эти темы. Возможно, именно поэтому философия войны Н.А. Бердяева фактически до сих пор не стала и не могла еще стать предметом специального внимания исследователей его творчества (хотя бы потому, что мало кто из них обладает теми же самыми качествами).

В период Первой мировой войны, которая тогда называлась Второй Отечественной, многие русские философы размышляли о смысле войны. Среди особо ценных, помимо текстов Н.А. Бердяева, стоит отметить размышления В.Ф. Эрна о смысле «германизма» (статья «от Канта к Круппу»). Однако только Н.А. Бердяев создал глубокую и целостную философию войны. Он писал:

«Война не создала зла, она лишь выявила зло. Все современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне» [1, с. 248-249]. То есть война всегда становится радикальным *судом над жизнью* как таковой, обличающая ее самые глубокие пороки, обычно лишь старательно замаскированные в мирной жизни, разоблачая их перед судом вечности, *sub speciae aeternitatis*. Ведь и в мирной жизни гибнут не меньше человеческих судеб и жизней, но под лицемерным покровом «цивилизованных норм» и привычек это кажется незаметным.

Тем самым *Война есть великий разоблачитель неправды* «мирной» жизни. «Можно сказать, – пишет Н.А. Бердяев, – что война происходит в Небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине. Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее

как самостоятельная реальность, – оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны как материального насилия чисто рефлективная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни» [1, с. 247]. Этими тезисами Н.А. Бердяев перемещает сознание читателя в область метафизического понимания войны, на основе которого уже можно понимать и ее высший, религиозный смысл: «В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Физическая смерть менее страшна, чем смерть духовная. А до войны, в мирной жизни убивались души человеческие, угасался дух человеческий, и так привычно это было, что перестали даже замечать ужас этого убийства. *На войне разрушают физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться.* Очень характерно, что более всех бояться войны и убийства на войне – позитивисты, для которых самое главное, чтобы человеку жилось хорошо на земле, и для которых жизнь исчерпывается эмпирической данностью. Тех, кто верит в бесконечную духовную жизнь и в ценности, превышающие все земные блага, ужасы войны и физическая смерть не так страшат. Этим объясняется то, что принципиальные пацифисты встречаются чаще среди гуманистов-позитивистов, чем среди христиан. Религиозный взгляд на жизнь глубже видит трагедию смерти, чем взгляд позитивно-поверхностный» [Выделено мной. – Авт.] [1, с. 249].

Для воинов Великой Отечественной, которых хотя и успели крестить в детстве, но всю остальную жизнь укореняли в безбожии – для них уже не могло быть православного умиротворенного восприятия смерти: смерть для них предстала в своем обнаженном бессмысленном лике – но именно в этом самом трудном состоянии они сумели победить страх перед ней!

Каким же образом может на войне возродиться душа?

В выделенных нами словах содержится именно тот важнейший смысл войны, который делает ее *духовным испытанием народа* и который, несмотря на огромные жертвы и бесчисленные трагедии, делает народ сильнее, чем он был ранее, именно в нравственном и духовном отношении. Именно Война дает тот опыт Родины, который созидает народ как единое целое, и ту священную память о героях и жертвах, которая делает и все последующие поколения снова готовыми к подвигам и жертвам ради защиты своих святынь. В свою очередь этот опыт Родины и опыт жертвенности своей жизнью ради защиты святынь – это и есть *духовное пробуждение* человека, не зависящее от его убеждений и мировоззрения, поскольку уже сам факт жертвования собой для ближних – для Родины – это уже сам по себе акт «духовного рождения» человека.

Исходя из этого, Н.А. Бердяев справедливо усматривает в войне базовое онтологическое единство экзистенционального и эсхатологического измерений – единство каждой человеческой судьбы с общей судьбой мира сего. В этой глубине воочию явлены парадоксы, обусловленный парадоксальностью самой природы человека, в которой нераздельно и неслиянно сосуществуют вся

глубина Первородного греха и ненарушимый образ Божий. Вот его ключевая формулировка онтологии и экзистенции войны:

«Война есть имманентная кара и имманентное искупление. В войне ненависть переплавляется в любовь, а любовь в ненависть. В войне соприкасаются предельные крайности и дьявольская тьма переплетается с Божественным светом. Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни. Пацифизм есть рационалистическое отрицание иррационально-темного в жизни. И невозможно верить в вечный рациональный мир. Недаром Апокалипсис пророчесствует о войнах. И не предвидит христианство мирного и безболезненного окончания мировой истории. Внизу отражается то же, что и наверху, на земле то же, что и на Небе. А вверху, на Небе, ангелы Божии борются с ангелами сатаны. Во всех сферах космоса бушует огненная и яростная стихия и ведется война. И на землю Христос принес не мир, но меч... Но весь ужас жизни изживается христианством, как крест и искупление вины. Война есть вина, но она также есть и искупление вины. В ней несправедная, грешная злая жизнь возносится на крест» [Выделено мной. – Авт.] [1, с. 251-252].

Тем самым война служит *нравственному очищению и искуплению уже совершенных грехов через страдание*. Этот фундаментальный смысл войны возродился у тех русских философов Серебряного века, которые остались верны глубинным основам православного духа, не разрушенного атеизмом.

Н.А. Бердяев глубоко раскрыл парадоксальную сущность войны:

«Война – антиномична по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война и служит она полноте жизни. И война сеет смерть. Цель войны – мир и объединение. Войны были могущественнейшим средством объединения человечества... С древних времен через войны объединялись человеческие общества в большие исторические тела, в огромные империи; через войны разливались народы по поверхности земли, и этим путем уготовлялись единое человечество и единая всемирная история! И война же была выражением самого кровавого раздора в человечестве, взаимной ненависти народов и жадности истребления. Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло. Война – порождение греха и искупление греха. Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нём окончательного устройства, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия. Война наносит самые страшные удары мещанству, мещанскому покою и удовлетворенности» [2, с. 269].

Проходя через смерть в страшной Войне, аморфный ранее народ, не единый по своим качествам и убеждениям, осуществляет вхождение в сакральную общность людей Родины. (А отказавшиеся войти в эту общность становятся Предателями в сакральном смысле этого слова, делающим невозможным никакое прощение и забвение в принципе – таковы, например, гитлеровские пособники всех мастей, из которых ныне кое-кто даже пытается

делать «героев»). Сакральная общность людей Родины создается общей бедой и горем, а формируется на века – общей Победой.

Уникальные духовные и нравственные качества русского народа – это не только результат тысячелетней жизни в лоне Православной Церкви, но также и результат постоянных войн против агрессоров, приходивших на Русь с Востока, и особенно с Запада. Именно благодаря этим качествам русский народ сумел вынести три самых страшных в мировой истории вражеских нашествия – татаро-монгольское, наполеоновское и гитлеровское, и сумел выстоять и победить. В Откровении св. Иоанна Богослова о последних временах и конце истории мира сего свидетельствуется, что перед концом человечество еще перенесет такие страшные войны, которых не было никогда ранее. Поэтому способность воспринимать войну со всей духовной трезвостью – важнейшее качество человека в последние времена, без которого ему не устоять в Правде.

Для современного человека опыт войны приобрел особое смысловое значение, поскольку развеивает многие иллюзии, созданные современной цивилизацией. В первую очередь война напоминает людям о бренности и быстротечности их земной жизни, о наивности любых попыток построить «рай земной», в котором не будет никаких проблем (и эта наивность лежит в основе современной западной цивилизации); о поврежденности человеческой природы Первородным грехом, делающей неизбежными бесконечные конфликты и войны, и, наконец, ничто не учит так, как война, подлинной молитве и полному доверению себя воле Божией. Войны всегда были великими воспитателями народного духа, уча людей самопожертвованию и способности «положить душу за други своя» – высшему проявлению земной любви.

Великая Отечественная война навсегда останется великим *воспитателем* нашего народа. Пока хранится память о великой Победе, наш народ духовно жив и способен к нравственному развитию. Именно поэтому украинские неонацисты сейчас стремятся уничтожить священную память о Войне – чтобы превратить жителей Украины в легко манипулируемое стадо. Но их уже скоро ждет судьба их гитлеровских наставников – позор и место на свалке Истории.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: АСТ, 2005. – 333 с.
2. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – М.: АСТ, 2006. – 349 с.
3. *Дугин А.Г.* Философия войны. – М.: Яуза, 2004. – 256 с.

УДК 179.6 (477.61)

Дулина Н. В.,

Волгоградский государственный технический университет

Подвиг на Волге как «место памяти» для современной студенческой молодежи (по итогам социологического исследования)

Исследователи и эксперты сходятся во мнении, что история человечества, такая, какой она была на протяжении многих сотен и тысяч лет, по-видимому,

близка к своему завершению. «Нарастает ощущение исторического перелома, вступления общества в какую-то новую фазу с неясными еще очертаниями и альтернативами», – пишет Г. Г. Дилигенский [5, с. 46]. Памяти (народной, исторической) в условиях слома-перехода общества отведена особая роль. В этой связи встает вполне закономерный вопрос об исторической памяти о Великой Отечественной войне (ВОВ): ведь чем дальше уходит в прошлое (стирается в памяти?) ВОВ, тем острее встает проблема исторической памяти о ней. И особый интерес представляет знание о том, как студенты, т. е. те, кто будет определять будущее страны, относятся к этому событию 70-летней давности, что знают о событиях тех далеких дней, что для них является «местом памяти». Заметим, что в своих исследованиях мы довольно часто обращаемся к данной теме, (см., напр., [6,7] и др.). «Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [12, с. 17].

Вряд ли стоит особо доказывать, что учебник истории и народная память – это далеко не одно и то же. Как отмечает В. Н. Бадмаев, «прошлое, реконструированное исторической наукой, оказывается гораздо сложнее и многограннее схематичных образов исторической памяти. Исторический континуум продолжает сохраняться в актуальном бытийном пространстве социума не только в виде набора «унаследованных» от прошлого артефактов, но и в качестве исторической памяти» [2, с. 78].

«Место памяти» – это понятие, введенное в научный оборот П. Нормом, французским историком, который продолжает исследования, начатые Морисом Хальбваксом, который, в свою очередь и в свое время, положил начало изучению исторической памяти вообще [13]. М. Хальбвакс выдвинул и обосновал тезис о существовании данного феномена как средства самоидентификации различных сообществ людей. Для М. Хальбвакса память является социальной конструкцией, создаваемой в настоящем. Память понимается не как механическая сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты.

Не вдаваясь в тонкости научной дискуссии о соотношении исторической науки и исторической памяти, напомним лишь, что работы М. Хальбвакса, оказавшиеся особенно востребованными в последние десятилетия XX века, положили начало новому междисциплинарному направлению исследований [1, 11, 12]. Социальная память, ее формирование, а также отношение между социальной памятью и историческим знанием стали темой широких научных и общественных дискуссий. В этих дискуссиях обозначились две стороны, демонстрирующие одно весьма важное различие. Так, если для М. Хальбвакса и

некоторых его последователей социальная память и историческая наука выступают как антагонисты (историческая наука начинается там, где заканчивается коллективная память, и наоборот), то новое поколение ученых формирует иную позицию и склоняется к сближению этих понятий. Например, П. Гири отмечает, и с этим трудно не согласиться, что когда постулируют дихотомию коллективной памяти и истории, упускают социальный и культурный контекст, в котором находится сам историк» и приписывают историческому знанию объективность и внеисторичность, которых оно вряд ли заслуживает. «Историки работают с некоторой целью – по существу затем, чтобы формировать коллективную память исторического цеха и, в конечном счете, общества, в котором живут. Ученое разыскание стремится к тому, чтобы преобразить коллективное понимание прошлого» [3, с. 118]. Иначе говоря, историческая память – это своеобразная оценка результата деятельности историков по формированию коллективной памяти.

Собственное представление о коллективной памяти студентов о ВОВ, сформированной как исторической наукой, так и повседневной практикой, можно составить, если обратиться к результатам всероссийского опроса «Современное студенчество Великой Отечественной войне», инициированного Российским обществом социологов (РОС). Полевой этап исследования прошел в ноябре 2014 года – январе 2015 года. Всего в ходе исследования было опрошено около 5 тысяч (4754) студентов из полусотни вузов почти 30 городов России. В исследовании не представлены только Северо-Западный и Крымский федеральные округа. Научные руководители проекта: Ю. Р. Вишневецкий (г. Екатеринбург, УрФУ), Е. Н. Икингрин (г. Нижневартовск, НГУ), Н. В. Дулина (г. Волгоград, ВолгГТУ), Е. И. Пронина (г. Москва, ИС РАН). Технические параметры проведенного исследования представлены на официальном сайте РОС.

В перечне вопросов, предложенных студентам инструментарием исследования, был и такой вопрос: «Знаете ли Вы важнейшие события, сражения Великой Отечественной войны?». Перечень наиболее важных событий и сражений ВОВ, по мнению опрошенных студентов, выглядит следующим образом (см. табл.). В таблице представлены те события и сражения, которые указали не менее 10 % студентов, опрошенных в ходе исследования.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что в условиях нашего быстротекущего времени (или ускорения истории?), «местом памяти» по меньшей мере для современных студентов является Сталинградская битва. Битва, исторические рамки которой принято обозначать следующим образом: 17 июля 1942 года – 2 февраля 1943 года, и которая оказалась самым кровопролитным сражением в истории человечества. Оборонительные бои на подступах к Сталинграду продолжались 57 дней и ночей, именно в это время и был издан приказ № 227, известный больше как «Ни шагу назад!». По приблизительным оценкам специалистов, суммарные потери обеих сторон в этом сражении превышают два миллиона человек [10]. За каждое здание, за каждую пядь земли бойцы стояли насмерть, обагрив их кровью. Генерал

А. И. Родимцев назвал бой в здании самым тяжелым боем. Ведь здесь нет привычных понятий флангов, тыла, за каждым углом может таиться враг. Город беспрерывно подвергался обстрелам и бомбежкам, горела земля, горела Волга. Из пробитых снарядами нефтебаков нефть огненными потоками устремлялась в блиндажи и окопы. Примером беззаветной доблести советских воинов стала почти двухмесячная оборона дома Павлова. Выбив врага из четырехэтажного здания на улице Пензенской, группа разведчиков во главе с сержантом Я. Ф. Павловым превратила дом в неприступную крепость. Таких примеров подвига и героизма Сталинградская битва предоставила истории огромное количество.

Таблица

Мнение студентов о важнейших событиях, сражениях
Великой Отечественной войны

Название события, сражения	%%
Сталинградская битва	52.2
Блокада Ленинграда	41.9
Курская дуга	38.3
Битва за Москву	27.0
Брестская крепость	12.4
Взятие Берлина	11.0

Для более глубокого понимания того, что именно Сталинградская битва в настоящее время является «местом памяти», уместно напомнить, что историческое сознание – это не только знание о прошлом, но и его переживание. Это не просто умение перечислить факты и объяснить их, но и способность увидеть в них часть своей жизни, что-то личное, значительное, близкое, ценное. Ценностный подход к прошлому позволяет в полной мере проявиться практическому (воспитательному) значению истории [4, с. 32].

Поскольку историческая память предполагает сознательное обращение к прошлому, со всеми его плюсами и минусами, негативным и позитивным содержанием, то можно предположить, что Сталинградская битва достаточно хорошо известна студентам. Ведь, как известно, мы знаем лишь то, что помним. Сталинградская битва, указанная студентами в большинстве случаев как одно из важнейших сражений ВОВ, является одним из «мест памяти» для современной студенческой молодежи. Место памяти – это то место, которое воплощает в себе единство духовного и материального порядков, которое со временем и по воле людей становится символическим элементом наследия национальной памяти общности. Символическим местом Сталинградской битвы стал Мамаев курган, памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» и композиционный центр всего мемориала – скульптура «Родина-мать зовет!». Причем, как показывают исследования, Мамаев курган – это «место памяти» о ВОВ не только для студентов (см., напр., [8, 9] и др.).

Память, как полагает П. Нора, «укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [12, с. 20]. И если сегодня таким местом является Мамаев курган, то необходимо потенциал этого пространства использовать для

духовно-нравственного воспитания молодежи. Завершая представление результатов социологического исследования, отметим, необходимость постоянного и глубокого исследования феномена исторической памяти, поскольку это имеет не только научное, но и практическое значение.

Литература

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Издательство «Языки славянской культуры». Серия *Studia historica*, 2004. – 368 с.
2. Бадмаев, В. Н. Ментальность и историческая память / В. Н. Бадмаев // Вестник Калмыцкого университета, 2012. – № 1. – С. 78–84.
3. Гири, П. История в роли памяти? / П. Гири // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. – М., 2005. – С. 106–120.
4. Гулыга, А. В. Искусство истории / А. В. Гулыга. – М.: Современник, 1980. – 288 с.
5. Дилигенский, Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 34–53.
6. Дулина Н. В., Овчар Н. А. Волгоград. Град обреченный?.. (К вопросу о необходимости сохранения прошлого для обретения будущего) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (65). 2012. № 4. – С. 207–213.
7. Дулина Н. В., Овчар Н. А. Не прошедшее время: студенчество о Великой Отечественной войне / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 9 (69) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2010. – С. 164–166.
8. Дулина, Н. В., Токарев, В. В. Восприятие населением региона памятников, расположенных в Волгограде (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Сталинградская битва в судьбах народов: материалы Международной научно-практической конференции, 2012 г. / [редкол.: М. М. Загорюлько (гл. ред.) и др.]. – Волгоград: Принт, 2013. – С. 230–232.
9. Регион: пространство смыслов и содержание: коллективная монография / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев / под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – 294 с.
10. Сталинград. Бессмертный подвиг русского величия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stalingrad.tamb.ru/battle.html>.
11. Франсуа, Э. «Места памяти» по немецки: как писать их историю? / Э. Франсуа // *Ab imperio*, 2004. – № 1. – С. 29–43.
12. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.
13. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

CONCEPTUAL FRAMEWORKS AND THEIR ROLE IN SOCIAL INQUIRY⁸

ESSENTIALLY-OBFUSCATING CONCEPTS: TOTALITARIANISM, FOR EXAMPLE

The collapse of the USSR was completely unexpected by those who studied Soviet politics. Most specialists were surprised and have paid little attention since the collapse to the processes and developments that had brought it about. The Soviet Studies literature is of little assistance in making sense of what happened. In retrospect, it seems obvious, even to non-specialists, why the USSR collapsed. Yet few specialists have devoted their attention to the question of why such so many of them were so blind to what was going on over the years. I suggest that a large part of the explanation for this blindness has to do with the framework of inquiry that dominated research—the “Totalitarian Model.”

The term “totalitarianism” was coined and gained currency in response to what certainly looked like a new type of regime. Various writers, observing the Soviet Union under Stalin, Germany under Hitler, usually Italy under Mussolini, perceived, abstracted, and wrote about the shared “totalitarian” character of these regimes. The family resemblance is due to the fact that the regimes to which the concept was originally applied shared several dramatically visible features which made them appear to be unique and essentially similar to each other. The Nazi and Stalinist regimes were based upon totalist ideologies coupled to mass movements which were propelled and guided by these ideologies. These regimes actually attempted to remold society and its citizens along the lines of their totalist official ideologies. As William Zimmerman puts it: “Teleologically, the regimes seemed to entertain and seriously aspire to uniquely all encompassing goals. There was enough substance in the rhetoric of the building of a new Soviet man, for instance, as to suggest that these were novelly purposive political systems. Instrumentally, the regimes seemed to have developed a new form of rule in that terror was used systematically as a political instrument for engendering the rapid circulation of elites and the atomization of the masses...behaviorally, also, Nazi Germany and Stalinist Russia were thought to be set off from other authoritarian regimes... [since] the traditional distinction between state and society, between politicization and socialization, was erased. No longer was mere compliance tolerable; for the first time affirmation became the norm and affect totally mobilized” [2, p. 1279].

⁸ This publication is an abstract from [1], made with author’s permission.

These features were abstracted from reality and the regimes to which they were applied were described as totalitarian by many scholars. As the abstraction became widely accepted, this set of features tended to become reified or hypostatized, viewed as a concrete thing. It became the preconceived theoretical model through which communist and fascist regimes were viewed. Of course, evidence could always be found to confirm the continuing correspondence of the model to reality--evidence of persistence of the essential traits of totalitarianism "behind the changing, observable events as a kind of permanent ghost or essence" [3, p. 136].

ARE THERE BREAKTHROUGHS IN SOCIAL SCIENCE?

Social scientists do not need to be reminded that conceptual breakthroughs are rare in the social sciences, if they occur at all. Most would agree that the social sciences are still awaiting their Newton. However, the situation with regard to breakthroughs in social science isn't entirely bleak. Stanley Milgram, Robert Jervis, Mancur Olson, Ervin Goffman, Herbert Simon, Elinor Ostrom, and Murray Edelman are examples of some post-War social scientists who have made breakthroughs. One might add Karl Marx's discovery of the impact of the socio-economic base on thought, Sigmund Freud's discovery of the unconscious, Emile Durkheim's discovery of social facts, and Max Weber's discovery of the link between Protestantism and capitalism. Some of the classics of political theory/philosophy have breakthrough character, for example, Plato's sociology and political theory, Machiavelli's theory of government, and Hobbes's theoretical solution to the problem of why free and equal human beings, born with natural right would submit to being governed. Although I have intentionally left out many celebrated, highly-competent, and useful scholars from my list, it is by no means intended to be exclusive.

CONCLUSION: IT'S LARGELY A MATTER OF AWARENESS AND ATTITUDE

It is difficult to formulate problems and hold them at the center of research. Formulating genuine research problems and holding them open requires determination, imagination and struggle. Problems often dissolve as researchers discover the naivete or falsity of assumptions underlying them. As Einstein once put it, "If we knew what we were looking for, it wouldn't be research, would it?" Grappling with open problems requires a high level of tolerance of ambiguity and uncertainty. And there is never a guarantee that a scientist will succeed, even in formulating a real problem, let alone in finding a solution.

The human psyche is uncomfortable with open problems, and routinely ignores or papers them over without addressing them. Many scientists design their studies in terms of prevailing paradigms and methods rather than confronting real problems. The desire to work within a set framework, to follow a formula or template is all too understandable from a psychological point of view. It is even more understandable when considerations like promotion and tenure enter the picture.

Formulae, templates, and methods impose and freeze their own order into research. As Einstein writes: "Concepts which have proved useful for ordering things easily assume so great an authority over us, that we forget their terrestrial origin and accept them as unalterable facts. They then become labeled as 'conceptual necessities,' etc. The road of scientific progress is frequently blocked for long periods

by such errors." As Marx Wartofsky points out, "ontology recapitulates methodology" [4, p. 112]. We may believe that we are using methods that are free of metaphysical commitments. Yet the picture of reality resulting from research will be shaped and colored a priori by the method used to investigate it. An x-ray photograph shows mostly bones. A picture made with infrared film shows objects in terms of temperature. A quantitative study will produce a picture of reality painted in numbers.

As challenging as the problems discussed in this paper may be, the situation is far from hopeless—even in the social sciences. The social sciences may be especially prone to using concepts beyond their range of fruitful application. This means that greater attention needs to be paid to the ambivalent roles concepts and frameworks may play in inquiry. All too often, social scientists fly blind; unaware of the impact their concepts, frameworks, and methods have upon their research. The fact that the social sciences are fraught with concepts and frameworks that can be both depth probes and inquiry blockers points to a special need for awareness of danger of interpreting and reinterpreting the world in various ways, without deepening understanding. There are many devices that help make it possible to overcome the inquiry blocking effects of most inquiry blockers. Most important is to formulate a live problem—a question that really makes us curious. It is a good idea to try out problem formulation(s) on one or more non-specialists. Does the problem as formulated make them curious? Too many studies are tailored to methods. To avoid and/or break out of conceptual blockage, the research problem should be formulated independently of methods and techniques. Methods and techniques should be subordinate to problems. If they suffocate the research process, they are not useful anyway.

It is possible for social scientists to break out of the prisons of their belief systems, but it usually isn't easy. If our beliefs are formulated as empirical hypotheses, they extend into the Real World, beyond the prison of any reification in which we happen to be trapped. If an hypothesis is formulated boldly and sharply, if it asserts that something is true of the Real World, it may be refuted by information from the Real World. In this way, we can break out of our framework prisons. To be sure, each time we break out of the prison of a particular framework, we end up in another framework prison, though hopefully closer to the truth about the World.

List of literature

1. Eidlin Fred. Concepts as depth-probes, concepts as inquiry-blockers // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: науч. журнал. Симферополь, 2014. Том 27 (66). №1-2. С. 11 - 29. – (Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»).
2. Zimmerman W. Review of Totalitarianism in Perspective: Three Views. By Carl J. Friedrich, Michael Curtis, Benjamin R. Barber [Text] / William Zimmerman // The American Political Science Review. – 1970. – Vol. 64. – P.1279-1280.
3. Popper K. R. Conjectures and refutations: The Growth of Scientific Knowledge [Text] / Karl R. Popper. – New York : Harper & Row, 1968, – 417 p.
4. Wartofsky M. How to Begin Again: Medical Therapies for the Philosophy of Science [Text] / Marx Wartofsky // Proceedings of the 1976 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association [Frederick Suppe & Peter Asquith, eds] – PSA 1976. – Vol. 2 (East Lansing, MI: Philosophy of Science Association). – P. 109-122.

УДК 179.6:1(091)(470)

Чекер Н. В.,

*Луганский национальный аграрный университет
tamir73@mail.ru*

Пантюхов О. Д.,

*Луганский национальный аграрный университет
pantukhovoleg@mail.ru*

Дибач Я. И.,

*Корсунская епархия, г. Торревьеха, Испания,
6493734@gmail.com*

И. А. Ильин: трагедия несправедного подвига

И самый меч его становится *огненной молитвой*.
Иван Ильин. О сопротивлении злу силою

Эпиграф к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» гласит: «...смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством...» [1, с. 4]. Это место из «Молитвы» английского священника и поэта Джона Донна религиозно созвучно самой теме войны. Война предполагает смерть: как возможность собственной смерти, смерти близких и дальних, так и убийство противника. Можно ли говорить о нравственной оправданности войны, о нравственной обязанности противящегося злу и насилью человека физически уничтожать носителей этого зла?

Главный смысл такого страшного явления, как война – в нравственной противоречивости и даже неразрешимости этой задачи человеком. Именно к этой проблематике обращается Ив. Ильин в сочинении «Основное нравственное противоречие войны». Не имея возможности повлиять на факт продолжающихся войн, мы можем углубиться в понимании того, какой исход для конкретного участника войны возможен и как эту нравственную проблему можно и должно решить, решить жизненно, действительно, и решить теоретически – перед Богом и собственной совестью.

Смерть каждого человека умаляет и меня по непреложному закону «психической и духовной» связности всех людей [2, с. 14]. Иван Ильин пишет об этом единстве, которое усиливает и делает важным и заметным любое проявление человеческого духа, которое находит отклик и отражение в других. Сила таких действий в этих условиях «удесятерится, передаваясь от души к душе» [2, с. 15]. А поэтому и всякий акт насилия также «умножается в душах людей по тому же самому закону» [2, с. 15].

По мысли философа, совесть априори не дает разрешения на убийство, она тяготеет перед неразрешимой моральной задачей: «Какой бы исход ни выбрал человек, смутное, но незаглушимое, чувство нравственного неодобрения обещает сопровождать его на его пути» [2, с. 8]. Ильин обращается к своей художественно-образной терминологии, говоря о нелюбовности, необратимости и недопустимости этого страшного акта. Убийца

разрывает ткань жизни, живую соединенность всех людей. Это не только отказ от связности всех людей, но и её упразднение. Такая формулировка мучительна для русского философа, и к её пересмотру он вернётся в книге «О соприотвлении злу силою».

В «Основном нравственном противоречии войны» Ильин утверждает, что к точке невозврата неизбежно приходят обе стороны противостояния, а «война ... не есть явление случайное ... наоборот она есть зрелый и неизбежный плод *всего* нашего жизненного уклада» [2, с. 23]. Причем, если ненависть или предельную конфронтацию ещё можно исправить, ещё можно покрыть и исцелить любовью, то убийство – нет. Убийца похищает власть над убитым, и в то же мгновение лишается её. О, поистине, бессмысленное и абсурдное дело!

Поэтому нет, и не может быть нравственного оправдания убийств даже в целях защиты и самообороны. Но войны – это факт человеческой истории, и зачастую – обороняющаяся сторона вынуждена использовать убийство – зло (в «Основном нравственном противоречии войны» любое убийство ещё истолковывается Ильиным как зло) в качестве пресечения зла. И это является главным противоречием войны: совесть требует всегда максимального раскрытия идеального образа действия – то есть отсутствия насилия, убийств и войн, но практическое достижение предполагает именно такие средства. Вот поэтому Ильин предлагает разделить методы практического достижения цели и саму цель. Цель оборонительной войны – благородна, свята и героична. Но её методы не могут быть оправданы совестью. Человек как бы становится заложником чужой неправды и греха, чужой агрессии и насилия... Конечно, в такой ситуации воину следует избирать путь защиты. Защиты того святого, истинного и ценного, что превышает ценность индивидуального существования, а точнее говоря, задаёт смыслы этого существования.

А если кратко: «Мы войну и принимаем и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения» [3, с. 183]. Очевидно, такое нравственное несовершенство не является абсолютным, ибо утратить свою идентичность и предать свои корни было бы большим духовным преступлением, по мнению Ильина, чем просто сдаться.

Особенно это ужасно чувствуется во время гражданских войн, когда из-за разных духовных устремлений жертвами становятся не устремления, не идеи, а люди одной крови, такая война прямо восходит к библейской истории о Каине и Авеле.

В романе «По ком звонит колокол», где действие как раз развивается во время гражданской войны в Испании, главный герой спрашивает старика из отряда:

«– Но все-таки ты ведь убивал?

– Да, – сказал Ансельмо.

– Много раз убивал, и еще буду убивать. Но без всякой охоты и помня, что это грех» [1, с. 28].

Выход из этой роковой «необходимости» старик находит верно. Не оправдывая своего и коллективного преступления, он говорит о всенародном покаянии после войны или его аналоге в виде труда, которое помогло бы

человеку не просто исправиться или переосмыслить содеянное, но пройти путь духовного очищения.

Человеку свойственно внутренне переживать свои поступки. Когда сознание убившего вновь обращается к акту убийства, только уже не соглашаясь на него и сожалея о случившемся, то воля исправляется в тот же миг горячей решимостью и внутренним несогласием на такое дело. И в этом акте воли человек получает исцеление. Он изглаживает свое преступление здесь и сейчас и не просто перед своей совестью: убийца в себе меняет прошлое в настоящем. Такое сознание уже не есть сознание убийцы. Решение проблемы добра и зла, войны, ее нравственной оправданности или недопустимости лежит «во внутреннем душевно-духовном мире человека, ... борьба со злом и преодоление зла могут произойти и должны достигаться именно во внутренних усилиях и преображение будет именно внутренним достижением» [2, с. 45].

С этого начинается покаяние. В статье «Основное нравственное противоречие войны» Ильин утверждает, что испытание войной может ожесточить и стать побудителем зла, а может наоборот, привести к «очищающей любви и духовной прозорливости», подтолкнуть к добрым последствиям для человека и общества.

Интересно сравнить взгляды И. Ильина и Н. Бердяева. По мысли Бердяева, война является лишь выражением и проявлением зла, война «выбрасывает его наружу» [3, с. 179]. В войне «неправедная, грешная злая жизнь возносится на крест» [3, с. 181]. Она противоречива так же, как и христианское понимание жизни, истории (в том числе метафизической). Это факт, который не вмещается в сознание, но предстоит человеческому сознанию. И очевидно, что тут человек не беспомощен. Как утверждает Бердяев, «есть искупление в самом принятии на себя вины. Виновость бывает нравственно выше чистоты. Это нравственный парадокс, который следует глубоко продумать. ... Нравственно выше — возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину» [3, с. 182]. Нравственность хоть и абсолютна в своем предельном, совершенном выражении, но в греховном человеческом мире она задаёт ориентиры для достижения высших целей и задач человека, которые лежат только в духовной сфере. Точка зрения Бердяева отражает общую тенденцию русского религиозно-философского осмысления данной тематики, попадая в общее дискурсивное поле с Вл. С. Соловьёвым, Ф. М. Достоевским, С. Л. Франком и др.

Так в «Трех разговорах» Вл. Соловьева есть рассказ генерала, который повествует о мерзких преступлениях башибузуков по отношению к армянскому населению. Генерал собирает казаков и дает отпор преступникам. И вот его слова: «Тут со мною вдруг какое-то просветление сделалось. Сердце будто растаяло, и мир Божий точно мне опять улыбнулся» [4, с. 17].

Но взгляды И. А. Ильина при своём кажущемся подобии заключают в себе глубокое отличие от вышеприведённой позиции. Ильин переживает нравственный парадокс войны острее и иначе: «Сомнение в совести, как в последнем и высшем источнике нравственной очевидности,— вот первое глубокое последствие, к которому философское сознание может быть, по-

видимому, приведено войною» [2, с. 8]. Человек оказывается в состоянии внутреннего разлома, нецельности, которое может «в конец обессилить душу» [2, с. 9]. И хотя Ильин говорит о необходимости мужественного и сознательного принятия на себя вины ради отстаивания духовного достоинства своего народа, о необходимости «виновного подвига», тем не менее, в работе «Основное нравственное противоречие войны» чувствуется определённая неудовлетворённость автора результатом собственного теоретического рассмотрения.

Если для Бердяева всякое противоречие несёт в себе творческий, положительный смысл и в огне творчества происходит катарсическое преобразование человека, то для Ильина противоречие есть духовная рана, если не обессиливающая в конце, то ослабляющая. И хотя, как утверждает мыслитель, доверие к совести может быть восстановлено и будущее может открыться «как возможность освобождения от кошмара прошлого», но это не решает противоречия в настоящем и не даёт достаточного основания для непоколебимого действия в настоящем [2, с. 30].

Иначе говоря, согласно Бердяеву противоречивость есть неотъемлемое свойство жизни даже в её высшем Бого-человеческом измерении, и даже в этом измерении жизнь трагична. Неверно думать, что такое понимание привносит некую безысходную мрачность в высший, духовный план бытия. Скорее наоборот, *трагедия* полностью изживает эллинистическую фатальность и обретает жизнеутверждающую миссию. А вот для Ильина высшая, совершенная духовность непротиворечива по определению. И тем болезненнее ощущается им разрыв между высшим, идеальным и реальностью. Но это также значит, что должен существовать жизненный, реальный путь приближения к идеалу, при всей его недостижимости. Этот путь подобен посмертному «пути» Сизифа. На наш взгляд, совершенно прав И. И. Евлампиев, утверждая родственное подобие взглядов Ив. Ильина и А. Камю.

Должны быть чёткие духовные ориентиры, духовная очевидность, теоретически обосновывающая действенное сопротивление злу, физическое пресечение зла, вплоть до убийства. Это не значит, что человек способен прозреть эти ориентиры абсолютно безошибочно, и тем более безошибочно их осуществить – иначе бы он не был человеком, а был бы ангелом или Богом. Согласно Ильину все, так или иначе, сопричастны и со-участны злу. Зло присутствует в межчеловеческом мире, обрекая даже лучших представителей человечества на муки несправедного действия.

К поиску духовных ориентиров несправедного жизненного подвига Ильин обращается в одном из главных своих сочинений «О сопротивлении злу силой». Здесь он говорит не только о войне, но о сопротивлении напору зла в себе и окружающих, в любых жизненных ситуациях. И всё же война остаётся предельной ситуацией такого сопротивления. Как отмечает И. И. Евлампиев, главной целью философских построений И. Ильина оказывается «обоснование возможности жить в условиях, когда сама жизнь, становится подвигом» [5, с. 237]. В новом концептуальном решении, предлагаемом И. Ильиным, есть весьма необычные черты. Во-первых, философ пытается дать понятийное

разграничение «неправедности» и «греха», «заставления» и «насилия», и таким образом – построить понятийное разграничение добра и зла. Ильин говорит об истинном (и в этом смысле, идеальном) носителе меча, что он «героически выявляет противоположность добра и зла: проводит между ними четкую и драгоценную грань» [6, с. 521].

Сопrotивление злу есть избрание волей истинного Предмета служения. В случае правильного избрания, нравственно несовершенные действия не являются греховными. Всякое нравственное несовершенство (а уж тем более убийство) неправедно, но при этом человек может быть «не праведен, но прав» [6, с. 563]. Грех – это осуществление недолжного, но «*сопротивление* злу как таковому всегда остается делом благим, праведным и должным» [6, с. 549]. Грех, по Ильину, предполагает отпадение от служения Божьему делу, а неправедность – лишь неизбежное в человеческом мире несовершенство этого служения. Насилие есть использование силы во зло, поэтому не всякое психическое и физическое понуждение, не всякое убийство насильственно.

Во-вторых, своеобразны рассуждения Ильина о видоизменениях любви. Фактически философ предельно разводит «душевно-телесную» и «духовную» любовь. При этом духовная любовь может проявляться как в положительном, так и в отрицательном своём лике. А в случае встречи «между подлинною духовностью и подлинным злом» рождается отрицательная любовь, которая «находит свое завершение в земном устранении отрицаемого злодея» [6, с. 501]. Более того «тёмные лучи любви» могут привести душу сражающегося к состоянию окаменевшего ожесточения! [6, с. 537]. По сути именно любовь оказывается единственным достаточным основанием для непоколебимого и цельного действия, пресекающего зло. Любовь цементирует волю, задавая возможность обоснованного действия.

Если в «Основном нравственном противоречии войны» Ильин говорит о не-любовности, но неизбежности (и священном долге) физического сопротивления злу, убийства злодеев, то здесь формулировка существенно видоизменяется: любовь становится не «внешним» ориентиром (необходимо отстаивать и защищать любимых, любимое), но внутренним основанием (отрицательная любовь) борьбы со злом, теоретически преодолевающим расколотость сознания и воли борющегося. «Вся проблема сопротивления злу разрешается этим основным принципом: *борьба ведется именно любовью, но одухотворенною любовью*» [6, с. 504]. Безусловно, остаётся необходимость и последующего очищения души, и последующего восполнения любви, обращения к её светлому, положительному лику. И верно, что позиция Ильина, по сравнению с высказанным в более ранних произведениях кардинально не меняется. Но не найденное ранее теоретическое решение, он находит. И это решение наиболее остро выявляет не-православность его глубинных жизненных установок. Парадокс заключается в том, что Н. Бердяев в своих, порой откровенно гностических формулировках (наводящих ужас на многих его критиков), внутренне более православен, чем сознательно приближающийся к ортодоксально-православной риторике И. Ильин.

Говоря о трагедии войны, Ильин утверждает её неслучайность. Есть духовный закон, который приводит к войне. Когда «длительное пренебрежение к интересам духовной жизни... ставит под угрозу *самую сущность* или *самую возможность* достойной, творческой жизни», тогда человеку приходится «раскрывать накопившуюся в жизни внутреннюю ложь... вследствие этого пережить тяжелый душевный кризис, грозящий ему смертью», а затем открыто и сознательно взять на себя тяжесть убийств, «спасая и отстаивая духовное достоинство своего народа» [2, с. 29]. Такое движение духа – золото, огнём очищенное, которое советует купить ангел из Апокалипсиса теплохладному человеку.

Человек должен героически нести бремя несправедности, деятельно осуществляя свой предметный выбор, доказывая преданность Божьему делу в мире. В книге «О сопротивлении злу силою» И. Ильин отмечает: «Религиозное приятие своей судьбы есть основной героизм, к которому призван каждый из людей; не к приятию судьбы в смысле квиетизма, или детерминизма, или безволия, или фатализма, но к *волевому, жизненно-деятельному и религиозно-преданному* приятию, которое созерцает жизнь как *служение*, освещает ее лучом *призвания* и вливает *всю личную силу* в религиозное служение этому религиозному призванию» [6, с. 562-563].

В истории всегда периоды мира сменялись войнами, а за мир требовалось отдать многие силы, если не собственные жизни. Это говорит только о том, что человек духовно схож как на заре цивилизации, так и сейчас, «а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе» [1, с. 4].

Литература

1. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / Э. Хемингуэй – М.: АСТ, 2009. – 509 с.
2. Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. Том 5 / Ильин И. А. – М.: Русская книга, 1996. – 608с. – С. 5 - 30.
3. Бердяев Н. А. Мысли о природе войны // Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 256 с. – С. 177 - 183.
4. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Спор о справедливости / Соловьев В. С. – М.: Эксмо-Пресс, Фолио, 1999 – 86с.
5. Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть II. / Евлампиев И. И. — СПб.: Алетея, 2000. — 413 с.
6. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения / И. А. Ильин. – М.: Эксмо, 2007. – 912 с. – С. 375 - 576.

УДК 94:172.4

Ермакова В. В.,

Орловский государственный университет

estetica_ogu@mail.ru

Проблема войны и мира: история и современность

В канун 70-летия Великой Победы советского народа в войне против фашистской Германии и ее союзников большое значение приобретает глубокое

переосмысление не только итогов и последствий Второй мировой войны, но и в целом проблемы войны и мира ее истории и проявления на современном этапе.

Война – давняя спутница человеческого общества. Она сопровождала его на всех ступенях цивилизации. С вступлением человечества в ядерно-космическую эру война достигла своего исторического предела. Она перестала быть средством продолжения политики и превратилась в акт самоубийства всего человечества. Война приобрела чудовищную способность истреблять всех своих творцов и участников, а заодно – остальные народы.

Человек всегда жил мечтой о мире. Идеал жизни без войн, когда в международных отношениях соблюдались бы общепризнанные нормы справедливости, восходит к глубокой древности. Так, в античном мире существовало представление о золотом веке, о счастливом и беззаботном состоянии человечества. В эпоху расцвета античной философии идея всеобщего мира находилась в центре внимания мыслителей. В идеальном государстве Платона нет внутренних военных столкновений, но воздаются почести тому, кто отличился во «втором, Величайшем, виде войны» - в войне с внешними врагами⁹.

Переход общества к феодализму сопровождался распространением христианской религии, которая установила основы общечеловеческой нравственности и дала сильный импульс к выдвиганию идеи вечного мира. Христианская церковь была инициатором установления так называемого Мира Божьего. В то же время проповедь всеобщего мира не мешала христианской церкви освещать многочисленные завоевательные войны, крестовые походы против «неверных», подавление крестьянских движений.

Новое слово о войне и мире было сказано мыслителями-гуманистами эпохи Возрождения. Наиболее ревностным поборником идеи мира был Эразм Роттердамский – нидерландский ученый, гуманист, писатель, филолог, богослов. Говоря о владетелях тогдашних государств, королях, Эразм писал: «Они ощущают и видят свое могущество, лишь разрушая согласие в народе, а когда это согласие нарушено, они втягивают и вовлекают народ в войну, что бы разъединить тех, кто еще оставался единым, и чтобы еще свободнее и легче грабить и истязать несчастных людей»¹⁰.

Проблему войны и мира пытались решить и представители Немецкой классической философии. Ее родоначальник И. Кант впервые высказал догадку об объективной закономерности, ведущей к установлению вечного мира, о неизбежности создания на мирных началах союза народа. Об этом он писал в своем знаменитом трактате «К вечному миру».

Гневное осуждение грабительских войн звучало и в произведениях русского писателя и философа А.Н. Радищева. Он отмечал, что в международных спорах нет права, здесь царит меч. По его мнению, войны достойны самого сурового осуждения, ибо всегда несли народам только порабощение. А.И. Герцен рассматривал войны как порождение политики

⁹ Платон. Сочинения.- Том 3. Часть вторая. — М., 1972. —с.,91.

¹⁰ Трактаты о вечном мире. — М., 1963г., — с. 68.

господствующих классов, противоположной интересам народных масс. В работе «Война и мир» Герцен обращает внимание на то, что с помощью войны сильные мира сего стремятся усилить управление шпорами и снова истощить силы народа, «не дав ему взамен ничего, кроме множества калек и нескольких лубочных картин, представляющих генералов, лошадей, трупы и дым»¹¹.

История человеческого общества свидетельствует о том, что борьба между силами войны и мира, борьба не равная, но упорная и принципиальная, велась постоянно, в разных формах различными методами и средствами. К концу второго тысячелетия человечество столкнулось с проблемой выживания и самосохранения. Существование человеческого общества связано с системой глобальных проблем. Основными критериями их является то, что эти проблемы затрагивают судьбы и интересы всех наций, народов, государств, классов, всех социальных групп и каждого человека как индивида, и решены они могут быть успешно только усилиями всего человечества или его подавляющего большинства.

Классифицируя глобальные проблемы, философы и мыслители XX столетия к числу главной глобальной проблемы отнесли проблему войны и мира. Она включает в себя группу актуальных политических проблем, решение которых связано с созданием ненасильственного безъядерного мира, укреплением международной безопасности, предотвращением мирового термоядерного катаклизма.

К числу глобальных проблем современности относят также и следующие:

- проблему преодоления отсталости молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки;
- актуальные экономические проблемы, связанные с жизнеобеспечением настоящих и будущих поколений человечества (имеется в виду развитие энергетического потенциала, рациональное и экономное использование минерально-сырьевых, земельных, водных и других природных ресурсов; наращивание продовольственного потенциала);
- актуальные социальные проблемы, к которым можно отнести необходимость регулирования роста народонаселения земли, борьбу с наиболее опасными и распространенными заболеваниями, ликвидацию бедности, нищеты, неграмотности, демократизацию образования, сохранение культурного наследия и т.д.;
- актуальнейшие экологические проблемы, которые требуют объединения усилий человечества в сохранении экологического равновесия земли, в разгадке механизма образования и предотвращения стихийных бедствий, в правильном регулировании климата планеты, в охране литосферы, атмосферы, гидросферы и т.п.

Эти группы глобальных проблем большинством ученых, мыслителей, политиков рассматриваются как основные, но все они образуют единую систему. Следует заметить, что данные проблемы существовали и прежде, но

¹¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах., — М, 1959. г., — том XIV с — 98.

они проявлялись как локальные или региональные противоречия и поэтому не представляли угрозу для всего человечества. Начиная со второй половины XX века эти жизненно важные проблемы приобрели значительно больший масштаб, чем те, с которыми человек встречался раньше, они стали носить планетарный характер.

Исследование и практическое решение всех глобальных проблем органически связано с проблемой войны и мира. Именно эта проблема объединяет глобальные проблемы в единую, монолитную систему неразрывно взаимосвязанных и взаимно переплетенных компонентов. Ее можно с полным основанием назвать глобальной сверхпроблемой. Имеется в виду предотвращение мировой термоядерной войны, обеспечение прочного и справедливого мира и укрепление международной безопасности. Без решения этой задачи другие проблемы решать будет не только незачем, но и некому. Мир – первое и важнейшее условие социального прогресса человечества как на современном этапе исторического развития, так и в перспективе.

Как показывает практика, реализация стратегии, направленной на сохранение мира, является не просто одной из возможных, но и единственно возможной формой предотвращения нарушения экологического баланса планеты, т.е. самосохранения человечества.

УДК 141.8

Шиптенко С. А.,

глав. ред. журнала «Новая экономика» (г. Минск)

shiptenko77@gmail.com

Ревизионизм в Белоруссии: Отечественные войны и конструирование «новой идентичности»

Отечественные войны играли и играют особую роль в сохранении исторической памяти нашего народа, формировании национального самосознания, гражданственности и патриотизма детей и молодёжи. Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941-1945 гг. являются эпохальными страницами нашей истории, наполненными величием народного подвига и трагизмом одновременно.

На образах героев Отечественных войн воспитаны многие поколения, события войн отражены в множестве произведений искусства – от гравюр и монументов до классики мировой литературы и кинематографа. Нелегко найти в других периодах нашей истории столь значительную концентрацию жертвенных подвигов представителей самых различных социальных групп, возрастов и национальностей. Истории обеих Отечественных войн наполнены глубоким символизмом.

Отечественные войны избраны мишенями ревизионистов именно потому, что они являются фундаментальными основаниями нашего представления о нашей истории, духовных ценностях. Фальсификаторы истории атакуют

именно наши духовные ценности, прикрываясь заботой о прояснении «белых пятен истории», «новыми методологическими подходами», «вводом в научный оборот новых источников» и т.п. Параллельно разворачиваются пропагандистские кампании, призванные осмеять, принизить, поставить под сомнение традиционные трактовки нашей истории и подготовить почву для смены мировоззренческой парадигмы. При этом ревизионисты не забывают потешить своё тщеславие и даже извлечь меркантильную выгоду – от мелких гонораров за публицистику и бутербродов на зарубежных фуршетах до учёных степеней и званий, административных должностей в вузах и НИИ, солидной грантовой поддержки на протяжении длительного времени.

Инвестиции в «переоценку ценностей» официальными историографиями постсоветских образований имеют вполне конкретную выгоду для заказчиков многочисленных проектов, реализуемых при поддержке госструктур (в т.ч. третьих стран) и за счёт даже не подозревающих об этом налогоплательщиков-аборигенов. В итоге за относительно небольшие деньги в постсоветской лимитрофии формируется сеть агентов влияния, позитивный образ страны-инвестора, добываются ценные артефакты и т.д.

В Белоруссии атака ревизионистов на историческую память народа началась по классической схеме. Историческая наука деградировала до примитивного краеведения с элементами политической проституции. От глумления над историческими личностями и частными эпизодами дело дошло до Отечественной войны 1812 года, а затем и Великой Отечественной войны.

В год 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года выяснилось, что госагитпроп Белоруссии старательно избегает термина «Отечественная война 1812 года», продвигая альтернативную терминологию [1-3]. Госагитпроп, игнорируя многочисленные опровержения учёных, на голубом глазу заявлял, что альтернативная терминология якобы уже «устоялась», как и ряд ревизионистских концептов. Показательным является представленный в 2014 году гостелеканалом «ОНТ» телесюжет с восхвалением Наполеона и нелепым утверждением: *«Уже общепринято: война 1812 года для нас была не «Отечественной», а «Гражданской»* [4].

В 2012 году представители Совмина и НАН Белоруссии приняли активное личное участие в продвижении ревизионистских мифов, чествовании и восхвалении наполеоновских интервентов, а также их пособников из числа предателей. Дело дошло до прямых обвинений русской армии в целенаправленном применении тактики «скифской войны» и попыток обоснования «цивилизационной миссии» наполеоновской агрессии. Население нынешней Белоруссии, считавшее себя русским, позиционируется как «белорусы» и жертва двух противоборствующих сторон, а не активный участник Отечественной войны на одной из сторон. На основании того, что в XIX веке партизанами считались действующие в тылу врага подразделения регулярной армии (например, знаменитого Дениса Давыдова), отрицается партизанское движение народных масс. По логике ревизионистов, отряды крестьян деревень Смолевичи Борисовского уезда, Трестяны Игуменского уезда и мн. др., которые воевали с оккупантами, не являлись партизанами, а

были чем-то вроде групп самообороны или бандитов. По этой логике крестьяне упомянутого села Жарцы, участвовавшие в Полоцком сражении, не являются партизанами (защитниками Отечества) и предстают полукриминальными элементами, на примере которых не следует воспитывать молодёжь. Коль скоро, по логике ревизионистов, крестьянские отряды в Отечественной войне 1812 года были бандами, то и карательные операции против них разновидностью зондеркоманд того времени не заслуживают осуждения, да и с коллаборантами «не всё так однозначно» - их следует «понять и простить», а может даже и прославлять (как легионеров SS в Латвии и УПА на Украине).

Считающаяся одним из крупнейших французских специалистов по истории России, Мари-Пьер Рей к юбилею эпохального события подготовила книгу «Ужасная трагедия: новая история русской кампании». В интервью изданию «Русский очевидец» она отметила [5]: «То, что во французской историографии называется военной кампанией, в русской традиции именуется патриотической Отечественной войной. Во Франции часто делают акцент на военные действия, не обращая при этом должного внимания на политическую составляющую. Она констатировала: «Общее народное мнение как раз заключается в том, что Наполеон не проиграл эту кампанию, но был побежден холодом. Кстати, во Франции, когда про что-то говорят «это Березина», имеют в виду, что это настоящая катастрофа».

А теперь обратим внимание на мнение другого французского исследователя – гораздо менее авторитетного во Франции, но более экстравагантного и особо привечаемого в постсоветской Белоруссии – Жерома Бокура, который 23.11.2012 выступил в БГУ на организованной властями международной научной конференции "Война 1812 года и Белоруссия" и заявил: "В военном плане битва на Березине - победа Наполеона, которая позволила избежать военного поражения" [6; 7]. Вскоре после этого чиновники Белоруссии, установив памятник наполеоновским интервентам, келейно провернули ещё одно тёмное дельце – «вступили» г.Борисов в "Европейскую федерацию городов истории Наполеона". По эффекту данный шаг равноценен включению Бреста в аналогичную гитлеровскую федерацию, если бы она существовала, или Луганска в федерацию «правосекторовских» городов.

Однако проблема, на самом деле, не в частных анекдотических эксцессах, а в концептуальном развороте официальной историографии постсоветской Белоруссии, где Отечественная война 1812 года уже не называется традиционным термином, а обозначается в научной, справочной, методической и иной учебной литературе как «война 1812 года», «русско-французская война», «франко-русская война 1812-1815 гг.» [1-4; 7-10;] и т.п. Т.е. речь идёт о сознательном отрицании характера данной войны как Отечественной, отрицании подвига народа и продвижении целого ряда идеологических мифов с явно русофобской подложкой [10-13].

Закономерным следствием такой политики стали акты вандализма в отношении памятников русским военачальникам. Так, в декабре 2014 года в Полоцком районе Витебской области была обнаружена разбитая мемориальная плита на памятнике, установленном на месте гибели генерал-майора Якова

Кульнева – уроженца этих мест, погибшего во время Отечественной войны 1812 года на своей малой родине. Памятник пережил две мировые войны, но подвергся разрушению в наше время. Правоохранители Белоруссии отказались возбуждать уголовное дело по факту акта вандализма, оформив «отказное» [14].

Аналогичные приёмы ревизионисты используют и при дискредитации подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, которую всё чаще в официальной историографии именуют «Второй мировой войной», подчёркивая, что и в период Первой мировой войны «белорусы были жертвами» двух воюющих сторон. Вполне закономерно и ожидаемо к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне ревизионисты активизировались и выдали целую серию публикаций, призванных сформировать негативный образ Красной Армии, а также участников подпольного и партизанского движения. При этом всячески подчёркивалась, как и в случае с ревизией Отечественной войны 1812 года, «неоднозначность», а то и позитивный характер деятельности гитлеровских оккупантов и их пособников из числа местных предателей и прибывших в обозе интервентов «деятелей национально-культурного возрождения».

Формально власти постсоветской республики придерживаются классической интерпретации Великой Отечественной войны и даже построили новое здание музея, перенеся его фонды с центра города подальше, в район переименованного проспекта Победителей (ранее – Машерова). Однако при этом изменилась интерпретация войны, её значения для нашей истории.

Периодически публикуются сочинения разных авторов, призванные очернить подвиг защитников Отечества и сформировать позитивный образ оккупантов, а также их пособников. Некоторые авторы - с учёными степенями и без, представляют население нынешней Белоруссии в периоды Отечественной войны 1812 года, Первой мировой и Великой Отечественной чем-то вроде статистов, инфантильных жертв конфликтующих сторон [8-13].

Ярким примером является книга Ильи Копыла «Небыщино. Оккупация глазами подростка» [15], изданная в Латвии сообществом русофобствующих ревизионистов. Копыл рисует следующую картину: партизаны – грабители, бандиты, пьяницы и убийцы, откровенно примитивный, озлобленный, грязный, трусливый вооруженный сброд; солдаты вермахта - высококультурные гуманисты, кормят детей шоколадом, заботятся о благосостоянии крестьян и образовании детей, устанавливают правопорядок, но иногда карают местное население, т.к. партизаны в гражданской одежде своими терактами провоцируют карательные акции. «Самой надёжной защитой от оккупантов было бы то, если бы партизан вообще не было. Они создавали опасные условия для жизни местного населения и создавали их сознательно и специально. Партизаны – соучастники преступлений. Однако сами исправно составляли акты, протоколы о зверствах немецко-фашистских захватчиков и отправляли их в Кремль», - отметил Копыл. Судя по тексту, автор был в курсе замыслов Центрального штаба партизанского движения, знал о прекрасной жизни угнанных в Германию и едва ли не свечи держал при изнасилованиях пресловутого миллиона немцев.

Таких публикаций ежегодно выходит под сотню, формируя своеобразную альтернативу официозу, чьи бездарные поделки и кондовые телодвижения несут едва ли не большую угрозу сохранению исторической памяти. Свежие примеры – новое здание музея Великой Отечественной войны в нелепом азиатском стиле, унылая кинолента «Днепровский рубеж», марш Раинчика и Прончака "Цветы Великой Победы", запрет на использование Георгиевской ленты 9 мая и противопоставление ей красно-зелёной ленты БССР-РБ (никакого отношения к символике Победы не имеющей), медаль «70 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков» (РБ появилась лишь в 1991 году) и мн.др. Диктор государственного телевидения (БТ-1, «Панорама» 10.04.2014) на полном серьёзе заявила, что минский проспект Независимости «назван в честь тех, кто боролся за суверенитет и независимость нашей страны» (под «нашей страной», судя по контексту, понималась постсоветская РБ). Подобных примеров слишком много.

Накануне вильнюсского саммита участников программы ЕС «Восточное партнёрство» глава МИД РБ Владимир Макей заявил о необходимости формирования новой идентичности белорусов, как будто она не сформирована. Официозный ревизионизм призван сыграть важнейшую роль в формировании новой идентичности белорусов. Результат будет примерно таким же, как на Украине, в постсоветских прибалтийских и среднеазиатских образованиях.

Литература

1. Беларусь и война 1812 года: Документы. – Мн.: Беларусь, 2011. – 578 с.
2. **Шиптенко С.** Ревизионизм в современной Белоруссии (на примере Отечественной войны 1812 года) http://ross-bel.ru/about/news_post/sergey-shiptenko-revizionizm-v-sovremennoy-belorussii-na-primere-otechestvennoy-voyny-1812-goda
3. Мемориалы 1812 года в Беларуси: Как войну назовем, такие памятники и поставим? <http://news.tut.by/tv/310207.html>
4. Мал, да удал http://ont.by/news/our_news/00120704
5. Березина Наполеона <http://rusoch.fr/lang/ru/guests/berezina-napoleona.html>
6. Французский учёный: "Битва на Березине - победа Наполеона" <http://www.regnum.ru/news/polit/1597411.html>
7. Белорусский учёный: Белорусам навязывается "новая история" - лживая, подлая, русофобская <http://www.regnum.ru/news/polit/1597511.html>
8. Філатава А. Паміж Парыжам і Масквой: А. Філатава // Культура. – 1992. – 9 ліст.. – С. 4-5.
9. Марозава С.В., Сосна У. А., Паноў С.В. Гісторыя Беларусі, канец XVIII-пачатак XX ст. 9 клас: вучэбны дапаможнік / пад рэд. У. А. Сосны. - Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011. – 199 с.
10. Швед В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772-1863 гг.). - Гродна, 2001. – 287 с.
11. Тарас А. 1812. Трагедия Беларуси. – Мн.: «Харвест», 2012. - 248 с.
12. Русско-французская война 1812 г. http://globus.tut.by/type_tn_war1812.htm
13. Попов А.И. Неизвестная война. М. Голденков. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Минск, 2010. 316 стр. / Рецензии // http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_6_302_309.pdf
14. Разрушившие памятник русскому генералу в Белоруссии остались безнаказанными <http://regnum.by/news/belarus/1914199.html>
15. Копыл І. Нябышына. Акупацыя вачыма падлетка. - Рыга: ІБГІК, 2014. - 288

Казачество как фактор преодоления духовно-нравственного кризиса современного общества

Процесс возрождения казачества на современном этапе исторического развития общества актуализирует проблему анализа специфики данного феномена ревозрождения казачества как фактор преодоления духовно-нравственного кризиса современного общества, переломного этапа государственной политики будущей России.

Для начала, по нашему мнению необходимо пояснить позицию по поводу авторской точки зрения, что современный этап развития института казачества – есть не самостоятельный процесс, а закономерный результат более общего и раннего процесса возрождения казачества, порожденного социально-экономической трансформацией всей экономической системы, связанного с крушением командно-административной системы бывшего советского союза.

Историческая важность современного этапа казачества подтверждается тем, что в своей конкретной предметной очерченности (фольклор, организации, самоидентификация) или внутренних факторов: казачество в той или иной мере уже возродилось, в ряде конкретных форм даже и не исчезало, а подлинное, фронтальное, всеобъемлющее возрождение как фактор преодоления духовно-нравственного кризиса современного общества происходит под воздействием внешних вызовов и угроз.

Топтание перед «Рубиконом» закончилось, если не ответить на вызовы, не решить те задачи, или не выполнить свое историческое предназначение казачество исчезнет как целостный социальный феномен, оставшись в виде традиции и мифов.

Однако необходимо отметить, что эта нерешительность частично оправдывалась отсутствием подходящей задачи, действительно не пошлешь же казаков с шашками против баллистических ракет. Здесь необходима специфическая задача, масштаб которой в ее уникальности, или в филигранности, надо попытаться пройти по лезвию бритвы.

Как нам представляется, сегодня еще раз следует отметить уникальность исторического момента, когда казачество не только получило достойную цель в настоящем и будущем, но и внутренне созрело для ее достижения как с позиции обеспеченности ресурсами, так и внутренней организацией, – и хотелось бы надеяться всем патриотично настроенным гражданам духовно-идеологическим единством.

Что же это за цель и почему она доступна только казачеству? Во-первых, это противодействие фашизму, терроризму и экстремисткой деятельности. Фашизм, экстремизм, терроризм - в последнее время эти слова на слуху у

каждого из нас. Телевидение, радио, печать много говорят и пишут о терроризме, и для этого есть все основания. Проблема терроризма стала актуальной во всем мире. Конец XX - начало XXI вв. стали свидетелями существенного повышения агрессивности человека, серьезных всплесков различных видов экстремизма, который нередко смыкается с терроризмом.

Проблема признания «правоты одних в споре с другими», когда приходится противопоставлять интересы всего общества и меньшей его части, накладывает серьезные ограничения для государства, так как государство само становится участником конфликта.

Особенно остро ситуация обстоит на юге России. Клубок исторических противоречий, дополненный современными экономическими, культурными, религиозными различиями, не без заинтересованности внешних «конкурентов» России на геополитических территориях, не позволяет надеяться на скорый результат такой деятельности.

Понимание особой роли казачества как фактора преодоления духовно-нравственного кризиса современного общества на современном этапе его возрождения мы связываем с особым институциональным статусом этого явления.

В ситуации, когда государство защищает один социум от проявления агрессии другого социума, всегда высоки риски роста националистических настроений и обострения конфликта, независимо применяется политика «кнута или пряника» к конфликтующим сторонам. В этих условиях необходим субъект со взаимоисключающими свойствами, а именно: нацеленность на поддержание государственной целостности, державности как имманентной особенности, без ущемления своего интереса, и гарантии защиты интересов всех граждан Российской Федерации.

Существование такого субъекта подтверждается всем ходом истории государства российского – это казачество! Именно казачество как уникальный элемент общества, который своим существованием позволяет сохранять целостность и державность государства, а государство, в свою очередь, обязано беречь его традиции и самобытность.

Уникальность казачества проявляется в отсутствие интересов как нации, вместе с тем наличием признаков национальной самоидентификации, целостности и пассионарности (жертвенности за веру и отечество) как цементирующей основы различных культур. Территориально-культурный и духовно-нравственный принципы организации вместо этнокультурного разъединения народов.

Нельзя не согласиться со словами русского классика Л. Н. Толстого: «Граница породила казачество, а казаки создали Россию». Живя и воюя в самых разных точках Евразии, казаки всегда соприкасались с самыми разными народами. В разные Казачьи Войска по службе «интегрировались» представители народов, рядом с которыми жили казаки. Современное общество должно многому научиться у казаков прошлого в вопросах мирного, добрососедского сосуществования и опыта толерантности (терпимости) не на словах и лозунгах, а на деле.

Литература

1. Кизим А.А., Чапля В.В. Трансформация хозяйственного уклада казачества как фактор его развития // Экономический Вестник ЮФО. – 2012. – № 9.
2. Ольховский О.Ф., Ольховский С.О. История казачества с древнейших времен до 19 века. Ростов на Дону. ЗАО «Книга», 2012. – 320 с.
3. Ратушняк В.Н. История казачества России: учебник для 10 класса. – Краснодар. Изд-во «Традиция», 2012. – 280 с.

УДК 330.101:321

Прохорова О. А.,

*Луганский национальный
аграрный университет
ol_proxорова@mail.ru*

Роль экономических интересов в социально-политических конфликтах

Актуальность выбранной темы продиктована ситуацией, возникшей сегодня в Украине, а точнее в Донбассе. На протяжении года (12 мая 2015 года Луганской народной республике исполнится год) украинский народ несет колоссальные потери живой и материальной основ общества. Это ставит задачу определить истинные причины происходящего и осуществить глубокий анализ экономических аспектов военной деятельности. Познавать закономерности экономического обеспечения войны и использовать их в интересах вооруженной защиты страны можно лишь на основе всестороннего выяснения ее взаимосвязей с экономикой.

Говоря об экономической обусловленности войн, следует иметь в виду, что они порождаются не непосредственно экономикой, а через политику.

Определенные экономические условия не только обуславливают через политику возникновение войн, но и определяют их цели и характер. Нельзя не согласиться с Ф. Энгельсом в том, что «Насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода». Если война ведется во имя ограбления, порабощения других народов и получения сверхприбылей, то она неизбежно преследует захватнические цели и носит несправедливый характер. Если же война ведется народом во имя свободы и социального прогресса, за освобождение от эксплуатации и национального гнета, в защиту своей государственности или против агрессивного нападения, то она преследует освободительные цели и носит справедливый характер.

Зависимость войны от экономики проявляется прежде всего в том, что последняя является материальной основой войн и военного строительства. Война как вооруженное насилие ведется государствами при помощи оружия, без которого сила перестает быть силой. Такое утверждение не противоречит мнению Ф. Энгельса о том, что «... победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще...».

Роль экономики как материальной базы ведения войны усиливалась по мере развития производительных сил. Особенно она возросла в войнах двадцатого столетия. Это объясняется тем, что прогресс в важнейших отраслях индустрии, в науке и технике создал огромные потенциальные возможности для появления новых видов вооружения и военной техники, их массового производства. И это не замедлило проявиться уже в ходе Первой мировой войны. На вооружении армий появились танки, самолеты, подводные лодки, пулеметы, взрывчатые и отравляющие вещества, тяжелая и полевая артиллерия, которые составили материальную основу для развертывания многомиллионных армий.

Одновременно индустриальное развитие стран обусловило повышение культурно-технического уровня населения, рост производительности общественного труда. А это дало возможность по-новому поставить вопрос о подготовке людских резервов для вооруженных сил. Путем введения сокращенных сроков прохождения службы в армии и на флоте значительная часть военнообязанных прошла обучение в мирное время. Благодаря этому воюющие страны при мобилизации смогли увеличить численность вооруженных сил мирного времени в четыре-пять раз.

Дальнейшее мощное развитие производительных сил еще более усилило материальную базу войны, что позволило гигантски развернуть военное производство к началу Второй мировой войны. Если во время Первой мировой войны шесть государств — США, Англия, Германия, Франция, Италия и Россия — произвели около 9 тыс. самолетов, более 9 тыс. танков, около 150 тыс. орудий, то во Второй мировой войне США, Англия, Германия и Италия за 1939-1945 годы и СССР за 1941-1945 годы произвели 495,8 тыс. боевых самолетов, 279,8 тыс. танков и САУ (штурмовых орудий), 1758, 9 тыс. орудий.

Возросшие материальные возможности позволили в 1,5 раза по сравнению с Первой мировой войной увеличить численность вооруженных сил воевавших государств.

Мировые войны показали, что численность и техническое оснащение вооруженных сил определяются уровнем развития экономики. Чем выше уровень развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, чем большими финансовыми, сырьевыми и трудовыми ресурсами располагает государство, тем большей военной мощью оно обладает.

В условиях научно-технической революции, развернувшейся в послевоенный период, роль экономики как материальной базы еще более возросла. Создание современных видов оружия и боевой техники требует наличия высокоразвитой и мощной индустрии. Не каждому малому и даже среднему по экономической мощи государству по силам производство всех видов современного оружия. В таких странах мощь вооруженных сил, ход и исход войны будут в значительной степени зависеть от экономического состояния страны, от состояния внешнеэкономических связей и финансовых возможностей.

Экономика, будучи материальной основой войны, через производство или приобретение оружия и военной техники оказывает решающее влияние на

организационную структуру вооруженных сил и способы ведения войны. Такая зависимость была сформулирована в виде общей военно-экономической закономерности Ф. Энгельсом: «Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия, — писал он, — зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения».

Эту мысль подтверждает вся история развития военного дела: изобретение пороха и нарезного огнестрельного оружия привели на полях сражений к возникновению рассыпного строя; нарезная артиллерия обусловила глубокое построение боевых порядков и поражение противника на большую глубину; массовое поступление на вооружение армий танков, самолетов, автомобилей обусловило во Второй мировой войне переход к маневренным способам ведения боевых действий и реализации на практике теории «глубокой операции».

Влияние достигнутого уровня развития экономики на изменение состава и организационной структуры вооруженных сил особенно ярко проявилось на современном этапе военного строительства. Создание и массовое производство ракетно-ядерного оружия, внедрение в войска электронной техники, современных образцов обычных видов вооружения вызвали коренные изменения в организационной структуре вооруженных сил всех индустриально развитых государств мира.

Ракетно-ядерное оружие положило начало новому этапу в развитии стратегии и тактики. Однако в последние годы по мере того, как все более очевидным становится невозможность безнаказанного применения ядерного оружия, официальные взгляды ядерных держав на возможные типы и характер будущих войн все более концентрируются вокруг вывода о том, что роль и значение обычной войны резко возрастает. Такой эволюции взглядов способствуют возросшие боевые показатели новых обычных видов оружия и военной техники. Сегодня ряд систем обычного оружия уже близок по эффективности к тактическим ядерным боеприпасам. Например, залповый огонь одного дивизиона современной реактивной системы за 30 секунд обрушивает около 35 тонн ракет на дальность до 20 км, создавая зону сплошного поражения на площади более 1 кв. км (истребитель-бомбардировщик — до 1,5 кв. км, а бомбардировщик типа Б-52 — до 8 кв. км).

Дальность огневого поражения артиллерией и минометами увеличилась в 2 раза (с 15 до 30 км), тактической авиации — не менее чем в 5 раз (с 50 до 300 км), а истребительно-бомбардировочной — до 500 км и более. В итоге, глубина поражения современного поля боя по сравнению со Второй мировой войной возросла почти в 10 раз.

Создание новых высокоточных систем наведения и поражения целей на большую дальность способствовало появлению новонаатовской концепции «глубокого удара», включающей «воздушно-наземную операцию» и «борьбу со вторыми эшелонами». Разработка и испытание воздушно-космических средств вызывает необходимость разрабатывать и совершенствовать способы ведения операции по отражению воздушно-космического нападения противника.

Примером влияния экономики на размах военных действий может служить опыт войны СССР против фашистской Германии. Если в 1941 году созданные запасы позволяли Германии вести наступление на трех стратегических направлениях в общей полосе 2500 км, то в 1942 г. экономика Германии смогла обеспечить наступление своих войск лишь на одном стратегическом направлении в полосе 800 км, а в 1943 г. — лишь на двух оперативных направлениях в полосе 120 км (под Курском). Такое же влияние наглядно просматривалось с обеих сторон в последней Ирано-Иракской войне.

В истории войн немало примеров, свидетельствующих о влиянии экономического фактора на избрание (изменение) направления главного удара в стратегической операции.

Опыт мировых и локальных войн свидетельствует, что состояние экономики страны во многом предопределяет ход и исход войны в целом. Война в зоне Персидского залива не только подтвердила, но и продемонстрировала решающую роль новейшего оружия и военной техники (при других равных условиях) для достижения победы.

Другой стороной взаимосвязи войны и экономики является обратное влияние — войны на экономику. Прежде всего, война оказывает влияние на развитие экономики и ее отраслевую структуру через военные доктрины и стратегические концепции.

Так, в период подготовки Второй мировой войны политическое и военное руководство фашистской Германии выдвинуло в качестве официальной военной доктрины так называемую «молниеносную войну».

Как основной способ достижения военно-стратегических целей на сухопутных театрах военных действий эта доктрина рассматривала мощные массированные танковые и авиационные удары, а на море — удары подводных лодок. Такая стратегия обусловила преимущественное развитие авиационной, танковой и судостроительной промышленности. Кроме того, стратегия «молниеносной войны» ориентировала на создание предвоенной готовности экономики, т.е. на всемерное развитие и развертывание военного производства до начала войны.

Иначе обстояло дело во Франции, где господствовало убеждение о неизбежности позиционной войны. Оборона считалась наиболее сильной формой военных действий. Поэтому основные силы и средства тратились на создание оборонительной линии Мажино, а не на развитие танковой, авиационной и судостроительной промышленности.

После Второй мировой войны ярко просматривается влияние военно-стратегических концепций на развитие экономики, в частности на примере США.

В начале 50-х годов в качестве официальной военной доктрины США была принята стратегия «ядерного возмездия». Она основывалась на монопольном владении Соединенными Штатами ядерным оружием. В соответствии с этой концепцией преимущественное развитие получили атомная, авиационная и радиоэлектронная промышленности.

В начале 70-х годов правительство США взяло курс на стратегию «реалистического устрашения». Эта концепция делала упор на развитие наступательных стратегических сил. В широких масштабах осуществлялось совершенствование ракетно-ядерного оружия. В связи с этим, наряду с атомной, преимущественное развитие получили авиаракетная и судостроительная промышленности.

В начале 80-х годов в США на вооружение была взята стратегия «прямого противоборства». Она определила курс на наращивание и совершенствование как стратегических, так и обычных вооружений, на распространение гонки вооружений в космосе, на достижение военно-технического превосходства над Советским Союзом. Это обусловило дальнейшее расширение авиаракетно-космической, атомной, военно-химической и всех других отраслей военной промышленности.

Следует отметить, что военно-стратегические концепции через посредство военного производства оказывают влияние и на развитие базовых отраслей индустрии: металлургию, станкостроение, химическую и топливно-энергетическую промышленность. В целом, военно-стратегические концепции, направленные на развязывание агрессивных войн, ведут к милитаризации экономики, к созданию военно-промышленных комплексов, несущих реальную угрозу безопасности народов. Особенно отчетливо влияние войны на развитие экономики проявляется в процессе конверсии, превращении народного хозяйства мирного времени в военное хозяйство.

С началом войны экономика государства перестраивается на военный лад. В связи с этим возникают значительные изменения в производстве и распределении общественного продукта. Наиболее существенные структурные сдвиги происходят в промышленности. Значительная часть предприятий машиностроения и отраслей, производящих предметы личного потребления, переключается на выпуск изделий для вооруженных сил.

Изменяется распределение важнейших видов производственного оборудования. В первую очередь обеспечиваются военные отрасли промышленности. В результате устанавливаются новые производственные связи между предприятиями. Существенные изменения происходят в сельском хозяйстве и на транспорте, в связи и торговле. Значительным изменениям подвергается распределение национального дохода. Фонд накопления и капитальные вложения используются главным образом в интересах экономического обеспечения войны. Вооруженные силы становятся крупнейшим потребителем материальной продукции.

Война вносит большие изменения в функционирование производительных сил и производственных отношений, что вызывает модификацию форм проявления экономических законов. Очень важно поэтому представить ту обстановку сложившуюся в условиях современной войны. Это дает возможность сознательно и наиболее эффективно использовать особенности действия экономических законов в интересах достижения победы над врагом.

Влияние войны на экономику проявляется и в том, что она отвлекает огромные людские, материальные и финансовые ресурсы из народного хозяйства. А это отрицательно сказывается на развитии производительных сил и удовлетворении материальных потребностей общества. При этом следует отметить, что размеры отвлечения людских ресурсов, материальных и финансовых издержек возрастают от войны к войне.

На военные нужды отвлекаются не только рабочая сила, но и производственные мощности, сырьевые и другие материальные ресурсы. Это приводит к снижению темпов роста гражданского производства, сокращению объемов производства в отдельных отраслях. Так, снабжение гражданского населения потребительскими товарами в Германии в 1944 году упало до 50-60 процентов от уровня 1938 года. Во всех воевавших странах значительно сократилось сельскохозяйственное производство.

Масштабы отвлечения материальных средств на ведение войны наиболее полное выражение находят в бюджетных ассигнованиях. При этом прослеживается закономерность возрастания бюджетных расходов воюющих государств от войны к войне.

Исходя из проведенного анализа роли экономических интересов в социально-политических конфликтах вытекают следующие выводы.

Роль экономики как материальной базы военной мощи страны по мере развития всех видов вооружения и увеличения материальных потребностей войны непрерывно возрастает.

Развитие материального производства и научно-технического прогресса активно воздействует на техническую оснащенность и структуру вооруженных сил, на степень их боеготовности. Появление высокоточного и совершенствование ракетно-ядерного оружия оказывает решающее влияние на совершенствование современных способов ведения войны и форм стратегических действий вооруженных сил.

Согласование экономических и оборонных интересов необходимо в полной мере учитывать при решении задач по совершенствованию хозяйственного механизма, техническому перевооружению производства, переводу экономики на применение преимущественно качественных параметров роста, по структурной перестройке народного хозяйства. Такой подход создает условия для приоритетного развития необходимых наиболее прогрессивных производств и передовой технологии, имеющих важное оборонное значение, для всемерного укрепления военно-экономического потенциала, для материального и технического обеспечения вооруженных сил, их высокой боеготовности.

Таким образом, влияние экономических факторов на войну проявляется через политику и материальное обеспечение вооруженного насилия. Можно утверждать, что от того, каким потенциалом располагает государство по производству или приобретению средств вооруженной борьбы, каковы его людские и сырьевые ресурсы, каков уровень профессиональной подготовки населения, каковы возможности по мобилизации экономики и переводу ее на режим военного времени, прямо зависят: количественный и качественный

состав вооруженных сил, стратегические цели и задачи в войне, способы ее развязывания, размах военных действий, применяемое оружие и т.д.

Основное влияние войны на экономику будет проявляться в том, что в современных условиях сама экономика, все ее основные материальные элементы станут объектом интенсивного вооруженного воздействия. Это существенным образом скажется на возможностях противоборствующих сторон по экономическому обеспечению вооруженной борьбы и войны в целом.

УДК 398.3(495)

Ефанова Е. И.,

Общество русской культуры «Подмосковные вечера»

г.Афины, Греция

olenamar@ymail.com

Праздник «Охи», за который стоит уважать греков

28 октября Греция отмечает праздник Победы, который так необычно называется - «НЕТ»(ОХИ). Это та история, которую мы не изучали в школе и, когда приезжая в Грецию, узнаешь ее, вспоминаются сразу 300 спартанцев. Ведь Греция – единственная страна антигитлеровской коалиции, которая начала войну с фашизмом не с «окопного сидения», не с поражений и отступлений, а с побед над численно превосходящим противником. А греки – единственный европейский народ, который освободил от нацистов свою страну исключительно силами воевавших на её территории партизан.

Нападение на Грецию итальянский диктатор Бенито Муссолини готовил в тайне от своего союзника Гитлера. Дуче бесспорно, завидовал военным успехам фюрера. Он давно мечтал победить и завоевать Элладу, воображая себя римским императором. Дуче надеялся, что обойдется без немецких союзников. 28 октября 1940 г. он предъявил Греции ультиматум, о сдаче страны.

Тогдашний греческий премьер-министр ответил на многочисленные требования посла Италии коротким и решительным словом «Охи!» («Нет!»). На самом деле дуче был послан, как говорят ветераны, очень далеко. Позднее именно это слово стало девизом национального сопротивления, а день отвержения фашистского ультиматума – одним из важнейших государственных праздников.

Итальянская агрессия вызвала в тогдашнем, разьединенном на враждующие политические фракции, греческом обществе всенародный патриотический подъем. Наступление итальянских войск (с территории оккупированной ими в 1939 г. Албании) было остановлено недалеко от границы в первые же дни войны. А уже в ноябре 1940 г. греческие войска под общим командованием генерала (позднее – маршала) Александра Папагоса перешли в решительное контрнаступление. Силы фашистских агрессоров значительно превосходили противостоящих им греков (по числу боевых

самолетов – вдвое, по численности сухопутных сил – втрое, а по количеству боевых кораблей основных классов – вчетверо). Но воодушевленные священной любовью к своему Отечеству, греки к концу ноября 1940 г. почти полностью очистили от врага южную часть Албании, а в январе и марте 1940 года отразили две попытки контрнаступления итальянских войск. Те сражения теперь называют эпосом 1940, рассказывающем о подвиге солдат, о помогавших им эпирских женщинах, и о Богородице, раскрывшей над эллинами свой плат. Несмотря на то, что была зима, в горах -20, на специальные итальянские горные подразделения, местные жители вместе с военными отразили агрессора. В Загорохорье на вершине одной горы стоит памятник женщинам Эпира, подносившим еду и теплые вещи солдатам в заснеженные ущелья и скалы. Большинство народа пошло добровольцами на войну. К несчастью, это был ещё далеко не конец страданий греческого народа. Союзником Греции считалась Великобритания, которая по своему обыкновению в решающий момент отказала своим партнёрам в помощи. Лишь несколько британских дивизий, с большим опозданием, высадились на острове Крит и на континенте.

Согласно историческим данным, Греция сопротивлялась врагу в течение 219 дней (для сравнения, Норвегия оказывала сопротивление немецко-фашистским захватчикам в течение 61 дня; Франция, которая в ту эпоху считалась сверхдержавой - 43 дня; Польша - 30 дней, Бельгия - 18 дней, Голландия - 4 дня; Югославия, Чехословакия, Люксембург и Дания сдались.

Уже в апреле войска вермахта (немецкой армии) при поддержке венгерских дивизий начали новое вторжение с территории Югославии, Болгарии, Румынии и Венгрии.

Апрель 1941 года в Греции во многом напоминал июнь 1941 года в нашей стране. Началась немецкая операция «Марита». Именно тогда появился греческий аналог Брестской крепости – горная крепость Рупель, двухтысячный гарнизон которой героически сдерживал силы двух немецких дивизий. Но у греков не было бескрайних русских просторов, двухсотмиллионного населения, а главное – времени и возможности для перегруппировки сил и организации сопротивления (ведь к 6 апреля три четверти греческих дивизий уже сдерживали в Албании натиск итальянских агрессоров).

Зато в Греции был свой генерал Власов. Звали его Георгиос Цолакоглу, только в отличие от Власова, к моменту своей сдачи немцам он командовал не одной армией, а всеми греческими войсками, сражавшимися с фашистскими захватчиками. Именно Георгиос Цолакоглу 23 апреля 1941 года подписал в Салониках капитуляцию греческих вооруженных сил перед Гитлером и Муссолини (получив от них за это титул главы марионеточного коллаборационистского «национального правительства»). 27 апреля гитлеровские войска заняли Афины и водрузили над Акрополем нацистский флаг. К началу мая остатки греческой армии и направленного ей на помощь британского экспедиционного корпуса удерживали под своим контролем только остров Крит, куда и перебрались греческий монарх и законное правительство Греции. Битва за Крит – это исторический эпизод, потрясший

весь мир всенародным ополчением жителей острова. Для Германии эта попытка стала „огненно-красной”, пак, как было убито 4500 немцев, которых сами фашисты и захоронили. Кладбище существует и сейчас. Греки удерживали остров две недели.

Захватив Грецию, немецкие нацисты, итальянские фашисты и болгарские монархисты разделили страну на оккупационные зоны. Почти всю Западную Фракию и восточную часть Эгейской Македонии заняли болгары, остальную часть Эгейской Македонии, Афины и прилегающие к ним населенные пункты, а также стратегически важные острова Эгейского моря и некоторые другие ключевые районы страны оккупировали немцы, а на остальной части территории Греции установилось итальянское господство. При этом Муссолини отделил от Греции значительную часть территории Эпира и включил её в состав «Великой Албании», а болгарский царь Борис III произвел в свою пользу аналогичную операцию с находящимися под его контролем районами Фракии.

Однако не смирившийся с порабощением свободолюбивый греческий народ уже в момент установления фашистского господства продемонстрировал порабощенным, что Греция не склонит свою голову под ярмо нацистского «нового порядка». 31 мая 1941 года, в день, когда озверевшие от крови гитлеровские десантники уничтожали последние очаги организованного сопротивления героических защитников Крита, греческий патриот Манолис Глезис, рискуя жизнью, сорвал с флагштока развевавшийся над Акрополем символ оккупации – ненавистный каждому истинному эллину флаг с паучьей свастикой. Этот день стал началом создания движения внутреннего сопротивления – «Свободной Греции». А уже с осени 1941 года по всей стране стало разворачиваться партизанское движение. В 1942 году в его ряды входили уже тысячи, а в 1943 году – десятки тысяч бойцов. Горы Греции и способность её населения к самообеспечению продовольствием, способствовал быстрому созданию на территории страны множества «освобожденных районов», на земли которых не смела безнаказанно ступить нога оккупантов. А большая протяженность береговой линии Греции и множество маленьких бухточек на её побережье позволило уже через два года после оккупации страны наладить не только надлежащее снабжение партизан, но и регулярные бесперебойные контакты представителей «Свободной Греции» с греческим антифашистским правительством (которое в 1941-1943 гг. находилось в Лондоне, а в 1943-1944 гг. – в Каире).

Следует отметить, что долгие годы оставалась не изученной подробно роль русских белых эмигрантов, участвующих в освободительном движении в Греции. А она достаточно велика. В настоящее время подходит к завершению работа над этой темой писательницы Ирины Жалниной, открывшей в Греции целый пласт русской истории. Известна могила русского Клыкова, похороненного англичанами на английском кладбище в р-не Палео Фалиро в Афинах, сражавшегося с фашистами. В местечке Пластира (мэрия г. Кардица) стоит памятник советскому летчику, который прилетал и сбрасывал партизанам продовольствие и боеприпасы. Интересна история жизни Георгия Иванова,

который был сыном полковника русской царской армии, до войны жил в Салониках, а затем служил в английском Посольстве, являлся разведчиком. Единственный в Греции разведчик-иностранец русский, Награжден орденами Польши, Греции, Англии за борьбу с фашизмом.

Правда, стоит отметить, что в отличие, к примеру, от деголлевской «Свободной Франции», «Свободная Греция», по сути, никогда не представляла собой какого-то единого движения. Более того, представители различных военно-политических сил (коммунисты под командованием генерала Сарафиса, правые республиканцы, возглавляемые генералом Пластирасом, социалисты, руководимые полковником Псаррасом, и монархисты во главе с полковником Зервасом) частенько враждовали друг с другом, а иногда вели между собой настоящие боевые действия. Этому способствовал и арест гестапо командующего Александра Папагоса, который был направлен в Дахау. Оккупанты же активно поощряли всякую вражду между представителями сопротивления (при случае даже помогая монархистам оружием для борьбы против коммунистов). В конечном итоге к середине войны в стране установилась своего рода «военно-политическое равновесие» – оккупанты удерживали в своих руках стратегически важные острова, крупные населенные пункты и основные магистрали, управляя всеми этими территориями от лица марионетного «национального правительства», которое в 1941-1942 году возглавлял генерал Георгиос Цолакоглу, в 1942-1943 гг. – известный греческий врач гермаофил Константинос Логофетопулос, а в 1943-1944 гг. – консервативный политик-коллаборационист Иоаннис Раллис. Партизаны-монархисты полковника Зерваса контролировали часть Эпира и прилегающих районов Западной Греции, а коммунисты и вообще левые силы имели сильные позиции на востоке страны, во Фракии и в Эгейской Македонии. На Крите же с оккупантами сражались сформированные из остатков греческой регулярной армии партизанские отряды генерала Мандакоса, выступавшего под лозунгами широкого единства всех патриотических сил.

Осенью 1943 года после высадки англо-американских войск на Аппенинах итальянская оккупация Греции была полностью прекращена. Отныне на всей оккупированной территории страны (за исключением Западной Фракии и Восточной Македонии) размещались только немецкие войска. Уже осенью 1943 года Гитлер поставил перед ними задачу в кратчайший срок подавить партизанское движение и полностью ликвидировать «освобожденные районы», подконтрольные «Свободной Греции». Именно на выполнение этой задачи была сориентирована немецкая группа армий «Е», которую возглавлял геринговский выкормыш генерал Лёр (позднее казненный за военные преступления против балканских народов).

Во исполнение преступных приказов бесноватого фюрера немецкие захватчики 13 декабря 1943 года провели на территории Греции чудовищную «акцию устрашения», расстреляв «в порядке возмездия за действия партизан» все взрослое мужское население небольшого пелопонесского городка Калаврита. Но вопреки ожиданиям захватчиков, греки отреагировали на эту бесчеловечную жестокость не страхом, а всеобщим возмущением против

оккупантов. С начала 1944 года по всей территории страны резко активизировалась партизанская борьба, в результате которой значительная часть территории Северо-Западной Греции, Эгейской Македонии, Фессалии, Фракии, Эпира и Пелопоннеса была полностью и окончательно очищена от гитлеровцев. В апреле 1944 г. партизанами был взят в плен комендант Крита генерал Крайпе, а в мае того же года ими был уничтожен гитлеровский «наместник Пелопоннеса» генерал Крех. В ответ оккупанты расстреливали сотни и тысячи заложников и просто гражданских лиц, случайно оказавшихся в пределах досягаемо гитлеровского вермахта, тогда как партизаны, в случае невозможности принятия ими открытого боя, просто растворялись среди мирного населения или прятались в труднодоступных горных районах. В конце концов генерал Лёр отдал приказ расстреливать без предупреждения всякого грека, появившегося без специального разрешения ближе чем в 5 километрах (вне городов) или 200 метров (в городах) от используемых немцами железнодорожных коммуникаций.

Но дни господства гитлеровских оккупантов были уже сочтены. 9 сентября 1944 года, на следующий день после вступления победоносных войск нашей великой Родины на территорию Болгарии, партизанские соединения греческих патриотов начали завершающий этап борьбы за освобождение Греции от фашистского ига. 150-тысячная армия партизан (по численности превосходившая греческую армию, с которой Греция в 1940 г. начала войну с фашизмом) преступила к одновременному нанесению по оккупантам массированных ударов на всей территории страны. Месяц спустя, опасаясь, что советские войска отрежут находящиеся в Греции сухопутные силы вермахта, германское командование отдало приказ о срочной эвакуации (или, проще говоря, о бегстве) войск группы армий «Е» с территории Греции. Преследуя бегущего противника, греческие партизанские соединения 12 октября 1944 г. освободили Афины, в которые 18 октября вернулось антифашистское греческое правительства Георгиоса Папандреу. 30 октября 1944 г. немцы оставили Салоники, а 2 октября (через 4 года и 5 дней после вступления Греции в войну) последние части оккупационных войск были выбиты с территории материковой части Греции. Уходя продолжали свои зверства. Так, за действия партизан, полностью было зверски уничтожено население поселка Дистомо, что рядом с г. Ливадья.

Оставшиеся же на некоторых греческих островах блокированные гитлеровские гарнизоны продолжали держаться там вплоть до капитуляции Германии – то есть до 9 мая 1945 г., до дня, когда греческий народ, вместе со всеми народами антигитлеровской коалиции, встретил Великую Победу!

Но окончательные итоги Второй мировой войны были подведены греками два года, четыре месяца и шесть дней спустя.

На одной стороне этих итогов находятся жизни 500 тысяч греков и гречанок, отданных ими ради независимости своей страны и свободы своего народа, и что составляло 10% населения.

На другой – сто шестьдесят три острова Додеканесского архипелага, захваченных Италией в 1912 г. и возвращенных под власть Греции в 1947-м.

Эти острова стали последними (за исключением Восточной Фракии и Константинополя) греческими землями, воссоединенными с Грецией.

А объединяет эти стороны долгий, трудный и кровавый доблестный путь греческого народа от Дня «Охи» до Дня Победы!

В апреле т.г. вышла книга греческого историка профессора Афинского университета Мэри Марули-Зилемени «Роль России и Греции в победе над странами ОСИ», которая будет переведена на русский язык.

Крупнейшим осенним праздником является день **покрова пресвятой богородицы** (агиа скепи) – 28 октября. Этот праздник был установлен еще в византийскую эпоху в честь чудесного спасения константинополя от мусульманской осады. В день покрова пресвятой богородицы в современной греции празднуется и так называемый «**день Охи**». Слово «Охи» по-гречески означает «нет» – именно так звучал ответ, который в этот день в 1940 году греция дала на ультиматум итальянского диктатора Муссолини, после чего страна вступила в войну с фашизмом. По всей элладе в «день Охи» проходят военные парады, а в греческих храмах служатся благодарственные молебны христу, даровавшему человечеству победу над фашизмом, и богородице, защитившей грецию своим покровом в тяжелые годы войны и немецкой оккупации.

В г. Афины, в самом крупном р-не Калифея, где и проживает большинство русскоязычного населения страны, есть памятник погибшим советским воинам, освобождавшим город. Ежегодно 9 мая мэрия Афин устраивает митинг, панихиду по погибшим героям. К памятнику привозят венки почти все посольства.

УДК 316.023.4

Елизаров С. Г.,

*ФГБОУ ВПО Курский государственный университет
sergei_elizarov@mail.ru*

Смыслообразующая функция ценностей социальной системы как механизм формирования мотивационно-ценностной включенности молодежной учебной группы¹²

Общественно-политические изменения, происходящие на постсоветском пространстве, способствовали существенной трансформации ценностных оснований субкультуры современной молодежи, что привело к появлению сосуществования молодежных групп, отличающихся друг от друга мотивационно-ценностным отношением к окружающей их социальной действительности, к социальной среде. В этой связи важное значение приобретают исследования способности молодежных групп включаться в

¹² Работа поддержана грантом РГНФ, проект 14-06-00876а

жизнедеятельность окружающих их различных социальных сред – «социальных систем» [6].

В развитие положений Л.И. Уманского и А.С. Чернышева об интергрупповой активности малой группы как элемента её «блока общих качеств» [7, 9], нами разработан и обоснован концептуальный подход к изучению сущности мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы в социальную среду, которая понимается нами как «социальная система» или «система малых групп» [2, 3].

В процессе проведенных исследований нами установлено, что интергрупповая активность малой группы распространяется не только на взаимоотношения малой группы с другими малыми группами – элементами социальной системы, но и с самой этой системой, элементом которой является малая группа. Причем характер взаимоотношений малой группы и социальной системы связан с существованием динамического социально-психологического феномена – «мотивационно-ценностной включенности малой группы в социальную систему (систему малых групп)». Данный феномен понимается нами как динамическое социально-психологическое состояние малой группы, выступающее основой ее взаимоотношений с социальной средой (социальной системой), элементом которой она является и показателем «меры участия» малой группы в этом процессе [2].

В рамках изучения данной проблемы нами было установлено, что одним из социально-психологических механизмов формирования мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы выступает **механизм повышения смыслообразующей функции ценностей социальной системы до групповых и индивидуальных ценностных ориентаций.**

Характеризуя его логику мы находим ей параллель в разработанной в педагогической психологии концепции теоретического (содержательного) обобщения [5], которая, как представляется, может иметь более широкое значение, в том числе применительно к формированию групповых и индивидуальных ценностных ориентаций.

В первую очередь это относится к положению данной теории о том, что частные знания могут выводиться из более общих, как конкретное проявление всеобщего закона. Данное положение вполне накладывается и на проблему формирования мотивационно-ценностной включенности (прежде всего ее ценностного аспекта) и соответственно выглядит как индивидуальные и групповые ценностные ориентации, выводимые из наиболее общих фундаментальных смысложизненных ценностей, носителем которых является социальная система.

Характеристика структуры ценностей той или иной социальной системы, на наш взгляд, вполне может рассматриваться в качестве определенного «смысла жизни» в ней. Кроме того, данная структура выступает, по нашему мнению, в качестве особого социально-психологического образования – своеобразного «буфера» между обществом и конкретной группой членства человека. Приобретая относительную устойчивость и независимость от окружающих его условий, данная структура ценностей социальной системы, ее

внутренний «смысл жизни», может существенно влиять на жизнь не только конкретного человека [8], но и на жизнь и систему ценностей группы его ближайшего окружения – малой учебной группы членства индивида.

Исследуемый нами социально-психологический механизм изучался как в «обычных» социальных системах, под которыми нами понимаются социальные среды, система воспитательной работы в которых осуществляется традиционно, и где современные образовательные технологии представлены фрагментарно или же не представлены вовсе (школа, вуз и т.п.), так и в социальных системах типа «развивающая социальная среда» [10], отличающихся от обычных внедрением в процесс их жизнедеятельности современных образовательных технологий, способствующих созданию особой системы отношений между всеми элементами данной социальной системы и содействующих интенсивному развитию как личностных, так и групповых социально-психологических феноменов.

Объектом нашего исследования выступали постоянные учебные группы старшеклассников ряда школ г. Курска и Курской области, а также студенческие группы Курского государственного университета и Курского государственного медицинского университета. Кроме того, в качестве объекта исследования выступали постоянные и временные молодежные группы старшеклассников и студентов – участники летних сборов профильных молодежных центров Курской области (экспериментальных площадок кафедры психологии Курского государственного университета) «Комсорг», «Монолит», «Магистр». Для этих молодежных центров характерно то, что в основе их жизнедеятельности лежат принципы «развивающей социальной среды», а ведущим направлением их деятельности является «социальное обучение», осуществляемое преимущественно в формате летних учебных сборов с последующими программами последствия, осуществляемыми в своих образовательных учреждениях.

В ходе проведенного исследования нами было установлено, что в обычных социальных системах соотношение ценностей социальной системы и учебных групп, являющихся их элементами, носило, как правило, отстраненный характер, находясь в середине континуума «близость – отдаленность», что, прежде всего, проявлялось в преобладании «отстраненных» форм мотивационно-ценностной включенности в социальную систему в таких группах.

В социальных системах типа «развивающая социальная среда» действие механизма повышения смыслообразующей функции ценностей социальной системы до групповых и индивидуальных ценностных ориентаций оказалось значительнее, что позволило обогатить содержательную и формальную структуры мотивационно-ценностной включенности. Действия этого социально-психологического механизма мы, конечно же, связываем и с особенностями самих учебных групп, которые стали опосредующими звеньями в его функционировании. Важным представляется и то что в процессе формирования мотивационно-ценностной включенности в социальных системах данного типа в группах с позитивными формами мотивационно-

ценностной включенности прежде всего высвечиваются ценности творческого, оптимистического отношения к миру и утверждается ориентация на высшие жизненные смыслы.

При этом ценности группы, выступая в качестве элемента структуры ее мотивационно-ценностной включенности, сами по мере ее формирования в значительной степени характеризуются как «генератор» ее активности, потенцируя в свою очередь те или иные формы мотивационно-ценностной включенности в процессе ценностного «смыслопорождения» [1] и «смыслостроительства» [4] в группе.

Литература

1. Василюк, Ф.Е. От психологической практики – к психологической теории // Московский психотерапевтический журнал. – М., 1992. – № 1. – С.15-32.
2. Елизаров, С.Г. Мотивационно-ценностная включенность малой группы в социальную систему (систему групп) различных типов (на материале исследования молодежных учебных групп): дис. ... докт. психол. наук. – Курск, 2010. – 446 с.
3. Елизаров, С.Г. Влияние мотивационно-ценностной включенности на формирование субъектности малой учебной группы / Человек, субъект, личность в современной психологии // Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского (10-11 октября 2013 г. Москва). Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. Т.2. – М.: Издательство «Институт психологии РАН» 2013. С. 247-250.
4. Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. – М., 1997. – Т.18. – № 6. – С.13-27.
5. Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова. – М.: Педагогика, 1983. – С. 152, 306, 385.
6. Сушков, И.Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе: дис. ... докт. психол. наук. – М., 2002. – 268 с.
7. Уманский, Л.И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. (Избранные труды). – Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2001. – 208 с.
8. Франкл, В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
9. Чернышев, А.С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материале исследования молодежных групп и коллективов): автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.С. Чернышев. – М., 1980. – 42 с.
10. Чернышев А.С., Елизаров С.Г., Сарычев С.В. и др. Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России / Издательство Курского государственного университета. – Курск, 2010. – 213 с.

УДК 321.74 (477)

Пашина Н. П.,

*Луганский национальный
аграрный университет
npash@mail.ru*

Функциональные особенности политической идентичности в период военных конфликтов

Вопрос о политической идентичности является одним из наиболее актуальных в любом обществе. Это обусловлено тем, что укрепление

политической нации и государства, решение задач демократического транзита возможно только на основе общих идентификационных ориентиров большинства населения. Уровень интегрированности общества является важнейшим условием конкурентоспособности государства и продвижения его национальных интересов в международной политике.

Значительную роль в процессе идентификации социальных субъектов и формирования коллективных идентичностей играет политика идентичности, которая осуществляется различными акторами политического процесса, и прежде всего государством.

Анализ идентичности в довоенной Украине дает основания утверждать, что она являлась противоречивой, конъюнктурной и играла роль инструмента в политической борьбе для решения партийных, личных задач и целей. Имеющиеся в украинском обществе социокультурные, региональные, социально-экономические и политические конфликты идентичностей активно «подогревались» украинскими политиками в процессе борьбы за власть. Это провоцировало рост гражданского противостояния и было реальной угрозой сохранения территориальной целостности и «отката» демократии в Украине.

Затрудняло процесс формирования общегосударственной коллективной политической идентичности и консолидацию украинского общества то, что в современной Украине проходили одновременно несколько процессов: становление нации-государства и переход к государству-нации, что сопровождалось поиском компромисса между этнической и гражданской концепциями государства и нации, демократизация и модернизация всей общественной системы.

Социологические исследования показывают, что кризис политической идентичности в Украине накануне гражданского противостояния на Юго-Востоке страны проявлялся:

- в поляризации граждан по определению желаемого типа общественного устройства;
 - в низком уровне консолидации общества по отношению к целям внутренней и внешней политики;
 - в недоверии к политическим институтам, политическим лидерам и элитам;
 - в отсутствии общественного консенсуса относительно целей и ценностей общества в виде гражданской национальной идеи;
 - в недостатке социального капитала и социального диалога, в слабой самоорганизации населения;
 - в языковом и культурном «расколе» общества;
 - в противоречивой трактовке событий исторического прошлого;
 - в наличии исторических и современных этнокультурных и региональных негативных стереотипов в общественном сознании;
 - в геополитических ориентирах украинских граждан;
 - в преобладании негативной модели политической идентификации и др.
- [1, с. 368 - 369].

Социально-политический конфликт (особенно в его военной стадии) характеризуется не только кризисной идентичностью, но и преобладанием негативной модели политической идентификации. Сущностью негативной идентификации является определение содержания коллективного «мы» с помощью образа Врага, «разделения» мира на «своих» и «чужих», возложение ответственности за собственные неудачи на коллективного «другого». Признаками негативной идентичности является самоутверждение «от противного» и агрессивное отношение к представителям любых политических движений, которые воспринимаются как «чужие», рост ксенофобии и упрощение картины мира, политическая демагогия и идеологизация общественного сознания [2; 191].

Негативная политическая идентичность присуща не только кризисным общественным системам, она является обязательным этапом развития личности, встречается и в стабильно развивающихся странах. В то же время именно в кризисных политических системах (особенно в период военного конфликта) негативная идентичность является одной из характерных черт политической жизни.

Негативная идентификация часто целенаправленно формируется политическими лидерами, движениями и объединениями для мобилизации и консолидации своих сторонников в процессе достижения определенных политических целей. Согласно О. Поповой, отрицательная идентификация в кризисном обществе выполняет мировоззренческую, компенсаторную и консолидирующую функции [3, с. 67]. Л. Гудков, дополняя предложенную классификацию функцией мобилизации, вводит в научный оборот понятие «негативной мобилизации». Этим понятием ученый описывает механизм консолидации населения на основе роста «диффузного массового раздражения, ненависти, сопровождающийся чувством общности на основе появления «врага» при перспективе «нежелательного развития событий» [4]. Автор отмечает «крайнюю неконструктивность» и опасность для общества такого типа консолидации, поскольку она блокирует выход из кризиса. «Общественное сознание, которое возникает в результате негативной мобилизации, представляет собой состояние моральной дезориентации, неспособности к какой-либо практической оценке». Негативная мобилизация провоцирует цинизм, оставляет после себя «выжженное ценностное пространство» и невозможность смысловых инноваций [5].

Д. Трубицын предлагает трактовать понятие «отрицательная мобилизация» как контрмодернизационную стратегию поведения общества в условиях социокультурного кризиса из-за возможности выполнения ею «механизма возврата» [6].

Период военного конфликта характеризуется глубоким общественным кризисом, который является своего рода точкой бифуркации общественного развития и сопровождается длительными и изнурительными для населения «войнами за идентичность». Проводником тех, или иных идентичностей являются в первую очередь СМИ, при помощи которых в массовое сознание

внедряются определенные установки и стереотипы («ватники», «укры», «колорады», «нацики», «укропы», «майдауны» и др.).

Для военного конфликта характерно более четкое и определенное размежевание общества по отношению к целям и ценностям. И, если в мирное время характерной чертой политической идентичности большей части населения является амбивалентность (двойственность), неустойчивость самоопределения, то военному конфликту присуще жесткое противостояние и обострение конфликта идентичностей. «Другой», по отношению к которому мы себя маркируем, выполняет роль не просто «Чужого», но и роль «Врага». Идентификация происходит не по социальным критериям, а прежде всего по политическим, идеологическим ценностям. Общество объединяется на основе отрицания, негативной мобилизации. Такая идентичность - это идентичность военного конфликта. Она успешно выполняет свои функции: мировоззренческую, компенсаторную и консолидирующую. Однако с наступлением фазы урегулирования военного конфликта негативная идентичность может выполнять роль «механизма возврата», сдерживать процесс становления мирной жизни, препятствовать процессу становления коллективной идентичности на основе созидательных мирных целей, консенсуса, компромисса. Перед государством и обществом встает трудная задача создания позитивной идентичности, консолидации общества в состоянии мира, что является задачей более сложной, по сравнению с процессом формирования негативной идентичности в военное время. Недаром феноменом поствоенных конфликтов являются так называемые поствоенные синдромы (афганский, чеченский...), характерной чертой которых является трудность адаптации человека к мирной жизни.

Формирование позитивной коллективной идентичности является глубинным, мощнейшим фактором дееспособности любого государства, так как идентичность в конечном итоге определяет вектор общественного развития.

Литература

1. Пашина Н. П. Формування політичної ідентичності в умовах демократичної трансформації українського суспільства: Монографія / Н. П. Пашина. – Луганськ : Вид-во «Ноулідж», 2013. – 416 с.
2. Гудков Л. Н. К проблеме негативной идентификации / Л. Н. Гудков // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. — М. : Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ – А», 2004. — С. 262–299.
3. Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества / Попова О. В. —СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. — 258 с.
4. Гудков Л. Б. Феномен негативной мобилизации / Л. Б. Гудков // Общественные науки и современность. — 2005. — № 6. — С. 43–53.
5. Gudkov L. RuBlands Systemkrise: Negative Mobilisierung und kollektiver Zynismus / L. Gudkov // Osteuropa. — 2007. — № 1. — S. 3–15.
6. Трубицин Д. В. Модернизация и негативная мобилизация. Конструкты и сущность / Д. В. Трубицин // Социс. — 2010. — № 5. — С. 3–13.

Законы и закономерности войны: от истоков до наших дней

Война как явление со своей сущностью объективно отражает многовековые проблемы цивилизации, относящиеся к античеловеческой деятельности. По типологии войны различают на общемировые и локальные, имеющие видовые различия: гражданские и партизанские войны, освободительные и захватнические, войны с применением обычных вооружений и ракетно-ядерного оружия, сухопутные и морские войны, воздушные и космические, а также терроризм как войну с различными проявлениями своей природы. По оценкам специалистов за всю историю цивилизации насчитывается только несколько мирных столетий. Остальное время государства, их народы воевали, причём зафиксированы семилетние, тридцатилетние и даже столетние войны. В различных регионах планеты произошло более 14,5 тысяч больших и малых войн, унёсших почти 4 млрд человеческих жизней [1]. Великая Отечественная война, являясь главным событием Второй мировой войны, относится к первому типу войн, она в корне изменила жизнь миллионов людей на планете, сыграла ключевую роль в геополитической структуре последующего мироустройства.

Феномена подобного войне на планете, пожалуй, нет. Поэтому вполне логично, что ему присущи свои собственные законы и закономерности, то есть такие отношения, которые имеют устойчивый, существенный и повторяемый характер. В методологическом плане целесообразно выделять законы войны, принципы военного искусства и закономерности вооружённой борьбы. Российская военная наука уже проводила анализ системы отношений, присущих войнам, по их типам и видам. Поэтому стоит эксплицировать наработки военной науки в области исследования законов войны с перцепцией этих позиций, основанной на военно-историческом материале, включающем и Великую Отечественную войну советского народа с фашизмом.

Систему законов и закономерностей войны целесообразно рассматривать в триаде генезиса, функционирования и развития, причём первый уровень – генезис – предполагает базовый фактор её происхождения, в то время как второй и третий – функционирование и развитие – имеют общие причинно-следственные связи, поэтому рассматривать их стоит в единстве.

***Первое.** Закон генезиса войны.* Первенство в выявлении генезиса войны принадлежит немецкому военному теоретику и историку, генерал-майору прусской армии XIX века барону Карлу фон Клаузевицу (находился на службе в русской армии 1812-1814 годах, принимал участие в боях под Смоленском и Бородином в армейских порядках генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова). В своей работе «О войне» Клаузевиц сформулировал положение о войне как

продолжении политики[2]. Политика – отношение по поводу власти. Власть необходимо завоевать, удержать и навязать (реализовать) для достижения поставленных целей. В системе отношений, которые характерны для политики, этот гениальный вывод Клаузевица имеет характер закона. Завоевание (удержание, навязывание) власти средствами вооружённой борьбы – цель любой войны, какими бы идеологическими лозунгами, соответствующими политическому режиму, она не прикрывалась. Вторая мировая война на практике показала верность этого теоретического положения. Советский Союз, вынесший главную тяжесть нацистского нашествия, испытал на себе всю мощь уничтожающего военного давления, целью которого было мировое господство гитлеровской Германии. Закон объективен, поэтому он матрично пролонгирован на современные военные события в мире, в том числе на территории в Новороссии. Новейшая история в проявлении этого закона для Украины конкретизировала лишь главного субъекта этих отношений – это Соединённые Штаты Америки, стремящиеся к мировому господству и в этих целях Украина для США лишь одна из ступенек её общей политики, также как ранее ими были Югославия, Иран, Ливия... Суть закона происхождения войны – **война есть продолжение политики средствами вооружённой борьбы.**

Второе. *Законы функционирования и развития войны.* Эти законы выражают зависимость хода войны и её результатов от ряда реальных факторов, характеризующих совокупный потенциал государства (или коалиции). В научном диапазоне этого подхода представляют интерес взгляды таких специалистов в области военного дела и военной теории, как М.В. Фрунзе, Б.М. Шапошников, П.Н. Трофименков, С.А. Тюшкевич, М.В. Попов. Подтверждением объективности законов войны этого уровня как раз и была Великая Отечественная война. *Структурировать систему законов войны этого уровня возможно следующим образом:*

- закон зависимости функционирования и развития войны от соотношения экономических потенциалов воюющих сторон;
- закон зависимости функционирования и развития войны от социально-демографической структуры общества;
- закон зависимости функционирования и развития войны от соотношения научно-технических и технологических потенциалов противоборствующих сторон;
- закон зависимости функционирования и развития войны от соотношения военно-боевых потенциалов воюющих сторон;
- закон зависимости функционирования и развития войны от духовно-нравственных критериев личного состава вооружённых сил и общества;
- закон функционирования и развития войны от типа политического режима противостоящих сторон (коалиций).

К закономерностям функционирования и развития войны отнесём:

- закономерности, отражающие видовые особенности войн;
- закономерности вооружённой борьбы;
- закономерности, включающие информационную составляющую, дипломатические методы работы, имеющие национально-географические особенности.

Несколько позиций относительно закономерностей вооружённой борьбы.

Они определяют динамику и характер боевых действий, которые могут обеспечить либо победу, либо привести к поражению одной из противоборствующих сторон как в конкретной боевой операции или сражении, так и в войне в целом. К закономерностям вооружённой борьбы целесообразно отнести: закономерность зависимости способов вооружённой борьбы от сил и средств её ведения; закономерность своевременного выявления целей и задач, стоящих перед вероятным противником; закономерность взаимодействия войск по месту, времени и целям; закономерность зависимости боевых действий от соответствия характера управления целям, силам и средствам вооружённой борьбы; закономерность победного исхода в вооружённой борьбе от правильного сосредоточения главных сил на решающем направлении (при условии применения обычных видов вооружений, а не ракетно-ядерного оружия). Закономерности вооружённой борьбы имманентно подчинены законам войны и объективно соответствуют последним, но одновременно сохраняют свою относительную самостоятельность и строгую логичность. Классифицировать закономерности вооружённой борьбы можно по ряду показателей. В частности, по масштабам боевых действий (сражение, боевая операция, боестолкновение); по видам боевых действий (наступление и оборона); по месту проведения боевых действий (в горах; в пустыне; на воде, в воздухе, в космосе, на равнинной или холмистой, в болотистой или лесистой местностях, в городской инфраструктуре); по применяемым видам и родам войск (сухопутные, военно-морские, военно-воздушные, воздушно-десантные, ракетные и т.п.).

Война – общественное явление, она отражает специфическую, но достаточно устойчивую систему отношений, учёт которых имеет характер необходимости, а не случайности. Поэтому в современных условиях необходимо оценивать характер возможных проявлений военного уровня с учётом исторического опыта Великой Отечественной войны и последующих за ней в XX и XXI столетиях военных событий. Они имеют отчётливое политическое очертание, которое выражается в специфике ведения военных действий для достижения собственных, узкокорыстных целей, прежде всего США. Мир меняется, вектор его развития уже не предполагает блоковой дисциплины, он направлен на равноправное, суверенное, взаимовыгодное сотрудничество государств, как это видно на примере стран БРИКС: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка. Однако это длительный процесс, поэтому прогрессивное движение целесообразно выстраивать с учётом существующих законов и закономерностей войны, объективный характер которых подтверждён всей мировой историей, а главное, гибелью миллиардов людей планеты. Уроки Великой Отечественной войны не должны быть забыты.

Литература

1. Жилин П.А. О войне и военной истории / П.А. Жилин. – М.: Наука, 1984. – С. 3.
2. Клаузевиц К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Госвоениздат, 1934; переиздание: М.: Эксмо, 2007. – Ч. 1.

Память как условие преодоления духовно-культурных кризисов

Проблема взаимосвязи памяти, культуры, истории – традиционная и современная, историко-философская и актуально метафизическая, так как духовность как способ «перевода» выработанных в социокультурной истории ценностей в индивидуальное бытие людей, их поступки прививается, прежде всего, через такой феномен как память, являющийся, возможно, главной силой в общественной истории. Сила исторической памяти – в том, что благодаря ей мир современности существует и как мир прошлого, как мир *все*временности или *транс*историчности, *транс*культурности, неся в себе всю полноту опыта личностей, народа, человечества. Современное общество демонстрирует не только интерес к прошлым формам процесса памятования, к поиску «новых» практик культивирования памяти, но и довольно активно работает «технологически» с этим весьма тонким духовно-культурным феноменом, делая его началом как объединяющим общество, так и разъединяющим его, что, безусловно, актуализирует тему памяти и памятования в качестве метафизической проблемы.

Современный дискурс памятования невозможен вне ориентации на историко-философский контекст понимания проблемы. Ещё в древнегреческой культуре было открыто особое искусство – искусство памяти, использовавшее «технику запечатления в памяти неких „образов” и „мест”» [1, с.6]. Вопрос о непосредственной взаимосвязи памяти и культуры, памяти и условий личностного роста человека был подмечен ещё Августином, утверждавшим, что память «зачинается» в человеке благодаря впечатлениям, рождённым «внешними чувствами», когда глаза сообщают не только о свете, но и «о всех красках и формах тел», уши – «о всевозможных звуках» и что на основе этого воспринятого чувственного великолепия человек выстраивает свой внутренний мир, где уже по особым законам памяти работают запечатлённые «краски», «звуки», «запахи», «конфигурации», «тени», воспроизводится логика событий: «...память и есть душа, ум...» [2, с.249]. Владея всем этим собранным через собственный опыт богатством, люди живут и живы им: «... я создаю по сходству с тем, что проверено моим опытом, и с тем, чему я поверил на основании чужого опыта, то одни, то другие образы; я вплетаю их в прошлое; из них тку ткань будущего: поступки, события, надежды – всё это я вновь и вновь обдумываю как настоящее» [2, с.244].

Ставя вопрос о памяти в контекст кризисного состояния культуры, обратим внимание на интерпретируемую Ф. Йейтс идею Ф. Бэкона о необходимости улучшить искусство памяти. И хотя пути решения поставленной философом проблемы остались неизвестными, актуальность её

сохранилась и в наше время. Как не повторить: «Ныне существующее искусство может „дать повод к бахвальству чудовищному”, но оно бесплодно и не применяется в серьёзных „делах и ситуациях”» [1, с.457]. Увы, но эти «серьёзные дела» и «серьёзные ситуации» в наш век технологий скорее опираются не на искусство памяти с его основополагающими ценностями блага, гармонии, любви, жизни, уважения к Другому, а на «ремесло» выгоды, вульгарно приспосабливая к собственным интересам беспамятство или злопамятство.

М. Хайдеггер определяет связь бытия и времени в категориях, так или иначе раскрывающих процесс памятования: сокрытие, раскрытие, умение прислушиваться, незапамятность, памятующее мышление, незапамятное бытия, забывание, умолчание и др. Именно в этом дискурсе рождается умение, которое обозначается в смысловом отношении – памятью, позволяющей владеть (в идеале) целым (целым культуры, истории), осваивать (или о-сва(о)ивать = нечто делать своим), т.е., иметь в себе. Отсюда из проблемности процесса памятования вытекает, как представляется, и особая напряжённость хайдеггеровской мысли, её неизменная наполненность вопрошаниями: «Что даёт повод назвать рядом время и бытие? Бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня звучит то же, что присутствие. Из присутствия, присутствования звучит настоящее» [3, с.392].

П. Рикёр актуализирует задачу установления соотношения времени и исторического повествования, во-первых, а, во-вторых – согласования личной памяти, коллективной памяти с историей как научной дисциплиной. Обоснование же философом идеи «политики справедливой памяти», призванной, а главное – способной к адекватной оценке произошедших в совместной человеческой истории событий, вернее со«бытий», служит, на наш взгляд, определённым ответом на бэконовскую идею улучшения искусства памяти. Философ увязывает формирование личной идентичности с особой ролью в этом процессе индивидуальной и коллективной памяти, указывает на необходимость их сопоставления, культивирования целостного понимания истории, осмысления всего исторического опыта, каким бы сложным не был этот процесс, ведь «XX век особенно отягощен памятью насилия и страдания, и этот опыт трудно выразить адекватным образом» [4, с.9].

На наш взгляд, проблема заключается и в том, что конкретные практики памятования могут быть ценностно разнонаправленными, рассогласованными в своих устремлениях, несовпадающими в целях, что создаёт напряженность скрытого или явного конфликта в общественных отношениях, которые являют себя далеко не всегда, образно говоря, гармонично воспроизводящим музыку (= целое культуры) «ансамблем». Исторические обстоятельства, особенно в нынешнюю эпоху, редко в системе социального памятования (а с ним связаны прежде всего общественные институты – образования, государства, культуры) представляются с позиций ценностно ориентированного целого (с его позитивными и негативными подтекстами) – такого «улучшения» искусства памяти не произошло. Действенными остаются политические средства и цели в

интерпретации событий, следовательно, однобоко, с позиций одной части общности, представляющих историю и культуру. А это означает, что, к примеру, в ответе Н.В. Гоголя о гармонии (как «согласованном согласии всех частей») скрывается актуальный и для современного общества вопрос Николая Васильевича о возможностях подобного согласования. Путь к решению данной проблемы может быть найден, как представляется, только через поиск вариантов сопричастности практик памятования с культурой, но не политикой, определяющей до сих пор скорее идеологически, нежели исторически, и потому, в отличие от культуры, не имеющей основания для собственной гармоничной цельности. Иначе говоря, историк (если он, конечно, политически не ангажирован) понимает и помнит культуру в отличие от политика, который её, говоря архаически, «пользует».

Литература

1. Йейтс Ф. Искусство памяти [Электронный ресурс] / Фрэнсис Йейтс. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. – 479 с. – Режим доступа: <http://filegiver.com/free-download/yeitys-f-iskusstvo-pamyati.pdf>.
2. Августин Аврелий. Исповедь / Августин. Перевод с лат. М.Е. Сергеевко. Вступ. статья А.А. Столарова. – М.: Издательство «Ренессанс», СП ИВО – Сид, 1991. – 488 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с. – С. 391-406.
4. Рикёр П. Память, история, забвение [Электронный ресурс] / Поль Рикёр / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. Ред. Л.Б. Комиссарова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века). – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/interv.php.

УДК 94:316.462

Шевченко О. К.,

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
skilur80@mail.ru*

Феномен «Власть» в ментальных практиках Великой Отечественной войны

Власть является одним из самых обиденных феноменов человеческого бытия. Но при этом власть до сих пор ставит перед исследователями множество вопросов и загадок. Основная проблема, заключается в том, что власть буквально «размыта» в сотнях физических актов, интеллектуальных действиях; власть обросла символикой и мифами. Разобраться в этом крайне сложно, а полученные выводы в любом случае будут сомнительными в силу изначальной неоднозначности исходных посылок. В этом аспекте крайне полезно и важно наблюдать властную реальность в ситуациях, когда она максимально обнажает свои сущностные характеристики, когда ее призрачное феноменологическое бытие уходит в тень и наружу выступает основа реальности, такой, какой она есть в онтологическом смысле. Как же определить эти условия? Представляется, что истинность властного феномена отчетливо выступает в

ситуациях, когда максимально обостряются полярность человеческой природы, когда условности этики меркнут перед моралью, житейские удовольствия перед человеческим долгом в условиях, когда стоит вопрос о Жизни и Смерти. Война в этом контексте выступает исключительным по своей силе гносеологическим полигоном истинности власти. А тем более такая война когда вопрос Жизни одного Человека неразрывно связан с Жизнью общества, государства, культуры, цивилизации. Великая Отечественная война советского народа с нацизмом в 1941-1945 гг. как раз и является событием такого масштаба, когда возможно определить истинную природу власти.

Великая Отечественная война явилась войной за культуру и цивилизацию, за совесть и мораль против нацистской идеологии неоязыческого биологического материала, именуемого обычно «белокурой бестией». И в этом смысле война шла не только (а порой и не столько) в физическом пространстве, сколько в сфере символов, мифов, идей, короче, в области ментальных практик. И здесь крайне любопытно проанализировать бытие власти как неизбежной составляющей любой ментальной работы, любой работы духа. Власти не столько как деятельности конкретного органа государства или действия отдельного человека облеченного политическими полномочиями, а как смыслообразующего, упорядочивающего принципа бытия в мире (а, возможно, и бытия мира).

Властные практики Великой Отечественной войны (здесь анализируется лишь советский сегмент реальности) отличались крайней степенью гармоничности и внутренним согласием. Традиционно власть может быть представлена как вертикаль подчинения и горизонталь коммуникации. На их пересечении образовывается конкретная властная реальность, в конкретном времени и конкретном пространстве. Иногда преимущество отдается вертикали власти и тогда речь идет о доминировании подчинения перед согласием, иногда о доминировании горизонтали. В духовных практиках ВОВ представляется был достигнут почти идеальный баланс отношений. Вспомним известную речь вне всяких сомнений, безусловно, авторитарного, деспотичного «самовластного» повелителя «Советской империи» И. Сталина. Первая публичная речь Сталина с момента начала Великой Войны от 3 июля 1941 года: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!». В этих кратких словах был действительно гениально схвачена логика идеального баланса вертикали и горизонтали властных отношений, того баланса, который позволил превзойти духом третий Рейх и окончить войну в Берлине. Четкость командных установок компенсировалась и амортизировалась гражданским самосознанием и волей низовых звеньев военно-государственной машины к наилучшему исполнению долга перед Будущим. Без осознания собственной силы, собственной человечности, важности своего поступка со стороны исполнителя, любой приказ был обречен на провал. Осмелюсь утверждать, что именно «забитость», «угнетенность» низов военной иерархии привела к плачевным катастрофам 1941-1942 годов. Именно дикое насилие вертикали власти над горизонталью лишила Советский Союз миллионов жизни. Власть штука инертная. И то, что

осознал И. Сталин 3 июля 1941 г., вполне понял руководящий аппарат лишь к концу 1942 года. Года ставшего моментом, когда перефразируя У. Черчилля, стало ясно, что наступил не конец начала войны, а начало конца нацистского порядка в Европе. Созданная ментальная практика власти позволяла решать стратегические задачи, опираясь на порывы духовных практик миллионов людей. Властная реальность почти метафизического порядка оформлялась во вполне конкретные формы исполнения управленческих решений: институты военных советов, регулярные коллегиальные решения от полков до Ставки Верховного Главного Командования. Система наблюдателей Ставки, необыкновенная рассеянность фронтовых управлений.

В общем и целом сформированная система власти оказалась более эффективной, чем организации союзников или противников СССР. Во многом именно потому, что была понята и осознана великая истина: во властных отношениях первое слово остается за руководящим субъектом, а последнее и окончательное за простым исполнителем, и чем более исполнитель ощущает необходимость исполнения решения, чем более он воспринимает отданный свыше приказ как собственное желание и заветную цель – тем лучше и эффективней будет результат.

УДК 2:141.45

Ершов Б. А., Мерзликina К. В. ,
*Воронежский государственный
технический университет
bogdan.ershov@yandex.ru
merzlikina.karina@yandex.ru*

Вклад Русской Православной Церкви в национальное единство советского народа в период Великой Отечественной Войны

Актуальность статьи обусловлена тем, что Русская Православная Церковь в период войны оказала огромное влияние на развитие патриотических чувств советского народа. Это проявилось в богослужебной и проповеднической деятельности Церкви, которая проходила зачастую в прифронтовой полосе и под вражескими обстрелами. Священники способствовали национальному подъему среди населения в первые часы нападения гитлеровской Германии на СССР. Уже в самые первые дни войны митрополит Сергей Странгородский произнес речь к простому народу. В ней обращалось особое внимание на отстаивание своих национальных интересов в борьбе против фашистской Германии. Церковь в этом послании указала на глубинные духовные источники народного патриотизма, которые заключались в том, что Православная Церковь всегда разделяла судьбу своего народа. Вместе с ним она несла испытания и гордилась его успехами [1, с. 408-409].

Послание главы Православной Церкви и остальных её священнослужителей носило не только консолидирующий характер, но и имело разъяснительную цель. В нем утверждалась твердая позиция Церкви по

отношению к войне и нацистам в целом независимо от положения на фронтах. Церковь не только утешала прихожан в скорби житейской, но и старалась подвигнуть их к беззаветному труду в тылу, смелому участию в боевых действиях, поддерживала веру в решительную победу над врагом, содействуя тем самым воспитанию высоких патриотических воззрений и чувств среди тысяч людей. Кроме того, от имени Церкви подвергалось порицанию дезертирство, сотрудничество с оккупантами, сдача в плен. Все это помогало изживать пораженческие настроения, получившие определенное распространение в трудные первые дни войны. Но в конечном итоге эти усилия Церкви не пропали даром, а создали «нравственные условия победы», которые в значительной степени смогли изменить ход военных событий. Несмолкавшее слово Церкви, призывавшее к защите Родины и веры, вселяло в сердца людей стойкую уверенность в близкой победе [2, с. 98].

Убедительно вдохновлял своё духовенство и митрополит Ленинградский Алексей. Оставаясь в осажденном Ленинграде, он разделял с его жителями все тяготы 900-дневной блокады, производил богослужения под артиллерийским огнем и поддерживал духовно своими проповедями верующих.

Церковно-патриотические письма священнослужителей Русской Церкви, распечатанные отдельными листами, рассылались по епархиям в СССР и на оккупированных фашистами территориях. Рождественское обращение Патриарха Сергия 1944 года к верующим и духовенству было *«РАСПЕЧАТАНО В КОЛИЧЕСТВЕ 2000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ, ИЗ КОТОРЫХ 1 ТЫСЯЧА ЭКЗЕМПЛЯРОВ» ПАТРИАРХИЕЙ РАСПРОСТРАНЯЛАСЬ ПО ЕПАРХИЯМ, А ВТОРАЯ – «НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ».* Митрополит Сергей ободрял и утешал людей *«ОСТАВИВШИХСЯ БЕЗ РОДНЫХ, ЛЮБИМЫХ, БЛИЗКИХ И»* вселял в них надежду на скорую победу и избавления от мучений.

Немалая патриотическая деятельность велась на страницах журнала Московской Патриархии. Он был духовно-патриотическим рупором Церкви. В каждом номере журнала, который выходил каждый месяц тиражом в 7000 экземпляров, публиковались 1-2 обращения Местоблюстителя Патриаршего престола и священников, яркие проповеди архиепископа Красноярского Луки, речи и послания иерархов по случаю побед и юбилеев Красной армии, статьи исторического содержания, сообщения с фронта о зверствах гитлеровцев, подвигах священников, о разорении монастырей и церквей фашистами. В нем из номера в номер публиковались письма, проповеди, заметки и статьи, в которых прославлялась доблесть советского народа, его самоотверженный подвиг, а обличения фашистских преступлений звучали как суровый приговор истории, открывавший миру антихристианскую суть фашизма.

Проявление патриотизма священниками было очень многообразным: морально-нравственное воздействие (проповеди, послания); сбор денег, медикаментов, драгоценностей, одежды в Фонд обороны; служба священнослужителей в рядах действующих вооруженных сил и их участие в партизанском движении, помощь тяжело больным, шефство над лазаретами и организация санитарных убежищ и т. д. Патриотическая деятельность Церкви

в борьбе с фашизмом оказала существенное влияние на изменение политики советского государства по отношению к духовенству в период войны [3, с.253]. Сотни священников были призваны в ряды вооруженных сил. На фронтах несли службу полковые священники. Можно было видеть батюшку в военном одеянии, сверху которого была надета епитрахиль. Многие священники не только проповедями, но и собственным примером обучали прихожан, как защищать Родину. Среди священнослужителей – солдат действующих вооруженных сил – наиболее прославлены следующие: патриарх Пимен (Извеков), архимандрит Кирилл (Павлов), протоиерей Николай Колосов. Церковные деятели получили массу наград за подвиг во имя защиты Родины. К ним можно отнести: Стефана (Козлова) - клирика церкви во имя Святого Князя Александра Невского, Георгия Степанова - священнослужителя Тихвинской церкви с. Романишино Лужского района, отца Дмитрия Логачевского, несшего службу в Уфимской епархии и священнослужителя Василия Троицкого.

Священники были активными участниками партизанского движения. В тылу фашистов они исполняли свой патриотический и нравственный долг, с риском для своей жизни прикрывали советских воинов, которые бежали из плена, проводили антифашистскую агитацию среди жителей, помогали советским военнопленным солдатам. Трудно посчитать все виды патриотической деятельности Церкви в тылу врага во время войны. В прифронтовой полосе при церквях имелись пристанища для детей и престарелых, а также перевязочные убежища, в особенности в период отступления в 1941-1942 гг., когда многие епархии взяли на себя заботу о раненых, брошенных на произвол судьбы. Духовенство участвовало и в рытье траншей, организации противоздушной обороны, мобилизуя граждан, успокаивая лишившихся родных и близких. В тылу, в сельских местностях, были случаи, когда священнослужители после литургии призывали прихожан вместе с ними пойти на поля для выполнения неотложных сельскохозяйственных работ. Случались и жертвования в пользу советской армии.

Таким образом, с первого года Великой Отечественной войны Церковь вдохновляла советских людей на борьбу с фашизмом, что оказало колоссальное влияние на подъём патриотических чувств, именно тогда, когда это было нужно: в тяжелейшие первые месяцы поражений. Вера в Бога сплотила советский народ и воодушевила его на подвиги во имя защиты самого ценного, что у него было: Родины, семьи, культуры. **70 лет назад советский народ обрел свое национальное и духовное единство. События тех давно минувших времён послужат примером для нынешнего поколения.**

Литература

1. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / О.Ю. Васильева. – М., 2009. – 675 с.
2. Филиппов А.В. Новейшая история России, 1945–2006 гг. / А.В. Филиппов. – М.: Просвещение, 2007. – 494 с.
3. Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви, 1917–1997. М., Кн. 9. 1997. – 697с.

Соблазн национализма

Мы назвали свои тезисы прямо так, как сформулирован вопрос в тематике конференции – «соблазн национализма», потому что национализм – действительно великий соблазн. Это самое простое и примитивное средство, с одной стороны, дать людям понятную и легко обретаемую социальную идентичность, а с другой – взвинтить эмоции и пробудить в массах поистине тектонические, могучие и темные силы. В основе национализма лежит *гипертрофия* этнического самосознания и самочувствия, очень важно, что именно *самочувствия*, эмоционально-волевого переживания, построенного на ощущении своего единства и более того, – тождественности, - с социально-этнической группой. Кроме того, в отличие от естественного патриотизма, который тоже дает чувство идентичности с социально-этническим целым, национализм строится на установке *иррационального превосходства* над любыми другими группами и объединениями, этносами, нациями и народами. Темная сила национализма фундаментальна *жаждой легкого самоутверждения*, когда, чтобы «быть лучше», «иметь право попирать», нужно просто принадлежать к конкретному этносу, не проявляя никаких иных личностных достоинств: я лучше других, потому что я – «украинец, латыш, русский, немец» и т.д., и т.п. Все остальные народы (и принадлежащие к ним конкретные люди) автоматически попадают в «худшие» и достойные лишь эксплуатации или истребления (печальным примером этого сегодня выступает ненависть украинских националистов к «русским ватникам»).

Тема этноса и этнического мироощущения широко изучалась в отечественной этнологии, философии и психологии. Имена Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, Б.Ф. Поршнева отнюдь не забыты и сегодня. Опираясь на сделанные ранее разработки, мы можем сказать, что:

1) любому националистическому мироощущению свойственно жестко прочитанное *дуально-этническое противопоставление «мы – они»*, где «они» - всегда чужие, всегда соперники и противники, и между «нами» и «ими» практически отсутствует «сфера между» (Э. Гуссерль, Б. Вальденфельс), способная обеспечить понимание и согласие;

2) национальное мироощущение, связанное с проживанием людей на общей территории, исторической памятью, обычаями и традициями, чтобы стать националистическим, активно подпитывает себя *националистической мифологией*, которая перечеркивает любые реальные исторические факты, грешит против истины и основана на постоянном взвинчивании конфронтации

с другими. Со стороны любая националистическая мифология обычно выглядит как абсурдистская карикатура, как потешная байка, как нелепое хвастовство и враки, потому что она непременно приписывает конкретному народу «ну, самую глубокою древность»: «мы – древнее древних греков, древних скифов, древних египтян», «мы построили пирамиды, вырыли море, переставили горы... а также, возможно, изобрели велосипед, слетали на Сатурн, создали все языки мира» и все в этом духе. В данном случае древнее выступает как «залог мощи», как основание суперзначимости. Однако то, что лишь веселит глядящих извне, оказывается серьезным фактором националистической консолидации и основанием для того, чтобы оскалиться против «не наших». Чувство принадлежности к «избранному кругу могучих титанов» толкает ко вседозволенности;

3) нельзя сбрасывать со счетов идею Л.Н.Гумилева о пассионарном влиянии, о био-космическом энергетическом толчке, заставляющем людей действовать ради цели, не оборачиваясь на опасности. Чувство этнической избранности и особой миссии в огромной степени характерно для пассионариев, усилиями которых складывается культура становящегося этноса; этно-национальный пафос, которым они движимы, может распространяться на других людей, придавая им силу и агрессивность, направленные на утверждение своей этнической группы и в ущерб другим – «чужим». Другой вопрос, что концепция Л.Н. Гумилева при всей своей спорности неплохо накладывающаяся на события далекого прошлого, не очень подходит к сегодняшнему дню. Сегодня нет «чистоты» ситуации этногенеза, хотя некоторые комментаторы подчеркивают, что нынешняя война в Донбассе порождена как раз «этностановлением украинцев». По-гумилевски понятый этногенез провоцируется космическим влиянием, а не ядерной державой на другом континенте, в то время как Соединенные Штаты Америки вовсе не скрывают своей роли кукловода в этом странном «этногенезе». Да к тому же весьма проблематичен этногенез, где одна часть общества идентифицирует себя как собственно украинцы, а другая – как украинцы-европейцы, что, разумеется, не одно и то же;

4) этнонационалистические идеи и идолы в современном мире тесно связаны с темой государственности, а применительно к территории бывшего СССР – не только с государственностью, но и с политикой, точнее *геополитикой государства*. В отношении проблемы «Россия – Украина» это разворот государственных образований в сторону Запада или в сторону России. Современный «украинский национализм» весьма своеобразен: здесь массово присутствуют в этническом отношении русские люди, говорящие и думающие по-русски, но рассматривающие себя как «украинские националисты». Можно сказать, что в массе речь идет вовсе не «об украинских националистах» (это лишь поверхностная идентификация), а о «западниках», выступающих против «славянофилов». «Псевдонационализм» искушает своих сторонников самоотождествлением с Западом, утверждением «мы – Европа», при том, что Европа, во-первых, не так идеальна, как она представляется ее пылким adeptам, а во-вторых, вовсе не готова принимать в свои объятия миллионы

людей, иных по культуре и менталитету (она уже и так переполнена инокультурными влияниями);

5) огромную роль в созидании агрессивного украинского «псевдо-национализма» (но со всеми внешними чертами настоящего национализма – злобой, бахвальством, возвеличиванием себя, презрением к другим) создают *современные СМИ*. Они осуществляют массивную (и, разумеется, хорошо оплаченную) атаку на умы, *искушая массы националистической идеологией*, обещающая превосходство, процветание, победу и господство именно тем, кто станет «боевой единицей» националистического государства. Людей легко свести с ума – это истина, в которой мы воочию убедились за последний год и с которой необходимо считаться.

Завершая наше небольшое размышление о национализме и чувстве этнического превосходства, мы хотели бы отметить, что мы верим в благополучное разрешение геополитического кризиса, разразившегося на той земле, которая недавно была нашей общей родиной. Наши отцы и деды победили в войне, 70-летие которой мы отмечаем. Это была победа и над фашизмом, и над немецким национализмом. Хочется верить, что максима «Люби свое и уважай чужое», а также право народов на самоопределение скоро одолеют те поистине черные силы, которые раздули и все еще раздувают национальную рознь.

УДК 940.53

Канц Н. А.,

*ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный
аграрный университет»*

kanc1977@mail.ru

К вопросу о фальсификациях Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война – самая великая страница в истории России, потому что на самую большую угрозу в своем тысячелетнем существовании она дала достойнейший ответ, выстояв в этом нечеловеческом испытании, а советский народ, сокрушив врага, одержал Великую Победу. В то же время эта война явилась самым трагическим событием в истории России, так как никогда прежде за право жить и быть в этом мире никто и никогда в истории человеческого рода не приносил на алтарь победы таких огромных и невосполнимых жертв.

Любая война и в том числе Великая Отечественная имеют в онтологическом отношении неоднозначный и, как минимум, дуальный характер. В ней заложены онтологические предпосылки для гносеологического плюрализма, что и порождает в современном мире волну различных ее интерпретаций. Несомненно, в постсоветском российском обществе существует консенсус по поводу огромной исторической значимости Великой Отечественной войны. Однако не существует единой интерпретации различных аспектов этой войны и ее итогов. К тому же в общественном мнении на

постсоветском пространстве наличествует позиция, игнорирующая позитивную значимость Великой Победы советского народа. И это очень «мягко» сказано.

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне – часть основы дальнейшего духовного развития России в XXI веке. «Память истории», сочетающаяся с чувством гордости за историю, – основа достоинства нации и ее способности к будущетворению, к реализации выстраданных идеалов. Без памяти о Великой Отечественной войне, о великой Победе в этой войне немислимы ни достоинство России, ни гуманизация российского общества, ни гуманитаризация российского образования, потому что Великая Отечественная война – это духовный подвиг наших отцов, дедов, матерей и бабушек, многие из которых продолжают еще жить рядом с нами, – подвиг, без которого не было бы ни нас с вами, ни России. И не нужно задним числом выстраивать иллюзии, будто Россия продолжила бы свою историю под сапогом гитлеровского солдата, что делают некоторые псевдогуманисты современности. Фальсификации Великой Отечественной войны нельзя назвать иначе как изменой и предательством по отношению к Великой трагедии советского народа. Советская Армия была интернациональной армией. Война явилась испытанием на крепость дружбы народов, и она, эта дружба, выдержала историческое испытание. Несомненно, велика в этой дружбе народообъединяющая миссия русской культуры, восходящая к творчеству А.С. Пушкина. «Империя», «тюрьма народов» не выдержала бы такой войны, когда она началась при численном и техническом превосходстве вооруженных сил Германии и ее союзников. И данный урок Великой Отечественной войны замалчивается, не анализируется со стороны фальсификаторов, поскольку он им не нужен.

СССР спас все человечество от мирового зла – фашизма, который грозил мировым господством и геноцидом по отношению ко многим народам в случае своей победы. Ненависть всегда разрушительна, а любовь всегда созидательна. Ненависть к советской истории разрушает духовно идеологов «переделки» истории Великой Отечественной войны, придавая ей исключительно большой разрушительный потенциал не только в социально-экономическом, но и в духовно-нравственном измерении.

Волна «новых трактовок» захлестнула общественное сознание не только постсоветских республик, но и самой России, где появились свои фальсификаторы. При этом основной удар наносится по сознанию молодежи.

Огромная и многотрудная работа по исследованию войны хотя и ведётся уже десятки лет, но окончания её в обозримом будущем не предвидится. Пока вскрыт лишь поверхностный пласт, многие же тайны войны ещё лежат в секретных фондах. Тем не менее историческая связь времён не только сохранилась, но и развивается. Открывая всё новые факты, профессиональные исследователи и энтузиасты-поисковики показывают, что история никуда не исчезает. Поскольку большое видится на расстоянии, время помогает нам уточнять вчерашние суждения, делать выводы об истинном значении конкретных событий, разоблачать фальсификаторов.

Объективная неоднозначность Великой Отечественной войны и даже ее внутренняя противоречивость не может не породить различного восприятия ее со стороны молодежи. Чем объясняется тот прискорбный факт, что страна, как никто пострадавшая от фашизма и внесшая наибольший вклад в дело его разгрома, сама оказалась не застрахованной от коричневой чумы XX века. Почему в России, внесшей наибольшую лепту в победу над фашизмом, появились тысячи скинхедов, а среди братских народов-союзников все сильнее о себе заявляют национализм, русофобия и неонацизм.

На фоне усилившихся конфликтов идентичностей на уровне народов, наций, государств вне западного мира в начале XXI века набирают силу и мощь проявления ксенофобии и национализма. По мнению многих, наш век пройдет под знаком борьбы идентичностей на уровне макрообразований. Аналогичные процессы, к сожалению, происходят и в современной России, и в братских странах. И в наибольшей степени ксенофобские, националистические и даже неонацистские формы выражения фокусируются в молодежной среде. Это обстоятельство непременно надо учитывать применительно к реалиям нашего времени. Используя далеко еще не раскрытый огромный позитивный потенциал Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании молодежи, мы должны существенное внимание уделять противодействию формированию в сознании молодежи националистических и неонацистских умонастроений.

Проблема наличия в сознании определенной части молодежи в России националистических и неонацистских умонастроений относится к числу трудноразрешимых. По ней нет основательных и внятных аналитических трудов. Эта проблема не стала предметом беспокойства и тревоги гуманитариев и обществоведов России. Целью нашего рассмотрения не является выявление конкретного механизма формирования националистических и неонацистских умонастроений в сознании молодежи. Мы лишь попытаемся показать тот объективный фон, который благоприятствует появлению этих умонастроений у молодежи и некоторые способы профилактики этого опасного процесса.

Долгое время, сталкиваясь с такими шокирующими проявлениями среди молодежи, как экстремистские действия в межнациональных отношениях, мы подобно страусу «прятали голову в песок». А между тем симптомы заболевания некоторых групп молодежи при нашем попустительстве превратились в запущенную болезнь. И ее сейчас значительно сложнее лечить, чем лет 20 назад.

Сознание молодежи, в силу специфики возраста, прежде всего, обращено к настоящему. Для нее прошлого уже нет, будущего еще нет, и поэтому не стоят они того, чтобы о них можно было серьезно задумываться и беспокоиться. Сиюминутные интересы конъюнктуры обыденной жизни в настоящем полностью поглощают молодого человека. О будущем ему не стоит беспокоиться, так как оно ему представляется длительной перспективой, жизненное пространство которой он непременно приватизирует и оно ему в любом случае будет принадлежать. Иное отношение у него к прошлому. Прошлого уже нет и молодой человек не может им распоряжаться, а поэтому

он отрешается от него, как от чего-то чуждого ему. Такое отношение к собственному прошлому проецируется и на все культурно-историческое пространство прошлого. Исходя из сказанного, приходится констатировать, что у большинства молодежи не привито элементарное чувство уважительного отношения к истории своего Отечества.

Поэтому для многих представителей молодежи присуще историческое беспамятство. Их сознание представляет *tabula rasa*, на которой можно написать и изобразить какую угодно историю войны. Становится очень грустно, когда некоторые студенты не знают, когда началась Великая Отечественная война, и кто в ней был союзником СССР.

Нельзя не учитывать и то, что помимо обращения к патриотической патетике государство на деле может продемонстрировать «любовь к отечественным гробам, любовь к родному пепелищу», проявляя неподдельный пиетет к истинным патриотам нашего отечества – ветеранам Великой Отечественной войны. И когда молодежь видит, что и через 70 лет после Великой Победы многие ветераны все еще обделены вниманием со стороны государства, то это никак не способствует изменению их индифферентного отношения к великой странице нашей истории.

По мере удаления от Великой Отечественной войны инсинуаций и фальсификаций в ее адрес становится все больше. Подлинный характер войны воспроизводится все более скудным «первоисточником», так как живых свидетелей «окопной правды» о ней становится все меньше. Образ Великой Отечественной войны в сознании молодежи размыт и неопределенен и во многом опосредован односторонними ценностными интерпретациями старших поколений.

Сакральный характер этой войны не нуждается в мифологизации, в замалчивании и передергивании ее фактов, в односторонних интерпретациях в угоду властям и политической конъюнктуре. Те, кто формирует националистические и русофобские настроения на постсоветском пространстве умело используют в своих пропагандистских акциях наше неумелое замалчивание и излишнюю «стеснительность» по отношению к «неудобным» для нас фактам из истории Великой Отечественной войны. В данном случае речь идет о пакте «Молотов-Риббентроп», о депортации целых народов в 1943-1944 гг., о превращении освобожденных Красной Армией стран Восточной Европы в зависимых сателлитов СССР и жестокого подавления на их территории любых проявлений свободного волеизъявления.

Определенные националистические силы на постсоветском пространстве, в Восточной и Западной Европе паразитируют на этих фактах с целью осуществления своего рода «исторического реванша», заключающегося в дискредитации решающей роли, жертвенной и освободительной миссии СССР во Второй мировой войне. Логика такого ценностного подхода, внушаемая главной для них аудитории-молодежи, неминуемо ведет к амбивалентным результатам, по которым освобождение от фашистов тождественно оккупации Советами, Бандера и Власов – герои и т.д. Героизация подручных и приспешников фашистов осуществляет в незрелом и дезориентированном

сознании некоторой части молодежи эффект реабилитации фашизма и его носителей и даже толкает их на экстремистские и ксенофобские противоправные действия на национальной почве.

Нет иной альтернативы в соприкосновении с ярчайшей страницей нашей истории суровой и горькой правдой. Ложь в отношении к ней не консолидирует, а дискредитирует. В патриотическом воспитании молодежи мы не должны сводить историю этой войны лишь к героике и победоносному шествию непогрешимого воина-освободителя по различным территориям и странам. В то же время неправомерно акцентировать внимание молодого человека на отдельных неудачах и трагической составляющей войны. Великая Победа – это ступок, продемонстрированного нашим народом всему миру героизма, мужества, стойкости, патриотизма, преодолевших временные поражения, нечеловеческие трудности и огромные потери, трусость и неверие в победу некоторых, отдельные ошибки и авантюрные решения военного и политического руководства страны. Обнаженная правда без всяких прикрас о войне делает нас более понятными всему миру, разоблачает ложь наших недоброжелателей, да и для нашей молодежи она становится более притягательной и убедительной.

Последующее после Победы в Великой Отечественной войне поражение СССР в холодной войне, распад страны-победителя создали исторический прецедент – «синдром национального сознания», который некоторые «горячие головы» посчитали нужным использовать, «как в свое время поступили фашисты, пришедшие к власти в Германии», для исторического реванша, воплощенного в реализации имперских амбиций. Для тех, кто болен «синдромом национального сознания», следует напомнить то, что бесценный исторический опыт Великой Отечественной войны нам и сейчас придает уверенность преодолевать любые проблемы, которые все же по степени трудности существенно легче, чем были тогда.

Слова Аллена Даллеса по духовному разоружению русских как важнейшей стратегии Запада приводились не раз в печати. И все-таки необходимо привести их еще раз в контексте анализируемого феномена предательства памяти о Великой Отечественной войне, тем более что эти слова главы ЦРУ в США, которое он возглавлял во время Второй мировой войны и которые он произнес в 1945 г., в год Победы в Великой Отечественной войне, отражают стратегию Запада, которая стала, к сожалению, и стратегией некоторых средств массовой информации, а также тех политиков, которые ненавидят советскую историю: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые, и заставим их в эти фальшивые ценности верить... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа... Из литературы и искусства, например, мы, постепенно вытравим их социальную сущность... Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальбивать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности... Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в

добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего, ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать...». И комментарии здесь излишни...

Известна поговорка: «В того, кто выстрелит в прошлое из пистолета, прошлое выстрелит из пушки». Нынешние проявления умонастроений среди молодежи и есть выстрел пушкой из прошлого в нынешнюю волну фальсификаций, отрицающих и хулящих советскую историю, завоевания духа и культуры народа на протяжении этой истории, в которой Победа в Великой Отечественной войне есть сосредоточение всех этих завоеваний, их сердцевина. В этом смысле Победа в Великой Отечественной войне — это наше «сердце», «сердце» нашей нравственности и нашего гуманизма, и «война» против этой Войны и этой Победы есть война против нас с вами, против наших отцов и матерей, дедов и бабушек, своей жизнью, своими страданиями, своим трудом ковавших эту Победу.

Поэтому измена по отношению к памяти о Великой Отечественной войне — это не только измена по отношению к старшим поколениям, породившим нас (а ведь почти в каждой советской семье есть кто-то, кто погиб на фронтах Великой Отечественной за нас с вами), но измена по отношению к нам самим. Последствие этой измены будет страшное — нас не будет, как того мечтают геополитические противники России.

Исходя из этого, главная задача образования, культуры, всей интеллигенции России, которая должна выполнять функцию ума, чести, совести, духовного сосредоточия народа России — сохранять и восстанавливать Память о Великой Отечественной войне как великом духовном подвиге народа, восстанавливать достоинство граждан России.

Разве мы Иваны, не помнящие родства? Разве история пишется не всем народом, а какой-то «властью», которая нам прикажет, как отмечать события, творцом которых был весь народ? И разве, наконец, народ не имеет своего высшего права — права на свою собственную историческую судьбу, которую нельзя

*УДК 654.,2
Козлов М. И.,
Северный (Арктический)
федеральный университет
kmi49@mail.ru*

Роль Коммунистической партии в мобилизации духовных сил советского народа на разгром немецко-фашистских захватчиков

Семидесятилетие Победы СССР в Великой Отечественной войне с фашистской Германией - прекрасный повод для осмысления тех глубинных источников, которые предопределили её неизбежность. Наряду с огромным

социально-экономическим и военным потенциалом, созданным в СССР в предвоенное время, важнейшим фактором разгрома фашистского агрессора стала организаторская и идейно-воспитательная деятельность Коммунистической партии. В современной России, где противоборствуют различные общественно-политические силы, эта проблематика приобрела невиданную ранее остроту. В публикациях перестроечного и постперестроечного периодов роль партии в достижении Великой Победы злоумышленно замалчивается и чудовишно извращается. Ей приписывается сугубо негативная роль чуть ли не во всём, что происходило в предвоенные и военные годы. Фальсификаторами применяется та же нелепая, абсурдная формула, которую придумали в адрес И.В. Сталина: Победа над фашистской Германией была достигнута не благодаря, а вопреки. То есть вопреки Компартии, вопреки коммунистам.

Актуальность данной темы в настоящее время чрезвычайно возрастает и в связи с активизацией русофобской, антисоветской и антикоммунистической пропаганды в ряде стран. «Западные партнёры, - отмечает Г.А.Зюганов, - используя созданную ими же ситуацию на Украине, обвиняют в происходящем Россию, выстраивают единый фронт против нашей страны. Их глашатаи открыто говорят о необходимости научить русских послушанию. ... В качестве оружия для борьбы с нашей страной, как и семь десятилетий назад, используется фашизм» [1]. Прямым вызовом России является возрождение нацизма на Украине. Согласно принятому Верховной Радой накануне Дня Победы закону «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» под запрет попали как само название коммунистической партии, так и серп, молот, пятиконечная звезда, а также Знамя Победы, которое советские солдаты водрузили над Рейхстагом.

Борьба за сохранение подлинной исторической памяти, против переписывания истории в конъюнктурных интересах приобретает сегодня особое значение в условиях военного конфликта в Новороссии, полыхающего прямо у наших границ. Историческая правда, которую марают сегодня черной краской антисоветчики разных мастей, состоит в том, что наибольший вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками внёс Советский Союз, а роль народного авангарда в борьбе с гитлеровцами с честью выполнила Коммунистическая партия. Разумеется, сегодня в России и других республиках некогда единого братского Союза иная система, иные социально-экономические условия. Её духовная жизнь переживает глубокий кризис и не похожа на ту, которая была свойственна советскому обществу в мирных условиях, и особенно в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на это, в силу закона преемственности общественного развития, в духовности российского народа и народов бывших республик Советского Союза имеются такие черты, свойства, которые были присущи в свое время и советскому обществу. Следовательно, наша (представителей патриотической общественности) задача сделать все, что возможно для усвоения гражданами, особенно молодежью, духовно-нравственных источников Победы. Человек

всегда нуждается в ориентирах – исторических, героических, патриотических и т. п.

Всесоюзная коммунистическая партия большевиков была стержнем общества, духовной основой и организующей силой, действительным авангардом советского народа-победителя. Уже в первой половине дня 22 июня состоялось заседание Политбюро Центрального Комитета партии. В связи с начавшейся войной был составлен и утвержден текст обращения к советскому народу, с которым в 12 часов дня выступил по радио заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов. Обращение призывало советский народ к сплоченности, единству и самоотверженности, к героической борьбе против фашистских захватчиков и заканчивалось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». 29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) направили директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой наиболее полно были определены задачи советского народа по перестройке всей жизни страны в условиях начавшейся войны. По своему содержанию директива напоминала известный ленинский декрет «Социалистическое отечество в опасности!» (февраль 1918 г.). В ней аккумулировалась несокрушимая ленинская вера в могучие силы рожденного Октябрем нового общественного строя, мудрость партии, неизбежность победы социализма над черными силами фашизма и реакции. Задача партийных организаций, как подчеркивалось в директиве, состояла в том, чтобы «сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы» [2, 38].

В идеологической области Коммунистическая партия ставила следующие задачи: мобилизовать все духовные силы народа на решение задач войны, разъяснять справедливый характер и цели Великой Отечественной войны, разоблачать звериную сущность идеологии и политики фашизма. Центральный Комитет партии и Советское правительство потребовали также перестроить всю идейно-политическую работу, подчинив ее всецело организации отпора врагу. Все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации обязаны были мобилизовать народ на разгром врага, на достижение победы над немецко-фашистскими захватчиками.

В организации деятельности по мобилизации духовных сил советского народа на разгром фашистского агрессора партия руководствовалась ленинским заветом: «Во всякой войне победа, в конечном счете, обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» [3, 121]. Главное в массовой идейно-политической работе партии состояло в том, чтобы воспитать в народе твердую уверенность в победе, указать ему конкретные пути ее достижения, довести до сознания каждого советского человека разработанную партией политику и программу всенародной защиты социалистического Отечества.

Для решения задач в области идеологической работы партия в кратчайший срок перестроила все средства духовного воздействия на массы: устную агитацию и пропаганду, печать, призвала на фронт борьбы против

ненавистных захватчиков литературу и искусство, привлекла к участию в идеологической работе лучшие свои силы. В Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) были образованы отделы науки, пропагандистских групп, художественной литературы, кинематографии, радиовещания и радиодиффузии, искусства. Несмотря на трудную обстановку, в годы войны были изданы многие произведения классиков марксизма-ленинизма общим тиражом не менее 6 млн. экземпляров [4].

Пропаганда и агитация звучали в дни войны как набатный призыв к защите Родины, к уничтожению врага. Вместе со всем советским народом считали себя «мобилизованными и призванными» и деятели литературы и искусства. Их творчество во время войны – это вдохновенное служение народо-борцу, спасшему человечество от ужасов фашистского мракобесия. Сегодняшняя наша молодежь должна знать, что в уцелевших вещмешках погибших красноармейцев находили книги русских и советских классиков, вырезки из фронтовых газет со стихами К. Симонова, А. Твардовского и др.

Зная из опыта кампаний на Западе, как может быть подавлено морально-политическое и психологическое состояние населения страны – объекта агрессии, фашистские стратеги, однако, не могли даже предполагать, сколь крепкими окажутся идейные убеждения советских людей. Готовясь к «молниеносной войне» против Советского Союза, гитлеровцы рассчитывали ошеломить, парализовать, духовно сломить советских людей. Но неудачи первых месяцев войны на фронтах не сломили духа советского народа к сопротивлению. Вместо духовной податливости враг столкнулся с огромной моральной стойкостью; вместо торжества «пятой колонны» - с беспримерным размахом партизанского движения; вместо национальной вражды - с монолитным интернациональным единством всего советского народа.

Глубоко закономерно, что в ходе войны произошло определенное изменение в отношениях государства с религией, прекращена грубая антицерковная кампания. Вопреки ожиданиям немцев, что церкви станут очагами антисоветской пропаганды, они, по словам американского журналиста А. Верта, работавшего в годы войны в Советском Союзе, превратились в центры «русицизма» [5]. Социалистическое общество, став официально атеистическим, сохранило «почвенные» основания традиционной русской духовности, продолжая многие явления жизни воспринимать по-религиозному и испытывать влияние авторитета священных символов - Родины, государства, армии. «Мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, – писал в октябре 1942 г. матери с фронта летчик Ю. Казьмин, – мы побеждаем потому, что мы деремся не только за свою жизнь; мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая святых – Родину» [6, 31].

Советское руководство в то судьбоносное для нашей Отчизны время обратилось к историческому прошлому, к образам героев – «освободителей земли Русской». В речи на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года перед красноармейцами, идущими на фронт, И. В. Сталин провозгласил: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих

предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского. Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» [7, 72]. По предложению Верховного Главнокомандующего были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ушакова, Нахимова. В январе 1943 года, когда шла Сталинградская битва, был опубликован приказ о введении новой формы и офицерских погон. В том же году были учреждены суворовские военные и нахимовские военно-морские училища. Возрождение традиций старой русской армии проявилось и в самом объявлении войны с фашистской Германией Отечественной, по примеру памятных событий 1812 г. Этими важными государственными актами подчеркивалась преемственность поколений, что построенное новое советское общество не только не порывает, но, напротив, вбирает в себя все то лучшее, что было в прошлой истории России. Сопоставляя богатства русской культуры, которыми вдохновлялись все советские люди, с бездуховностью нацистов Сталин на торжественном собрании 6 ноября 1941 г., посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, подчеркнул: «И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинка и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!» [8].

Выступления Сталина 6 и 7 ноября показали его уверенность в неизбежном разгроме врага. Торжественное собрание 6 ноября и парад 7 ноября, по словам Г. К. Жукова, сыграли «огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение» [9]. Советские летчики сбрасывали за линией фронта газеты с отчетами о торжественном заседании 6 ноября и параде 7 ноября. Население оккупированных немцами земель узнавало, что Москва не сдалась, что Москва уверенно готовит отпор врагу. Начавшееся через месяц после выступлений Сталина контрнаступление советских войск, увенчавшееся разгромом немецко-фашистских армий, подтвердило правильность многих его оценок и его уверенности в неизбежности победы советского народа над врагом.

Великая Отечественная война убедительно доказала, что в послереволюционный период отечественной истории в стране сформировались и новые, священные для советских людей, символы. «Под Сталинградом город не сдался именно потому, - справедливо отмечает известный философ и социолог А.А. Зиновьев, - что он назывался **Сталинград**. Ленинград выстоял до конца, потому что он назывался **Ленинград**, а не Санкт-Петербург. Немцы, да и многие в мире не понимали, почему Ленинград не сдастся, вот здесь и проявилась сила «духа народа». Но это хорошо понимали миллионы советских солдат на фронтах Великой Отечественной, поднимавшиеся в атаку под лозунгом «За Родину, за Сталина!» [10].

Ни одна война в тысячелетней военной истории не давала столь массовых примеров беспредельной самоотверженности, мужества, героизма. Готовность к самопожертвованию стала массовой нормой, и в его основе был не фанатизм,

не слепая экзальтация духа, а глубоко осознанное стремление сделать все возможное и невозможное для защиты социалистического общества. В этой связи, в назидание тем, кто умалчивает о мобилизующей роли коммунистов на фронте и в тылу, уместно вспомнить оформление музея Вооруженных Сил в советское время. В самом начале экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне, на видном месте, на стене в рамке под стеклом был размещен пробитый фашистской пулей партбилет погибшего 18 октября 1943 года в бою под белорусской деревней Фокино 20-летнего комбата Геннадия Потёмкина. Здесь же его биография и необычайное по силе духа стихотворение, которое он написал накануне, перед последним боем:

*«Я клянусь не ворвется враг в траншею мою,
А погибнуть придется, так погибну в бою!
Чтоб глядели с любовью через тысячу лет
На окрашенный кровью мой партийный билет...»*[11].

В годы Великой Отечественной войны в армии и на флоте находилось до 60% всего состава ВКП (б), недаром партию называли сражающейся. «Хочу идти в бой коммунистом», «Если погибну, прошу считать меня коммунистом» - так писали в своих заявлениях советские воины во время самых тяжелых боев. К сведению: с начала и до конца войны членами и кандидатами в члены ВКП(б) были приняты 6 миллионов 164 тысячи человек, каждый второй из коммунистов-фронтовиков погиб. Коммунистами были около 80 процентов командного состава армии и флота. Среди более 11 тысяч воинов, удостоенных во время войны звания Героя Советского Союза, почти 71 процент - коммунисты [12].

Под руководством ВКП (б) Союз Советских Социалистических Республик продемонстрировал убедительные преимущества социализма не только с военной, экономической и дипломатической сторон, но и с духовно-нравственной стороны. Советские люди в военную пору сплотились во имя защиты Отечества, ценностей, подавляющему большинству понятных и близких, и одержали Великую Победу над фашистским агрессором.

Литература

1. Открытое письмо гражданам страны от Г.А. Зюганова: Покончить с антисоветизмом – обезоружить противников России! [Электронный ресурс]. - <http://kprf.ru/party-live/cknews/139047.html> (Дата обращения: 02.04.2015).
2. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. - М., 1968. - Т. 3.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41.
4. Татьяна Наумова. Коммунистическая партия – организатор Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] - http://moskprf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9955:kommunisticheskaya-partiya-organizator-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne&lang=ru (Дата обращения: 09.04.2015).
5. Самосват Д., Куршев А. Источники Великой Победы // Ориентир.– 2012. - № 6. [Электронный ресурс].-

http://goup32441.narod.ru/files/ogp/001_oporn_konspekt/2012/2012-04-1.htm (Дата обращения: 23.03.2015).

7. Жуков Ю. Солдатские думы. - М., 1987.

8. И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. - М., 1950.

9. Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года. [Электронный ресурс]. - <http://www.proza.ru/2013/04/16/1217> (Дата обращения: 10.04.2015).

10. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. II. Глава четырнадцатая. Битва за Москву. - М.: Олма-Пресс, 2002. [Электронный ресурс]. - <http://kprf.ru/rusk/67994.html> (Дата обращения: 29.03.2015).

11. Красная Звезда. № 70 за 23 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. - <http://www.proza.ru/2013/04/16/1217> (Дата обращения: 02.04.2015).

12. В. Поляков. О советском патриотизме // Сайт Белгородского областного комитета КПРФ. [Электронный ресурс]. - http://www.belkprf.ru/wiewnews.php?id_product=155&id_parent=43 (Дата обращения: 22.03.2015).

13. Сталинская победа. Материалы круглого стола в редакции газеты «Правда» [Электронный ресурс]. - <http://kprf.ru/rusk/67994.html> (Дата обращения: 25.03.2015).

УДК101.1

Коломыц Д. М.,

Казанский (Приволжский) федеральный университет (КГУ)

kolomits@list.ru

Пересмотр итогов Второй мировой войны – наступление на историю и на русский народ

Вторая мировая война была для советского народа Великой Отечественной войной. Но спустя 70 лет мы наблюдаем усиление попыток пересмотра её итогов. Наступлению подвергаются идеологические, военные, смысловые области истории. Идеологическая причина исторического подлога очевидна – уничтожив подлинную историю, одержать победу через память и тем самым способствовать перекройке мира в настоящем и будущем. В итоге победителем в войне окажется тот, кто утвердит это знание (ложное или истинное) в умах людей. Внедрить в сознание ложные цели и потребности можно множеством способов: лживая пропаганда, запугивание – создание обстановки неуверенности и страха, создание образа врага; воздействие на чувства для вызывания нужных ответных реакций через страх, сострадание, стыд, гордость и пр. Их объединяет одно – насилие над сознанием. Я остановлюсь на исторической составляющей манипуляций с сознанием.

Наука, в том числе историческая, не может ответить на многие трудные вопросы. По этой причине вокруг исторической науки возникают квазинаучные и паранаучные направления. Но кроме гносеологической составляющей квазинаука поддерживается идеологически [3]. На этой основе она смыкается с политическим мифотворчеством. Так создаётся альтернативная наука. Квазинаучные исследования внешне опираются на исторические факты и

методы исследований. Но имеет место использование произвольных фактов, методов и научных критериев. Совмещение этих трёх составляющих даёт авторам возможность делать любые выводы, заявляя их как научные.

В России квазинаука имеет сильные позиции под воздействием политики и идеологии. В 90-е годы XX в. квазинаучность в гуманитарных исследованиях поддерживалась политической властью. Идеология антикоммунизма переросла в русофобию и поддерживается так называемой «альтернативной историей» - яркого квазинаучного направления. Квазинаука в виде российской «альтернативной истории» решает важную политическую задачу – утверждение западного типа мышления, уничтожение национальной гордости и самоуважения. Итог – разрушение этнической и исторической самоидентификации. Яркий пример – уничтожение исторической памяти у значительной части украинцев и русских на Украине. Именно массивная ложь в истории во многом породила это уродливое явление.

История является одним из основных источников утверждения и, как мы видим, разрушения национального самосознания. Я обращаю здесь внимание на разрушение этнической самоидентификации русского народа. Философским основанием альтернативной истории является социал-дарвинизм, в основе которого лежит представление об этнической исключительности человека Запада. В крайней степени выражения – это фашизм. Так что пропаганда на Украине идей радикального национализма проводилась отработанными приёмами. Но на поверхности лежит ещё одно явление – эти идеи удалось привить части украинского и русского населения, которые ещё несколько лет назад, а то и год назад (в 2014 г.), считали себя частью русского православного мира, наследниками победителей в Великой Отечественной войне.

Под видом альтернативности исторического знания в сознание внедряются нужные идеологические установки, не имеющие никакой опоры на факты. Альтернативисты обрушиваются на важнейшие для российского самосознания исторические события и личности. Осмеиваются деятели глубокой истории А. Невский, Д. Донской, А.В. Суворов, М.И. Кутузов. Это битва на Чудском озере, Куликовская битва, противостояние нашествию Наполеона и др. И здесь главное для них доказать, что этих событий или не было вообще, или что всё было с точностью до наоборот. Но основное внимание фальсификаторов привлекает Великая Отечественная война. Рассуждая о событиях ВОВ, они пишут в основном о начале войны, и доказывают несостоятельность русского народа, руководства и страны; их привлекает любая неудачная военная операция; потери (пресловутое «закидывание трупами вражеских траншей»); Курская битва и другие победы для преуменьшения их значения.

Официальное начало фальсификации Второй мировой положил последний глава СССР – М. Горбачёв. Совместно с директором института истории Д. Волкогоновым и членом политбюро А.Н. Яковлевым они совершили подлог документов касательно расстрела в Катыни польских офицеров, тем самым обвинив руководство СССР того времени в военном преступлении. Однако на Нюрнбергском процессе была доказана вина

немецких фашистов (по этому делу работала комиссия под руководством Руденко). Таким образом, тогдашнее руководство страны на государственном уровне признало историческую и юридическую законность пересмотра итогов Второй мировой войны, создав все условия для проникновения квазинаучного знания под давлением идеологии.

Сочинителей-альтернативистов стало много. Пишется им легко потому, что они озабочены только высказыванием собственного мнения, но никто из них не озабочен поиском истины. В моей монографии я останавливаюсь на критике подобных авторов подробно [1]. Среди них есть и российские и белорусские авторы. Причём российские сочетают в себе западничество и русофобию, а белорусские добавляют сюда крайний антропологический национализм [3]. Но все их рассуждения опираются на ложь, замалчивания фактов и подмену понятий. Показать несостоятельность этих произведений достаточно просто. Любое непредвзятое исследование с соблюдением правил научной культуры (использование источников, строгие рассуждения, опора на все факты) обнаруживают полную несостоятельность альтернативистов. Однако они продолжают выпускать свои писания в красочных изданиях и значительными тиражами. В этом видна целенаправленность действий. Квазинаука заняла значительное место и на российском телевидении, где неискушённому, а то и невежественному зрителю подаются нужные трактовки истории.

Безнравственность, безразличие к человеческой жизни, невежество, научная безграмотность и крайняя мифологизированность сознания отличают особенности мышления приведённых авторов. Эти качества и стали источниками квазинауки. При этом авторам свойственно чувство собственного превосходства, чувство принадлежности к высшему уровню человечества, презрение к тем, кого они считают низшей расой.

Социал-дарвинизм включает в себе ещё одну опасность, которая имеет абсолютную величину - опасность развязывания войн. Теоретический тезис о неспособности некоторых народов к самоорганизации сопутствует другому утверждению социал-дарвинизма, высказанному американским военным теоретиком Дж. Дубиним, о порочности человеческой природы, которая неизбежно приводит к насилию и войнам [4]. Отсюда У. Линд делает вывод о неизбежности военных вмешательств для защиты собственных интересов [5]. Целенаправленное искажение истории создаёт ложную картину мира, в соответствии с которой они мыслят и действуют.

Миропонимание влияет на жизнь человека. Но ошибочно абсолютизировать эту зависимость. Если придавать ей значение завершённой истины, то вся жизнь людей строится только на их сознании. Если жизнь зависит от общественных явлений в гораздо большей видимой степени, чем от природы, то представление о господстве картины мира над условиями и событиями жизни становится определяющим. Как пример это демонстрируют события на Украине после военного профашистского переворота в феврале 2014 года. Массированная пропаганда поменяла взгляды многих людей на прямо противоположные менее чем за год. Изменилось их мировоззрение –

люди начали действовать в заданном направлении: выступать за продолжение гражданской войны, развязанной сразу после переворота, поддерживать разделение людей на полноценных и неполноценных. Эта картина мира поощряется и поддерживается политически, что позволяет человеку мировоззренчески не выходить из неё. Наоборот, он привыкает к ней. Если в нём нет или сломлено внутреннее сопротивление такому миропониманию, то он всё более согласует с ней прошлые и вновь приходящие знания. Отныне на самом деле картина мира, а не условия существования могут определять жизнедеятельность человека. В этом главная нынешняя опасность квазинаучности в гуманитарном знании.

Таким образом, отстаивая принципы научного знания, мы отстаиваем и национальную идентичность русского мира как цивилизации. События в Новороссии ещё раз подтвердили метафизическую истину, что не бывает страны без истории. Люди, которые отказываются от своей истории, делают героями убийц и предателей, теряют свой язык, культуру и самосознание, как это сделали сторонники киевского майдана, потеряют скоро и всю оставшуюся страну.

В сложившихся условиях нужно защитить от пересмотра итоги Второй мировой войны. Но главное – нужно с помощью науки, образования и пропаганды создавать в сознании человека образ истинной истории. Только так можно воспитать полноценного человека, частью мировоззрения которого является историческая память, гордость за страну, уважение к своим предкам и полноценные знания. Всё это называется патриотизмом.

Литература

1. <http://www.5-tv.ru/programs/broadcast/507246/> 22.12.2014.
<http://russcience.euro.ru/papers/legl93sp.htm> 22.12.2014 Леглер В. А. Идеология и квазинаука; <http://otchetoline.ru/audit/6229-88.html#> 22.12/2014 Тришин В.М. Наука и квазинаука. Экономика. Оценка; <http://allrefs.net/c10/3wi98/p2/> 22.12.2014.
2. Коломыц Д.М. Наука и мифотворчество. Противостояние мировоззрений в современном мире. – Казань: Казан. Гос. Энерг. Ун-т, 2011. – 168 с.
3. Небольшой список «альтернативистов»: Бешанов В., Бычков А., Голденков М., Захаревич С.С., Красиков В.А., Нестеренко А., Соколов Б., Солонин М., Троицкий Н.А.
4. Попов И.М. Война будущего: взгляд из-за океана: Военные теории и концепции современных США. - М.: ООО "АСТ"; ООО "Астрель"; ООО "Транзиткнига", 2004. – 444 с., С.47.
5. Попов И.М. Там же. – С. 34.

УДК 141.8

Криштапович Л. Е.,

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
levkrishtapovich@gmail.com*

О фальсификации истории Великой Отечественной войны

9 мая 2015 года великое событие в нашем историческом календаре – 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне над немецко-

фашистскими захватчиками. В этом плане есть смысл остановиться на некоторых фальсификациях, связанных с событиями Великой Отечественной войны и советского периода отечественной истории.

Взять, к примеру, попытку фальсификаторов заменить Великую Отечественную войну Второй мировой войной. Этим они хотят не только объявить США победителем в войне, но также поставить знак равенства между всеми участниками данной войны. По логике фальсификаторов бандеровцы, прибалтийские националисты, власовцы, коллаборационисты в других странах ничем не отличаются от защитников Отечества. А поэтому их надо примирить и забыть о фашизме. Фактически фальсификаторы предлагают забыть о той смертельной опасности, которая грозила нашей стране, всему миру и человечеству. Это непристойная и оскорбительная фальсификация в отношении наших народов, сражавшихся не на жизнь, а на смерть с фашизмом.

Или вот так называемая речь Сталина 5 мая 1941 года, которая фальсификаторами используется в качестве свидетельства подготовки СССР к нападению на Германию. Что же было на самом деле? Точное название данного документа звучит следующим образом: «Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии 5 мая 1941 года». Этот документ был реконструирован по воспоминаниям участников встречи в двух вариантах – русском и немецком. Русский вариант содержал несколько фрагментов: основной текст и выступления в форме тостов. В частности, Сталин сказал: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий». «Не надо быть военным специалистом, – совершенно верно указывает Г.Д. Алексеева, – чтобы понять, что речь идет о стратегии во время войны – от обороны к «наступательным действиям», а не о двух типах войн, как это трактуют некоторые современные историки, в том числе Невежин и Сахаров...» [1, с.124]. Фальсификация истории Великой Отечественной войны и в более широком контексте отечественной истории XX века выражается в том, что в объект изучения безосновательно включаются мнения писателей, журналистов как научные факты в историческом познании, которые на самом деле существуют вне предмета исторической науки, ее познавательных задач.

Так, 4 июня 1991 года в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью А.И.Солженицына, которое он дал испанскому телевидению еще в 1976 году. В этом интервью, ссылаясь на «данные» профессора И. Курганова, А.И. Солженицын утверждал, что, дескать, от внутренней войны советского режима против своего народа с 1917 по 1959 годы страна потеряла 110 миллионов человек: 66 миллионов в результате Гражданской войны и последующей политики советской власти, а 44 миллиона – во время Второй мировой войны от пренебрежительного, неряшливого ее ведения. Интервью было опубликовано под названием «Размышления по поводу двух гражданских войн». Смысл этих размышлений сводился к тому, чтобы обелить преступления фашистов и франкистов в развязанной ими войне против республиканского правительства Испании в 1936-1939 годах под видом приведения гротескной фальсифицированной статистики якобы преступной политики советского

руководства против своего народа. И тем самым внедрить в ума испанцев в 1976 году и в сознание наших граждан в 1991 году идиотскую фальсификацию, что социализм, так сказать, страшнее фашизма. Логика здесь была та же, что и у Геббельса: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят. Как правильно заметил российский историк В.Н. Земсков, все эти измышления А.И. Солженицына и других фальсификаторов «нельзя назвать иначе, как патологическим отклонением от магистрального направления в данной области исторической науки» [2, с.117].

К фальсификации истории Великой Отечественной войны относится и фабрикация не существовавших никогда документов. В настоящее время общеизвестно, что специально, с целью дискредитации Сталина, еще в хрущевские времена было сфабриковано подложное «донесение» советского разведчика Рихарда Зорге, якобы датированное 15 июня 1941 года и сообщавшее дату немецкого вторжения – 22 июня 1941 года. «На самом же деле Зорге такого донесения не посылал, так как не знал точной даты немецкого нападения на СССР» [2, с.111].

К фальсификациям истории Великой Отечественной войны относится некритическое заимствование различных западных схем и моделей, которые либо не имеют к исторической науке отношения, либо сознательно искажают исторический процесс и его научное познание.

В частности, это касается и так называемой концепции тоталитаризма, которую нынешние фальсификаторы и просто недалекие историки положили в основу изучения отечественной истории XX века. Американский историк Стивен Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года» констатировал: «Все советологические концепции, созданные вне подлинной истории, социологии, культуры и даже подлинной политики, получили наиболее полное воплощение в «тоталитарной модели» 1953-1956 гг.» [1, с.101]. Анализируя позиции авторов «тоталитарной школы» Коэн пришел к выводу, что они стали отождествлять сталинскую Россию с гитлеровской Германией, советский коммунизм с нацизмом и т.д.» [1, с.102]. Вот откуда, оказывается, заимствовали сегодняшние фальсификаторы свои убогие мыслишки о тождестве Сталина с Гитлером и СССР с фашистской Германией. Из фашистской и западной реакционной историографии 1940-1960 годов.

Хотя на самом деле у фашизма и так называемых западных демократий гораздо больше сходства, а на почве антикоммунизма и антисоветизма они выглядят как братья-близнецы. Фашизм зародился и вырос в бесчеловечное государство в недрах западной цивилизации. Фашизм – порождение Запада. «Чтобы замаскировать этот факт и снять с Запада ответственность за фашизм, происходит массированное пропагандистское и идеологическое наступление с целью любым правдоподобным обоснованием свалить вину за фашизм на Советский Союз. С этой целью в ход пошли понятия «тоталитаризм», «тоталитарный режим» с последующим отождествлением гитлеровской Германии и СССР» [3, с.21]. Вот почему ставить на одну доску фашистскую Германию и Советский Союз, вермахт и Красную Армию – это не просто

фальсификация, а моральное и политическое преступление перед человечеством.

Известно, что фальсификаторы, пытаясь дискредитировать великий подвиг наших народов в годы Великой Отечественной войны, внедрили в массовое сознание ложь, что руководство СССР будто бы всех пленных воинов Красной Армии записало в разряд предателей. Это была сознательная козунственная фальсификация, когда Сталину приписывалось выражение – «у нас нет пленных, у нас есть предатели». На самом же деле эта фальсификация была сочинена в писательско-публицистической среде в 1956 году на волне критики культа личности Сталина. Эта фальсификация до сих пор имеет широкое хождение в публицистике, кинофильмах, художественной литературе.

Следует заметить, что в уголовном законодательстве СССР не фигурировало такое «преступление», как «сдача в плен». В статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР в перечне воинских преступлений было зафиксировано: «Сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» [3, с.251]. Само собой разумеется, что понятия «сдача в плен» и «сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» – не тождественные понятия. Поэтому не существовало никакого отождествления понятий «пленные» и «предатели». К предателям относились те, кто таковыми и являлись на деле (полицай, каратели, выпускники разведывательно-диверсионных школ, чиновники оккупационной администрации и т.п.), а к военнопленным такое определение в принципе не применялось.

Фальсификаторы Великой Отечественной войны сочинили также миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов, т.е. возвращающихся людей в СССР (военнопленных, остарбайтеров, перемещенных лиц, коллаборационистов) якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты. Это была также чудовищная ложь. Правда в том, что подавляющее большинство репатриантов не подвергалось не только никаким расстрелам, но даже и каким-либо репрессиям. Парадокс здесь состоял в том, что многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так сурово, как они ожидали.

Приведем показательный пример. Летом 1944 года при наступлении англо-американских войск во Франции к ним попадало в плен большое количество немецких солдат и офицеров, которых обычно направляли в лагерь на территории Англии. Вскоре выяснилось, что часть этих пленных не понимает по-немецки и что это, оказывается, бывшие красноармейцы, попавшие в немецкий плен и поступившие затем на службу в немецкую армию. По статье 193 тогдашнего Уголовного Кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание – смертная казнь с конфискацией имущества. Англичане знали об этом, но тем не менее поставили в известность Москву об этих лицах и попросили забрать их в СССР. 31 октября 1944 года 9 907 репатриантов на двух английских кораблях были направлены в Мурманск, куда они прибыли 6 ноября 1944 года. Среди этих репатриантов, перешедших на службу в немецкую армию, высказывались предположения, что их расстреляют сразу же

на мурманской пристани. Однако официальные советские представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 году большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Антисоветчики-фальсификаторы, критикующие англо-американцев за выдачу Советскому Союзу этих людей, не улавливают одну тонкость в тогдашней психологии английских и американских политиков и чиновников. А эта тонкость заключалась в том, что англичане и американцы вполне могли предполагать, что попавшие к ним в плен в немецкой военной форме бывшие красноармейцы, на самом деле являются людьми Сталина и выполняют какую-то роль в его политической игре. Отсюда, естественно, рождалось желание побыстрее очистить от них Западную Европу, а следовательно, вернуть их всех в СССР. «Позднее, – как отмечает крупный российский историк В.Н. Земсков, – англо-американцы в какой-то мере отрешились от указанных подозрений, но до этого успели выдать советским властям немало активных противников большевизма и Советской власти» [3, с.252].

Здесь надо иметь в виду и то обстоятельство, что приближающаяся победа СССР над фашистской Германией во многом способствовала гуманизации политики в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц вплоть до обещания непривлечения к уголовной ответственности тех из них, кто поступил на военную службу к противнику и совершил действия в ущерб интересам СССР в результате фашистского насилия и террора над ними. Это относилось и к упомянутым репатриантам, прибывшим 6 ноября 1944 года в Мурманск, так как было известно, что они в массе своей поступили на военную службу к противнику, не выдержав пытки голодом и жестокого режима в немецких лагерях. Поэтому никак нельзя согласиться с распространенной фальсификацией в литературе и публицистике репатриации советских граждан исключительно как якобы нарушения прав человека или даже гуманитарного преступления. Абсолютно прав В.Н. Земсков, что «в основе этого процесса, несмотря на все имевшие место издержки и негативные явления, лежала естественная и волнующая эпопея **обретения Родины** большими массами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями» [3, с.267].

И последнее, что необходимо отметить, говоря о фальсификации отечественной истории XX века. Это о так называемых сталинских репрессиях. Общественному сознанию постсоветских стран усиленно навязывается извращенное представление о том, что в СССР большинство населения пострадало от репрессий и якобы было ими запугано. Важно отметить, что разоблачение этой фальшивки было сделано не только объективными отечественными историками, но и западными. В этом плане представляют

интерес выводы американского историка Роберта Терстона, издавшего в 1996 году монографию «Жизнь и террор в сталинской России. 1934-1941».

Вот к каким выводам на основе документальных фактов и статистики пришел американский историк. «Система сталинского террора в том виде, в каком она описывалась предшествующими поколениями западных исследователей, тогда не существовала. Влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным, массового страха перед репрессиями в 1930-е годы в Советском Союзе не было. Репрессии имели ограниченный характер и не коснулись большинства советского народа. Советское общество, скорее, поддерживало сталинский режим, чем боялось его. Большинству людей сталинская система обеспечивала возможность продвижения вверх и участие в общественной жизни» [4].

Не надо быть специалистом, чтобы не признать абсолютную правильность выводов Роберта Терстона.

В СССР царил дух новаторства, интеллектуального творческого порыва многомиллионных масс, готовности к ратным и трудовым подвигам, предрасположенности к массовому героизму и самопожертвованию. Важно иметь в виду, что наша страна была многонациональным государством, где реально осуществлялась политика равноправия и дружбы народов. Система союзных и автономных республик представляла собой гигантский цивилизационный скачек в решении национального вопроса – особенно на фоне существовавшей в царской России губернской системы, не допускавшей автономии национальных меньшинств. Внутри советской страны определяющими были отношения братства, широкого взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур. Не подлежит никакому сомнению, что советские люди разных национальностей реально ощущали себя живущими в настоящем государстве дружбы народов. В этом плане показателен «Приказ народного комиссара обороны СССР» от 23 февраля 1942 года. Из этого приказа широкой публике у нас известны лишь слова: «Опыт истории говорит, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское остается». А в этом приказе развенчиваются именно расовые теории фашизма. «Сила Красной Армии, говорится в приказе, состоит, наконец, в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов».

Интересный факт. Во время подготовки к Параду Победы 24 июня 1945 года в Москве возникла проблема: никто из наших солдат не хотел брать в руки фашистские знамена, чтобы бросить их на землю у стен Кремля. Пришлось отрядить на эту операцию роту сотрудников МВД в черных перчатках.

Важно отметить, что советский человек не только воплощал высокие нравственные качества, но и бесспорное интеллектуальное превосходство над врагом. Жители Германии в 1945 году испытали настоящий культурный шок. Они ждали обещанные пропагандой Геббельса орды азиатских варваров, а вместо этого увидели бесконечные колонны разнообразной военной техники, при этом на острие прорыва всегда шли многочисленные советские танки.

Поэтому не случайно, что именно советский танк стал символом не только военного, но и интеллектуально-технического поражения Европы в глобальном военном конфликте во Второй мировой войне.

Разумеется, в советском обществе существовали и антисоветские настроения, которые являлись идейной основой коллаборационизма во время Великой Отечественной войны. Но не стоит преувеличивать их значение. К примеру, в великой и жертвенной борьбе героического белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков последние так и не смогли найти достаточное число местных коллаборационистов. В годы Великой Отечественной войны из 350 000 фашистских прислужников, действовавших на территории Беларуси, только 35 000 были местными уроженцами, из них около 20 000 по принудительной мобилизации, остальные были латышскими эссовцами, бандеровцами, власовцами и прочей нечистью.

Очевидно, что сложившаяся в довоенные годы социально-политическая система в нашей стране в сознании многомиллионных масс народа прочно ассоциировалась с идеалами справедливости, дружбы, прогресса. И советская цивилизация однозначно расценивалась подавляющим большинством наших граждан как самая гуманная и справедливая на всей нашей планете. Победа была достигнута силой духа, интеллекта, народной сплоченности, силой великой любви к Отчизне.

Уважение к своей отечественной истории, патриотизм, высокая нравственность, ответственность перед своими предками – это основа прочной государственности и общественного согласия. Чтобы двигаться вперед, необходимо постоянно обращаться к своим традициям и духовным истокам, хранить память о героях Великой Отечественной войны и верность тем высоким нравственным ориентирам, которые они нам завещали.

Литература

1. Алексеева Г.Д., Манькин А.В. Историческая наука в России XXI века / Г.Д.Алексеева, А.В.Манькин. – М., 2011.
- 2.Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР / В.Н.Земсков // Политическое просвещение. – М., 2012. – № 1.
- 3.Земсков В.Н. Народ и война: Страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945. / В.Н. Земсков. – М., 2014.
- 4.Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia 1934-1941 / R.Thurston. – New Haven, 1996.
- 5.

УДК 141.201:172.4(470)

Мачкарина О. Д.,

*Мурманский государственный
технический университет
machkarinaod@mstu.edu.ru*

Война глазами русских философов

Все, что приходится сегодня слышать, видеть и читать с экранов телевизоров, в Интернете, в СМИ о бессмысленной, ужасающей своей

реальностью, гибели людей, жертвах среди детей, уничтоженных бомбардировками домах, разрушенной войной хозяйстве, в различных уголках Земного шара – в Украине, Ливане, Сирии, Йемене и других, поражает не только своим охватом трагедийности, но и непониманием тех ошибок, которые совершают сегодня политики, ввергая собственные страны в войну. И это, в том числе, показатель того, что за 70 лет, прошедших после Победы 1945 года в войне с фашизмом, со сменой поколений стираются уроки прошедших событий. Произошла смена ценностей и идеалов, выросло «новое» послевоенное поколение, воспитанное на утилитарных ценностях и «мнимых» идеалах, что позволило, например, киевской власти возвести в ранг официальной идеологии идеологию нацизма, оправдывающей убийства, издевательства, попрание прав и свобод, в том числе и право на самоопределение русскоязычного населения в Украине, позволяющей возвести свой народ, подпитанный духом «бендеровщины», сформированный путем идеологической «обработки», в «кумир», которому «все дозволено», тем самым демонстрируя всеми миру свою исключительность и непрогрешимость, с одной стороны, с другой – наличие «зомбированности» и непонимания той опасности, которую несет в себе политика «силы» и агрессия, идущая от США и поддерживаемая (в том числе и молчаливое согласие) странами ЕС, прежде всего Великобританией, Польшей, странами Балтии.

Как демонстрирует нам история, Германия неоднократно совершала ошибки как в Первой и Второй мировых войнах, так и сейчас, но именно она для России стала «оплотом» единства и целостности русской нации. Национальный эгоизм, воплощенный во фразе «Deutschland über alles», пропитанный «жестким гнетом», подменивший собой нравственность, проявившийся в Германии во время войны, мы обнаруживаем сегодня в состоянии современной Украины, подстегиваемой идеей исключительности украинской нации. Такой национализм отталкивает, как писал Е.Н. Трубецкой [1, с. 6], но вместе с тем и сплачивает, порождая патриотизм «здравых» сил украинского общества, несогласных с решениями киевской власти, и русский патриотизм как проявление национальной идеи, которой чужда мысль о «национальной исключительности».

Русский мир объединил тогда, в годы Великих войн, и сейчас всю силу противостояния насилию в любой его форме, которую Трубецкой назвал силой «сверхнародной», лишенной чувства презрения к другим народам и самообожания. В этом и есть источник победы, который одерживал и одерживает «русский мир».

Изучая уроки истории отечественной государственности, мы понимаем ошибки нашей государственной политики, которые обнаруживаем и в отношении к национальным окраинам в эпоху империи, и в эпоху сталинских репрессий по отношению к отдельным народам, и «чеченские» войны. Но это ничто иное как проявление слабости национального самосознания, неготовность противостоять агрессии. Лишь только осознание своей принадлежности к России, пропитанное осознание опасности порождает рост национального самосознания, что неоднократно и демонстрировал русский

народ в годы военных агрессий. И это не только глубокое осознание народом «миссии» России, на что указывали В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Н.Д. Бердяев и другие, но и подкрепление этого понимания силой оружия, демонстрируемой эффективными военными действиями (отпор врагу), а в мирное время очередными военными учениями, военно-техническими разработками, поддерживающими военно-стратегический паритет. Русское оружие в годы войны и в мирное время, как пишет В. Эрн, это «материализация духа народа, которая не противоречит духу и не исчерпывает его». [4, с. 298] А также грамотной дипломатией и отношением к любым проявлениям агрессии: от категорического осуждения применения силы, поддержки мирных инициатив, до гуманитарной и дипломатической помощи и посредничества, так как «не сила оружия, отдельно взятая, решает участь сражений, а та духовная сила, которая управляет оружием и без которой оно – мертво» - отмечает Трубецкой [2, с. 5]. В. Эрн справедливо подчеркивает, что война – это огромное зло и великая трагедия, но событие преходящее, а сущность духа шире – это «величайшее духовное борение», выходящее за пределы единичного. Это вера в высшую правду, которую несли советские воины и труженики тыла в годы ВОВ, отстаивая свободу и гуманные ценности. Жертвуя собой, одерживая победы, они несли миру новую жизнь – жизнь без войны, без страха и боли: «Кто говорит, что на войне не страшно, / тот ничего не знает о войне» Юлия Друнина (1945). Этот страх и боль переживают сегодня жители Донбасса и Луганска. И это состояние отражается в душах россиян, ощущающих свое единство и ответственность за происходящее. Это ощущение консолидирует российское гражданское общество, обеспечивая ей запас прочности: «Был и есть у России / Вечной прочности вечный запас». (Ю. Друнина) Эта прочность куется не только на фронтах в великих и малых победах, но и в тылу, усилиями тружеников, мирных граждан, дипломатов.

Флаг страны, как справедливо и своевременно писал Е. Трубецкой еще в годы Первой мировой войны, должен «внушать доверие народам» [1, с.10]. Примером данного может служить не только посредничество в переговорах и решении проблем в Югославии, Сирии, Ираке, Украины, но и решение собственных внутригосударственных проблем в Татарстане, Чеченской республике, а также в решении «крымского» вопроса, связанного с восстановлением прав репрессированного в годы ВОВ многонационального народа Крымского полуострова. И в этой миссии Россия «находит самое себя, свое лучшее национальное Я» [2, с. 6].

Чтобы победить сегодня, в период санкций и давлений со стороны Запада, Россия должна ясно осознавать свою цель, чувствовать, что она служит всему человечеству. Словами Е.Н. Трубецкого, Россия должна осознать свое величие и могущество, чтобы стать «центром всеславянского единения»[1, с.15]. Но это не национальный эгоизм, а глубокое чувство любви в Родине, знание того, чему оно служит. Это «мессианское сознание», противоположное национализму, это сознание универсальное, примиряющее. Как пишет Н.А. Бердяев: «Россия не может определять себя, как Восток, и противопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, но не разделителем» [3, с. 290].

В годы Великой Отечественной войны (1941-1945г.г.) страна обрела свое национальное единство, забывая о собственных тяготах, служила «общечеловеческому делу», уничтожая фашизм и нацизм в Европе и Азии. Больше чем кто-либо, Россия испытала все тяготы войны и осознала всю опасность ее последствий, а потому стремится сегодня не допустить ее развязывание. Россию обвиняют сегодня и в космополитизме и в мечтательности, но это ничто иное как «здоровое осознание» русского национального интереса и справедливости, в том числе и в отношении к правам народов. Ее сила в осознании «правды».

Сегодня от России ждут многого и именно сегодня от нее ждут решений многих проблем, доверив ей роль «вершителей судеб Европы». Так было в любые исторические моменты нарастания угрозы: в период агрессии Б. Наполеона, в годы Первой мировой войны, в 1941-1945 году и происходит сейчас. И, несмотря на неприкрытую агрессию и русофобские настроения, охватившие Европу, США, Украину, Молдавию, Россия продолжает осознавать и нести ответственность за судьбу мира. И это осознание проходит через каждого российского гражданина, наследника воина-освободителя, осознавшего всю опасность войны, даже не испытывая бомбежек и голода, сочувствуя и соучаствуя в борьбе с агрессией в Украине и Приднестровье, поддерживая курс, принятый российским руководством, участвуя в гуманитарных конвоях и волонтерском движении, оказывая гуманитарную помощь и поддерживая беженцев. Хочется процитировать слова Юрия Левитанского: «Я не участвую в войне, война участвует во мне. И пламя вечного огня горит на скулах у меня». [5] Эта генетическая память, память о подвигах советского народа – русских, украинцев, белорусов, татар, грузин и многих других национальностей, сражавшихся за свободу от фашистских захватчиков, позволяет нам не допустить фашизм в наши души в любом его проявлении.

Нам сегодня нужно переосмыслить, словами В. Эрн, «разгадать смысл и значение тех новых условий и новых возможностей, какие открываются перед нами через войну», чтобы в будущем исключить всякую попытку повторения событий – всякую возможность войны. И это главный урок прошлого.

Завершу словами Расула Гамзатова:

«Живите долго, праведно живите

Стремясь весь мир к собратству сопричьсть,

И никакой из наций не хулите,

Храня в зените собственную честь». (Р. Гамзатов. Нас двадцать миллионов)

Литература

1. Трубецкой Е.Н. Смысл войны. – М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1914. – 46с.
2. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России. – М.: Изд-во товарищества И.Д. Сытина, 1915. – 24с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 288-299.
4. Эрн В. Меч и крест. Статьи о современных событиях // Сочинения. – М. : Изд-во «Правды», журнала «Вопросы философии», 1991. – С.298 – 308/
5. Левитанский Ю. Ну что с того, что я там был // <http://www.stihi.ru/2011/05/10/5263>

1-й Украинский фронт в Берлинской операции

Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующему войсками 1-го Украинского фронта на подготовку и проведение Берлинской наступательной операции поступила 3 апреля 1945 года. В ней указывалось, что войска фронта должны подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе южнее Берлина и не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом по р. Эльбе до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, фронт должен был готовиться к наступлению на Лейпциг.

Взлом вражеской обороны на первом этапе операции фронт должен был осуществить силами пяти общевойсковых и двух танковых армий, имея на участке прорыва шесть артиллерийских дивизий прорыва. Благодаря этому там должно было быть сосредоточено не менее 250 единиц артиллерии калибра 76 мм и выше на каждый километр фронта. Точных сроков начала операции не указывалось, но разграничительная линия с войсками 1-го Белорусского фронта устанавливалась с 15 апреля.

Войска к наступлению готовились основательно. Прежде всего, за время боев на территории Германии соединения и части фронта восполнили свои боевые потери в людях за счет советских граждан призывного возраста, освобожденных из немецкой неволи. Так, из числа этой категории по состоянию на 20 марта в части было направлено более 40 000 человек.

Правда, состав этого пополнения был достаточно пестрым. Это были и военнопленные, и насильственно угнанные в Германию на работы и даже бывшие полицаи, власовцы и специально подготовленные немецкие агенты. Так, в донесении начальника политического управления 1-го украинского фронта указывалось, что «новое пополнение из числа советских граждан, освобожденных из немецкой неволи, значительно засорено враждебными элементами. Среди него немало выявлено немецких шпионов, диверсантов, власовцев, лиц, служивших в немецкой армии и учреждениях. Большая часть этих людей специально оставлена или заслана немецким командованием для шпионской и диверсионной деятельности. В соединении, где начальником политотдела полковник Кладовой, выявлено среди нового пополнения 15 шпионов, диверсантов и других преступных элементов. В соединении, где начальником политотдела генерал-майор Воронов, выявлено в среде нового пополнения 11 предателей Родины, среди которых — три бывших советских военнослужащих, добровольно перешедших на сторону врага, два агента гестапо и один фолькс-штурмовец — Беккер Борис Григорьевич, уроженец и житель города Сталинграда, 1912 г. рождения, принял в 1942 г. немецкое подданство, вступил в карательный отряд немцев, активно участвовал в

расстрелах и избиениях советских граждан и летчиков, попавших в плен к врагу. В 1943 году Беккер добровольно эвакуировался в Германию, где работал на военном заводе. Он вступил в фольксштурм, прошел специальную подготовку и был оставлен немцами в нашем тылу для борьбы с Красной Армией».

Безусловно, сегодня хорошо известно о той предвзятости, с которой в годы Великой Отечественной войны относились особые отделы к проверке граждан, побывавших на территории противника. В то же время ели принять во внимание число лиц из числа граждан Советского Союза, по принуждению или добровольно служивших немцам, то такие опасения становятся вполне оправданными. К тому же нужно учесть, что общий отсев неблагонадежных от числа призванных в это время в Красную Армию из числа лиц, призванных с ранее оккупированных территорий, не превышал 8 – 10 процентов.

С наступлением темноты 15 апреля разведывательные роты, в составе которых действовали артиллеристы и минометчики, скрытно от противника переправились на западный берег реки. Однако их попытки продвинуться вперед и вклиниться в оборону врага наталкивались на организованное и сильное огневое сопротивление. В ходе ночного боя разведка установила, что противник прочно занимает обороняемые позиции. Эти данные были чрезвычайно важны для войск фронта, которые находились в готовности к периоду в наступление с утра 16 апреля.

В целях маскировки направления главного удара фронта на рассвете 16 апреля была поднята дымовая завеса на всем 390-километровом фронте от Форета до Крнова. Важно то, что передний край обороны немцев задымлялся не только в полосе, где наступала ударная группировка 1-го Украинского фронта, но и на остальном 300-километровом рубеже. Такая огромная дымовая завеса за годы войны применялась впервые. С одной стороны, она имела цель прикрыть переправу войск через р. Нейсе, а с другой - помешать противнику определить направление ударов фронта.

В 6 часов 15 минут одновременно во всех армиях главной ударной группировки началась артиллерийская подготовка, которая длилась 40 минут. Практически через час после ее начала над полем боя появились первые эшелоны советских бомбардировщиков. Из-за густой дымовой завесы, усиленной разрывами снарядов и начавшимися лесными пожарами, запланированные массированные удары авиации для более безопасного маневрирования в районе целей и лучшего их отыскания пришлось эшелонировать и самолеты направлять группами по 18-27 машин. Кроме того, с 8 часов 30 минут до 9 часов 30 минут сосредоточенные удары по войскам противника наносила штурмовая авиация.

Под прикрытием артиллерийского огня инженерные войска навели штурмовые мостики и подвезли на берег реки лодки для переправы пехоты. В 6 часов 55 минут усиленные батальоны дивизий первого эшелона вместе с артиллерией сопровождения начали форсировать р. Нейсе. При этом, так как мосты еще не были готовы, орудия перетаскивались на левый берег по дну реки с помощью канатов.

После того как головные роты захватили плацдармы на левом берегу реки и закрепились на них, они приступили к наводке мостов, по которым и началась переправа первых эшелонов главных сил войск фронта. Переправа была произведена за один час в период артиллерийской подготовки атаки.

В 8 часов 40 минут, когда артиллерийский огонь был перенесен в глубину вражеской обороны, в наступление перешли дивизии первого эшелона. Уже через час были наведены тяжелые мосты и на помощь пехоте пришли танки непосредственной поддержки пехоты.

Враг яростно оборонялся, бросив на помощь своей пехоте три танковые дивизии и танкоистребительную бригаду. Но и маршал И. С. Конев также постоянно наращивал усилия. В сражение были введены 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, которыми командовали генералы П.П. Полубояров и Е.И. Фоминых. Затем из-за того, что эти корпуса имели слишком мало танков, в бой пришлось ввести также передовые отряды 3-й и 4-й гвардейских танковых армий.

К исходу дня 3-я и 5-я гвардейские танковые армии вместе с 13-й армией под командованием генералов В.Н. Гордова, А.С. Жадова и Н.П. Пухова прорвались на глубину 13 км. При этом пришлось преодолевать не только сопротивление противника, но и лесные массивы, в которых от ударов авиации и огня артиллерии возникли пожары.

Несмотря на гитлеровскую пропаганду, многие немецкие солдаты и офицеры добровольно сдавались в плен. Так, в ходе боев частями 102-го и 27-го стрелковых корпусов было взято в плен свыше 370 солдат и офицеров противника, значительная часть которых при этом предъявляла советские листовки-пропуска. Интересен такой факт: когда саперы 6-й гвардейской стрелковой дивизии, действовавшей на правом фланге 27-го стрелкового корпуса, закончили наводку моста через р. Нейсе, первыми по этому мосту на восточный берег реки прошли 18 солдат противника с поднятыми в руках листовками-пропусками. Пленные утверждали, что желающих сдаться много, но в окопах свирепствовали фашистские офицеры, которые на месте расстреливали солдат, заподозренных в подготовке к сдаче в плен. Тем не менее немецкие солдаты подбирали и хранили советские листовки-пропуска, даже несмотря на угрозу расстрела.

16 апреля в ходе боев войска 13-й армии преодолели упорное сопротивление противника на всем фронте, прорвали главную полосу его обороны на участке Дёберн, Добруцке, вклинились на 1-1,5 км во вторую полосу. Всего за день боев армия продвинулась на 13 км.

Войска 5-й гвардейской армии после форсирования р. Нейсе вели наступление под прикрытием массированного артиллерийского огня и при поддержке авиации 1-го гвардейского штурмового корпуса. Ее 32-й гвардейский корпус генерала А. И. Родимцева с 4-м гвардейским танковым корпусом генерала П. П. Полубоярова в результате дневного боя прорвали главную полосу обороны и, продвинувшись на 8 км, к исходу дня подошли ко второй полосе обороны.

3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко передовыми бригадами 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов к исходу дня вела бои в боевых порядках 3-й гвардейской и 13-й армий.

В результате ожесточенных боев 16 апреля главная ударная группировка фронта прорвала на 26-километровом участке Форет, Мускау главную полосу обороны противника и, продвинувшись до 13 км на запад, в полосе наступления 13-й и 5-й гвардейской армий на участке Дёберн, Клайн-Дюбен вклинилась во вторую полосу обороны, завязав бои 10-м гвардейским танковым корпусом в глубине ее, в районе Фридрихсхайна.

И все же наступление проходило медленнее, чем планировал штаб фронта. Поэтому по истечению 16 апреля командующий войсками 1-го Украинского фронта был вынужден отдать приказ командующему 3-й гвардейской армией о продолжении наступательных действий ночью в связи с невыполнением задачи первого дня операции.

Еще хуже шло дело на дрезденском направлении. Наступавшая там 52-я армия генерала К.А. Коротеева вместе со 2-й польской армией генерала К.К. Сверчевского сумели на небольшом участке вклиниться в оборону врага лишь на 4-5 километра.

17 апреля командующий 1-м Украинским фронтом усилил свою главную ударную группировку, введя в сражение 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. Сломив сопротивление противника, танкисты генералов П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко с ходу форсировали Шпрее.

Таким образом 17 апреля главная ударная группировка 1-го Украинского фронта добилась серьезных успехов. Была прорвана вторая полоса обороны противника на участке фл. Босдорф, Кромлау, а на участке Габленц, фл. Босдорф советские войска вклинились во вторую полосу обороны. Попытки противника задержать наступление советских войск контратакой 21-й танковой дивизии и части сил танковой дивизии охраны фюрера успеха не имели. Ударная группировка фронта сломила сопротивление противника и к исходу 17 апреля на 20-километровом участке фронта прорвала его вторую полосу обороны, выйдя на рубеж Горнов, Рейтен, Хальбендорф, Краушвиц.

Но Конев постоянно подгонял подчиненные войска. В 18 часов 17 апреля он отдает новое боевое распоряжение командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми, 3-й и 5-й гвардейскими и 13-й армиями об ускорении форсирования реки Шпрее. При этом он требует «смелее маневрировать танками и пехотой вне больших дорог, населенные опорные пункты решительно обходить, не ввязываться в затяжные лобовые бои... Мобилизуйте всех со страстью бить немцев и ломать сопротивление. Стремление только вперед! Наши войска должны быть в Берлине первыми, они это могут сделать и с честью выполнить приказ Великого Сталина». (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 259. Л. 221),

18 апреля соединения 3-й и 4-й танковых армий завершили прорыв оборонительного рубежа, имевшего глубину до 40 километров. Но в это время напряженные бои разгорелись на дрезденском направлении. Обеспокоенный прорывом обороны на реке Шпрее, командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Ф. Шернер сосредоточивал в районе Герлица девять

дивизий. После этого он решил контрударом на север по левому флангу главной ударной группировки 1-го Украинского фронта задержать наступление советских войск на Берлин. Этот контрудар генерал-фельдмаршал приказал начинать, даже не дожидаясь полного сосредоточения всех дивизий контрударной группировки. Вследствие этого командующий 52-й армией генерал Коротеев вынужден был прервать наступление и отражать контрудар противника.

Таким образом, за три дня, с 16 по 18 апреля, напряженных боев войска 1-го Украинского фронта осуществили прорыв нейсенского оборонительного рубежа на 35-километровом участке Форет, Мускау и на 20-километровом участке Штейнбах, Пенцих (Пеньск), продвинулись на запад на обоих направлениях до 30 км. К исходу 18 апреля фронт проходил по линии Енсдорф, Гросс Дебберн, Грауштайн, Бургнейдорф, Вейсвассер, Загар, далее по правому берегу Нейсе до Штейнбаха, Фёрстген, Обер-Прауске, Канневиц, Вейсенберг, Диза, Пенцих (Пеньск). Прорыв оборонительной полосы на р. Шпрее был достигнут главной ударной группировкой на 10-километровом участке Нойхаузен, Бесков. С выходом на указанный рубеж войска фронта в основном выполнили задачи, предусмотренные планом операции на второй день наступления. Тем не менее преодоление Шпрее и выход 3-й и 4-й гвардейских танковых армий на левый берег реки позволили командованию фронта приступить к осуществлению маневра в сторону Берлина.

В результате упорных боев к 20 апреля силы противника оказались рассеченными. Танковая группировка в составе подразделений и частей 10-й танковой дивизии СС, 21-й танковой дивизии и танковой дивизии «Охрана фюрера» общей численностью до 4000–5000 человек, до 100 орудий и свыше 25 танков была окружена в районе Шпремберг. Противник, стремясь выручить окруженную группировку, перебросил туда с полосы 1-го Белорусского фронта 214-ю, а с левого фланга – 344-ю пехотные дивизии, но его усилия не увенчались успехом.

В 19 часов 45 минут 20 апреля Конев рассылает боевое распоряжение командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями о необходимости вступления в Берлин раньше войск 1-го Белорусского фронта. «Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина, - пишет он. - Приказываю обязательно сегодня ночью вернуться в Берлин первыми» (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 359. Л. 36).

Цепная реакция началась немедленно. Так, командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал Рыбалко отдает боевое распоряжение командирам 6-го, 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов «во что бы то ни стало к утру 21 апреля 1945 г. ворваться в Берлин».

Сам командующий фронтом также брал под контроль действия не только подчиненных армий, но и отдельных корпусов и даже дивизий. Так, в ночь на 21 апреля он писал в адрес командира 33-го стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии: «За последнее время 33 ск под Вашим командованием систематически срывает выполнение боевых приказов. Значение боевого приказа утрачено. В корпусе отсутствует требовательность к войскам в

выполнении боевых приказов. Слабо организуется бой. Силы противника переоцениваются, а свои недооцениваются. Все это приводит к нерешительности действий войск и к топтанию на месте перед слабым противником. Войска не приучены к ведению лесного боя, и незначительный лесной участок для войск корпуса представляет преграду. Плохое маневрирование войск на поле боя.

За невыполнение боевых приказов частями корпуса, нетвердое управление корпусом в бою и нерешительность, объявляю Вам выговор и предупреждаю Вас о неполном служебном соответствии. Предупреждаю Вас, т. Лебеденко, что, если Вы не сделаете для себя выводов и не перестроитесь, вынужден буду отстранить Вас от занимаемой должности» (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 259. Л. 37).

По истечении 23 апреля войсками 1-го Украинского фронта была окончательно разгромлена группировка противника, окруженная в лесах западнее г. Шпремберга, в состав которой входили части 10-й танковой дивизии СС, танковая дивизия «Охрана фюрера», и 344-я пехотная дивизия. При ликвидации этой группировки было уничтожено 4640 солдат и офицеров противника и захвачено 3850 человек в плен, 58 танков, 27 самоходных орудий, 162 артиллерийских орудия и свыше 1300 автомашин.

К исходу 24 апреля 4-я гвардейская танковая армия генерала Лелюшенко, развивая наступление силами 6-го механизированного корпуса, овладела городом Кетцин и соединилась с частями 1-го Белорусского фронта, завершив тем самым окружение Берлина с запада. К тому времени остальные соединения этой армии полностью овладели Бранденбургом. По докладу штаба 4-й гвардейской танковой армии за период с 16 по 23 апреля 1945 года ее войсками было уничтожено 129 танков, 50 самоходных установок, 34 самолета, 92 бронетранспортера, 1050 автомашин, 315 минометов, 20 складов с имуществом противника. Кроме того, удалось захватить 14 танков, 44 самоходных установки, 71 орудие разного калибра, 223 исправных и 265 неисправных самолетов, 300 складов с боеприпасами, продовольствием и другим военным имуществом. В ходе наступления было убито 11 495 и взято в плен 4 490 солдат и офицеров противника, освобождено 19 000 советских военнопленных.

Таким образом, за период с 15 по 30 апреля 1945 года войсками 1-го Украинского фронта было нанесено поражение соединениям 4-й танковой и части сил 9-й полевой армий противника и они были убраны с рубежа реки Нейсе на 100–140 км в западном направлении и на западный берег реки Эльба. За это время враг потерял 114,4 тысяч человек личного состава, 2500 орудий и минометов, более 1000 танков и СУ. Кроме того, было захвачено 169 тысяч пленных, 3 700 орудий и минометов, 432 танка и СУ.

Традиционность России и инновационное развитие социума против иноземных захватчиков: искушение фашизмом

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужна наука и научная культура, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также нужно своё обществоведение, а точнее – социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы и, разумеется, для такого традиционного общества, как Россия в различных ее ипостасях – российской империи, СССР и РФ. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, как показывает А.А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма – науки о Западе. Именно поэтому книги А.А. Зиновьева о Западе как неангажированный взгляд на западную повседневность извне как на «западнизм» востребованы на Западе, несмотря на их шокирующие названия и авторские неологизмы: «Глобальное сверхобщество», «Глобальный человек», «Западнизм», «западоиды». Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм – науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это в своё время сделал К. Маркс в «Капитале».

Научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы в битвах XXI в. за будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с её универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Что остается? Остаются и вновь проявляются так называемые миры в современном глобальном мире. Всего выделяется семь таких миров, или институциональных подсистем: рыночный мир, индустриальный мир, традиционный мир (к нему относится возрождаемый «русский мир»), гражданский мир (формируемый в недрах затопленной миграционными потоками западной цивилизации), мир общественного мнения, экологический мир, мир вдохновения и творческой деятельности.

Сложившаяся западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором чётко обособлены экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы. Это индустриальное общество «второй волны» (О. Тоффлер), в котором власть отделена от собственности, религия - от политики. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки – слепка с классического буржуазного общества – с её мультикультуральными дисциплинами, методами и понятиями изучать не буржуазные, не капиталистические (докапиталистические, антикапиталистические, социалистические) социумы? Речь идёт в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть некая целостность. В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые довольно успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность этих обществ. Так, в Советском Союзе в период строительства социализма развивались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI в. в Северной Корее торжествует неконъюмеристская идеология чучхе, в КНР – технологии маоизма, в Венесуэле – идеи просвещённого боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновлённого социализма. Все эти технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни. Если не учитывать эти корни, то остаётся лишь бессильно восклицать, как это делал бывший директор Института истории России А.Н. Сахаров: «Я верю в мистическую силу русской равнины». Но чем это отличается от ведущего тезиса программы гитлеровской НСДАП - «Мы верим в силу колосющихся полей пшеницы, в труд крестьянина»?! В сущности, отказ от западной понятийной научной рамки и отказ от западного повседневного правосознания предполагает возникновение искуса фашизма – ожидание общества нового тоталитарного типа.

Западная наука нашего времени как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества не пригодна для понимания мира и жизни в становящихся и живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин «капитализм», но, говоря о рыночной экономике, всё же подразумевает капитализм западного типа. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества, к обществам не буржуазным искажает реальность последних, превращает их в негативный слепок западного общества, записывает в разряд туземных варварских обществ, пополняющий список держав «оси зла». В научном плане это ведёт к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и приводит к катастрофическим последствиям вроде подписания договора ЕС как цивилизованного сообщества

и объявленной протекторатом ЕС недоразвитой («развивающейся») Украины. Такой Украине остается реализовать галицийский бандеровский проект фашистского государства в качестве западной «анти-России».

Аналогичным образом в нашей недавней трагической истории времен перестройки и ельцинского режима обстоит дело с угрозой возникновения фашистского государства как продукта наложения дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток западной науки на советское общество. В результате уже в 1970-х гг. в ходе утраты культурного суверенитета мы в СССР получили ряд странных бесперспективных и неспособных к развитию наук-мутантов: «политэкономия социализма», «социологию советского общества», «политологию советской элиты». По ту сторону «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук и не в терминах западной академической социологии, но при помощи практических гуманитарных технологий советологии, кремленологии, руморологии. Именно поэтому генералами-победителями в войне с СССР 1946-1992 гг. были объявлены социологи и советологи. Генералами-победителями в этой войне с СССР, как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США в 1992 г., были именно женщины-социологи, советологи, и именно они после парада Победы в Вашингтоне были награждены постами и медалями за победу в этой войне.

Сегодня мы имеем несколько мир-систем на планете, и все они обладают собственными культурными технологиями и требуют для понимания в системе русского евразийского сознания обучения переходным программам-трансформерам. В противном случае – в случае непонимания специфики систем – можно утратить собственную евразийскую систему ценностей, запустить в неё чужие программные коды под видом новых гуманитарных технологий. В середине 1980-х гг. западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» не хватает двух-трёх социальных характеристик. М.С. Горбачев по совету продажных советников попытался добавить в наш социум нужные характеристики: «права человека», «демократию», «рыночные реформы». Эти характеристики возникшего нового оккупационного режима ограничили закон о кооперации, привели к разрушению системы управления предприятиями, к отмене монополии внешней торговли, уничтожению Госплана и Госнаба.

Нам в системе науки, высшего образования и пропаганды в условиях конституционного запрета на единую государственную идеологию нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная переходная евразийская интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Именно они нуждаются в эпоху отечественного неоиндустриализма в инновационных технологиях и формах обучения. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, повторим - как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это в своё время сделал К. Маркс в «Капитале» – этой «критике

политической экономии», и использовать её в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. В столкновении с объединенной нацистской Германией фашистской Европы с СССР наше идейное оружие позволило отличить немецкий народ от гитлеровцев, фашистов от иноземных захватчиков, нацистов и немецких расистов от фашистов-традиционалистов. И такое же сильное оружие понадобилось политической элите России уже в 2012-2013 гг. при сохранении стабильности страны, когда возникла необходимость обретения полноты политического, военного, дипломатического, экономического, культурного суверенитета России. Научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы в битвах XXI в. за посткапиталистическое будущее.

Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с её универ�алистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Наиболее перспективным и общечеловеческим сегодня является евразийская цивилизация с неоиндустриальным вектором развития на исторической территории русского народа, она является эмбрионом глобального сверхобщества, формирующегося на планете Земля и освоенном человечеством космическом пространстве.

Пора вспомнить себя и опыт предков, понять, что мы живем не в «конце истории», но в начале подлинной истории человечества, переходом к которой может стать разрыв с веригами постиндустриализма и движение к русскому неоиндустриализму как сверхиндустриальному развитию общества. В сущности, нам часто рассказывают транслируемые СМИ сказки для взрослых. Сами названия философских, политологических, геополитических статей в философских журналах или бестселлеров на книжных прилавках свидетельствует о том, что мы-де: «разочарованы в культуре», ожидаем «смерть человека», предпринимаем деконструкцию перформативного дискурса, слушаем «новых философов» на их «философском базаре», накрываемся «третьей волной» и живем в «мегатенденциях» от «футурошока», страдаем от «великого разрыва» и «мутации культурной парадигмы», ужасаемся упадку «физической экономики» и объявляем неизбежный «финис мунди». Из всего этого разочарованные массы могут и делают выводы о неизбежности прихода «железной пяты», громящей заговор сионистов-олигархов и реализующих социалистические неомальтузианские идеалы избранной нации и расы.

На самом деле, первый старт новое общество уже сделало в Парижской коммуне. Старт длиной в 70 дней. Второй старт – октябрь 1917 г. на 70 лет. Третий старт неизбежен, можно предположить, его начало в 2017 г. (сравните менталитет нашего общества в 1915 г. и в 2015 г. и спросите - что ждет впереди?) Старт возможен в отдельной стране или в группе стран или возможен как брикколлаж – наложение на стартовую площадку второго старта (Китай, Куба, КНДР, страны ШОС, страны БРИК, страны Таможенного Союза). В любом случае третья форма нового мироустройства устоится всерьез и надолго

и на весь мир. Возможно, расчет пройдет по геометрической прогрессии – 70 дней, 70 лет и 26 000 лет. Вообще переход к новому мироустройству следует сравнивать с переходом от первобытности к классовому обществу, а это период многих тысяч лет. Новое общество третьей решающей попытки организации глобального управления совокупного работника будет носить синтетический характер, поскольку строится на неоиндустриальной базе, и Россия как страна-мессия призвана возглавить движение человечества к прогрессу и свободе от стихийных природных сил и манипулируемых социальных групп, упрямо ведущих к регрессу и фашизму.

УДК 372. 8:93 «19»

Романова С. Я.,

Комратский государственный университет,

НИЦ АТО ГЕ им. М.Маруневич

romanova62@list.ru

Изучение темы Второй мировой войны в школьных учебниках

*Есть память, которой не будет забвенья,
И слава, которой не будет конца.*

Р.Рождественский

В связи с 70-летней годовщиной Великой Победы советского народа над германским фашизмом по телевидению демонстрируется ряд программ и фильмов о Второй мировой и Великой Отечественной войне. В некоторых из них ставится под сомнение победа СССР во Второй мировой войне. Такая ситуация существует не только в телевизионных программах, но и в школьных учебниках истории. Нас это заинтересовало, и мы просмотрели школьные учебники ряда стран и имеющиеся публикации.

Первоначально мы обратились к материалам Международной конференции «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации», которая прошла 8-9 апреля 2010 года в Российском институте стратегических исследований и была приурочен к 65-летию Победы. Ученые и педагоги из стран СНГ, Евросоюза и США сравнили, как в их странах школьникам преподают историю Второй мировой войны.

Финк Кэрол, профессор департамента истории Государственного Университета Огайо (США) бесстрастно анализирует американские учебники, отмечая, что в них черным по белому написано: верховный главнокомандующий англо-американских экспедиционных сил генерал армии Дуайт Эйзенхауэр в 1945-м «разрешил» русским взять столицу Германии. Правда, кроме политических соображений генерал руководствовался и чисто гуманистическими. «Он также хотел сохранить жизни американских солдат», — цитирует учебник госпожа Финк. «Ведь очень много советских солдат погибли на подступах к Берлину. Кстати, по американской версии истории

Второй мировой войны, День Победы — 7 мая 1945 года, а немцы капитулировали не в Берлине, а в городе Реймс» [3]

Необходимо отметить, что капитуляция в Реймсе — не прямая фальсификация, а скорее, недоговоренность или вольная интерпретация исторической правды. В реальности после самоубийства Гитлера власть перешла к адмиралу Карлу Денницу, который, как и все немцы панически боялся русского плена. Поэтому ночью 7 мая 1945 года в небольшой реймской школе, где располагался штаб верховного главнокомандующего англо-американских сил, представители Деница предложили принять у них капитуляцию, надеясь сдать в плен как можно больше своих солдат американцам и англичанам. На подписанном реймской школе документе оставил свою подпись представитель советского командования генерал Иван Суслопаров при этом оставил приписку, что это не окончательное соглашение. Также необходимо отметить, что данный акт капитуляции в Реймсе считать предварительной капитуляцией потребовал Сталин на том основании, что главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники. И капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции[3].

Это требование было выполнено: в ночь на 9 мая 1945 года в Карлсхорсте (восточная часть Берлина), в двухэтажном здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Присутствовали представители СССР, США, Великобритании и Франции.

Историческая справка: «Церемонию подписания акта о капитуляции Германии — немаловажная деталь — открыл маршал Жуков. По московскому времени это произошло 9 мая в 00.43. После подписания документа немецкой делегации указали на дверь, а союзники остались праздновать Победу». И это уже документально зафиксированная история. Не советская и не американская, а общая [14,с.26].

На конференции ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ТАМАРА СЕМЕНОВНА ГУЗЕНКОВА обобщила исследование, проведенное по инициативе РИСИ: эксперты проанализировали школьные учебники России, Белоруссии, Украины и Приднестровья и свыше тысячи тестов, сочинений и рисунков школьников. Картина получилась пестрая. Так, украинским детям в школе внушают, что их страна всегда жертва. А Вторая мировая — это битва двух тоталитарных монстров-политиков, Гитлера и Сталина. Между ними ставится знак равенства. А истинные герои Второй мировой на Украине не Красная армия и не советские солдаты, а солдаты ОУН-УПА. Показательно: на детском рисунке украинского школьника, посвященном 65-летию Победы, в руках советского бойца — американская винтовка М-16. Тем не менее учебники в стране одни, а результат их изучения разный [3].

При этом Тамара Семеновна привела примеры из школьных сочинений, отметив, что это обычная киевская школа, дети учились у одних педагогов по одним и тем же учебникам, но делают следующие выводы:

- «Считаю, что во время войны всем уважающим себя украинцам нужно было пойти за немцев. Ибо, по-моему, с немцами жилось бы лучше. Немецкое командование хотело уничтожить большевистскую власть и дать людям свободную жизнь».

- «Идет активная перепись истории под интересы правящих элит. Что бы не писали об ОУН-УПА, они ничем не отличались от фашистов. Степану Бандере дали звание героя Украины. Стоит вспомнить аллею с прибитыми к деревьям польскими младенцами. Это геройство?! Прадед рассказывал: однажды село захватили бандеровцы. Председателя сельсовета повесили в центре села, а его семерых детей передушили. Считаю, что нам должно быть стыдно за таких «героев»[3].

Необходимо отметить, что История как учебная дисциплина, преподаваемая в доуниверситетских учебных заведениях и вузах является не просто научно-мировоззренческой дисциплиной, как дисциплины физико-математического цикла, но играет огромную нравственно-политическую роль в деле воспитания будущих граждан любого государства.

Андрей Портнов, кандидат исторических наук, отмечает, что во всех странах учебники разные. Одновременно функционирует несколько. В той же Германии отличия могут быть на уровне земель, так как это федеративное государство. Там могут отличаться выбор тем или размер текстов. Но в целом учебники анализируют, как возможен был нацизм и Холокост евреев. Говорится о судьбе евреев Беларуси, Молдовы, России. Отсутствуют попытки хоть в чем-то оправдать нацизм. Для поляков важно, что Вторая мировая началась именно с агрессии Германии на Польшу, к которой затем присоединился СССР. Образ УПА в Польше крайне негативен: они предстают как организаторы геноцида поляков на Волыни. Речь идет о волынской резне 1943 года [3].

Используя метод анализа и обобщения мы проработали учебники доуниверситетского цикла по истории для 9 класса, применяемые на уроках истории в качестве базовых и альтернативных.

Согласно Куррикулуму [2,6] по Истории для 9 класса и Программе для выпускного экзамена гимназической ступени обучения. «История румын. Всеобщая история. 2014-2015 учебный год», преподаватель и ученики могут использовать следующие учебники: Петренку А., Добзеу М., Всеобщая история. Новейшее время. Дидактический материал для 9-го класса. Chişinău: Ştiinţa, 2004 [5]; Шаров И., Кашу И., Добзеу М., Чербушкэ П. История румын и всеобщая история. Учебник для 9-го класса, Chişinău: Cartdidact, 2013 [7]; Vizer B., Nagnibeda-Tverdohleb T. Istoria românilor. Epoca contemporană. Material didactic pentru clasa a IX-a. Chişinău: Ştiinţa, 2011 [8]; Caşu I. Istoria universală. Lumea contemporană (1918–2005). Manual pentru clasa a IX-a. Chişinău: Civitas, 2005 [9]; Dragnev D., Dragnev E. Atlas de istorie universală şi a românilor. Chişinău: Civitas, 2006 [10]; Palade Gh., Şarov I. Istoria românilor. Epoca contemporană. Manual pentru clasa a IXa. - a. Chişinău: Cartdidact-Reclama, 2002 [11]; Şarov I., Palade Gh., Caşu I. Istorie. Epoca contemporană. Istoria românilor. Istoria universală. Manual pentru clasa a IX-a. Chişinău: Cartdidact-Civitas,

2009[12]; Назария С. История всеобщая. Новейшее время. 9 кл. Кишинев, 2006 [13].

Нужно отметить, что предоставленный материал в большинстве учебников не дает полной, четкой и достоверной картины Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Так, например, в учебнике для IX-го класса Palade Gh., Şarov I. Istoria românilor. Epoca contemporană. Manual pentru clasa a IXa. - a. Chişinău: Cartdidact-Reclama, 2002, на 48-й странице преподносится следующая информация: «Оккупация Бессарабии и севера Буковины Советским Союзом породила тяжелейшие последствия для коренного населения края». В этом же учебнике, в преамбуле к теме «Румыния, Бессарабия и Транснистрия в годы Второй мировой войны» говорится, что «политический режим И. Антонеску имел военный, авторитарный характер, но являлся умеренным и толерантным в отношении оппозиции». И это при том, что было уничтожено огромное количество еврейского населения в гетто и просто расстреляно без суда и следствия [11].

Дальше в учебнике отмечается, что «главной целью вступления Румынии в войну было освобождение оккупированных летом 1940 г. Советским Союзом территорий» и дольше на страницах 53-54 говорится об «освобождении» Бессарабии и Буковины. На 54-55 страницах школьники узнают об «участии румынских армий в походе восточнее Днестра». При этом румынская армия представлена как армия-освободительница, а проводимая политика румынских властей оценивается исключительно положительно.

Ни в документах, ни в основном тексте учебника нет информации о развязанных терроре и геноциде, об отношении населения к установившемуся режиму и как бы между прочим признаётся уничтожение около 100 тыс. евреев. При этом этот факт никак не осуждается, а осуждаются причинённый отступающей Красной Армией ущерб инфраструктуре Бессарабии и тактика выжженной земли. И в этой ситуации на помощь педагогу приходят очевидцы событий, а именно бабушки и дедушки учеников. Для этого мы даем творческое задание – взять интервью у родных, близких знакомых, переживших события 1940-1945 годов. Ребята приносят сведения о том, что румынское власти жестоко относились к местному населению, и разоблачают преподносимую в хвалебных тонах проводимую оккупантами в 1941-1944 гг. политику румынизации: «поддержка специалистов румынского этнического происхождения», «внедрение национальных культурных ценностей» [11].

В другом учебнике История румын. Новейшее время для IX-го класса под редакцией Б. Визер на 5-й странице внешняя политика румынского фашистского государства оправдывается необходимостью решения «одной из острейших проблем румын – интеграции народа в единое государство». Данный тезис заимствован из «Mein Kampf». На 7-й странице преподносится информация, оправдывающая причины вступления Румынии во Вторую мировую войну и ученики узнают, что «относительная бедность румын... порождена бесчисленными разрушительными вторжениями враждебных империй... В XIX-XX вв. наиболее разрушительной силой была Российская, а

затем Советская империи, которые преследовали цель истребить румынскую нацию»[8]. На этой же странице ученики узнают причину, оправдывающую геноцид и жестокое отношение к нетитульным этносам - «большое количество чуждых этносов... возросло в результате иностранных вторжений, целью которых на протяжении веков был захват румынских земель. Данные этносы... оказались на румынских землях в качестве агентов господствующих имперских держав» и дальше, на 10,11, 12 страницах автор учебника пишет, что в городах проживали «инородцы», представители «другой культуры, других традиций, других интересов, нередко враждебные автохтонному населению... Именно это предопределяло подрывной характер оппозиционного и сепаратистского движения в городах Румынии» [8].

Исходя из представленного в учебнике материала «Генерал Антонеску является выдающейся личностью», а гитлеровское вторжение в СССР оправдывается. На 71-й странице Гитлер и Антонеску представлены как освободители и вели они войну против советских народов с целью освобождения их из рабства. При этом бездоказательно повторяется гитлеровско-геббельсовский миф о подготовке Советского Союза к нападению на Германию и утверждается, что «румынские и германские части освободили Бессарабию, север Буковины и район Герца» [8].

На странице 69-й ученики узнают, что в годы войны население «Бессарабии и Транснистрии» уменьшилось из-за политики советского режима и от того, что Англия и США, которые после войны «предали» Румынию, предоставив её в полное распоряжение СССР [8]. Данный учебник после некоторой «творческой доработки» в соавторстве с Т. Нагнибеда-Твердохлеб на деньги румынского правительства был переиздан в Румынии в 2011 г. и в настоящее время рекомендован куррикулумом для изучения «отечественной» истории для учеников IX-го и для подготовки к выпускным экзаменам [6,с.18].

В учебнике «Новейшая история румын. Экспериментальный материал для IX класса» авторы преподносят девятиклассникам все прелести оккупационного режима в губернаторстве «Транснистрия» с 1941 по 1944 гг. Учащихся убеждают в том, что румынская администрация проявляла трогательную заботу о завоеванном народе: создавались образцовые коммуны «румыны не распустили колхозы в своем губернаторстве, а лишь приспособили их к своим нуждам», румынская администрация строила тут шоссеыне дороги и бассейны, бесплатно возводила дома, сажала сады и прочее. Поэтому военный преступник Антонеску, казненный по приговору румынского суда в 1946 г., объявлен ныне мучеником и национальным героем [12].

И неудивительно, что набравшись знаний и мудрости из подобных учебников, подростки и молодежь идут на демонстрации и требуют снести памятник «бандиту» Котовскому, чтобы установить на этом месте памятник «святому национальному мученику» Иону Антонеску.

Поэтому перед педагогами, родителями и прогрессивной общественностью стоит задача – правдиво, научно и деполитизировано освящать события Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Совершенно другая картина изложения материала в учебнике Новейшая история 9 класс под редакцией Сергея Назария. Вторая мировая и Великая Отечественная война представлена как героическая борьба всех народов СССР за свою свободу и свободу других стран и народов. При этом Победа над фашизмом представлена как величайшее достижение народов мира. В учебном материале, представленном в учебнике, говорится о совместных усилиях СССР, США и Великобритании в разгроме фашизма и милитаризма, а также подчёркивается решающий вклад Советского Союза в победу над гитлеровской Германией.

Завершить наше исследование хотим словами историка, профессора Николая Бабилунга: «Школьники Молдовы оказались настолько запутанными в собственной истории, что уже точно не могут сказать, кто из них «оккупант», кто – «манкурт», кто – «освободитель», кто – «истинный хозяин земли». Ничего принципиально нового не дало и введение в школьные программы так называемого курса интегрированной истории. В последние годы все усиливается тяжба среди различных кланов молдавской исторической элиты. Появились и сторонники независимой государственности Молдовы, ее территориальной целостности и суверенитета, которые также желают получить свою долю пирога с помощью коммунистической власти. Это еще больше запутало ситуацию» [1].

Литература

1. Бабилунга Николай КАК ПРЕПОДАЮТ ИСТОРИЮ В ШКОЛАХ МОЛДОВЫ. - <http://ava.md/035-eksperti/02953-babilunga-nikolai-pridnestrove.html>

2. Курикулум. История 5-9к. – Кишинев, 2010.
3. Материалы международной конференции «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации» 8-9 апреля 2010 года. – Москва, 2010 // «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА» — НЕДЕЛЯ №5159 (80) ОТ 15 АПРЕЛЯ 2010 Г.
4. Назария Сергей Попытки пересмотра итогов Второй мировой войны в современных молдавских учебниках истории и националистической историографии.
5. Петренку А., Добзеу М., Всеобщая история. Новейшее время. Дидактический материал для 9-го класса. – Chişinău: Ştiinţa, 2004.
6. Программа для выпускного экзамена гимназической ступени обучения. История румын. Всеобщая история. 2014-2015 учебный год. – Кишинев, 2014.
7. Шаров И., Кашу И., Добзеу М., Чербушкэ П. История румын и всеобщая история. Учебник для 9-го класса – Chişinău: Cartdidact, 2013.
8. Vizer V., Nagnibeda-Tverdohleb T. Istoria românilor. Epoca contemporană. Material didactic pentru clasa a IX-a. Chişinău: Ştiinţa, 2011.
9. Caşu I. Istoria universală. Lumea contemporană (1918–2005). Manual pentru clasa a IX-a. Chişinău: Civitas, 2005.
10. Dragnev D., Dragnev E. Atlas de istorie universală şi a românilor. Chişinău: Civitas, 2006.
11. Palade Gh., Şarov I. Istoria românilor. Epoca contemporană. Manual pentru clasa a IXa. - a. Chişinău: Cartdidact-Reclama, 2002
12. Şarov I., Palade Gh., Caşu I. Istorie. Epoca contemporană. Istoria românilor. Istoria universală. Manual pentru clasa a IX-a. Chişinău: Cartdidact-Civitas, 2009.
13. Назария С. Новейшая история. 9кл. – Кишинев, 2006.
14. Великая Отечественная война. Словарь-справочник. Москва, 1984.

**70-летие Великой Победы и рассказ от «первого лица»:
персонификация «военной антропологии» в источниках личного
происхождения югорчан**

70-летие Великой Победы над фашизмом являет собой не просто очередной юбилейный хронорубеж. Это важнейший этап развития самой исторической науки, у которой не должно быть ни узкокоммерческих интересов, ни сведения научных счетов с оппонентами. Главным смысловым контекстом научных исследований является *восстановление исторической справедливости*. И «не вообще», а в отношении каждого из тех многих сотен тысяч (или даже миллионов!) людей, заплативших горькую цену безвестной судьбы и нередко тяжелого послевоенного «изгойства», касается ли это темы унизительности в фашистских концлагерях, либо до сего дня так и не «озвученной» на уровне диссертационного исследования – *штрафных формирований Красной армии* в годы Великой Отечественной войны и многих других проблем.

Две мировые войны продемонстрировали мощную трансформацию характера индивидуального «вхождения» человека в историю посредством эволюции личной переписки. Поэтому рождение такого научного направления, как «военная антропология» стало не просто закономерным явлением, но и логическим этапом осознания важности пластики научного синтеза тотальной истории и микроистории через персонификацию восприятия человеком глобальных потрясений посредством поиска, систематизации и обработки источниковых свидетельств личного происхождения, нередко требующих *«третьего зрения»*, где текстовый пласт нередко зашифрован и мог быть понятен лишь для того адресата, которому и предназначался. Это явилось катализатором появления исследовательских проектов по раскодированию подобных материалов.

История мировых военных катаклизмов XX в. знает не только ужас инфернальных страданий и унижений человеческого духа, но и стремление очевидцев, участников и жертв сохранить и отстоять свое человеческое достоинство любыми возможными в специфических условиях ограниченной коммуникации и цензурного реферирования средствами. Чрезвычайные военные условия, жестко регламентирующие «ритмику поведения» и характер принудительного исполнения заданных, социально ожидаемых в определенных обстоятельствах ролей, выступают фактором, активизирующим поиск режима психического самосохранения личности, находящейся за гранью традиционного семейного социума, общечеловеческих ценностей и собственно самой жизни.

Исследователь Ж. В. Кормина, анализируя солдатские письма времен Первой мировой войны, отмечала статику их содержательной части в плане не столько смысловой наполненности, сколько отсутствия индивидуально прочувствованной информации. Написанные, как правило, чужой рукой под диктовку с обстоятельным перечислением родственников, соседей и многочисленными им поклонами, просьбами о родительском благословении, эпистолярные тексты той поры были поразительно малоинформативны, в том числе из-за массовой неграмотности. Однако, несмотря на то, что фронтовые послания оказывались по форме «ритуально зеркальными», они воспринимались адресатами как лично обращенные и были ожидаемы самим фактом своей доставки как доказательство живой связи времен между «тем» и «этим» светом, разделенным на фронтовую короткую жизнь и далекий, такой устоявшийся и манящий воспоминаниями домашний уют и тепло [1, с. 242].

Вторая мировая война придала процессу превращения обывателя в «*homo historicos*» особый трагический динамизм. Заложник военных обстоятельств и плена вырастал в личность, сумевшую преодолеть более чем 70-летний исторический рубеж посредством эпистолярного «озвучивания» событий войны как бы «изнутри», находясь в лагерях «остарбайтеров» на немецкой территории, где с помощью писем в условиях цензуры воссоздавал этнографически яркий мир метафоричных образов ожидания окончания военного безумия и надежды, пусть и иллюзорной, на освобождение. Настоящей научно-исторической сенсацией стала «случайная» находка так называемой «фрайбургской коллекции». Хотя, полагаем, случайного здесь крайне мало.

Город Фрайбург (Брайзгау) известен как один из крупнейших научных центров Германии по изучению, в том числе военной истории. И то, что в 1991 г. при ремонте здания Архива Немецкой Народной Песни именно здесь была обнаружена своеобразная коллекция, переправленная именно сюда в октябре 1944 г. отделом военной цензуры по контролю за письмами "остарбайтеров" - восточных рабочих (главным образом из СССР), является вполне закономерным явлением. Тем более, что фрайбургская академическая школа аккумуляции, хранения и обработки источников является одной из лучших в Европе, а сам Фрайбург – образцовый «научно-статистический центр», учитывающая многовековые (с 1457 г.) традиции и всемирно известные имена нобелевских лауреатов – выпускников старинного Alber – Ludwigs - Univesitat Freiburg, в том числе Пауля Эрлиха, Ганса Кребса, Макса Вебера, Фридриха Хайека и многих других. Правда, тщательная выборка письменных фрагментов свидетельствует не только о служебном рвении рядового аккуратиста-цензора, сколько о несомненно «зрело» проявленном интересе к анализируемому этноматериалу.

Найденная коллекция представлена картотекой из более чем 1300 карточек с цензорскими выписками-купюрами из писем за период с 1943 г. по октябрь 1944 г. Ее составителем был, по мнению специалистов, образованный славист, владевший диалектологией, этнографией и фольклористикой. Поэтому

коллекция, по всей видимости, формировалась не только в служебных целях. Хотя, с другой стороны, очевидно, что собирание и обобщение подобных наблюдений традиционно входило в функциональные обязанности любой почтовой цензуры. Но пометки к выпискам из писем не содержали ни одной фамилии или адреса, что дополнительно свидетельствует в пользу вышеназванной версии.

Между тем почтовая переписка (до двух раз в месяц) с соответствующим цензурным прессингом была разрешена еще в 1942 г., в основном выходцам из западно-украинских и западно-белорусских областей, в том числе для ослабления сопротивления насильственному вывозу невольников с востока. По данным архива немецкой цензуры, в марте 1943 г. ежедневно проходило по 20-30 тысяч писем, из которых около 6 тысяч подвергалось выборочной проверке, а до 300 писем задерживалось. Авторам было важно рассказать о себе и трагизме происходящего в лагерях, тревоге за близких, оставшихся дома, и ожидании конца войны – но способом от «противного»: через особую систему иносказаний, языкового шифр-кода с намеками на узнавание довоенных образов того нереального родного мира, который был оставлен далеко в прошлом. В письмах использовался язык *метафор*, ассоциативно раскрывающих характер ожидаемого конца войны. Подтекстовость образов безошибочно расставляла смысловые акценты [2, с. 66 - 68; 3, с. 137-138; 4, с. 236 - 237].

Персонификация «военной антропологии», представленная солдатскими письмами с фронтов Второй мировой войны, отразила значительные изменения, связанные с социокультурной ситуацией в стране в целом, по сравнению с Первой мировой. С конца XX – начала XXI вв. было издано несколько центральных сборников писем фронтовиков, в том числе с публикацией солдатских посланий в газете «Правда» [5; 6], где эпистолярные тексты соседствуют с включениями материалов воспоминаний, очерков, интервью, дневниковых записей, рисунков, а также любовных писем, что расширяет предметно-тематический абрис рассматриваемой темы. Эту источниковую группу дополняют многочисленные региональные издания эпистолярного наследия военной поры, выпуск которых традиционно приурочивается к юбилейным датам [7; 8].

И хотя в эпистолярных посланиях, написанных в боевых условиях, как правило, «на скорую руку», с неизбежным сохранением как трафаретности написания, так и понятного в условиях военной цензуры содержательного клиширования, смысловое напряжение и динамизм событийного психологизма военной ситуации 1941 – 1945 гг. превращал их в самые разные информационно-личностные формы. Это были нередко и лаконичные письма-исповеди с авторским намерением успеть сказать родным и близким то, что было упущено автором в мирной жизни. Эпистолярные тексты часто становились признанием в любви; наказом детям и близким исполнить последнюю волю фронтовика; мечтами о послевоенной счастливой судьбе; рассказом о боевых товарищах и лечении в военно-полевых госпиталях. Однако

денотативно-смысловым рефреном писем становилась фраза: «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...».

Именно такое название получил сборник эпистолярных текстов военной поры, подготовленный к печати в рамках сравнительно недавно появившейся серии «Народный архив», где представлена концепция систематизации результатов научно-исторического поиска «неофициальных» письменных источников, отражающих особенности повседневной жизни и досуговой культуры жителей Обь-Иртышского Севера XX в. В одном из выпусков и были опубликованы фронтовые письма северян, приоткрывавшие специфичный этно-эпистолярный мир, в том числе с сохранением авторского стиля и написания без «литературно-причесанной огранки» [9]. Тем более, что стремление издателей порой подвергнуть тексты редакторской «правке», преследуя, пусть и благородные, но несколько иные, нежели строго научные цели, искажают эпистолярно-смысловую и этнопсихологическую панораму, которая в большинстве случаев оказывается размытой и «поправленной» на уровне графической культуры письма.

Конечно, советская фронтовая цензура, равно как и противника, самым тщательным образом контролировала «письмопоток». Еще до начала войны 2 июня 1941 г. был разработан Проект постановления ЦК ВКП(б) об утверждении положения о главном военном цензоре при СНК СССР, а также увеличении штата этой службы до более чем 41 тыс. чел. Это позволяло возложить контроль на 1 службиста за 150 письмами или 600 телеграммами в день. Однако в ходе войны условия цензуры, естественно, были ужесточены [9, с. 86]. Правда, в опубликованном солдатском дневнике Г.П.Еланцева приведен, видимо, нередкий для того времени факт отсутствия самой возможности опустить в привокзальный почтовый ящик г. Горького свое письмо: «Почтовый ящик был полон, а под ящиком, горкой, чуть не доставая ящика, на снегу лежали письма. Я положил свое письмо на самую макушку. Идет железнодорожник. Я спросил его, отправляют ли письма. – Кто их будет отправлять? – был ответ. На железнодорожных путях стоят обгорелые вагоны – первые признаки фронта» [10, с. 13].

Примечательно, что в 2014 г., по инициативе немецкой стороны, России был передан весьма специфичный, но поистине уникальный во всех смыслах этого слова «презент» времен Второй мировой войны как жест «доброй воли». Им оказался вагон почтовой корреспонденции, захваченный вермахтом в самом начале военных действий на территории СССР. Самое удивительное, что его содержимое не было уничтожено ни германскими войсками, ни бомбами союзников, а дошло в своем первоизданном виде до нашей страны. И здесь есть предмет разговора о научной самоценности таких источниковых раритетов, как почтовая «коллекция», а также об отношении страны и ее научных институтов к самим источниковым корпусам (полагаем, что речь идет в данном случае именно о *Фрайбурге!*), демонстрирующих лучшие традиции в тот временной период, когда «пушки молчат, уступая дорогу Музам». Правда, современный период резко сужает «мирный коридор», создавая вновь ситуацию исторического императива с его акцентацией «pro et contra».

В россыпи коллекций «военной антропологии» свое место заняли исследования, предпринятые студенческим сообществом Нижневартовского государственного университета (ХМАО-Югра), создавшего в 2003 г. под руководством тогда к.и.н., доцента Н.В. Сапожниковой молодежную студенческую ассоциацию «Память и будущее» с целью научно-поисковой работы по сохранению исторической памяти о трагических судьбах жителей города Нижневартовска, ставших жертвами Второй мировой войны в качестве бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Пользуясь образным выражением Анны Ахматовой «Мне подменили жизнь» - эту судьбоносную для нее самой фразу студенты сделали лейтмотивом всего научно-исследовательского проектирования. Воспоминания очевидцев тех трагических событий, членов Нижневартовского общества «Жертвы войны», позволяют обогатить нашу коллективную память за счёт тех её страниц, что были заполнены когда-то детской рукой - рукой жертв фашизма.

«Говорящая» «Книга Памяти» Эхо несостоявшегося детства» [11] рождалась из глубины прошлого как эхо - «эхо несостоявшегося детства», где не было ни колыбельной матери, ни рассказываемых на ночь сказок, ни всепонимающих и добрых глаз *любящих взрослых*. Бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей, у которых детство оказалось «затерянным», **было что рассказать** об этой трагичной в своей обыденности чудовищной жестокости войны и **наконец-то (!) быть услышанными** в той «поимённой» истории, что являет собой составную часть «военной антропологии». В данном издании были не только записаны воспоминания бывших узников. Её составители и авторы стремились сохранить голоса, лица, «живой» память об этих удивительных людях – когда-то совсем маленьких детях, их несломленном в фашистских концлагерях человеческом достоинстве, желании, несмотря ни на что, состояться в этой жизни, став личностями.

Авторы издания «вписали» их судьбы в историю Второй мировой войны, тем самым не позволив исчезнуть целому пласту исторической памяти, которая, как мозаика, воссоздает не только трагизм, но и силу нашего прошлого через цену, уплаченную каждым, даже погибшим младенцем России за то, «чтобы свеча не погасла» и не прервалась в веках великая «Нить Российской Ариадны». В качестве «говорящего» вкладыша это издание дополнено видеоматериалами смонтированного фильма, повествующего о цене исторической памяти и судьбах героев книги.

Книга получила научное признание - золотую медаль «Патриот России» на Всероссийском конкурсе инновационных идей проектов патриотического воспитания молодежи под эгидой Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры; в 2011 г. вошла в число лучших научных и учебных изданий; признана лучшим полиграфическим и краеведческим изданием в конкурсе «Югорика - 2010». Привлекла внимание известного ученого с мировым именем, академика РАЕН, д. психол. н., профессора В.С. Мухиной, перепечатавшей материалы глав в 2-х номерах «ваковского» журнала «Развитие личности» [12, с. 186 – 195; 229 - 240] и в одном из номеров к. пед.н.,

профессор Н.Г. Осухова дала послесловие к публикации: «Надо, чтоб душа не окаменела: Послесловие» [13, с.241 -223].

Тем самым «военная антропология» оперирует многообразием исторических форм и свидетельств, дающих «из первых рук» перспективную информацию для понимания важности изучения не просто «человека на войне», но тех его личностных проекций, которые как «ключ с правом передачи» позволяют новым исследователям продолжить формирование «исторического генофонда поколений», в котором справедливые и несправедливые войны проходят через сердца и судьбы людей и поколений.

Литература

1. Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. - М., 2005.
2. Балабанова М.Ю. К вопросу о символической стороне жизни старбайтеров в годы Великой Отечественной войны // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции. Нижний Тагил, 4-5 апреля 2005 г. / Отв. Ред. В.П.Конева. – Нижний Тагил: Изд-во Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, 2005.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1967.
4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып.8. – М., 1980.
5. Великая Отечественная в письмах. /Сост. В.Г.Гришин. 20-е изд., доп. – М., 1985.
6. Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3-х тт. – М., 1995.
7. Последние письма с фронта. Сб. Т.1- 4. – М., 1991-1993; Жди меня – письма с фронта/ Сост. С.Грибанов. – М., 2001.
8. Письма с фронта рязанцев - участников Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. – Рязань, 1998.; Письма с фронта и на фронт. – Смоленск, 1991.
9. «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...». Фронтовые письма 1941-1945 годов. – М.: Новое издательство, 2005.
5. История советской политической цензуры: Документы и комментарии. – М., 1997.
6. Эхо несостоявшегося детства: «говорящая» Книга Памяти (на материалах Нижневартковского общества бывших малолетних узников фашистских концлагерей «Жертвы войны») / Под общ. Ред. Н.В.Сапожниковой. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2010. – 201 с.
7. Рефлексия на переживания детства в условиях концлагерей фашистской Германии: К 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны // Развитие личности. 2011. № 2; № 3.
8. Осухова Н.Г. Надо, чтоб душа не окаменела: Послесловие// Развитие личности. – 2011. – № 3.

УДК 94:327.8:341.218.4

Сидоров В. А.,

Кубанский государственный университет

На пороге нового раздела мира: агония капитализма. К 70-летию Великой Победы

В 2015 году исполняется 70 лет Победе, одержанной нашим народом в Великой Отечественной войне. Все эти годы память о бессмертном подвиге

народа, отстаивавшего независимость Родины, живет в сердце каждого россиянина. И эта память не должна померкнуть. Миллионы земляков сражались с фашизмом на фронтах, проявляя беспримерное мужество и героизм. Непомерное бремя военного лихолетья вынесли на своих плечах труженики тыла. Путь к Победе был долгим и трудным. Небывалой жестокостью и болью, невосполнимыми потерями и разрушениями, скорбью по истерзанной огнем и металлом родной земле были наполнены 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. Никто и ничто не в состоянии умалить величие подвига нашего народа. Совесть и долг перед погибшими и пережившими войну не должны позволить нам забыть эту героическую веху в истории нашего государства.

Мы родились и выросли в мирное время. Мы никогда не слышали разрывов снарядов и воя сирен, извещающих о военной тревоге, не видели разрушенных фашистскими бомбами домов, не знаем, что такое нетопленное жилище и скудный военный паек. Нам трудно поверить, что человеческую жизнь оборвать так же просто, как утренний сон. Об окопах и траншеях мы можем судить только по кинофильмам, да рассказам фронтовиков, которых осталось совсем мало. Память о войне не проходит бесследно, она запечатлена в лучших литературных произведениях и фундаментальных научных исследованиях. Коснемся сущностных черт доминирующего сегодня способа производства и попробуем понять, возможно ли всеобщее процветание в условиях господства капитализма.

В августе 1914 г. В.И. Ленин в работе «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» написал: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри страны, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабочих одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии – таково единственное реальное содержание и значение войны».

Много лет спустя, выступая по национальному радио в апреле 1989 г. испанский священник Хосемария Эскрива де Балагер заявил, что в рыночной экономике наверх поднимается не тот, кто умнее или кто лучше работает, а тот, кто способен топтать товарищей – только по их телам можно подняться наверх. Эта характеристика как нельзя лучше отражает сущность капиталистического способа производства, представления о котором тесно связаны с рыночной экономической системой.

В теории марксизма капитализм охарактеризован как общественный строй, при котором основные средства производства являются собственностью класса буржуазии, эксплуатирующего класс наемных работников, а распределение произведенных благ осуществляется, в основном, посредством рынка. Другие научные теории описывают капитализм как систему свободного предпринимательства и открытой конкуренции. В последнее время под капитализмом стали понимать политическую, социальную и экономическую

систему, при которой собственностью, включая капитальные активы, владеют и управляют частные лица, труд покупается за заработную плату, а распределение ресурсов осуществляется посредством свободных цен. Степень использования рыночного механизма определяет различные формы капитализма.

При капитализме на первый план выступает полный собственник всех средств производства. Он нуждается для осуществления процесса производства в рабочей силе. В отличие от предыдущих эпох, когда вместе с рабочей силой приобреталась и личность работника, в капиталистическом хозяйстве предметом купли-продажи становится только рабочая сила, причем приобретается она у самого работника. При капитализме в идеале нет внеэкономического принуждения к труду, нет внеэкономической зависимости от владельца средств производства, но есть экономическое. И оно не только не менее, но, напротив, более действенно, чем первое.

Капиталистическое общество – рыночное. Чтобы жить, нужно удовлетворять потребности, по меньшей мере, в пище, одежде, жилище. Приобрести все это можно только на рынке, разумеется, лишь за деньги. Чтобы получить деньги, нужно что-то продать. Владелец средств производства (сам или руками других людей) создает товары и продает их на рынке. Человек, не имеющий средств производства, чтобы жить, должен продавать единственное, что имеет, свою рабочую силу. При капитализме нет внеэкономического принуждения, но есть экономическое. И оно не только не менее, но, напротив, более действенно, чем первое.

При рабовладельческом способе производства эксплуатация человека человеком существовала в совершенно открытой форме. Подневольный работник ни в малейшей степени не сомневался в том, что его труд безвозмездно присваивается хозяином. Более того, невольник убежден, что весь его труд является трудом только на хозяина, что, выражаясь языком экономической науки, он весь представляет собой прибавочный труд. Как следствие возникает отсутствие какой-либо заинтересованности в труде. Принудить раба к труду можно только силой.

Феодално-зависимый крестьянин тоже не сомневается в том, что его эксплуатируют. Но он прекрасно понимает, что трудится на феодала лишь часть своего времени. Остальное время он работает на себя. И потому у него есть определенная заинтересованность в труде.

У наемных рабочих в ранний период капитализма тоже не было сомнения в том, что они подвергаются эксплуатации. Но понятие сущности такой эксплуатации было значительно сложнее. Если при рабовладельческом способе производства у работника возникает иллюзия, что он трудится только на хозяина, то при капитализме, по крайней мере, у части наблюдателей со стороны возникает иллюзия прямо противоположная – им кажется, что наемный рабочий трудится исключительно на себя.

Наемный рабочий продал капиталисту свой труд и получил за него деньги. Обмен труда на деньги был произведен в строгом соответствии с законами рынка, требующими и предусматривающими обмен одной стоимости

на другую равную стоимость. Отсюда выходило, что рабочий сполна получил за свой труд, что, следовательно, об эксплуатации при капитализме не может быть и речи. Но тут сразу же возникал вопрос: откуда же тогда берется прибыль капиталиста?

Особенно трудным был этот вопрос для создателей и сторонников трудовой теории стоимости (А. Смит, Д. Рикардо и др.), согласно которой единственный источник стоимости – труд работника. Всякий, кто знаком с трудами этих замечательных экономистов, знает, как мучительно билась их мысль в тщетных попытках раскрыть тайну капиталистической прибавочной стоимости.

Путь к решению проблемы был намечен К. Марксом: «Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т.е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов. Наш владелец денег, который представляет собой пока только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продавать их по их же стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы».¹³

Именно правильная постановка проблемы позволила К. Марксу решить ее. Он доказал, что рабочий продает капиталисту вовсе не труд, а рабочую силу. Рабочая же сила представляет собой такой товар, который в процессе потребления создает стоимость большую, чем она сама стоит. Разница между стоимостью, созданной рабочей силой, и стоимостью самой рабочей силы и есть прибавочная стоимость, выступающая на поверхности как прибыль. Таким образом, капиталистический способ производства не в меньшей степени, чем рабовладельческий и феодальный, представляет собой способ эксплуатации человека человеком.

Созданная К. Марксом теория прибавочной стоимости – естественное развитие теории трудовой стоимости. Опровержение марксовой теории прибавочной стоимости немислимо без отказа от теории трудовой стоимости. Совсем не появлением нового фактического материала, а далеко не бескорыстной потребностью защитить капитализм был продиктован отказ большинства буржуазных экономистов от трудовой теории стоимости и замены ее иными концепциями, суть которых заключается в том, что при капитализме никакой эксплуатации человека человеком не существует и поэтому никаких антагонизмов этот способ производства не порождает.

Марксовы схемы воспроизводства и обращения общественного капитала наглядно показывают те необходимые условия, при которых возможен был бы бесперебойный ход воспроизводства общественного капитала и реализации общественного продукта. Но в реальной действительности эти условия

¹³Маркс К и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 176-177

постоянно нарушаются. Самая многосложность процесса дает столь же противоречивые основания для его ненормального хода¹⁴.

Чтобы рассмотреть эти особенности в деталях начнем с выяснения содержания тех понятий, о которых идет речь. Товарное производство есть такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов, становящихся в силу этого товарами, на рынке.

Капитализм представляет собой ту стадию развития товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и рабочая сила человека. Таким образом, в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое.

Первое превращение совершается в силу того, что появляется общественное разделение труда, специализация обособленных, отдельных производителей по занятию одной только отраслью промышленности (это неперемное условие товарного хозяйства). Второе превращение совершается в силу того, что отдельные производители, производя каждый особняком товары на рынок, становятся в отношении конкуренции: каждый стремится дороже продать, дешевле купить, и необходимым результатом является усиление сильного и падение слабого, обогащение меньшинства и разорение массы, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих и многих мелких заведений в немногие крупные.

Капиталистическое производство развивается через противоречия, порождающие циклическую форму его движения, кульминационной фазой которого является экономический кризис. С марксистских позиций исходной точкой в этом процессе является диспропорция, порождаемая сферой производства средств производства для производства средств производства. Эта сфера является ведущей во всем капиталистическом воспроизводственном процессе: размер накопления в нем определяет размер накопления в других подразделениях и, следовательно, в производстве в целом. Такое положение отражает закономерности капиталистического производства, целью которого является не удовлетворение нужд потребления, а погоня за максимальным накоплением и наивысшей прибылью. Наиболее важным является рост постоянного капитала, он-то и представляет наибольшие трудности при самовозрастании капитала, так как рост переменного капитала не связан с какими-либо существенными ограничениями. Переменный капитал обладает большей эластичностью и его производство ничего не стоит капиталу. Иначе обстоит дело с постоянным капиталом, который является продуктом, т.е. капиталом, который должен самовозрастать, что возможно только при условии,

¹⁴Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. – 497.

если при обмене внутри первого подразделения спрос и уровень цен допускают это самовозрастание, хотя этот рынок и не зависит от второго подразделения, производящего предметы конечного потребления.

Из этого следует, что накопление – это всегда превращение прибавочной стоимости в новый капитал, а не результат сокращения потребления, в особенности потребления необходимых товаров. Поэтому при расширенном воспроизводстве необходимо произвести перегруппировку элементов подразделения I так, чтобы, не внося количественных изменений, изменить качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение является материальной предпосылкой последующего воспроизводства в расширенном масштабе.

Таким образом, существенно возрастает роль денег в процессе обращения капитала и пропорций между продуктами разных отраслей, как специфическими потребительными стоимостями. Главным моментом в этом процессе выступает неравномерность темпов развития разных подразделений, конкретно наблюдаемая в действительности и подтвержденная историческим опытом. Наконец на этой основе и функционирует основной закон капиталистического накопления, который проявляется и в законах, регулирующих динамику заработной платы и прибыли.

Цикличность – неотъемлемая форма экономического развития рыночной экономики. То, что пропорциональное экономическое развитие невозможно, следует из марксовых схем, показывающих, сколько и какие условия должны быть соблюдены для его осуществления. На невозможность такого пропорционального развития указывал в своих трудах и В.И. Ленин, который, говоря об экономических кризисах, показал не только возможность прерывистого и диспропорционального развития капиталистической экономики, но также необходимость ее волнообразного, циклического движения.

Поскольку основная цель капиталистического производства заключается в продаже товара, в восстановлении денежного капитала, необходимого для возобновления производственного процесса, постольку возникает масса трудностей на пути к достижению этой цели. Первый, наиболее общий аспект этих трудностей заключается в том, что капитал рождается в денежной форме и в конце производственного процесса должен снова приобрести денежную форму. Но между началом и концом производственного процесса, между приобретением факторов производства и продажей произведенных продуктов существует разрыв по времени и в пространстве. Этот временной разрыв очень важен для вывода о возможности кризисов.

Второй момент связан с тем обстоятельством, что денежная форма капитала связана с особыми свойствами денег: «...денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь места без денежного обращения».¹⁵ Возникают трудности, связанные с процессом превращения

¹⁵Маркс К. и Энгельс Ф. Критика политической экономии. Соч. Т. 13. – С. 80.

товаров в денежный капитал, необходимостью иметь в достаточных количествах денежные ресурсы для авансирования капитала.

В настоящее время деньги не обладают внутренне присущей им стоимостью, они обладают только номинальной стоимостью, и, следовательно, они не в состоянии адекватно выполнять свою функцию средства накопления. Это обстоятельство ставит капиталистического производителя перед другим фактором неопределенности, обусловленным колебаниями цен, как в ходе производственного процесса, так и после его завершения.

В последние десятилетия ярко выявилась тенденция опережающего роста рыночной капитализации ценных бумаг, которая с 1990 г. по 2015 г. выросла в более чем 30 раз, причем этот рост носил непрерывный, неуклонный характер. В этот же период мировые внебиржевые рынки увеличились почти в 80 раз, то есть темпы роста внебиржевых операций опережали биржевые в 3,1 раза. Это в среднем за почти 60 лет. Поэтапная динамика выглядит следующим образом: в 1950–1989-х гг. рост фиктивного капитала в целом примерно соответствовал рыночной конъюнктуре и колебался в пределах 30–40 трлн долл. И был относительно равен мировому ВВП. В начале 1990-х гг. он приблизился к отметке в 100 трлн долл. и начал резко увеличиваться. К 2015 г. мировой объем финансовых активов превышал мировой ВВП в 4 раза, а объем рынка деривативов – в 15 раз (1125 трлн долл.). В начале 2015 г. объем фиктивного капитала оценивался в астрономическую сумму – 5 квадриллионов долл.

Таким образом, общими причинами циклической экономической динамики капиталистического хозяйства выступают: 1) несовпадение планов производства отдельных производителей с объективной общественной ситуацией; 2) разрыв между куплей-продажей; 3) временное несовпадение между началом и концом производственного процесса, равно как и колебания стоимости денег во времени.

Существенным моментом, вносящим дисбаланс во всю капиталистическую систему хозяйствования, является требование обязательности сохранения равновесия между всеми товаропроизводителями, различными отраслями и производствами. Этот факт приводит нас к выводу о том, что главная причина нарушения равновесия как раз представлена относительным уменьшением покупательной силы потребителей. Это уменьшение объясняется действием законов, регулирующих распределение дохода в капиталистическом обществе. Для всех общественных формаций, основанных на эксплуатации, характерно стремление сохранять постоянное недопотребление масс и добиваться такого положения, при котором бы в производстве одновременно возобновлялся и технический прогресс, и все экономические категории в целях сохранения существующего строя. В капиталистическом обществе труд может обладать только самым необходимым для воспроизводства рабочей силы, или с исторической точки зрения для воспроизводства наемных рабочих как экономической категории. Недопотребление – характерная черта не только капиталистического способа производства, но и других общественных формаций, основанных на

эксплуатации, разделении общества на классы. Недопотребление является важнейшей причиной возникновения кризисов.

Эта проблема достаточно полно исследована К. Марксом. По его мнению, производство прибавочной стоимости образует непосредственный процесс производства. Когда товар произведен, его следует продать. Если этого не происходит, то хотя рабочего и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, так как отсутствуют условия реализации выжатой прибавочной стоимости или возможна лишь частичная ее реализация, т.е. имеет место частичная или полная потеря капитала. Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Более того, потребительная сила общества базируется на антагонистических отношениях распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена стремлением к накоплению, увеличению капитала, производству прибавочной стоимости в расширенном масштабе. Это – закон капиталистического производства, диктуемый постоянными переворотами в самих методах производства, сопровождаемых к тому же постоянным обесценением наличного капитала, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения или под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что рыночные связи и определяющие их условия все более принимают характер независимого от производителя естественного закона, становятся все более неподдающимися контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. «Чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления. На этом основании, полном противоречий, вполне естественным является то, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения; потому что хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется»¹⁶.

Отсюда вытекает, что реальная возможность кризиса возникает только в процессе производства, потому что купля и продажа представляют собой не превращение одного товара в другой с помощью денег, а смену различных форм одного и того же капитала. Это значит, что товар на рынке уже содержит в себе прибавочную стоимость. Процесс реализации является не только процессом превращения товара в деньги, но также и процессом превращения товарного капитала в денежный капитал. Остановка или изменение этого процесса влекут за собой разрыв в процессе обращения капитала.

¹⁶Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. – С. 268.

Именно этот факт и объясняет природу кризисов в капиталистическом обществе. Возможность кризисов превращается в неизбежность, поскольку процесс концентрации, связанный с процессом накопления, нарушает равновесие на рынке, где идет обмен между производителями постоянным вводом новых технологических процессов, постоянным изменением стоимостных отношений между товарами и нарушением необходимых пропорций между различными отраслями производства. Нарушение равновесия на рынке капиталов – характерный аспект капиталистического производства. Именно он является специфической причиной экономического кризиса при капитализме. Этот же аспект объясняет периодичность кризисов, их повторяемость, характерный ход экономического цикла.

Разделяя причины кризиса на общие и специфические, следует подчеркнуть, что общие причины кризиса не являются свойством исключительно капиталистической системы хозяйствования, поэтому и не дают конкретного объяснения циклических колебаний экономики. В качестве примера можно привести ситуацию, когда недопотребление само по себе отнюдь не является причиной экономического кризиса. Однако в сочетании со специфической причиной – кризис неизбежен. Эта специфическая причина становится очевидной, если принять во внимание процесс развития общественного воспроизводства в условиях капиталистической системы хозяйствования. В силу закона капиталистического накопления происходит постоянное нарушение пропорций между производством средств производства и производством средств потребления. Это значит, что нарушаются условия, которые должны обеспечить гармоническое расширение воспроизводства, что приводит к неизбежной диспропорциональности – неизбежности постоянного нарушения пропорций.

Экономическая мысль последнего времени рассматривает кризис как форму экономического развития, находя его причины в колебаниях цен, доходов, экономических перспектив, экспансией банковского капитала и пр. Она даёт некоторое представление о направлении развития экономической науки в позднеиндустриальный период, однако умалчивает об эксплуатации наемного труда капиталом. Эта позиция в принципе неверна, поскольку сама природа капитализма базируется на присвоении прибавочного продукта. Эта позиция в принципе неверна, поскольку сама природа капитализма базируется на присвоении прибавочного продукта.

В 1902 г. в Лондоне и Нью-Йорке вышло в свет сочинение английского экономиста Дж.А. Гобсона «Империализм». Автор дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. В 1910 г. в Вене вышла в свет книга Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (русский перевод – 1912 г.). Обе работы объединил теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма». В 1917 г. появляется исследование В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», представляющее несомненный интерес в отношении развития капитализма в России.

Одним из достоинств работы является опровержение положения «чистого» марксизма в отношении того, что «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». На самом деле переход капитализма в стадию империализма сделал такое развитие мировой системы невозможным – хотя бы потому, что монополии «центра» завладевают источниками сырья во всем мире, пресекая тем самым возможность развития «туземного» капитализма. В.И. Ленин, в частности, пишет: «Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железнорудные земли) в данной стране и даже ... в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами»¹⁷.

По мере развития капитализма возможности его возникновения и развития вне метрополии сокращаются. Об этом свидетельствуют действия Запада в отношении пресечения развития «туземного» капитализма. Уже в XIX в. земельная собственность в Африке, Полинезии и Австралии была присвоена западными колониальными державами практически полностью, в Азии – на 57%. Однако присвоение земельной собственности не служит специфическим признаком империализма, поскольку этот процесс шел в колониях и до стадии империализма¹⁸. Таким образом, уже в начале XX в. всякая возможность индустриализации и модернизации на путях капитализма для тех стран, которые не попали в состав метрополии, была утрачена. Их уделом стала слаборазвитость.

Создавая на периферии анклавов современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» и даже архаизацию остальной части производственной системы. В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его революционизирующего общественного процесса консервативных тенденций.

Россия в конце XIX и начале XX вв. была именно страной периферийного капитализма. Внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией», периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних эпицентрах капитала, но к такому, когда

¹⁷ В.И. Ленин. ПСС. 5-е изд. Соч. 2-е изд. Т. 27. – С., .320.

¹⁸ Там же. – С. 373.

могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, бедности. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма.

В.И. Ленин очень коротко высказал важный методологический тезис, актуальный сегодня. Суть его заключается в том, что развитие капитализма приводит к тому, что замена ряда прежних его форм и институтов становится необратимой, и призывы вернуться к старым добрым формам на деле оказываются реакционной утопией. Так, в ходе развития институты свободного рынка уступили место монополистическому финансово-промышленному капиталу.

«Допустим, что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала бы капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идет развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация производства и капитала, рождающая монополию. И монополии уже родились – именно из свободной конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии»¹⁹. Трансформация капитализма не может допустить появления на его периферии системы, которая воспроизводила бы ранние формы капитализма метрополии. Новые, зрелые формы (монополистический капитализм) неминуемо сожрали бы зародыши ранних, «юных» форм буржуазного общества.

Этот принцип актуален сегодня и для современной России, потому что он ставит крест на либеральной утопии построения «рыночной экономики» из обломков советского хозяйства. Возможно лишь создание структур периферийного капитализма, то есть анклавов современного производства, действующих как элементы дополняющей экономики под контролем метрополии, при архаизации хозяйственных укладов большинства населения.

Но этого не произойдет, поскольку архаизация страны, уже достигшей высокого уровня индустриального развития, вызвала бы быструю гибель больших масс населения. Достаточной силой для удержания этих масс в повиновении нынешнее господствующее меньшинство не обладает²⁰.

По своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм.

Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться

¹⁹ В.И. Ленин. ПСС. 5-е изд. Соч. 2-е изд. Т. 27. – С. 411.

²⁰ Кара-Мурза С.Г. Работа В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»: современное прочтение. – М., 2008.

в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из неё вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют её, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца.

Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить главные проявления монополистического капитализма.

1. Монополия выросла из концентрации производства на очень высокой степени её развития. Это – монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты. К началу XX в. они получили полное преобладание в передовых странах.

2. Монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной, и наиболее картелированной, промышленности капиталистического общества: каменноугольной и железодобывательной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картелированной и некартелированной промышленностью.

3. Монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банкового капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны.

Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества – есть проявление этой монополии.

4. Монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния», наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, например, своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 г., тогда колониальная политика могла развиваться немонополистически по типу «свободно-захватного» занятия земель. Но когда к 1910 г. Вся Африка оказалась захваченной, когда весь мир оказался поделённым, наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а, следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира.

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций – всё это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или гнивающий капитализм. Всё более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живёт всё более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растёт, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран.

Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т.п. даёт им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создается связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах.

Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный капитализм.

Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учёта массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах 2/3 или 3/4 всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделённые

иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке, и в Германии американским «Керосиновым трестом»); – тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, что частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнить.²¹

Верю, что в Новороссии на смену капитализму приходит совершенно свободное общество, отличное от того, что было, когда бы, то ни было на Земле.

УДК 39(571.511)

Смирнов Т. А., Майорова Е. В., Михайлов Ю. В.,
ФГБОУ ВПО «Норильский индустриальный институт»
nii@norvuz.ru

Блокада Ленинграда: к 71-годовщине освобождения

Часто задают вопросы: Чем отличается Великая Отечественная война от Второй мировой? Кто победил? Не проще было бы сдать Ленинград, как французы сдали Париж? Кто стоит за возрождением идеи четвертого рейха? Вторая мировая война отличается от Великой Отечественной тем, что она охватывает широкий территориальный ареал. В войну было втянуто 61 государство, свыше 80% населения земного шара, военные действия велись на территории 40 государств, а также на морских и океанских театрах. Великая Отечественная Война интерпретировалась как классовая, с одной стороны – ударными силами мирового империализма в лице фашистской Германии, Италии и Японии, а с другой - всеми трудящимися в лице форпоста мирового социализма СССР. Война была классовая, жестокая, на физическое уничтожение. Развязанная агрессорами началась в Европе против Польши, затем продолжилась захватом Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Франции. Далее оккупация продолжилась на территории Африки: Брит. Сомали, часть Кении, Судана, в сент. вторглись из Ливии в Египет. Великая Отечественная война 1941- 1945 – справедливая, освободительная война советского народа за свободу и независимость социалистической Родины против фашистской Германии и её союзников, важнейшая и решающая часть Второй мировой войны 1939 - 1945. Советские люди сражались за правое дело, за свободу своей Родины, за свое будущее и будущее своих детей и внуков. Ведь если бы страна проиграла, у людей не было бы никакого будущего, ибо враг поставил перед собой цель физического

²¹*В.И. Ленин.* Империализм как высшая стадия капитализма. ПСС. 5-е изд. Т. 27

уничтожения народов СССР. Великая Отечественная война выиграна нашей страной ценой невероятных потерь. Погибло более 27 млн человек. В ходе военных действий уничтожены 1710 городов и поселков городского типа, многие из них построены заново. Сожжено 70 тыс. сел и деревень, полностью разрушено более 31 тыс. заводов и фабрик. Взорваны и уничтожены сотни тысяч километров железнодорожного полотна. Существуют три теории изучения Великой Отечественной Войны:

- религиозная;
- всемирно-историческая (материалистическое, либеральное, технологическое направления);
- Локально-историческая.

Религиозная теория считает, что война стала серьезным испытанием русского народа, выдержать которое можно было, только обратившись к традиционным, проверенным историей духовным ценностям, сплотившись на основе освященного Православием принципа Соборности. Материалистическое направление всемирно-исторической теории, изучая прогресс человечества, отдает в нем приоритет развитию общества, общественных отношений, связанных с формами собственности. Направленность изучения в коллективизм, будущее, строительство нового общества. (Мировоззрение – счастье создающего общества и в нем человека.) В либеральном направлении всемирно-исторической теории приоритет в изучении отдается личности, ее правам, дарованным самой природой, и, прежде всего, праву частной собственности. Либерально-историческая логика опирается в основном на такие факты Российской истории периода войны, как: репрессии, депортации, количество и судьба военнопленных. Были поставлены проблемы о «вине» СССР по Антигитлеровской коалиции в достижении общей победы над врагом. Историки технологического направления (В.А. Красильщиков, С.А. Нефедов и др.) считают, что во второй мировой войне, так же как и в первой, главную роль играл военно-технический фактор. Появление авиации и танков породили новую тактику «блицкрига»; это новое оружие оказалось в руках Германии и обеспечило ее победы на первом этапе войны. Однако Германия не сумела одержать окончательную победу; тактика танковых клиньев была заимствована Красной Армией, и «Третий рейх» был разгромлен. Локально-историческая теория изучает единство человека и территории, составляющие понятие локальная цивилизация. Нападение Германии на Россию представляется попыткой объединенных европейских государств военной силой подчинить себе народы Евразии и тем самым устранить конкурента за мировое влияние. Ранее в истории военная агрессия Европы в отношении Евразии была пресечена Александром Невским, а позднее Кутузовым. Можно ли было сдать Ленинград? Спаслись бы жители города или нет? Однозначно нет. По приказу Гитлера за № 1601 от 22 сентября 1941 г. Ленинград подлежал полному уничтожению. А его жителей ожидала голодная смерть. Военные историки утверждают, что за всю историю войн ни один город мира не отдал за Победу столько жизней, сколько Ленинград. Ни один самолет противника не был допущен к городу. С моря Ленинград прикрывал

Кронштадт - одна из баз Балтийского флота. Первые фашистские бомбы были сброшены на Ленинград 6 сентября, после чего город стал подвергаться систематическим налетам вражеской авиации. За сентябрь - ноябрь 1941 года в Ленинграде 251 раз объявлялась воздушная тревога. С 10июля 1941 по 9 августа 1944 год на подступах к Ленинграду развернулось сражение, названное Ленинградской битвой. Ленинград не был сдан, был сохранен Балтийский флот Советской армии и разгромлено 50 дивизий противника. 20 ноября – в пятый раз населению и войскам- пришлось сократить нормы выдачи хлеба. Воины на передовой стали получать 500 граммов в сутки; рабочие- 250 граммов; служащие и иждивенцы, воины, не находящиеся на передовой- 125 граммов. И ничего кроме хлеба. В блокированном Ленинграде начался голод. Рецепты блокадного хлеба менялись в зависимости от того, какие ингредиенты были в наличии. В сентябре 1941 года хлеб готовили из смеси ржаной, овсяной, ячменной, соевой и солодовой муки, затем к этой смеси в разное время стали добавлять льняной жмых и отруби, хлопковый жмых, обойную пыль, мучную сметку, вытряски из мешков кукурузной и ржаной муки. Для обогащения хлеба витаминами и полезными микроэлементами добавляли муку из луба сосны, ветвей березы и семян дикорастущих трав. В начале 1942 года в рецептуру добавили гидроцеллюлозу, которая использовалась для придания объема. Голод наложил тяжелую печать на людей: иссушил тело, сковал движения, усыпил организм. Микроб-возбудитель, проникая внутрь такого человека, не находил условий для своего развития и погибал. Тонкая, как пергамент, кожа да кости не создавали, по-видимому, нужной среды для развития инфекционных микробов. Может быть, это и не так, а действовала какая-то другая сила, ведь в природе еще так много тайн, но так или иначе, а эпидемий не было, инфекционные заболевания на самой высокой стадии развития алиментарной дистрофии уменьшились, и это отрицать никто не сможет. Весной 1942 года была вспышка цинги как результат длительного неполноценного питания, но цинга вскоре была изгнана из Ленинграда, и смертельных исходов от этой болезни почти не было.

Блокадный Ленинград: эпидемии

Заболевания	1940 год декабрь	1941 год декабрь
Брюшной тиф	143	114
Дизентерия	2086	1778
Сыпной тиф	118	42
Скарлатина	1056	93
Коклюш	1844	818
Дифтерия	728	211

В лагерь на смерть эшелонами привозили сотни тысяч евреев с территорий европейских стран и Советского Союза, оккупированных Германией. Всего, по современным оценкам, в концлагере Аушвиц погибло от 1 000 000 до 1 500 000 человек, среди которых — более 1 100 000 евреев, 150 000 поляков, 20 000 цыган, десятки тысяч русских. Во время наступления

советских войск 18 января 1945 года 58 000 трудоспособных узников были угнаны в Германию. Большинство из них погибли в лагерях Заксенхаузен, Берген-Бельзен и других. Всем известна трагичная судьба 12-летней Тани Савичевой, чей дневник был найден уже после ее смерти: всего 9 страниц, на 6 из них – даты 6 смертей: «Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г. Лека умер 17 марта в 5 час. утра 1942. Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942. Дядя Леша 10 мая в 4 ч. дня 1942. Мама 13 мая в 7:30 утра 1942. Савичевы умерли. Умерли все». Дневник Тани Савичевой фигурировал на Нюрнбергском процессе как один из обвинительных документов против фашистских преступников (Таня Савичева). Невский пятачок - условное обозначение плацдарма на левом (восточном) берегу Невы напротив Невской Дубровки, захваченного и удерживаемого советскими войсками Ленинградского фронта (с 19.09.1941 по 29.04.1942 и с 26.09.1942 по 17.02.1943) в ходе битвы за Ленинград. С этого плацдарма советские войска неоднократно пытались начать наступление на Мга и Синявино навстречу войскам, наносившим удар с востока и тем самым прорвать блокаду Ленинграда. Несмотря на то, что все попытки расширить плацдарм и развить наступление закончились неудачно, «Невский пятачок» стал одним из символов мужества, героизма и самопожертвования советских воинов. Блокада Ленинграда, начавшаяся 8 сентября 1941 года, длилась почти 900 дней и была снята 27 января 1944 года. Все это время единственный путь, которым доставлялись продукты в осажденный город и вывозились дети и тяжелораненые, был проложен по льду Ладожского озера и назывался - «Дорогой жизни». Блокада была прорвана 18 января 1943 года, но до ее полного снятия — 27 января 1944 года — ленинградцам пришлось ждать еще целый год. За годы блокады погибли, по разным данным, от 400 тысяч до 1,5 миллиона человек. Только 3% из них погибли от бомбежек и артобстрелов, остальные 97% умерли от голода. Знаменитый метроном, вошедший в историю блокады Ленинграда как культурный памятник сопротивления населения, транслировался во время налетов именно через эту сеть. Быстрый ритм означал воздушную тревогу, медленный ритм - отбой. Тревогу объявлял диктор Михаил Меланед. В блокадном Ленинграде не было района, до которого не мог бы долететь вражеский снаряд. Поэтому были определены районы и улицы, где риск стать жертвой вражеской артиллерии, был наибольшим. Там люди писали краской или вывешивали специальные предупреждающие таблички с известным текстом: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Впервые блокада Ленинграда была прорвана 18 января 1943 года силами Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом. Враг был отброшен от города. Операция под кодовым названием «Искра» проводилась в ходе общего наступления Советской Армии, развернувшегося зимой 1942-1943 годов после окружения немецко-фашистских войск под Сталинградом. Против советских войск действовала 18-я немецкая армия группы «Север». Крупнейшие сражения ВОВ:

- Смоленское сражение длилось два месяца (июль– август 1941г.) и положило начало срыву плана молниеносной войны против СССР.

- Битва за Москву (октябрь – декабрь 1941 г.). Был развеян миф о непобедимости германской армии.
- Сталинградская битва (июнь 1942 – февраль 1943 гг.) Именно Сталинград стал переломным моментом в противоборстве Германии и СССР
- Курская дуга (июль – август 1943 г.). Курское сражение окончательно закрепило стратегическую инициативу за советскими вооруженными силами.
- Битва за Берлин (16 апреля – 2 мая 1945 г.). Акт о капитуляции Германии был подписан в пригороде Берлина – Карлхорсте поздно вечером 8 мая 1945 г.

Блокада Ленинграда стала самой жестокой в истории человечества. Большинство умерших в блокаду жителей Ленинграда похоронены на Пискаревском мемориальном кладбище. 71 годовщину со Дня снятия блокады Ленинграда жители этого легендарного города отмечают с большим уважением к памяти павших и выстоявших. День 27 января вошёл в историю подвига нашего народа как День снятия блокады Ленинграда и стал днём воинской славы России.

УДК 378.147+504

Шевельков А.И.,

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

shevelkov51@mail.ru

О патриотизме и исторической памяти

Патриотизм – это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, готовность защитить его в трудное время. Историческая память – это то, без чего не может существовать государство. Сохранение в памяти событий Великой Отечественной войны, памяти о тех, кто отстоял свободу и независимость, спас народы всего мира от фашизма – долг тех поколений, каждого из нас, чьи отцы и деды, прадедушки и прабабушки на фронте и в тылу, приближали Великую Победу. Это актуально особенно сегодня, когда расправляет свои крылья нацизм, когда по городам Европы маршируют наследники фашистов образца 1930 – 1940 – х гг., а каратели на юго – востоке Украины истребляют собственный народ.

У нас хотят украсть Победу, уничтожить память, а значить лишит нас государственности, будущего. Надо во что бы то ни стало противостоять натиску неофашистской идеологии, которая обрушивается на молодые, не окрепшие умы из одиозных средств массовой информации. Разве могли предположить солдаты – победители, а также погибшие в боях на передовой и от бомбежек в блокадных городах, замученные в концлагерях и сожженные в печах, что 70 лет спустя их наследникам, потомкам, вновь будет навязываться античеловеческая идеология.

Как хорошо поступают работники дошкольных и всех других образовательных учреждений подмосковной Коломны, тысяч других городов России, когда создают музеи, составляют «Книги Памяти», вспоминают о тех, кто погиб и кто выжил в той страшной войне. Вот уже в течение года в Московском государственном областном социально – гуманитарном институте реализуется проект: «Помним. Чтим. Гордимся», посвященный Великой Отечественной войне, сохранению памяти о подвиге нашего народа. Его началу предшествовала студенческая научно – практическая конференция, посвященная 70-летию освобождения Крыма, которую подготовили студенты исторического факультета в апреле 2014 г.

К празднованию 70-летия Победы, студенты провели большую поисковую работу, подготовили электронные презентации об участии своих родственников в Великой Отечественной войне. Фотографии, медали и ордена, письма с фронта, похоронки и рассказы дедушек и бабушек о своих родителях, участвовавших в войне, стали основными источниками в подготовке страничек истории их семей. Есть здесь и рассказы о жителях Донбасса – участниках Великой Отечественной войны, которые готовили студенты, приехавшие на обучение в наш институт из Луганской народной республики. И это только начало той большой работы, которая воплотится в электронную и книжную версию Книги памяти.

Участники Великой Отечественной войны, ветераны... На наших глазах их становится все меньше и меньше. Когда 40 лет назад я начинал работать в институте, в нем трудилось почти 69 ветеранов: участников обороны Москвы, Сталинградской и Курской битв, освобождавших страну и Европу, штурмовавших Берлин, партизан, тружеников тыла и сражавшихся в боях с Квантунской армией на Дальнем Востоке. Вот уже несколько лет, как не стало последнего работавшего участника Великой Отечественной войны – доктора педагогических наук Петра Васильевича Горностаева, который прошел всю войну, освобождал города и села в России, Украине и Белоруссии, в Европе. В 2012 г. мы с ним проводили его последнюю студенческую конференцию, посвященную 70-летию Сталинградской битвы. В ней принимал участие и молодой американец, историк, выпускник одного из университетов США по имени Крис, который все свободное время от стажерской практики в нашем институте, брал интервью у коломенцев-участников Великой Отечественной войны, писал заметки и отправлял в американские газеты, собирал альбом. Он попросил меня встретиться в домашней обстановке с П.В. Гоностаевым, который и поведал ему о своей фронтовой жизни, о боях, живых и погибших однополчанах, дошедших до Берлина советских солдатах. Думается, что не ради копеечных гонораров, а ради сохранения памяти о тех, кто вместе с его дедом из армии союзников освобождал Европу, собирал материал молодой историк. Разве это не здорово, когда иностранец пытается таким способом сохранить историческую память о наших героях. Нет сомнения в том, что став серьезным исследователем, этот американец не будет искажать, фальсифицировать событие и значение Великой Победы. Общаясь с ним, я до боли в душе осознал, как много мы потеряли, не написав документальную

хронику о наших родных и близких, знакомых – участниках Великой отечественной войны, которые на протяжении десятилетий на наших глазах уходили из этой жизни. И вспомнился большой поселковый клуб 1965 г. на своей малой родине в поселке Псебай Краснодарского края, когда более 200 участников в год 20-летия Победы, войны заполнили ряды. И мы подростки, стоявшие в почетном карауле у Красного знамени, на клубной сцене с восторгом взирали на блеск целого ковра наград, звон которых был слышен, был приятным. А за окном бушевал запах сирени, цветущих фруктовых деревьев, которые ветераны помнили еще с мая 1945 г.

Когда несколько лет назад я посетил родной поселок, я не встретил ни одного ветерана... Хорошо, что местная школа сохранила о части из них память в альбомах и сочинениях, посещает и помогает больным ветеранам.

Вот тогда мы и обратились к студентам, нынешней молодежи, которые являются последним поколением, имеющим возможность увидеть, услышать ветеранов – собирайте, сохраняйте все документальные свидетельства о войне. Это та историческая память, то сокровище, которое обогатит ваших детей, которые будут гордиться своими предками – солдатами Победы.

...Каждый раз, когда читаю и перечитываю мемуары советских военачальников, воспоминания участников войны и, преклоняясь перед массовым героизмом солдат и офицеров, ополченцев в Московской битве, я особенно внимательно вчитываюсь в строки, посвященные боевым действиям 1073 стрелкового полка 316 Панфиловской дивизии. И пытаюсь представить, как сражался красноармеец Алексей Шевельков, который защищал столицу сначала на Волоколамском, а потом на Ленинградском шоссе. И как бы хотелось видеть его живым, как его трех братьев – фронтовиков. Не пришлось... Мой дядя погиб в кровопролитных сражениях за деревню Крюково 7 декабря 1941 г., за день до ее освобождения. На том самом рубежном 41 км Ленинградского шоссе, где и был похоронен в братской могиле. Прах же его неизвестных товарищей в 1960 – е гг. был упокоен у Кремлевской стены.

Его старший брат, мой отец – Иван, был призван в армию в 1940 г. попал в авиационную часть, получил офицерское звание. Для него война началась 22 июня 1941 г. на одном из военных аэродромов на западных рубежах страны, когда немецкие самолеты рано утром начали бомбить военные объекты и мирно спавшие города. Практически круглосуточное техническое обслуживание боевых самолетов в условиях боевых действий, отступление вместе с другими частями сначала к Смоленску, затем в Москве. Самыми тяжелыми он считал сражения 1942 г., когда враг стремительно продвигался на Воронежском, Ростовском и Сталинградском направлениях. Когда рядом погибали и получали тяжелые ранения тысячи товарищей, ему наверно повезло, как и немногим другим. Он получил легкое ранение, был контужен и госпиталь не понадобился. После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге, его воинское подразделение было переброшено на Карельский фронт, а Победу он встретил в Германии. За участие в Великой Отечественной войне был награжден медалями, орденов не было.

Напоминанием о войне сохранилась только одна фотография, сделанная в сентябре 1942 г. под Сталинградом. О войне не любил рассказывать.

Его младший брат – Матвей Шевельков, был призван в армию в 1940 г. и почти сразу направлен в военное училище. Когда началась война, весь курс училища, не дожидаясь выпуска, был направлен на фронт для защиты столицы. Начав войну под Москвой старшиной в войсковой разведке, Матвей участвовал в боях за освобождение Украины, Венгрии, а День Победы он встретил в немецком городе Дрездене в должности начальника топографической службы дивизии, и в звании майора. После разгрома фашистской Германии, принимал участие в разгроме Квантунской армии на Дальнем Востоке. За участие в войне, он был награжден двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, но особенно ему была дорога солдатская медаль – «За Отвагу». Он умер от гангрены ног, когда «зашевелились» осколки вражеской мины времен войны. Отказавшись от их ампутации, он умер в военном госпитале в Москве, которую отстоял в 1941 г., но которая не спасла ему жизнь в 1983 г.

Самый младший из братьев – Илья Шевельков в 1938 г. был призван на службу на Балтийский военно – морской флот. В составе соединений флота прошел всю Великую Отечественную войну. В конце войны был комиссаром соединения катеров, принимал участия в освобождении от фашистов Польши, Дании и Германии. Уже после подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, немецкий военный флот продолжал боевые действия на Балтике. Свой последний бой капитан второго ранга Илья Шевельков принимал 9 мая 1945 г, когда в составе отряда десантников участвовал в освобождении датского острова Борнхольм. Позднее, за участие в боях по освобождению Дании, был награжден Датским правительством Почетным оружием. За участие в боях Великой Отечественной войны, он был награжден двумя орденами Красной звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», а также – за «За победу над Германией». После войны преподавал в военно-морском училище в Владивостоке. Я его видел только в раннем детстве...

Я считаю, что сегодня каждый живущий на постсоветском пространстве, должен восстановить историю участия своих родственников в Великой Отечественной войне. Собрать по крупицам все, что еще возможно. Мы в неоплатном долгу перед ними и всеми теми, кто сохранил нашу страну.

Светлая память всем тем, кто отстоял Москву, Родину на всех полях сражений, на фронте и в тылу, всем тем, кто выжил в войну, но не дожид до 70-летия Победы.

Политический миф как механизм конструирования политической реальности

В современном мире теория и практика политического манипулирования получили достаточно глубокую научную разработку и практическое применение. Общая технология глобального, общегосударственного манипулирования обычно основывается на попытке повлиять на человека по каналам, которые менее всего контролируются осознанно, и таким образом внедрить в массовое сознание социально-политические мифы - иллюзорные идеи, утверждающие определенные ценности и нормы и воспринимаемые преимущественно на веру, без рационального, критического осмысления. Неотъемлемым компонентом современного общества является мифологический ресурс, представленный набором определенных политических мифологем. Их использование, позволяет сделать политический процесс более управляемым и прогнозируемым. К тому же мифы обладают колоссальными возможностями для манипулирования общественным сознанием.

Нет более древней формы систематического политического мышления, чем миф, и нет более современной, потому что и сегодня причастность к национальным, социально-групповым, профессионально-кастовым мифологическим комплексам как к обязательной части своей цивилизации, объединяет людей с разным жизненным опытом, уровнем образования и экономическими возможностями. Можно ли назвать такой отрезок истории, где политический миф в основном бы отсутствовал? Условно говоря, политика, если такое можно помыслить, абсолютно рациональна и прозрачна. Даже собственные корыстные помыслы политики переводят на язык разумности и целесообразности.

Но зачем предлагать народу социальные фикции, поскольку реальная картина общественной жизни очевидна для каждого? Кроме того, граждане питают заведомо отрицательные чувства по отношению к любому вымыслу и попытке манипулировать сознанием масс.

Даже в том случае, когда общественные события оказываются результатом выстраданной социальной мысли, когда расстановка политических сил ничем не замутнена, все равно есть место заблуждению, соблазну и добровольному самообману.

Разве мы говорим только об обмане народов? Напротив, мы рассуждаем о мифе как неискоренимом антропологическом обнаружении. Стойким оказывается тот миф, который соответствует ожиданиям людей. Они сами готовы обманываться. Святая ложь нередко воспринимается как истина в последней инстанции.

Политик всегда располагает хорошо оснащенной механикой власти. Не потому ли многие философы пришли к выводу, что миф имеет безоговорочно

конструктивный смысл. Вот что писал, к примеру, Фридрих Ницше: «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер прирожденной силы; обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некое законченное целое». Миф, считает Ницше, обладает огромной скрепляющей силой. Если нет мифа, в обществе начинается бесцельное блуждание». У государства нет более могущественных неписаных законов, чем мифы.

XX веку – большой эпохе технической цивилизации – предназначено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, который имеет принципиальное значение. Вместе с тем, необходимо отметить, что политический миф выполняет крайне важную функцию обеспечения целостности мировоззрения, достижения мировоззренческого консенсуса разных социальных групп. В условиях ценностной неопределенности, перманентного кризиса миф становится своеобразным защитным механизмом социума.

Если миф в древности был стихийным, то сегодня, стихийное мифотворчество заменяется сознательным конструированием мифов.

Каковы же технологии создания политических мифов.

Одной из технологий такого конструирования становится язык: именно он, будучи использован в повседневной жизни, постоянно предоставляет человеку те или другие истины и смыслы, устанавливает порядок, регулирующий их личное восприятие. Язык является основным средством общения в общественной жизни человека. И потому языковые средства остаются одной из важнейших составляющих конструирования реальности, в частности, политической. Так, например, при формировании имиджа государственного служащего, или политического деятеля, лидера использование языка определяет и передает его представление о тех, к кому он обращается, его отношение к ним. Для конструирования политической реальности могут использоваться разнообразные языковые механизмы

Ключевым моментом в таком глобальном информационном действии в периоды крутых исторических переломов – максимально используется существующая система понятий (символов, стереотипов, ценностных установок). При этом происходит изменение внутреннего содержания понятий. То есть, мы сталкиваемся с разрушением привычной системы стереотипов изнутри, когда при изменении содержания понятий, система символов начинает работать против этого общества.

Символы повсюду окружают нас. Мы живем в символическом мире, где любое реальное физическое действие может иметь символический смысл. Возникает символическая коммуникация, результатом которой является воображаемый мир, – мир символический.

Еще одной технологией мифотворчества в процессе конструирования политической реальности становится расширение виртуального пространства. Особенностью сегодняшнего информационно-насыщенного мира является то,

что имитация события, правильно и широко освещена средствами массовой информации, действует по общественному мнению сильнее, чем настоящее событие. Зато реальное событие должно отвечать менталитету человека для того, чтобы быть ему понятным и логичным. И максимально влиять на эмоции, поскольку человек, который привык к ежедневной борьбе за выживание, становится все меньше чувствительным к тому, что не касается его лично.

Для современной виртуальности характерной является ее высокотехнологичность, то есть, компьютерная виртуальная среда – новый посредник всех бывших социальных связей, в частности и символических.

Переосмысливая в связи с этим влияние традиционных средств массовой информации (радио, телевидение, газеты, журналы), уже можно говорить о всестороннем развитии виртуальности как места сосредоточения универсальных дискурсивных практик. СМИ стали основным полем распространения политического языка, культуры, ценностей, других явлений, присущих современной политической системе. Однако с появлением новейших информационных и телекоммуникационных технологий, прежде всего – Интернета, этот процесс приобрел новые признаки: виртуальная среда выделилась в структуре политических коммуникаций, а сам виртуал стал своеобразным потребителем информации, которая формирует соответствующий виртуальный дискурс. То есть, формируется принципиально новый тип символического существования человека, культуры, социума. Именно виртуальность и ее аудиовизуальные образы как ведущая форма влияния позволяет проще всего преодолеть порог критического мышления через эффект информационной перегрузки сознания.

Большое количество структурированной информации, которая подается с помощью аудиовизуальных образов, неожиданные, радикальные идеи или неожиданные последствия из неожиданного их применения, нехватка времени для осмысления новой информации и соотношения ее с реальным положением вещей, стремления человека включить в жизненный опыт и получить пользу с того, что было воспринято как уникальная, интересная или необходимая информация, – все это подталкивает индивида к некритическому принятию представлений, которые детерминируют легитимацию в необходимом субъекту легитимационной политики русле. Виртуальность становится особым миром, который заменяет собой реальность. Сила влияния виртуальности заключается в том, что она дает человеку то, что не смогли дать ни религии, ни идеологии, ни войны, ни революции, ни реформы. Виртуальность освобождает человека от обусловленности повседневных отношений, общественного контроля, вины, требований и обстоятельств, которые выходят из привычных, стереотипных когнитивных и ценностных описаний операционализации социального мира.

Например, такое явление как, Диванные войска — распространенное наименование активных пользователей Интернета, с многозначительным видом выдающих советы властям и политическим деятелям, но реально ничего не делающих для достижения собственной точки зрения. Понятие распространилось весной 2014 года.

Иначе говоря, миф не только упорядочивает информационные потоки, но и приобретает признаки предсказуемого события. Он побуждает к подражанию определенным образцам поведения. Пронизывая общественное сознание, миф способен стабилизировать политическую среду, уменьшить уровень неопределенности политических процессов.

Еще одной технологией мифотворчества в процессе конструирования политической реальности становится политическая реклама.

Во время избирательной кампании политические консультанты и творцы политической рекламы активно работают с мифами политической и общекультурной направленности, которые характерны для целевых групп. С помощью этих мифов можно апеллировать к глубоким слоям психики избирателей.

Мифы активно влияют на сознание людей, в своеобразной форме, воссоздавая действительность. Миф обычно очень эмоционален по своему окрасу и потому весьма эффективен. Как правило, в мифе содержится не больше одной идеи, однако эта идея имеет особенную значимость. Поэтому мифы, активно используются в политической рекламе.

Таким образом, рассмотренные выше технологии мифотворчества в процессе конструирования политической реальности позволяют сделать нижеследующие выводы.

Во-первых, политический миф – это не только конкретные достижения, но и их интерпретация, умение грамотно преподнести идею, которая находится в нем.

Во-вторых, политический миф является не абстрактным, а полностью конкретным понятием, существующим в определенных пространственно-временных рамках.

В-третьих, мифотворчество оказывается тесно связанным с произвольными, но достаточно обоснованными обобщениями, то есть с распространением некоторого открытия или предмета веры на очень широкую область явлений. Такое обобщение достигается с помощью упрощения, которое лучше действует на воображение большого количества людей и становится их общим приобретением.

В-четвертых, упрощенный и произвольно обобщенный миф выходит на уровень коллективного сознания. Такое свойство мифа активно используется идеологией. То есть, миф аккумулирует в себе социально-онтологические характеристики, которые наполняют идеологию конкретным содержанием.

В-пятых, большое количество мифов выступают в качестве политической технологии, формируя соответственно составную часть идеологических течений современности. На смену стихийному мифотворчеству, которое связано с формированием иллюзорного восприятия реальности, приходит процесс сознательного конструирования мифов.

Политический миф стал составляющей веками отработанной и усовершенствованной технологией управления общественным сознанием.

В-шестых, в современных условиях миф все больше приобретает рациональные признаки, с той точки зрения, что становится инструментом

рациональной политики, которая использует миф для реализации прагматичных целей. Парадоксальность заключается в том, что миф, по определению явление иррациональное, все больше служит рационализации политики, желанию реализовать прагматичные интересы и цели.

В-седьмых, политическая мифология является системой политических нормативно-символических конструкций и эмоционально-значимых для членов сообщества политических ориентиров, которые выступают в качестве побудительного фактора политического поведения индивидов и групп.

Следовательно, политические мифы выступают эффективным механизмом конструирования политического пространства, с помощью которых осуществляется формирование оптимальных для власти моделей поведения, общественно-политического климата, укрепления адекватных обстановке стереотипов сознания, настроений, ценностей (справедливость, этатизм, патерналистские настроения). Кроме того, мифы выступают дополнительным средством легитимизации власти, создавая иллюзию причастности граждан к политическому процессу, образ открытой к диалогу власти путем апелляции к общественному мнению. Мифотворчество становится одним из существенных признаков мышления современного человека, а существование личности в искусственно созданном пространстве политических мифов становится характерным явлением общественно-политической жизни.

УДК 316.74

Акимова А. В.,

*Луганский национальный
аграрный университет*

Идеологический фактор Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Одним из важнейших факторов Победы советского народа в Великой Отечественной войне была идеология. Советская идеология формировалась на основе учений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и в общих чертах была закончена в 30-е годы. Начало Великой Отечественной войны обозначило период существенной трансформации советской идеологии, вызванной угрозой существованию советского государства и сформировавшейся системы ценностей, а вследствие этого – необходимостью поиска новых идей и ценностей. Эти ценности лежали за пределами господствовавшей идеологии, которая вынуждена была трансформировать их в свой состав. Эти тенденции требовали перенесения акцента с классовости на государственно-патриотические идеи.

Система пропаганды внесла свои коррективы и если в первые дни войны еще сохранялись классовые иллюзии и надежда на помощь германского пролетариата, то вскоре даже ключевой пропагандистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был вытеснен лозунгом «Смерть немецким

оккупантам!». Именно осознание масштабности и драматичности войны заставило власть отодвинуть в сторону марксистские идеологические постулаты, и еще в выступлении 3 июля 1941 г. И. В. Сталин назвал войну против фашистской Германии всенародной, Великой и Отечественной. Смертельная угроза для страны, государства, народа в драматический период, когда враг стоял у стен Москвы, подтолкнула Сталина к воспоминаниям о героических событиях и именах из тысячелетней русской истории в речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. [2, с.17].

Идеология освобождала общество от религиозного влияния, хотя влияние религии сохранялось, а временами даже возрастало. Современный исследователь Эдвард Шилз связывает востребованность идеологии с необходимостью преодолевать последствия кризисов, неизбежно присутствующих в любом обществе в силу присущей ему конфликтности. Шилз полагает, что само понятие «идеология» можно применить только к таким системам воззрений, которые становятся востребованными в ситуации глубокого социально-политического кризиса. Поскольку мировоззренческие ценности, составляющие основу любой идеологии, по своей силе сопоставимы с силой религиозных убеждений, сама идеология обладает существенным ориентационным потенциалом, который позволяет людям находить выход из сложных кризисных ситуаций [7, с.132].

После тяжелых поражений начала Великой Отечественной Войны Сталин обратился к национальным чувствам русского народа. Они затрагивали жизненные интересы каждого советского гражданина, и были доведены до каждого солдата. Системой пропаганды была разработана система лозунгов, которые с самого начала войны доводились до сведения каждого бойца, а в тылу – до каждого гражданина. Лозунг «Наше дело правое, победа будет за нами!» убеждал народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушал уверенность в неизбежности Победы. Призывы «Все силы народа – на разгром врага!», «Все для фронта, все для Победы!» выражали смысл мобилизации народа в советском тылу. «Смерть немецким оккупантам!» – это была установка для бойцов Красной Армии [2, с.219].

Огромную роль играли радио, пресса, кинематограф с разной степенью оперативности и разными средствами доносившие пропагандистские установки до населения. Со словами «За Сталина, за Родину» советские солдаты направлялись в атаку. И. В. Сталин превратился в символ мудрого вождя народа, противостоящего грозному врагу. Авторитет партии укрепился направлением на наиболее опасные участки фронта сотен тысяч коммунистов, а также массовым вступлением в ряды партии бойцов в боевых условиях.

Целью любой войны является Победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. При этом и народ, и армия должны быть убеждены в своем, прежде всего, моральном превосходстве над противником, и, разумеется, в конечной Победе над врагом. В целом, несмотря на просчеты, допущенные в начале войны, которые стоили стране огромных людских, территориальных и материальных потерь, сталинскому режиму удалось

переломить ход событий и стабилизировать ситуацию. И огромную роль в мобилизации сил народа на Победу сыграли идеологический фактор, целенаправленная политическая работа в войсках и в тылу, опиравшиеся на народную психологию и эффективно ее использовавшие.

В целом, элементы трансформации идеологии, которые имели место в период Великой Отечественной войны, выполнили свою задачу, обеспечив мобилизацию народа на сопротивление агрессору, достаточно прочное единство фронта и тыла даже в самый трудный период войны, когда ни огромные потери, ни временные поражения не смогли поколебать доверие народа к власти. Одним из важнейших итогов Великой Отечественной войны, помимо всех стратегических, геополитических и других результатов, стало существенное изменение официальных идеологических постулатов.

Конечно, трансформация идеологии, произошедшая в годы Великой Отечественной войны, не изменила сущность советской идеологии как системы, а лишь приспособила отдельные ее элементы к требованиям времени. Вместе с тем, патриотическая полоса советской истории, начатая героическим подъемом народного духа в Великой Отечественной войне настолько глубоко вошла в сознание народа, что повлияла на всю последующую эволюцию общества.

Литература

1. Верт Н. История Советского государства: пер. с фр. / Н. Верт.- 3-е изд., испр.- М.: Весь мир, 2006.- 560 с.
2. Великая Отечественная война. 1941-1945: энциклопедия / сост. И.А. Дамаскин, П.А. Кошель.- М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2010.- 447 с.
3. Всемирная история: Вторая мировая война / сост. А.Н. Бадак.- Мн.: Харвест, 2002.- 592 с.
4. Зуев, М.Н. Отечественная история: учебное пособие / М.Н. Зуев. В 2-х кн. Кн.2. Россия в XX - начале XXI века.- М.: ИД «ОНИКС», 2005.- 672 с.
5. История России: учебное пособие / под ред. Л.И. Семенниковой.- 2-е изд., испр.- М.: КДУ, 2005.- 656 с.
6. Соловьёв, Б.В. Цена Победы / Б.В. Соловьёв, В.Н. Суходеев // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 4. – С. 3 - 53.
7. Э. Шилз. Власть и ценности. Shils E.Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, 1975. с.482.

УДК 94:372/8.035.6(470.324)

Борисов М. В., Шендриков Е. А.,
Воронежский государственный аграрный университет
им. императора Петра I
generals78@mail.ru

Военно-патриотическое воспитание школьников и студентов на примере защитников Воронежа времен Великой Отечественной войны

События последних месяцев на Украине отчетливо показали какую опасность представляет недостаточное внимание военно-патриотическому воспитанию детей и молодежи. В результате чего, некогда однородное

общество оказалось расколото на два враждующих лагеря, ненавидящих друг друга и готовых к взаимному физическому истреблению, что, как это ни парадоксально звучит, выгодно США и Евросоюзу.

За последние годы в России незаметно произошла подмена ценностей. Стремление к самопожертвованию во имя великой общей цели сменилось мелкой личной – стремлением к личному обогащению. Для большей части современной молодежи «успешный» – означает богатый. «Эффективные менеджеры» оказались важнее «патриотов».

В осложнившейся международной обстановке необходимо развивать успех и как никогда формировать у подрастающего поколения гражданские качества, среди которых особое место занимает патриотизм. Любовь к Родине и ее истории, чувство ответственности за судьбу своего Отечества лежат в основе высокой гражданской культуры любого человека. На наш взгляд, воспитывать патриотизм необходимо на примерах великой истории нашей страны, в том числе и на примерах Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Исследователь В.С. Шеншина справедливо отмечает, что «материалы истории Великой Отечественной войны имеют большое воспитательное значение. Защищая в эти годы свою Родину, советский народ ценой огромных потерь одержал победу над фашизмом, угрожавшим всему человечеству. Сегодня важно не только восстановить истинный ход событий военных лет, но и запечатлеть его в памяти людей для того, чтобы не допустить повторения ужасов войны. <...> Большое воспитательное значение имеет обращение к историческим образам героев Великой Отечественной войны, которые могут служить примером для подражания у современной молодежи» [1, с.197].

Кроме того, активное изучение истории Великой Отечественной войны позволяет воскресить огромное количество незаслуженно забытых имен защитников Родины, совершивших в разные периоды войны бессмертные подвиги. Не стала исключением и Воронежская область, на территории которой в июле 1942 – январе 1943 гг. шли ожесточенные бои. В ходе этих боев солдаты и офицеры Брянского и Воронежского фронтов, уничтожая противника, совершали массовый героизм.

В Воронеже многие улицы и площади названы в честь защитников города в суровые годы Великой Отечественной войны. Некоторые улицы и площади еще предстоит назвать в честь незаслуженно забытых военачальников генералов М.А. Антонюка, М.М. Попова, П.М. Зыкова и рядовых защитников Воронежа М.Т. Усика, В.А. Конарева, И.М. Шпигунова, Н.С. Петрова и др. Кстати, в настоящее время активно застраиваются те районы города, где в июле 1942 – январе 1943 г. кипели жаркие схватки с немецко-фашистскими захватчиками, в которых отличились бойцы и командиры 60-й армии. Эти люди по праву заслужили то, чтобы их имена навечно были занесены в историю города в виде названий площадей и улиц.

Необходимо подчеркнуть, что против частей 2-й немецкой армии под командованием генерала Г. Зальмута, оккупировавшей большую часть правобережья Воронежа и его окрестностей в основном сражались солдаты и офицеры 40-й армии под командованием генерала М.М. Попова и 60-й армии

под командованием генерала М.А. Антонюка (с 25 июля генерала И.Д. Черняховского), входивших в состав Воронежского фронта под командованием генерала Н.Ф. Ватутина (с 23 октября генерала Ф.И. Голикова).

Наступательные операции по освобождению Воронежа проводились советскими войсками в июле – сентябре 1942 г. Именно поэтому в эти месяцы отличилось наибольшее число солдат и офицеров, впоследствии награжденных орденами и медалями. Ниже приведем несколько примеров героизма и доблести советских воинов, самоотверженно защищавших Воронеж.

В июльских боях за с. Подгорное, прикрывавшее Воронеж с севера, отличился заместитель политрука роты разведки 565-го стрелкового полка (сп) 161-й стрелковой дивизии (сд) старшина В.Е. Туранский, ворвавшись в Подгорное, увидел стоящий без движения наш танк и сразу же бросился к нему. Оказалось, что башенный стрелок убит, а водитель ранен. Туранский оказал помощь водителю, а сам занял место башенного стрелка. Танк вновь пошел разить врага. Старшина Туранский вел разящий огонь по фашистам до тех пор, пока сам не пал смертью героя. Политрук роты автоматчиков 569-го сп Самохвалов трижды был ранен, но не покинул поле боя. Истекая кровью, он продолжал сражаться. Комсомолка военфельдшер З.А. Генералова, будучи сама ранена, не оставила поле боя. Находясь в огне сражения, она оказывала помощь раненым солдатам и офицерам, вынесла с поля боя 38 раненых воинов вместе с их оружием [2, с.43].

Успеху стрелковых рот активно содействовали артиллеристы. В частности, командир взвода 1-й батареи 41-го отдельного противотанкового дивизиона 195-й сд лейтенант С. Набиев, увидев наседавшую вражескую пехоту, приказал выкатить орудие на открытую огневую позицию и лично начал расстреливать пехоту, поскольку в расчете осталось 2 человека. Огнем из орудия он заставил численно превосходящие силы противника прижаться к земле. Однако, вражеские автоматчики, засевшие в крайних домах, продолжали вести стрельбу. В этот момент осколок вражеской мины ранил Набиева в руку. Превозмогая боль, он сделал три выстрела по дому, в котором находились автоматчики противника. В итоге, дом был разрушен, похоронив под своими обломками врагов. В это время второй осколок смертельно ранил Набиева. Умирая, Султан Набиев успел произнести: «Прощайте! Сильнее бейте врага!». Лейтенант С. Набиев посмертно был награжден орденом Красного Знамени [3, лл.452-453].

Успешно руководить боем командование 195-й сд активно содействовали связисты. В частности, старшина телефонно-кабельной роты 564-го отдельного батальона связи 195-й сд старшина В.А. Ковальчук 12 и 15 июля не раз спасал положение. 12 июля в период напряженного боя за город Воронеж между командным пунктом и наблюдательным пунктом командира дивизии прервалась связь. Для её восстановления был направлен старшина Ковальчук. Под ураганным артиллерийско-миномётным огнем он, устранив больше десятка порывов, быстро восстановил связь и, «таким образом, дал возможность управлять командиру дивизии частями в наиболее напряженный момент боя». 15 июля Василий Акимович снова получил задачу установить

связь с наблюдательным пунктом командира дивизии. Под сильным огнём противника он быстро навёл линию и дал возможность управлять боем. При выполнении боевой задачи старшина Ковальчук был тяжело ранен. За проявленную доблесть Ковальчук был награжден медалью «За отвагу» [4, лл.107-108].

Не менее доблестно сражались и танкисты 14-й танковой бригады (тбр) под командованием подполковника С.Т. Стызика. Так мехводитель танка БТ 2-го танкового батальона замполитрука Н.Е. Балаклеев, «когда выбыл из строя помощник командира роты по техчасти, по личной инициативе заменил помпотеха, одновременно истребляя фашистов на своем танке. Из неоднократной бомбежки авиацией противника танк выводил исправным и невредимым. Его танк был в бою на протяжении всех боевых действий батальона. Экипажем уничтожено 2 средних танка и 1 тяжелый танк противника, 1 ПТОр (противотанковое орудие. – *авт.*), 1 пулемет и 1 автомашина с пехотой противника. В последней атаке за населенный пункт Подгорное на горящем танке громил фашистов до тех пор, пока не кончились снаряды». За проявленный героизм Николай Егорович был награжден орденом Ленина [5, лл.252-252 об].

На подступах к Воронежу отважно сражался, проявляя храбрость и находчивость, командир роты танков МК-3 2-го танкового батальона 14-й тбр лейтенант П.Н. Дятлов. В боях против немецко-фашистских захватчиков его «рота действовала смело и уверенно. За время с 28.6. по 8.7.42 года рота уничтожила 8 немецких танков, 5 ПТОр, 2 станковых пулемета и до 100 человек вражеской пехоты. Огнем своего танка уничтожил в районе Гнилуши и Плотовец Курской области 2 средних танка подавил 3 ПТОр и один станковый пулемет противника. Находясь оторванными от тылов проявил находчивость в изыскании горючего для танков, в результате чего все танки роты были переправлены через реку Дон». За боевые заслуги Петр Николаевич был награжден орденом Ленина [5, лл.257-258].

В 14-й тбр наряду с танкистами отважно действовали и санинструкторы. В частности, санинструктор мспб 14-й тбр старший сержант Е.К. Янчевский проявил смелость и умение по оказанию медицинской помощи на поле боя бойцам и командирам. За четыре боя в июле 1942 г. Евгений Каземирович оказал медицинскую помощь и вынес с поля боя 81 бойца и командира с оружием, за что он был представлен к ордену Ленина [5, лл.259-259 об.].

Боевые подвиги защитников Воронежа можно продолжать бесконечно. Память о них, как и о всех защитниках Родины священна. Поэтому очень важно воспитывать наше молодое поколение на боевых и трудовых традициях участников Великой Отечественной войны. В них нашли воплощение лучшие качества: доблесть и героизм, стойкость и храбрость, бесстрашие, готовность выполнить служебный долг в любых условиях.

Что касается воспитания специалистов-аграриев кафедрой истории, философии и русского языка в Воронежском государственном аграрном университете имени императора Петра I, сотрудником которой является автор этих строк, на боевых традициях, то оно стало неотъемлемой частью учебного

и воспитательного процесса. Ветераны Великой Отечественной войны и старейшие работники вуза являются частыми участниками встреч и бесед со студентами.

Кроме того сотрудниками кафедры организуются и ежегодные экскурсии студенческих групп 1-го курса всех девяти факультетов (по графику) в музей истории ВСХИ-ВГАУ с обязательным знакомством с периодом Великой Отечественной войны. Студенты также принимают участие в возложениях венков и цветов к братским могилам воинов, павших в боях за микрорайон СХИ, г. Воронеж и Родину. Вся военно-патриотическая работа с молодежью проводится планово, постоянно и целенаправленно. При кафедре созданы военно-патриотический клуб «Отчизна» и исследовательская группа «Светоч», которые активно ведут военно-патриотическую работу не только среди студентов вуза, но и среди детей и молодежи Воронежа и Воронежской области в целом.

Еще в 2003 г. исследователи А.Н. Злобин, И.В. Иноземцев и В.С. Шеншина пришли к выводу о том, что «обществу навязывается картина ущербности российской истории («тюрьма народов», «империя зла»), неполноценности российского народа, ложные ценности. Если государство и общество не смогут найти ответы на такого рода вызовы, то о духовном оздоровлении общества придется в скором времени забыть навсегда, а без нравственно полноценных, уважающих себя, свой народ и свою страну людей нельзя возродить ни Россию как великую экономическую державу, ни ее политический престиж. Очень важно, чтобы ответы на указанные вызовы носили адекватный научный характер. Здесь необходимо задействовать потенциал исторической науки и исторической педагогики, которые, запечатлевая в памяти народа героические образы прошлого, имеют возможность целенаправленно воздействовать на процесс формирования этнической памяти и национального самосознания. Необходимо помнить, что память это не только сумма знаний, но и сумма ценностных суждений о прошлом, она не может быть бесстрашной. Историческая память выражает отношение современников к событиям прошлого» [1, с.193].

К сожалению, несмотря на принимаемые государством меры, вышеуказанное мнение исследователей остается актуальным и по сей день.

Литература

1. Историческая роль и место города Воронежа в разгроме фашистских войск в годы Великой Отечественной войны. Материалы городской научно-практической конференции, посвященной 60-летию разгрома фашистских войск под Воронежем. 17 января 2003 г. Воронеж: Тип. ТИРЭ, 2003.

2. Бирюлин И.Ф. Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне. Партийно-политическая работа в войсках и прифронтовых районах (июнь 1942 г. – март 1943 г.) – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970.

3. ЦАМО РФ. Ф.33. Оп.682525, Д.135.

4. ЦАМО РФ. Ф.33. Оп.682524. Д.796.

5. ЦАМО РФ. Ф.33. Оп.682524. Д.1001.

Александр Невский как выразитель духовно-нравственного идеала Святой Руси

Одной из первоочередных задач в эпоху цивилизационного разлома и глобального кризиса нравственных ценностей является сохранение и развитие лучших российских социокультурных достижений, одним из аспектов которых является межкультурный диалог и братские отношения между народами. Со времени основания российской государственности лучшие отечественные традиции были связаны с канонами православия, а нравственные идеалы формировались на тысячелетнем духовном опыте веры.

Представители современного евразийского направления считают, что «именно с возвращением к высоким жизненным образцам гениев и подвижников человечества можно связывать надежду на справедливую и конструктивную интеграцию мирового сообщества» [4, с.206].

В период творческого возврата к христианским идеалам и ценностям, к одной из таких великих исторических личностей, бесспорно, можно отнести святого благоверного Александра Невского, которого церковь причислила к лику святых. Как пишет С.М. Соловьев: «Соблюдение Русской земли от беды на востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории от Мономаха до Донского» [7, с.167-168].

Исследуя культуру Древней Руси, А.И. Рогов указывает на то, что «образ Александра Невского проходит через всю древнерусскую письменность, находит отражение в древнерусском искусстве» [6]. Он отмечает, что в каждую эпоху в Александре Невском видели свое знамя в соответствии с задачами, стоявшими перед русским государством – настолько многогранен был этот образ: полководец, государственный деятель, князь-схимник [там же]. До XVI в. А.И. Рогов выделяет две традиции в памяти об Александре Невском: новгородско-псковскую, видевшую в Александре Невском, прежде всего, князя-полководца, и владимирскую, согласно которой Александр Невский воспринимался в первую очередь как князь-монах. Впоследствии, А.И.Рогов обращает внимание на то, что в общерусском почитании Александра Невского с 1547 г., наблюдается синтез этих двух тенденций, в которых Александр предстает в памятниках публицистики и историографии Русского государства многопланово – как мудрый правитель, родоначальник московских государей и как их небесный покровитель [6].

Уже в 20-м веке имя Александра Невского стало символом борьбы народов нашей страны против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

В 21-м веке имя Александра Невского вновь засияло яркой звездой. Его выбрала страна, на проходившем телепроекте «Имя России», по праву считая не только великим полководцем, дипломатом, но и философом, так как именно Александр Невский понял, что благодаря вере у русских возникло национальное самосознание [8,с.1]. Почему же Александра Невского называют философом? Православный писатель А. Солоницын дает такой ответ на этот вопрос: «Потому, что сохранил душу народа, его веру, Православную цивилизацию, унаследованную его предками из Византии. Покорился татаро-монголам, Батью, но вышел оттуда победителем» [там же].

Православие является стержнем русской культуры. Поэтому можно утверждать, что он ее сберег и усилил православные традиции, передавая их потомкам. Как отмечает О. Кудрявцев, А.Невский спас не только Православие, он спас русский этнос, сохранил его для будущего [1].

Однако можно отметить, как и в бытность самого А. Невского, так и по прошествии веков, его политическая деятельность оценивалась неоднозначно. Зачастую критике подвергались как его покорность перед татаро-монгольским игом, так и отход от влияния культуры Запада. Например, западные исследователи немец Амман и поляк Уменский считали, что Невский совершил ошибку, отвергнув союз с папством, такая позиция положила предел западному культурному влиянию на многие десятилетия [3]. Однако, как справедливо заметили А.В. Иванов, Ю.В. Попков, М.Ю. Шишин и др., оценивая деятельность А. Невского, именно «в этот период есть образцы подлинно государственной евразийской политики, когда подчинение Орде мудро используется Александром Невским для предотвращения гораздо большего зла – агрессии со стороны католического Запада» [4, с.17].

Оценку деятельности Св. благоверного князя Александра дает в своей статье «Два подвига св. Александра Невского» Г.В. Вернадский (сын В.И. Вернадского). Он пишет, что «к XIII веку само существование Руси, ее особый культурный мир между Европой и Азией, были поставлены на карту и нужно было выбирать между Востоком и Западом... Выбор русского князя Даниила Галицкого пал на Запад» [2]. Как впоследствии показала история, это был неверный шаг, повлекший за собой колоссальное разорение и уничтожение русского народа в Галицко-Волынском княжестве со стороны татаро-монгольского ига. Со стороны же Запада Даниил так и не дождался поддержки [там же]. Г.В. Вернадский обращает внимание на то, что в отличие от него, Александр Невский свой взор обращает на Восток, чтобы под его защитой отбиваться от Запада. Александр всем сердцем почувствовал, что предстояло поддержать живую энергию русской культуры – православие.

Как отмечает Г.В. Вернадский, латинство было воинствующей религиозною системою, которая хотела покорить себе и переделать православную веру. Монгольская культура не являлась таковой, а проявляла себя как терпимая культурно-политическая система. Спасение православной веры и было основным принципом политики Александра. Его историческая задача была двойкой: защитить границы Руси от нападений латинского Запада и укрепить национальное самосознание внутри границ [2].

Вернадский Г.В. пишет: «Александр видел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность» [там же]. Характеризуя Невского, он указывает, что «Александр Ярославич не только политик и воин: он, прежде всего, глубоко верующий человек и знающий богослов, а его религиозно-нравственная философия была вместе с тем и политической философией» [2]. Два подвига Александра Невского, по мнению Г.В.Вернадского, заключаются в подвиге брани на Западе и подвиге смирения на Востоке. Цель была одна – сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа, и она была достигнута. Г.В. Вернадский делает вывод, что Александр Невский и Даниил Галицкий олицетворяют собою два исконных, но противоположных культурных типа – тип «западника» и тип «восточника». Далее ученый делает вывод, что в XIX веке все это получило большую известность как разделение на «западников» и «славянофилов» [2]. Образы двух русских князей – Даниила Галицкого и Александра Невского он сравнивает с яркими маяками двух мировосприятий, при этом замечает, что «наследием блестящих, но не продуманных, подвигов одного было латинское рабство Руси юго-западной. Наследием подвигов другого явилось великое Государство Российское» [там же].

В настоящее время участились случаи фальсификации страниц мировой и отечественной истории. В этом контексте все чаще звучит неоднозначная оценка и политики Александра Невского. Авторы фальсификаций пытаются очернить его личность, опорочить священное для большинства россиян имя, не считаясь с тем, что Александр Невский – подвижник и символ Святости духовных идеалов Русского культурного мира. В противовес таким рассуждениям, как нельзя, кстати, вспоминается высказывание французского историка А. Рамбо, который, освещая в конце 19-го века историческую значимость деятельности А. Невского, констатирует: «Своей уступчивой политикой, которую нельзя заподозрить в трусости, Александр несколько успокоил истощенную Россию, своими победами над западными врагами он прославил ее и не допустил до отчаяния под гнетом материальным и нравственным» [5].

По сути Александр Невский развил и укрепил социокультурные традиции взаимодействия Руси с Восточным культурным миром, основанные на национальной и религиозной терпимости, которые необходимо изучать и применять к современным историческим реалиям. На примере политики предшественника евразийцев – А. Невского нам сегодня следует учиться искусству мудрой дипломатии, уравнивающей противоречия между Западом и Востоком, при условии сохранения суверенитета и самобытности России. Недаром Александр Невский почитается в МГИМО как родоначальник русской дипломатии. Он сумел выбрать такую форму внешней политики, которая помогла сохраниться русскому народу и тем самым обеспечила ее политическое будущее [1]. Нравственный аспект политической деятельности Невского заключался в знаменитых словах: «Не в силе Бог, а в правде». Патриарх Кирилл, защищая святого, указывает на то, что образ А. Невского

актуален и для России 21-го века. Он выделяет самое главное качество, которое должно быть присуще власти – это безграничная любовь к Отечеству и своему народу. Политика А. Невского совпадает с евразийским мировоззрением – приматом духовных ценностей над материальными. Он понимал, что духовное порабощение хуже политического и религиозное насилие подчас тяжелее физического.

Александр Невский совершенно точно определил, что для России духовное насилие со стороны Запада намного хуже, нежели то, чтобы платить дань за духовную свободу. Считаем, что Александр Невский, бесспорно, является национальным героем России, образом стойкости и независимости политического и государственного деятеля, оплота национальной веры. Его личность – идеал, которому вполне может следовать современная молодежь, так как именно ей принадлежит будущее России, и на ее плечи ложится огромная ответственность за сохранение социокультурных традиций нашей Родины. Народ должен знать, чтить и не забывать героев своего Отечества.

В честь Святого Александра Невского для награждения за военные заслуги еще Петром I был учреждён орден, который в 1917 году был упразднен, в годы же Великой Отечественной войны в 1942 году был снова восстановлен. После распада Советского Союза орден был сохранён и сейчас является единственной наградой, унаследованной от Российской империи в наградных системах Советского Союза и Российской Федерации.

Литература

1. А. Невский взгляд из 21 века // <http://www.mgimo.ru>
2. Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // <http://www.hrono.ru/biograf/nevski.html>.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. – М.: Мысль, 1989.
4. Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности. – Барнаул, 2007.
5. Рамбо А. Живописная история древней и новой России / Пер. с фр. М.: Современник, 1994, – С. 99.
6. Рогов А.И. А. Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в дренерусской письменности и искусстве // <http://www.a-nevskiy.narod.ru/library.html>.
7. Соловьев С.М. Об истории Древней России. – М.: Просвещение, 1992.– 544 с.
8. Солоницын А. Выбор России – святой Александр Невский / Благовест. – № 2. – 2009.

УДК 378.147+504

Стецюк К. В. ,

*Луганский национальный
аграрный университет*

Патриотическое воспитание будущих специалистов в контексте экологических ценностей

Патриотизм – это чувство безмерной любви к своему народу, гордости за него, это переживание за его успехи и горечи, за победы и поражения. Под патриотизмом подразумевается любовь человека к своей Родине,

привязанность к местам, где он родился и вырос, готовность приложить необходимые усилия для процветания и обеспечения независимости отечества. Родина – это территория, географическое пространство, где человек родился, социальная и духовная среда, в которой он вырос, живет и воспитывается.

Отечество – понятие родственное «родине», в которое, однако, следует вкладывать более глубокое содержание, прежде всего нравственное, духовное. Человек может прожить жизнь и «не найти своей родины», не стать ее патриотом, т.е. человеком, влюбленным в свое отечество.

Ценность – это то, чему человек осознанно назначает высокую цену, чем дорожит и ради чего готов жертвовать чем-то другим, платить усилиями, временем или деньгами. Это то, в безусловную важность чего человек верит, ради чего он живет, к чему стремится и чем руководствуется в своих выборах. У каждого из нас есть что-то очень важное, что мы любим, ценим и хотим, чтобы этого в нашей жизни было больше.

С развитием общества и его структурированием, углублением духовности человека усложнялось и ценностное восприятие. Мир ценностей богат и разнообразен, но одной из главных ценностей является окружающий нас природный мир. Сложность и даже драматизм взаимоотношений человека и природы вызывает огромную озабоченность всего человечества. Не случайно, подводя итоги международных научно-практических чтений “Ценности в воспитании подрастающего поколения” (Киев, 1996 г.), А. Сухомлинская к числу наиболее приоритетных и актуальных направлений исследования отнесла формирование ценностных ориентаций экологической направленности [3].

Воспитать целостную личность – это значит привлечь молодого человека к миру человеческих ценностей, выработать у нее ценностные основы отношения к действительности. Одной из главных составляющих этого отношения является отношение к природе.

Высоко оценил роль природы в становлении личности К. Ушинский. Его учебные книги “Детский мир” и “Родное слово” переполнены текстами естественнонаучного содержания. Это были рассказы о животных, растениях, о человеке и его деятельности в природе. Ученый совершенно справедливо считал природу одним из самых могущественных агентов в воспитании человека и настаивал на необходимости воспитания ценностного отношения к ней, начиная с раннего возраста.

В основе отношения личности к окружающему миру лежат его ценности, способы взаимосвязи сознания и бытия, человека и мира. Ценностное отношение индивида к природе – важный компонент экологической культуры личности. Как доказывают ученые (Г. Тарасенко), категория ценности является необходимым условием понимания сущности природы, ее духовных измерений.

Целью профессионального образования в экологической сфере является ориентация студенческой молодежи на посильное участие в охране окружающей среды, её улучшении и в поиске решений экологических проблем. Экологическое воспитание должно раскрыть сущность процессов

взаимодействия человека и природы, их взаимозависимость и необходимость бережного отношения к окружающей среде.

Оно призвано сформировать чувство патриотизма, ответственности перед нынешними и будущими поколениями за сохранение богатств природы. Учебно-воспитательный процесс, используя учебный материал по дисциплинам естественных и гуманитарных циклов, должен формировать у студентов опыт решения вопросов использования природных ценностей.

Ценности природы имеют судьбоносное значение для всего населения планеты. Между тем, отмечает О. Сухомлинская, в градации ценностей экологические ценности природы, окружающая среда, в которой мы живем, занимают чуть ли не последнее место. “До сих пор, - отмечает она, - мы вообще не обращали на них внимание, щедро разбрасывая вокруг себя разрушительные, уничтожающие продукты своей деятельности и в личном плане, и в социальном” [2].

И это в то время, когда всеобъемлющий и абсолютный характер ценностей природы априорно требует от каждого последовательной и устойчивой ориентации на них. Поэтому проблема формирования ценностного отношения молодежи к природе рассматривается психолого-педагогической наукой как одна из наиболее приоритетных. Специфику экологических ориентиров человека относительно природы ученые (В. Захлебный, И. Суравегина, А. Сидельковский, Г. Тарасенко) видят в их универсальности, в том, что “они охватывают свойства природы с точки зрения не только практической, утилитарной ценности, но и познавательной, эстетической, нравственной, экономической” [4].

Следовательно, обращение к экологическим ценностям является не только мощным фактором формирования ценностного сознания студентов, их экологической культуры, но и действенным двигателем развития экологического сознания, мышления, активной гражданской природоохранной позиции. Экологически воспитанный человек должен не только ценить прекрасное в природе, но и участвовать в приумножении этих богатств.

В процессе экологического воспитания формируется определенная система экологических ценностей. Процесс формирования экологически сознательной личности – это многогранный процесс, затрагивающий практически все аспекты развития личности, в частности патриотизм, через систему ее отношений к природному социумом и с самим собой.

Литература

1. Боришевський М.Й. Духовні цінності в становленні особистості – громадянина // Педагогіка і психологія. – 1997. -№1. – С. 144-150
2. Сухомлинська О. Цінності у вихованні: проблеми, перспективи // Шлях освіти. - 1996. - №1. – С.24-27
3. Сухомлинська О. Цінності у вихованні дітей та молоді: стан розроблення проблеми // Педагогіка і психологія. – 1997. - №1 – С. 105-111.
4. Отношение школьников к природе. // Под ред. И.Д. Зверева, И.Т.Суравегиной. -М.: Педагогика, 1988. – 128 с.
5. Ценностные ориентации личности. Пути и способы их формирования. Тезисы докладов научной конференции (22-23 мая 1984 г.) – Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1984. – 84 с.

Символическое насилие

В современной политической науке идет поиск новых, эффективных форм политического воздействия. Одним из базовых элементов политического воздействия является насилие, интерес к которому возник более двух тысячелетий тому назад.

Применение насилия объяснялось принципом «закона природы», где сильные доминируют над слабыми, люди с рождения неравны. Данный тезис разделяли философы-софисты – Каликл и Фрасимах, но наибольшую популярность он получил в эпоху Средневековья.

В эпоху Ренессанса особую популярность приобретает учение Никколо Макиавелли, который рассматривает насилие, как инструмент удержания власти. Насилие следует применять в превентивных целях, когда ослабевает сопротивление, появляется возможность уничтожить предательство в зародыше. По мнению мыслителя, люди скорее будут сопротивляться против того правителя, которого любят, а не против того, которого боятся, насилие можно допускать при агрессивном поведении других субъектов.

С точки зрения социалистов, анархистов и анархо-синдикалистов насилие есть обязательный элемент социальных изменений, другие пути социальных изменений являются неэффективными, так как доминирующий класс не откажется добровольно от своей позиции.

В современной политической науке существует много типологий политического насилия. Одна из самых известных обоснована польским профессором М. Карватом, который выделяет такие типы политического насилия – физическое, примерами которого являются войны, террористические акты, политические убийства и акты самоубийства по политическим мотивам, избияния в тюрьмах.

Психологическое насилие характеризуется деструктивным воздействием на психику человека. Деструктивно воздействует на чувство самоидентификации, смысл жизни, чувство собственного достоинства, мотивацию. К примерам такого типа насилия относятся клевета, насмешка, «промывание мозгов», словесные издевательства, преследования и дискриминация.

Экономическое насилие, которое имеет своей целью уничтожение материальных основ жизнедеятельности отдельных лиц, групп, блокада городов. Примерами являются рабство, колониальное господство, экспроприация, таможенные войны.

Насилие в отношении культуры, оно направлено на уничтожение базовых ценностей и норм, которые являются основополагающими для населения.

Примерами такого вида насилия есть аккультурация, ассимиляция, насильственное насаждение религии, запрет на использование родного языка и т.д.

Моральное насилие заключается в деструктивном использовании основополагающих принципов для самоидентификации человека, результатом чего может являться негативное самовосприятие.

Символическое насилие, суть которого проявляется в возможности изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые в свою очередь могут оказывать непосредственное влияние на его организацию.

Символическое насилие – понятие, введенное в социальную теорию современным французским социологом П. Бурдьё. Он рассматривает и квалифицирует символическое насилие как неизбежный атрибут всякой власти. Государственные властные структуры сохраняют и укрепляют свои критические полномочия как с помощью осуществляемого ими непосредственного принуждения и прямого насилия, так и благодаря тому, что исходящие от них инициативы и акции выглядят в глазах граждан легитимными.

Для успешного функционирования государственной власти необходимо целенаправленно, систематически и повсеместно осуществлять не столько прямое, обычное, сколько символическое насилие, т. е. навязывать гражданам, внедрять в их сознание выгодную властям иерархию норм и ценностей, апологетически ориентированную систему значений и смыслов. Эта практика, если она проводится неуклонно на протяжении достаточно длительного времени, дает в результате требуемый эффект: навязываемые обществу идеи, принципы, нормы, ценности, смыслы, оценочные стереотипы приобретают для массового сознания привычный, само собой разумеющийся, почти естественный характер. Таким образом, государство укрепляет нужную властям модель отношений господства-подчинения.

Так, что бы сохранить в массовом сознании украинцев постреволюционный синдром, начались военные действия и фактически необъявленная война. Энтузиазм людей продолжался в другой форме. По данным социологических исследований, 35% населения давали деньги на армию. Это очень много. 25% помогали беженцам, давали еду, одежду и т. д. По словам, руководителя Фонда «Демократические инициативы» Ирины Бекешкиной, это скорее осознание активной частью населения необходимости поддерживать власть, по крайней мере, в определенном аспекте, пока идет война. Если бы войны не было, возможно, активность этих активистов была бы обращена в другую сторону.

Символическое насилие предполагает такое состояние массового сознания, как «незнание». Для властей наиболее предпочтительным является бессознательное, дорефлексивное принятие людьми навязываемых им нормативно-ценностных стереотипов, господство упрощенных, неполных, искаженных, мифологизированных представлений о сущем и должном, необходимом и запретном. В перманентной ситуации «незнания» люди охотно признают легитимность любой, в том числе авторитарно-полицейской,

тиранической, тоталитарной власти и не склонны препятствовать символическому насилию над их сознанием и поведением, спокойно перенося дефицит свобод и естественных прав.

Массовое сознание очень подвержено психологическому воздействию СМИ, оно аморфно и быстро реагирует на ту или иную информацию. С помощью СМИ человека можно убедить и переубедить в чем угодно, это только вопрос времени. Именно Масс-Медиа заставляют нас относиться так или иначе к каким-то событиям, новостям, где якобы мы сами формируем свое мнение о происходящем. На самом деле не для отдельно взятого человека, а для массы создается определенная реальность, в которой человек думает, действует и мыслит как надо тому, кто стоит за этой реальностью. Таким образом, Масс-Медиа искусно прикрывают все те пробелы, которые существуют в государстве.

Ярким примером воздействия СМИ на массовое сознание являются результаты социологического исследования проведенного Центром Разумкова с 6 по 12 марта 2015 года «Оценка гражданами ситуации на Донбассе».

Подавляющее большинство граждан Украины считают, что Россия является государством агрессором, стороной конфликта на Востоке Украины (71,8%), а ДНР и ЛНР – террористические организации, которые не имеют права представлять население соответствующих территорий (66,1%). Причем, такого мнения придерживаются абсолютное или относительное большинство во всех регионах Украины.

32,8% опрошенных считают, что следует продолжать АТО к восстановлению контроля Украины над оккупированными территориями, 30,6% поддерживают предоставление этим территориям особого статуса в составе Украины, а 17,9% поддерживают отделение этих территорий от Украины. В то же время, относительное большинство респондентов (47,9%) поддерживают прекращение любых экономических связей между Украиной и территориями ДНР и ЛНР (включая социальные выплаты, поставки энергоресурсов, закупку угля и т.д.) до полного установления Украиной контроля над этими территориями. Эту идею поддерживают абсолютное большинство респондентов на Западе (74,7%) и в Центре Украины (53,7%), и не поддерживают абсолютное большинство опрошенных на Востоке (50,1%) и Донбассе (52,8%). Отношение к этой идее на Юге Украины неоднозначно.

Относительное большинство респондентов (48,6%) поддерживает мнение, что граждане Украины, которые поддержали российскую агрессию против Украины, аннексию Крыма, сепаратистские движения на Востоке и Юге, надо лишать украинского гражданства. Поддерживают такое мнение абсолютное большинство жителей Запада (77,4%) и Центра (56,0%), не поддерживают - абсолютное большинство жителей Донбасса (50,0%).

В украинском обществе не существует единодушия в оценках текущих результатов Минских договоренностей. Положительно их оценивают 34,0% опрошенных, отрицательно – 22,2%, нейтрально – 25,5%. Остальные опрошенные затруднились с ответом или ничего не знают об этих договоренностях. Нет единого мнения и в каждом из регионов, за исключением

Донбасса, где 57,1% положительно оценили текущие результаты договоренностей.

Ограничение на использование физического насилия против собственных граждан, ещё не означает того, что государство не использует другие виды насилия.

Литература

1. Буренок А. И. Феномен политического насилия. Типология политического насилия // [Электронный ресурс] // http://epsy.fa.ru/publ/samoopredelenie_lichnosti_v_period_innovacionnogo_razvitiya_rossii/burenok_a_i_fenomen_politicheskogo_nasilija_tipologija_politicheskogo_nasilija/3-1-0-60
2. Bourdieu P. Sur le pouvoir symbolique. Annales. Economie. Societe. Civilisations. – 1977. – № 3. – P. 405–411.
3. Пьер Бурдьё. О символической власти. Перевод с французского Н. А. Шматко. Социология социального пространства. Сборник статей. — М. : 2005 / [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 2009.04.27. URL : <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3052>
4. Пьер Бурдьё, Ж. К. Пассрон. Основы теории символического насилия / [Электронный ресурс] // <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032824/06bur.pdf>
5. Украина: состояние массового сознания глазами социолога <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/novosti-sociologii/ukraina-sostoyanie-massovogo-soznaniya-glazami-sociologa>
6. Результаты социологического исследования проведенного Центром Разумкова с 6 по 12 марта 2015 года «Оценка гражданами ситуации на Донбассе» // Официальный сайт Центра Разумкова [Электронный ресурс] // http://www.razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=608

УДК 94 (470)

Заббарова Э. Ф.,

*Казанский государственный
аграрный университет
endje78@mail.ru*

Духовно-нравственный потенциал советского человека в Великой Отечественной войне

Великая Отечественная война – это героическая эпоха отечественной истории. Вечная актуальность этой темы может и должна быть обеспечена воспитанием исторического сознания поколений. Каждое поколение российского общества будет ответственно за это перед отечественной и мировой историей. Наша общая задача - превратить дело Великой Победы, правду о Победе в действующее оружие по формированию и укреплению патриотизма во всех слоях нашего общества и особенно молодежи в борьбе за сильную и процветающую Россию.

Великой мы называем нашу Победу по той причине, что она была одержана в великом противоборстве советского многонационального народа с фашистской Германией, с небывало мощным и жестоким врагом, вознамерившимся уничтожить Советский Союз. Великой наша Победа была и

потому, что вооруженная борьба по своим масштабам превзошла все до сих пор известное человечеству. Она стоила нашему народу величайших жертв, колоссальных усилий и длилась почти 4 года - 1418 дней и ночей. Победа стала Великой и потому, что впервые в истории страна молодого коммунизма разгромила "цивилизованную Европу" и правящий класс весильной буржуазии.

С величайшим восхищением необходимо отметить, что советские люди воевали за победу всюду: на фронте, в тылу у станков и за плугом; в подполье и партизанских отрядах на всей территории, захваченной врагом.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. - знаковое событие не только отечественной, но и мировой истории. Её семидесятая годовщина побуждает всех нас вновь обратиться к событиям военной поры, к истокам мужества и патриотизма тех, кто выстоял и победил в самой тяжёлой и кровопролитной в истории человечества войне. Именно Советский Союз, его сражающаяся армия и народ стали главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству.

В современной научной литературе для обозначения возможностей, заложенных в духовной жизни общества, которые могут быть использованы в случае ведения войны для достижения ее политических целей, используется категория «духовный потенциал общества (народа)». Содержание духовного потенциала «находит свое выражение в определенных ценностях, идеалах, идеях, теориях, концепциях, программах и лозунгах, общественных символах, взглядах, традициях, привычках, нравах, которые, как правило, базируются на общенациональных ценностях» [1, с. 67]. В Великой Отечественной войне противоборствовали не только противоположные социально-экономические системы, вооружённые силы и военные стратегии, но и две принципиально различные системы ценностей и идеологий. Фашизм как идеология проповедовал культ силы, расизм и крайний шовинизм - «превосходство арийской расы», необходимость завоевания для Германии «жизненного пространства». В этом духе пропагандистские службы нацистской Германии вели интенсивную идеологическую обработку населения. Особое значение придавалось воспитанию ненависти к коммунизму, коммунистам, советским людям. Что касается духовного потенциала советского народа, то он был сформирован всем предвоенным социалистическим бытием, которое во многих своих проявлениях оказалось адекватным историческому бытию русского и других народов, связавших с ним свою судьбу.

В контексте названной темы правомерно говорить о том, что каждое общество, народ, создают свою военную культуру, как систему сохранения и передачи социально значимой информации необходимой для вооруженной защиты своей независимости, территории и обладающей специфическими чертами. Главный признак военной культуры – это ее национальный характер. Военная культура российского общества имеет существенные особенности по сравнению с военными культурами других стран. Ее военные традиции насчитывают более чем тысячелетнюю историю. Существенными факторами, влиявшими на ее формирование и развитие, явились геополитические и

социальные условия. Огромные территории, большие сухопутные и морские границы, отсутствие естественных препятствий, ограждающих ее от набегов восточных и западных соседей, вынуждали Россию к созданию мощной армии. Для народов России характерны широкое проявление чувств патриотизма, готовность с оружием в руках встать на защиту своего Отечества. За годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) в СССР было подано 20 млн. заявлений от добровольцев с просьбой зачислить в Красную Армию [2, с.143].

Словом, в Великой Отечественной войне победили ценности более прогрессивного общества. Российская, советская цивилизация и ее культура на поле брани доказали свою жизнеспособность, огромные внутренние резервы, высокий духовный потенциал.

Литература

1. Янаков А.Т. Духовный потенциал российской цивилизации как фактор военной безопасности государства//Дисс. ... канд. филос. наук. - М., 2003. - С. 103.

2. Артамонов В.А. Боевой дух Русской армии XV – XX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с.

УДК 94(100):378.035.6

Крикунова С.Т., Катеринец С.Л.,

*Луганский национальный
аграрный университет
ph-dep.lnau@mail.ru*

Единство советского народа – решающий фактор победы в Великой Отечественной войне

Великая Отечественная война – событие всемирно-исторического значения. Победа в ней Советского Союза в значительной степени определила ход и характер послевоенного мирового развития, а так же оставила неизгладимый след в сознании миллионов людей, стала для них важнейшим событием как личной биографии, так и вехой исторической памяти. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, подавляющее большинство россиян и сегодня оценивают Великую Отечественную войну как одну из важнейших событий мировой и отечественной военной истории XX века [Дружба О.В. - 2006]. Особое отношение сложилось и к празднику Победы в Великой Отечественной войне, он имеет не только официальный государственный статус, но стал частью этнокультурной традиции, является подлинно народным. Разгром фашистской Германии был результатом усилий многих стран, но основной вклад в победу внесли народы Советского Союза. Они же заплатили за нее самую большую цену. На 1941 год население СССР насчитывало 196,6 млн человек, а на начало 1946 г. – 167 млн человек. По официальным данным война унесла более 27 млн жизней. Это в 40 раз больше потерь Британии и в 70 раз – США.

Среди причин победы советского народа в Великой Отечественной войне можно указать следующие: огромные мобилизационные способности СССР

(население и ресурсы); героизм войск и тружеников тыла; способность общественной системы действовать в экстремальной ситуации; подъем патриотизма; огромные пространства, непривычные для фашистов климатические условия, помощь союзников. Но особенно следует акцентировать внимание на моральном духе, героизме советского народа, стойкости Советских Вооруженных Сил. Перед лицом угрозы порабощения и физического уничтожения немецко-фашистскими захватчиками, многочисленные народы и народности СССР, по сути, стали единственным народом, который мыслил и говорил, не иначе как «Наша Родина», «Мы победим», а в атаку шли со словами «За Родину». Это явилось важнейшим слагаемым превращения страны в единый военный лагерь. Советский солдат, в отличие от немецкого, сумел через всю войну пронести лучшие черты своего многонационального характера: самоотверженность и моральное благородство, бесстрашие и воинскую доблесть, оправданный риск [Поляков Ю.А. - 1995]. Неся всю войну неведомые никому перегрузки, советский воин продемонстрировал высочайшее чувство товарищества, дружбы и окопного братства с представителями всех социальных слоев общества, а так же с представителями всех народов и народностей страны, что было важно для многонационального государства – Советского Союза. Такая сплоченность, вера в Победу нашла свое отражение и среди практически всего населения страны. Повсеместно в ходе войны возросла творческая и трудовая активность рабочих, крестьян, интеллигенции, которые в ходе войны изменили масштаб своего мышления. Социально – политическое сплочение было обусловлено и тем, что большинство населения СССР доверяло руководству страны.

В результате победы в Великой Отечественной войне неизмеримо вырос авторитет СССР в мире, расширились его связи с другими государствами, возросла роль влияния на весь облик послевоенного мира в сложившейся системе биполярного противостояния второй половины XX столетия.

Война еще раз подтвердила, что решающей силой истории и главным творцом победы в войне является народ. Ведь сила народа в его единении, его духовной сплоченности, в справедливости тех целей, во имя которых народ ведет вооруженную борьбу.

Исторический опыт показал, что против войны надо бороться до того, как она началась. Для этого требуется сплочение всех миролюбивых сил консолидации общества. Подтвердилось, что такое сплочение не только возможно, но и осуществимо. С военной опасностью необходимо бороться постоянно, настойчиво и решительно.

Литература

1. Дружба О.В. Великая Отечественная война в массовом историческом сознании / Цивилизация и человек: проблемы развития. Материалы региональной научно-теоретической конференции. – Новочеркасск, 2006.
2. Поляков Ю.А. Истоки победы, или что защищали народы СССР в Великой Отечественной войне / Ориентир. 1995. №2. С.3-11.
3. www.dissercat.com (content) velikaya otechestvennaya voina

Украинская поздравительная открытка к 9 Мая как культурный феномен

9 Мая – День Победы – государственный праздник не только в Российской Федерации, но и для других государств, в т.ч. некогда входивших в состав СССР или участвовавших во Второй мировой войне. С 1965 г. в СССР на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР возвращается 9 Мая праздничная форма, в которой этот день отмечается парадом, салютом, шествиями, митингами и другими мероприятиями. Параллельно с этими формами складывается традиция поздравлять не только участников войны, но и широкие слои населения. Советская почтовая индустрия активно налаживает выпуск поздравительных открыток. Их выпускают разные издательства страны: «Советский художник» (Москва), «Художник РСФСР» (Ленинград), «Правда», Воениздат и др. Тираж каждой открытки мог быть от нескольких тысяч до одного миллиона экземпляров. К созданию открыток привлекались известные мастера изобразительного искусства советских республик (в последние годы к ним присоединились дизайнеры): Лесегри, А. Любезнов, А. Щедрин, А. Бойков, В. Степанов, Г. Ренков, И. Дергилёв, В. Ерьсько, Е. Куртенко, В. Чмаров, В. Милов, П. Смоляков, Е. Самойленко, Б. Столяров, Ю. Ряховский, А. Плетнёв и др. Творчество многих из них – это яркие страницы советской почтовой миниатюры, в которой были разработаны и созданы образно-символические системы, несущие высокое гуманистическое значение изобразительной практики.

В советской филокартии поздравительные открытки, посвященные государственным праздникам, занимали особое место, являясь с одной стороны средствами пропаганды, с другой стороны – элементом повседневной советской культуры и патриотического воспитания широких слоев населения. В то же время, учитывая важность этих позиций, к открыткам предъявлялись высокие художественные требования. С течением времени в данном виде изобразительного искусства выработалась конкретная система образно-символического наполнения, активно используемая художниками и мало изменяющаяся.

Ядро семантической области идеи патриотизма образует понятие «родина» – как социальная, политическая, семиотическая и культурная среда обитания народа, совпадающая в своих основных предметных признаках с понятием «нация», поэтому в настоящее время её теоретическое осмысление осуществляется не только в трудах по политологии, психологии, этике, но и в работах по культурологии и межкультурной коммуникации. «Определения родины преимущественно апофатичны: это то, что остается от страны за вычетом географии, демографии и политического устройства», – считают С.Г. и

Е.А. Воркачевы. Они предлагают принять разделение «большой родины» на гражданскую, историческую и этническую. Эти понятия объединяют в единое целое – «большая родина» - два значимых события – Война и Победа (АиФ, 2005, № 20). В рабочем определении «родина» они предлагают принять следующее: «родина – это предел расширения «персональной сферы» человека, включающей все, что он считает «своим», имеющим то или иное отношение к его личности». В свете этого в данной статье мы рассмотрим советский филокартический материал (на примере украинской открытки), посвященный Победе, т.е. 9 Мая.

В символическом ряду почтовых открыток выделяют три группы символов. Первую группу (первичные или основные) составляют символы государственности (государства, государственной власти), вторую группу (вторичные) – общепринятые символические образы широкого использования (или народная символика), третью группу (дополнительные, уточняющие) – специальные символы, характеризующие заданную тему рассматриваемых примеров.

К первой группе – символов государственности – относятся сами государственные символы (герб, флаг, гимн, государственные награды), установленные конституцией соответствующего государства. Они являются исторически сложившимися, отличительными знаками конкретного государства, олицетворяющими «его национальный суверенитет, самобытность, а иногда также несущие определенный идеологический» (Символы государства / авт.ст. С.А. Авакьян. Конституционное право. Энциклопедический словарь. — М.: Норма. 2001).

Главный цвет открыток, преобладающий в изобразительном процессе, – красный - символизирует в отечественной (славянской) культуре кровь, жертвенность, победу. Одновременно он выступает семантическим заменителем государственного флага СССР. В ряде украинских открыток мы можем встретить использование бархата знамени и как государственного символа (1974, И.Г. Бондаревский; 1981, И. Дергилёв) и как собственно фон в изобразительном поле (1967, Ю.Г. Кудь; 1980, Ю. Яроменок, А. Яроменок). Есть такие открыточные сюжеты, в которых фоном выступают государственные флаги всех республик СССР (1975, Н.И. Сом) или могут быть закомпанованы флаги видов и родов войск СССР (1975, А.Ф. Пономаренко; 1982, В.А. Лисецкий). Собранные в семантическое и композиционное единство флаги Республик Советского Союза и видов и родов войск, представляют собой идеальную композицию с точки зрения, как геральдики, так и вексиллогии. Они четко вписываются в общий замысел флага СССР, неся в себе признаки национальной культуры или географического расположения. Они задают торжественность и государственную значимость почтовому объекту, который становится важным элементом патриотического воспитания.

Другие государственные символы как герб СССР, гимн страны не встречаются на поздравительных открытках, как впрочем и республиканский украинский герб.

В то же время активно используются в символическом ряду государственные награды - ордена Победы (1967, Ю.Г. Кудь; 1970, Т.И. Скрибицкая), Славы (1970, О. Ларин), Отечественной войны (1974, 1980, А.Ф. Пономаренко). Все эти три знака имеют парадигматические отношения, т.е. будучи разными ситуационно, в открытке они приобретают единое обозначение – «9 мая. День Победы».

Разовым употреблением можно назвать обращение к изображению других наград, относящихся к теме ВОВ, например, медали «За оборону Киева» (1962, Р. Цессин), «За победу над Германией» в сочетании с «За военные заслуги» и орденом Отечественной войны (1988, Т.И. Старошук). Сочетание медали «За отвагу» и ордена Славы (1990, А.О. Горобиевская).

Традиционно ордена могут сопровождать соответствующие ленты. Орденские ленты (или планки) могут использоваться непосредственно вместе с конкретным орденом, а могут быть изображены отдельно, тем самым с одной стороны являясь заместителями образа ордена, а с другой – обретая самостоятельное значение и самостоятельность быть самостоятельными элементами и образами. Есть пример, когда всё основное изобразительное поле открытки – это перечисление лент основных наград ВОВ (1987, Б.М. Войтович; 1989, Л. Зайцев).

Таким образом, государственные (первичные) символы присутствуют на поздравительных открытках к 9 Мая, изданных на Украине, и используются в соответствии со своим прямым назначением. Их использование в семантическом поле почтового отправления характеризует его как носителя образа «большой родины», т.е. «родины-государства» или «родины гражданской».

Ко вторичными символами победной тематики следует отнести несколько видов символов: город, произведения искусства (архитектура, скульптура), цветы, герой (человек) и др. Каждая страна помимо официальных имеет и ряд неофициальных символов и эмблем, т.е. «народных», которые обозначают или символизируют для государства свою историю, культуру, быт. Так в советское время неофициальным символом страны через смысловую пару «Москва – столица СССР» считается изображение Кремля.

Именно Кремль как символ государственности является основным изобразительным сюжетом в «победных» советских открытках, как и на украинских. Он изображается с высокой точки зрения, панорамно либо частично в виде конкретного образа – Спасской башни, получившей также официальное и общенародное признание как символ столицы СССР. К этой же группе следует добавить изображения Красной площади как символа центра страны, ее средоточия, символа исторических и революционных традиций русского (до 1917 г.) и советского (после 1917 г.) народа. Использование образа площади идет через демонстрацию главного события, сопровождающего День Победы – военного парада и салюта. Салют на «победных» украинских открытках представлен как реальное фотографически исполненное явление (1974, А.Ф. Пономаренко), так и декоративно оформленное – из россыпи

цветов, звездочек, всполохов цвета и пр. (1972, Т.И. Скрибичкая; 1977, Ф.Д. Калюжная; 1982, А.Ф. Пономаренко).

На поздравительных украинских открытках XX в. встречаются в качестве неофициальных символов СССР и эмблем произведения скульптуры. Наиболее часты в употреблении следующие образы:

- скульптура «Воин-освободитель» из Трептов-парка, один из трёх советских военных мемориалов в Берлине (1949, Германия, скульптор Е. В. Вучетич). Это наиболее популярный символ в «победных» открытках советского времени.

- скульптура «Родина-мать зовёт!» - образ Родины, зовущей своих сыновей на бой с врагом. В художественном смысле статуя представляет собой современную интерпретацию образа античной богини победы Ники, которая призывает своих сыновей и дочерей дать отпор врагу, продолжить дальнейшее наступление. Она является композиционным центром памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» (1967) на Мамаевом кургане в Волгограде (скульптор Е. В. Вучетич).

Среди других скульптурных композиции используются образы других монументов из ансамбля «Мамаева кургана», а также памятники ВОВ, имеющие быть на территории Украины – монумент «Родина-мать» мемориального комплекса в Киеве (открытка 1985), памятник – танк Т-34 – танкистам-освободителям Киева (открытка 1970), Памятник-музей освободителям Киева (1962, 1968), памятник Воину-освободителю в Харькове (2000-е гг.)²² и др. Именно эти скульптурные формы стали главными символами Победы на Украине в душах и умах советских людей и столь ярко проявились в творческих решениях художников почтовых миниатюр.

Именно образы политука и самих воинов легли в основу сложения в принципе образа солдата – участника войны. Несмотря на то, что и для самих скульптурных произведений требовались модели, которыми выступали живые, конкретные персонажи, в итоге из-под кисти и пера художников выходит обобщенный образ солдата. Так художником Ю.П. Мохор (1984) создается обобщенный образ солдата-освободителя мира. Изображенный в полный рост, в форме с разлетающимися крыльями плащ-палатки и автоматом наперевес, он, улыбаясь, машет букетом приветствующих его, олицетворяя защитника целого мира. За спиной мужчины символическое изображение земного шара, составленное из написания слова «мир» на разных языках. Уже в увеличенном масштабе – погрудный портрет своего героя Ю.П. Мохор дает на открытке 1985 г., изображая улыбающееся лицо воина в обрамлении букета разноцветных роз. Идея связи поколений и неразрывности памяти лежат в основе рисунка художника Г.О. Горобиевской (1985), где в домашней обстановке внук, одетый в гимнастерку и каску, поздравляет деда-ветерана, преподнеся ему букет

²² В основу Памятника комбату из Мемориала «Памятник подвигу политработников» (1980, Славяносербский район Луганской области, Украина) лег знаменитый снимок «Комбат» Макса Альперта (1942). Этот образ неоднократно встречается на советских открытках «победной» тематики.

тюльпанов. А на открытке Ю. Михайлова (1971) изображены представители народа: дед-партизан, девушка-работница, железнодорожник, интеллигент, идущие за солдатом-победителем, символизируя единение и силу всего народа.

Своё немаловажное место в изобразительном поле художественной открытки занимает «цветочная знаковая система». Использование этой системы наряду с «орденской системой» дает специфические комбинированные композиции в объемах задействованных символических элементов. Элементы «орденской системы» строго ограничены и конкретны в содержательном и символическом планах. В свою очередь «цветочная система» более обширна (гвоздики, цветущая яблоня, тюльпаны, незабудки), использование ряда ее объектов носит относительный характер, их комбинаторика более обширна.

В то же время набор исходных знаков обеих систем не очень велик. Однако все возникающее многообразие их комбинирования замыкается на главной идее – величия Победы и памяти ее героев. При этом за каждым цветком сохраняется его исходное символическое наполнение. Подключение цветовых значений и участие ряда других символических систем (например, визуальных образов – здания, скульптура, памятные формы, человек) способны увеличить художественное звучание и мощь эмоционального впечатления.

Для украинской открытки цветочная тема отражает прямую связь с народным творчеством, характеризующимся активным использованием цветочной орнаментики, открытого (мажорного) цвета, условно-схематическом изображении конкретных образов цветов. Красочность изобразительных элементов сочетается с их знаковым смыслом (гвоздика – символ свободы, революционности и памяти; тюльпан, яблоня – символы весны; незабудка – символ памяти и рисуночное олицетворение формулы «Никто не забыт, ничто не забыто», неоднократно встречающийся в сочетании с изображением фронтового письма и т.д.). Наиболее активно цветочная тема прозвучит в почтовых формах в 1990-х и 2000-х гг.

Таким образом, используя символические формы как знак города (или его части), скульптурные памятники, цветочную символику, советские художники на почтовой открытке сформировали представление о родине как родине этнической, отождествляемая с народом и его культурой.

Третью «тематическую» группу составляют знаковые формы, самым прямым образом связанные с темой «Победа в ВОВ».

Как постоянный символический элемент 9 Мая, начиная с 1950-х гг., одновременно с Орденом Отечественной войны начинает использоваться, обретая всё большую образную самостоятельность, его лента – три черных полосы и две желтых. Будучи структурным художественным включением, она создает праздничный настрой и конкретизирует содержательную часть. Ее присутствие соотносится именно с победной датой и служит своеобразным заместителем изображения солдатской награды, т.е. подчеркивая роль рядового солдата в Победе СССР над фашизмом. Обретя в 2005 г. значение акции памяти, «гвардейская ленточка» стала прочитываться как «георгиевская», по-

прежнему оставаясь заместителем символа солдатской награды. Ее изображение встречается на каждой второй открытке «победной» темы.

В советской культурной традиции своеобразным синонимом образа «победителя» считается солдатская звездочка с пилотки. Ее изображение встречается как реалистично воспроизведенный объект (1972, И. Микловда; 1973, Е.А. Дерлеменко и В.В. Лисовский; 1989, Л. Зайцев), так и объект условно-схематичного характера (1971, И.А. Кропивницкий; 1973, Т.П. Скрибицкая). В то же время на открытках она может быть и синонимом звезды Кремлевской башни ((1976, Т.П. Скрибицкая).

Особую подгруппу в третьей группе составляют почтовые примеры, на которых запечатлены панорамные виды или символические объекты городов-героев. С 1985 г. городов, получивших в нашей стране высшую награду – Золотую Звезду Героя СССР насчитывается 13. В это число входит столица Украины город-герой Киев. Образ города-героя на «победных» открытках складывается как из собственно городских видовых сюжетов (1988, Л.А. Жданова), так и из панорамных или фрагментарных видов на главные мемориальные комплексы (1985, Л. Матяш). Киевские «победные» сюжеты выходили как во всесоюзных сериях (1976, 1981, издательство «Правда»), так и, например, в издательстве «Мистецтво». Они обычно имели единый характер композиционно-художественного решения.

Первые советские поздравительные открытки к 9 Мая конца 1940 – 1950-х гг. часто содержали в изобразительном поле репродукции известных военных плакатов, позднее к ним добавилось использование самостоятельных работ известных советских художников. Самым популярным цитируемым сюжетом стала картина заслуженного художника РСФСР П. Кривоногова «Победа» (1973, Х. Карачик).

Таким образом, совокупность символов третьей группы в художественном пространстве открытки дает нам представление о родине как родине исторической, т.е. имеющей свою, неповторимую историческую практику, которой каждый ее участник гордится как и собственной историей семьи.

Из вышеизложенного следует, что поздравительная открытка 1940-2000-х гг. прошла долгий путь сложения комплекса художественно-культурных элементов семантического наполнения, которые в совокупности создали лингво-культурологический концепт «родина», представляющий собой сложную форму. Его понятийный объем составляет сочетание «родины большой», «родины государственной», «родины этнической» и «родины исторической», в целом аналогичный существующему понятию для общей советской поздравительной открытки. В этом проявляется с одной стороны общность культурно-исторических традиций советского народа как представителей разных национальностей (входивших в состав единого государства – СССР), а с другой стороны - высокое значение исторической Победы как Победы всего советского народа.

Литература

1. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Идеология «родина» в русской лингвокультуре // Концепт. – 2014. – № 4 (электронный ресурс).
2. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 543 с.
3. Символы и регалии России. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2006. 255 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.
5. Тагрин Н.С. Мир в открытке. - М., 1978.128 с.

УДК 130.2

Полищук В.И.,

*филиал Тюменского государственного
университета в г. Ишиме
v.i.p.1945@mail.ru*

Нетерпимость в культуре

Нетерпимость в России даёт о себе знать на каждом шагу. Она проявляется в межличностных отношениях, в неуважении к морали, к истории, в циничном отношении к окружающим, к их праву на свободу, покой и благополучие. По данным ВЦИОМ, опубликованным несколько лет назад, на вопрос о том, как изменилось российское общество за последнее время, 51% опрошенных отметили рост цинизма. И это несмотря на тысячелетний опыт Русской православной церкви по воспитанию терпимости. Россия, конечно, не исключение, и всё же в вопросе о нетерпимости, как и во многих других, у неё «особенная статья». Но начать необходимо с вопроса о росте в культуре нетерпимости вообще. Естественно, невозможно свести все факторы, её обуславливающие, к какой-либо одной причине. Но можно отметить более или менее общую предпосылку возросших в обществе агрессивности и нетерпимости. Я имею в виду, прежде всего, утрату идентичности, или кризис идентичности, о котором в последние годы много говорят и пишут философы, социологи, психологи, политологи. Этот кризис означает утрату человеком устойчивого представления о своём месте в быстро изменяющемся мире, о самоценности собственной личности. Следствием такого кризиса является рост неопределённости в сознании и чувства тревоги, неуверенности в будущем, утрата душевного покоя и равновесия, а в каком-то смысле – утрата самой души. Чтобы быть понятым, приведу небольшую иллюстрацию в виде притчи. Бедуины верят, что душа человека может перемещаться в пространстве не быстрее бегущего верблюда; если же человек передвигался с большей скоростью, он должен остановиться и подождать, пока душа догонит его.

Ясно, что скорости современной цивилизации редко позволяют кому-либо ожидать свою душу. Отсюда и бездушность культуры, то есть такое её состояние, в котором человек не ощущает своей значимости и самобытности. А когда он не может утвердиться в самом себе, он ищет возможности самоутверждения вне себя. Он ведёт себя как ребёнок, который старается привлечь к себе внимание и заявить о себе любым способом. Обычно это

примитивные и необдуманные способы. Как следствие этого – раздражительность, то есть реакции на уровне простой физиологии, немотивированная агрессивность и нетерпимость ко всему, что нарушает хотя бы кажущийся покой и привычные ценности. Отсюда и различные виды ксенофобии.

Это в той или иной мере проявляется во всём цивилизованном мире. Но в России кризис идентичности имеет собственные причины, усугубляющие его. В частности, необходимо сказать о выборе того исторического пути, по которому страна идёт уже более двух десятилетий. Он был сделан не российским обществом, а псевдоэлитой, находящейся у власти. Поэтому компрадорский капитализм, по существу насильно утвердившийся в России, не находит соответствующего отклика в обществе. Россияне живут будто бы в чужой стране, поскольку российского, национально-самобытного в России осталось не так уж много. Разве что мат на всех уровнях, пьянство да плохие дороги.

Драма состоит в том, что не сформирована новая, взамен рухнувшей, система ценностей, новая идеология. Вместо гуманизма пропагандируются насилие и вседозволенность, под видом толерантности – «репрессивная толерантность» (Г. Маркузе), то есть непротивление социальному злу, примирение с ним, умение «прогибаться» под любую власть и демонстрировать нужные ей «убеждения». Частые столкновения россиянина с различными проявлениями социальной несправедливости и тщетность попыток её преодолеть стали одной из главных причин атмосферы отчуждения в российском обществе. Собственное бессилие и ненужность, ощущаемые человеком в современном обществе, не могут не ущемлять его самолюбие. Это рождает мстительное чувство, стремление любой ценой компенсировать свою ущемлённость и неполноценность. Человек находит удовлетворение в самозабвении, в добровольном, хотя и вынужденном, отказе от деятельного «самостоянья», в утрате индивидуальности. Часто это достигается посредством социального наркотизма, то есть девиантного поведения, моды, мистики, участия в националистических движениях или увлечения популяризируемыми СМИ ценностями. С другой стороны, свою полноценность и значимость человек восстанавливает в нигилистическом отношении, в недоверии и нетерпимости ко всему, что его окружает. Чувствуя при этом, что сам по себе, как самобытная личность, этому окружению он не только не нужен, но и враждебен. Неудивительно: стремление к самобытности, в том числе к национальной, и если это не на сцене, а в повседневности, в России всегда выглядело как что-то антигосударственное, направленное против власти. Чтобы сохранить культуру, непризнаваемую официально, в былые времена бежали в леса, как старообрядцы, или уезжали за пределы империи. Так было в XVII в., так было после 1917 года, так было и в конце XX века. Парадоксально, но факт: для того чтобы сохранить русскую речь, русские обычаи и обряды, нужно было эмигрировать из России куда-нибудь в Америку или в Канаду, где и сегодня существуют русские поселения, сохранившие традиции своей родины.

Общую атмосферу нетерпимости, конфликтности и отчуждённости в России отмечают и западные исследователи. Американский политолог,

директор Библиотеки конгресса США Дж. Биллингтон пишет: «Большинство конфликтов и противоречий в том, как сегодняшние русские видят Россию прошлого, делают решение вопроса об идентичности центральным для формирования России будущего» [1, с. 156]. Но об этом пишут и отечественные специалисты.

Имеет свои причины, и нетерпимость в сфере религиозного сознания как части духовной культуры. Её обострение в российском обществе было связано с либерализацией религиозной жизни и утверждавшимся в 90-е гг. прошлого века соответствующим плюрализмом. Активизация религиозности в те годы, в особенности появление новых для России религиозных групп и практик, в том числе и социально опасных, вызывало необходимость определиться в отношении действующих в стране религий. Разрешённая российской властью религиозная свобода оказалась тесно связанной с религиозным равноправием, которое и должно было бы стать критерием толерантности. На деле же таким критерием стало отношение федеральной и региональной власти, а также большинства населения к православию как традиционной религии, «религии большинства». К этому необходимо добавить существовавшие националистические и антизападнические настроения, отсутствие развитой правовой и религиозной культуры в российском обществе. Итогом всего этого стала нетерпимость в отношении так называемых «нетрадиционных религий», «деструктивных религиозных культов», «иностранный религиозной экспансии», воспринимаемых как угроза стабилизации российского общества. В «Концепции национальной безопасности», например, принятой в 2000 г., одной из задач государства было объявлено «противодействие культурно-религиозной экспансии на территорию России со стороны других государств» [2, с. 31–32]. Задачи подобного рода выглядят не только противоречиво, но и двусмысленно. В особенности, если учесть, что экономическая экспансия в отношении России со стороны других государств не только была допустимой, но и всячески поощрялась.

Следовательно, источником религиозной нетерпимости являются не притязания каждой религии на исключительность и, соответственно, негативные оценки иных религиозных воззрений. В советском обществе, когда официальная идеология культивировала нетерпимость к религии вообще, веротерпимость существовала именно в отношениях между различными конфессиями. Сегодня причину религиозной нетерпимости нужно видеть в отступлении от принципа равноправия религий и других мировоззренческих убеждений, в разделении религий на «традиционные» и «нетрадиционные». Это видно и на примере закона 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», где новые религиозные объединения, «возраст» которых на территории России менее 15-ти лет, были существенно ограничены в правах.

Конечно, для упрочения толерантности необходимо вести разъяснительную работу среди различных слоёв общества. Может быть, необходим и постоянно действующий лекторий по типу существовавшего когда-то в СССР общества «Знание». Весьма актуальным было бы и проведение семинаров для общественных и религиозных организаций по основам правовых

знаний. Вопрос в том, заинтересована ли российская власть в таком упрочении, не является ли она сама примером нетерпимости и цинизма?

Вопрос этот совсем не риторический, поскольку авторитаризм в последние годы растёт повсеместно и на всех уровнях власти. А это означает, что в обществе возрастает и насилие, что отмечает американский философ Л. Тайгер: «На вопрос, в какое время мы живём, можно дать однозначный ответ – в эпоху сверхнасилия. Оно витает повсюду в современном мире, проникает во все поры общества: в политику, экономику, науку, культуру» [3, с. 125]. Росту насилия в российском обществе способствует и позиция официальных представителей РПЦ, от которых, как пишет В.С. Кржевов, «можно услышать, что институты общественного самоуправления и отвечающая им политическая и гражданская культура являют собой чуждые России «западные» привнесения, тогда как воссоздание тотальной зависимости общества от власти преподносится ими как “отеческая традиция”» [4, с. 43].

Необходимо признать, что действенного механизма реализации принципов терпимости пока не существует. Не существует и общепринятого понимания этих принципов. Но практически все исследователи согласны с тем, что толерантность не означает уступок социальному злу, то есть это не индифферентность по отношению к тому, чему не должно быть места в жизни. К угрозе, например, самой жизни, к ограничению чьей-либо свободы, чьих-либо прав и т.п.

Дело, однако, в том, что человеку свойственно считать свои взгляды и убеждения единственно истинными, а своё поведение – единственно правильным. Такова особенность человеческой природы. Слишком распространённым и в течение длительного времени было убеждение, что сомневаться в правильности своих поступков, в истинности своих взглядов – удел слабых, незрелых личностей. Каждый человек, как правило, полагает, что у него достаточно ума, чтобы понять ситуацию, самого себя, и принять необходимое решение. Иными словами, человек стремится придавать своим умственным способностям, своим взглядам и убеждениям статус всеобщности и некоей нормы, утверждая себя, таким образом, как личность. Он принимает взгляды и суждения другого человека, если они совпадают с его собственными. И он слишком критичен по отношению к суждениям других людей, к любым иным, не соответствующим нормальным, как он полагает, проявлениям личности.

Толерантность – это способность к уживчивости, бесконфликтности, способность к сознательному отказу от поисков врага в окружающих. Она, поэтому, попросту выгодна и экономична, так как предохраняет человека от нервных потрясений, от чрезмерных и ненужных затрат сил и времени на борьбу с мнимыми, как правило, врагами или оппонентами. Здесь можно провести совершенно чёткую аналогию с правдой, которая, в конечном счёте, оказывается более выгодной, чем ложь.

Нетерпимость в российском обществе можно объяснить отсутствием элементарной культуры, что проявляется, прежде всего, в неуважении к «другому», в непочтительном отношении к прошлому, к традиционным

ценностям. Государство, конечно, что-то делает в этом направлении. Так, в 2001 г. в России была принята федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001–2005 гг.». Но, как было отмечено, механизма реализации, то есть формирования «установок толерантного сознания» не выработано. Неудивительно, что и сегодня среди политиков и политологов раздаются пугающие предостережения не только о росте оппозиционных настроений в обществе, но и о том, что Российская Федерация может быть разрушена интолерантностью и ксенофобией, если с этой угрозой не справятся органы власти. И дело ведь не только в том, справятся ли власти с угрозой. Нужно, чтобы самой угрозы не было. Но она не только сохраняется, но и растёт. И, как это ни печально, особый всплеск её, вызванный событиями на Украине, пришёлся именно на 2014 год – год культуры в России

Литература

1. Биллингтон, Дж. Россия в поисках себя [Текст] / Дж. Биллингтон. – М.: РОССПЭН, 2005.
2. Гараджа, В.И. Толерантность и религиозная нетерпимость [Текст] // Философские науки. – 2004. – № 3.
3. Tiger, L. The manufacture of Evil [Text] / L. Tiger. – N. Y., 1997.
4. Кржевов, В.С. Общество, государство и церковь в современной России [Текст] // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2007. – № 5.
5. Полищук, В.И. Традиция воспитания «нового человека» в истории российского образования [Текст] // Образование и наука. – 2013. – № 6. – С. 106–117.

УДК 008:1-027.21

Мезенцев Е. А., Макухин П. Г., Соломина Н. В.,
Омский государственный технический университет
mez72@mail.ru

Толерантность и эвфемизм как механизмы «Окон Овертона»

В последнее время всё актуальнее становится дискуссия о соотношении традиций и новаций в культуре. Определяя образ будущего, в научных и журналистских кругах ведутся словесные баталии о том, являются ли традиционные культурные ценности спасительными «настройками по умолчанию» или выступают архаическим барьером в построении совершенной культуры будущего как мира абсолютной свободы, раскрытой человеческой индивидуальности и реализованных всяческих прав человека. Именно поэтому на передний план выдвигается проблема толерантности как «прогрессивное» свойство современного цивилизованного общества, как гарантия раскрытия культурного многообразия, плюрализма, демократии и правопорядка.

Толерантность получила своё развитие в западной культуре и теперь усиленно насаждается в современном российском обществе. Толерантность подаётся как однозначное благо и неотъемлемое социально значимое качество сформированной личности. Издаётся огромное количество литературы по

проблемам толерантности и даже открывается Институт толерантности с филиалами по всей стране.

Термин *толерантность* изначально является термином медицинским. Он был введён в 1953 г. английским иммунологом П. Медаваром для обозначения «терпимости» иммунной системы организма к пересаженным инородным тканям, в дальнейшем он стал частью социальных наук.

Словарь методических терминов достаточно широко толкует толерантность как «терпимость человека к кому-либо или к чему-либо. В культурологии и социологии этот термин используется для обозначения понимания и уважения к другой культуре, к отличиям представителя другой культуры – этническим, национальным, расовым, религиозным, языковым» [1].

Практически во всех словарях *толерантность* и *терпимость* являются синонимами.

Толковый словарь С. И. Ожегова определяет *терпимость* как то, что можно терпеть, с чем можно мириться; уметь без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению [3].

В наше время использование заимствованных слов является достаточно частотным. Однако оправдано оно только тогда, когда в языке отсутствует наименование объекта действительности (либо название как таковое, либо необходимое значение). Для чего же нужно было заменять понятный всем термин *терпимость* на термин *толерантность*, смысловое значение которого без предварительной подготовки сложно определить?

Истинное понимание этой подмены становится явным, если рассматривать это явление с точки зрения «Окон Овертона».

Джозеф П. Овертон (1960–2003), старший вице-президент центра общественной политики Mackinac Center, описал технологию изменения представления проблемы в общественном мнении, посмертно названную «Окном Овертона».

Данная технология позволяет легализовать идеи, совершенно чуждые обществу, относящиеся к разряду немислимого (табу), путем последовательного, системного применения и незаметности для общества самого факта воздействия.

Схематично движение Окна Овертона можно представить в следующем виде: немислимое → радикальное → приемлемое → разумное → популярное → нормальное (закреплённое законодательно).

Согласно этой технологии абсолютно любую идею в обществе могут обсуждать или не обсуждать, открыто поддерживать или отрицать, пропагандировать или общественно запрещать, законодательно закреплять или вводить за эту идею (действие) наказание. Методично двигая Окно, меняют «веер возможностей» от стадии «немислимое» до стадии «нормальное».

В пределах данной статьи мы не ставим целью рассмотреть все этапы движения Окна возможностей, а только сосредоточимся на трёх начальных стадиях.

В самом начале необходимо перевести проблему из разряда «немислимое» в «радикальное». Это делается путём введения данной

проблемы сначала в научный, а затем и в общественный дискурс. Необходимо растабуировать, десакрализировать идею/проблему, создать «градации серого».

Следующим этапом движения Окна является перевод проблемы из стадии радикального в стадию приемлемого. Пусть это будет пока неприемлемо лично для вас, но вы готовы с этим мириться у других. Тем самым происходит актуализация толерантности как высшего «цивилизационного» проявления терпимости. На данном этапе имеет место быть замена, как правило, ругательного, скабрёзного, неблагозвучного слова, обозначающего данное явление, более нейтральным.

Эвфемизм (от греч. *Euphémia* – воздержание от неподобающих слов, смягчённое выражение) – замена грубых или резких слов и выражений более мягкими, а также некоторых собственных имён – условными обозначениями [2].

В процессе эвфемизации происходит не только «облагодзвучивание» явления, но и, самое главное, нередко производится подмена смысла самого понятия. Эвфемизм является важной и необходимой составляющей для дальнейшего движения Окна. Например, ругательное слово с ярко выраженной негативной коннотацией, обозначающее человека, предпочитающего однополюсные сексуальные отношения, заменяют более нейтральным, функционирующим как термин, – «гомосексуалист», а затем и вовсе меняют на жаргонное слово, имеющее позитивную эмоциональную коннотацию и способное заменить сухой научный термин, – «гей»²³.

Последний этап словесного перевоплощения данного явления и насаждение его в общественное сознание уже открывает возможность говорить о нём не как о сексуальном или психическом отклонении, а как о целом субкультурном явлении – гей-культуре, что фактически ставит последнее в один ряд с другими разновидностями абсолютно обычных и приемлемых с точки зрения традиционной морали и нравственности субкультур (молодёжных, профессиональных и т.д.).

Таким образом, толерантность позволяет начать движение Окна возможностей Овертона от стадии «немыслимое» к стадии «радикальное» и обеспечивает его движение к остальным стадиям. Термин *толерантность* в отличие от *терпимости* не привязан к традиционным нормам морали и нравственности и поэтому позволяет наполнять его совершенно иным содержанием.

Терпимость понимается как допустимость своего параллельного существования чужого, другого, иного, чем у нас, но в соответствии с нашей системой нравственных ценностей допустимого, без принятия этого нормой для

¹ Считается, что слово «гей» получило широкое распространение в русской разговорной речи в начале 1990-х годов благодаря своей простоте (именно разговорной речи свойственно упрощение структуры и семантическая концентрация) и отсутствию негативной коннотации (ср. коннотативное значение слова «гомику»).

себя, без приближения к себе и пропускания через себя. Терпимость не предполагает активного участия в утверждении чуждого.

Толерантность подразумевает принятие иного как своего, снятие границы между свое-чужое, допустимость не только существования иного, но и активное соучастие в жизни иного и (достаточно часто) отказ от своего в пользу иного.

Без смысловой подмены при замене терпимости на толерантность движение Окна возможностей будет затруднено или невозможно.

Терпимость имеет свои пределы и подразумевает привязку к системе базовых жизненных ценностей, а введение термина *толерантность* эту привязку размывает, так как несет в себе некую смысловую размытость, семантическую неопределенность, т.к. заимствуется из другой культуры и используется в самых различных контекстах. Толерантность, скорее, подразумевает свою беспредельность и не предполагает порога допустимого.

Эвфемизм позволяет передвинуть Окно возможностей от радикального к приемлемому. Как правило, все, что находится под строжайшим запретом (табу, а в христианской традиции – зона греха), определяется неблагозвучными, инвективными терминами, использование которых в обществе неприемлемо. Отметим, что эвфемизм фактически выступает прикрытием для смысловой подмены, без которой движение Окна невозможно.

Как показывает практика, самое сложное в технологии Окна возможностей Овертона – это начать его движение. Серьёзные трудности возникают при прохождении первых трёх этапов, однако движение Окна невозможно остановить: переход от невозможного до нормального (законного, желанного) – это вопрос времени.

Данная технология фактически опаснее любого даже самого разрушительного оружия, так как не физически убивает человека, а уничтожает человека в человеке. Начиная своё движение, Окно возможностей запускает механизм расчеловечивания, ставя на грань выживания человеческую цивилизацию.

Литература

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Электронный ресурс] / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин // Справочно-информационный портал «ГРАМОТА.РУ». – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?az=x&word=%F2%EE%EB%E5%F0%E0%ED%F2%ED%EE%F1%F2%FC>
2. Большая советская энциклопедия. Онлайн-версия [Электронный ресурс]
3. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. Онлайн-версия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/35729.shtml>

Особенности выхода из духовного кризиса России посредством гуманитарного знания

Последнее десятилетие XX века оказалось переломным периодом для российского общества: произошла существенная трансформация экономического сектора, политического устройства, аксеологических ориентаций большей части населения. Казалось бы, XXI век должен стать периодом восстановления и линейного развития. Однако второе десятилетие XXI века ознаменовалось модернизационными процессами социальной действительности. Сегодня теория модернизации является одной из наиболее популярных доктрин социального прогресса. Модернизация должна придать новый облик российскому государству, расширить горизонты развития всего общества. Модернизация в современном прочтении представляет собой, в первую очередь, переход от индустриального общества к информационному, в котором становятся значимыми процессы создания, преобразования и активного распространения знания. Все это свидетельствует о том, что эффективная практика модернизации России тесно связана с повышением значимости роли образования в общественной жизни, инновационными тенденциями развития такого социального института как образование.

Модернизационные процессы, охватившие современное российское общество, оказались характерными и для системы образования. Образование – это один из важнейших, относительно самостоятельных социальных институтов, который призван обеспечить воспроизводство, трансформацию и передачу знаний, умений, навыков. Образование представляет собой сложный неоднозначный феномен: это одновременно и процесс, и результат усвоения знаний. Модернизация российского образования связана с вхождением в Болонский процесс, с всеобщей компьютеризацией, всевозможными видами тестирования и т.д., что усиливает потребность философского осмысления факторов формирования и идейно-теоретических предпосылок отечественного образования.

Системный кризис РФ конца XX века затронул и систему образования, что вылилось в недостаточно высокий образовательный уровень большинства выпускников российских школ и в разрыв между знаниями и умениями выпускников вузов и ожиданиями работодателей. Кризис образования влечет непредсказуемые последствия для социальной системы, начиная от угрозы национальной и социальной безопасности и заканчивая личностным микроуровнем, а точнее деградацией личности. Отсюда важное значение приобретает социогуманитарное познание, объектом которого является человек во всех его проявлениях: социальных, педагогических, экономических и других. Гуманитарные науки призваны оценивать результаты и тенденции

научно-технического развития с точки зрения интересов общества и личности. Специфика гуманитарного познания определяется следующими параметрами: во-первых, оно в большей мере, чем естествознание, зависит от социокультурных факторов; во-вторых, основную часть его методологического арсенала составляют интерпретационные методы исследования; в-третьих, материал, с которым работает гуманитарий, главным образом представлен в форме различных текстов; в-четвертых, определяющую роль в этой сфере играют диалоговые отношения между исследователем и объектом его внимания; в-пятых, в гуманитарном познании явно выражена аксиологическая ориентация людей.

Подвергая критике современное российское образование, можно сказать, что оно приобрело такие характеристики, как фрагментарность, усвоение простейших правил, сведений и навыков и значительно отошло от формирования у обучающегося рационально-критического мировоззрения.

Следует констатировать, что Болонский процесс вылился в примитивизацию современного российского образования. Специфика современного среднего образования заключается не в обучении школьников, а в их «натаскивании», то есть целенаправленной подготовке к сдаче ЕГЭ. ФГОС по подготовке бакалавров различных направлений предполагают узкоспециализированную подготовку студентов в ущерб социально-гуманитарному знанию. Гуманитарная составляющая, представленная в современной высшей школе набором определенных компетенций, должна обеспечить человеку сохранение личностной сущности в быстро меняющемся мире, умение адаптироваться к стремительно меняющимся условиям социального существования. Социогуманитарное знание призвано формировать правосознание, политическую культуру, солидарность – что должно привести к консолидации многоликого российского общества и, в итоге, должно обеспечить национальную, государственную безопасность.

Высокая степень прогресса в области развития естествознания, техники, материального производства, рыночных отношений уводит образование все дальше от традиционного идеала человека. Современник информационного общества характеризуется отрывом от предков, приводящим к утрате ценностных ориентиров, к духовной деградации, к культурной аномии, что в итоге приводит к различного вида девиациям. Все вышеперечисленное можно связать с размытием гуманистического потенциала современного образования: не создаются ценностные ориентиры для человека, нормативные границы, выступающие фактором его адаптации в обществе. Для современника XXI века характерен ценностный плюрализм, который создает проблемы ценностной ориентации, человек должен изыскивать духовные основы существования социума.

Пренебрежение социогуманитарной составляющей образования выступает негативным фундаментом для таких социальных явлений, как углубление экологического кризиса, преступность, увеличение масштабов коррупции, религиозный и этнический экстремизм, потеря смысло-жизненных ориентиров и т.д. Объяснение с опорой на интерпретационные методики с

целью понимания гуманитарных явлений в системе их существования - вот подлинный двигатель гуманитарного познания. Объяснение предназначено для устранения непонимания. Интерпретация в этом случае обеспечивает простоту знания, служит средством приобретения нового знания. Развитие в гуманитарных науках происходит за счет интерпретационных методик. Тогда множественность различных интерпретаций одного и того же гуманитарного факта является реальным и нормальным состоянием научного знания.

Социогуманитарная составляющая в образовательном процессе также нацелена на формирование гуманистических компонентов социальной культуры личности, что в данный временной промежуток идет вразрез с нарастающими процессами коммерциализации, дегуманитаризации современной системы образования. Благодаря социогуманитарным элементам образования обучающийся формируется как личность, которая при столкновении с непредсказуемым будущим приобретает способность моделировать и управлять своими действиями, которая способна саморазвиваться и самоорганизовываться. Особый предмет социально-гуманитарных наук обусловлен особым методом, который хорошо выражен во фразе Дильтея: «Мы объясняем природу, подводя ее отдельные явления, главным образом - каузально, под законы, мы понимаем душевную жизнь, постигая ее смысловое содержание» [3, с. 52].

Конкретное и детальное рассмотрение теоретико-познавательных проблем, стоящих перед гуманитаристикой, требует выделения из общего поля гуманитарных исследований двух комплексов дисциплин: социальных наук и собственно гуманитарных наук. Объект социальных наук: экономики, социологии, политологии, юридической науки, культурологии, этнологии - сферы общественного бытия человека. Социальные науки заняты поиском всеобщего в многообразии феноменов общественной жизни человека - экономических, политических, правовых и других структур и закономерностей их функционирования. Такая познавательная ориентированность социальных наук, сближающая их с естественными науками, обусловлена, прежде всего, их зависимостью от потребностей общественной практики. Общественное бытие, творимое самим человечеством, оказывается таким же отчужденным и противостоящим этому человечеству, как и природная действительность, превращается в объективную среду деятельности человека. Свободная деятельность человека на деле оказывается ограниченной объективными законами общественной действительности, и успешность действия может быть обеспечена только познанием этих законов. Таким образом, социальные науки инспирируются в своей познавательной деятельности стремлением человечества к контролю над общественной действительностью, причем, речь, прежде всего, идет не о некоем абстрактном человечестве, а об определенных группах людей, движимых разного рода интересами. А это означает, что нацеленность социальных наук на получение объективного знания с помощью процедур объяснения и предсказания, роднящая их с положительными науками, всегда сопровождается социальным и идеологическим заказом, подрывающим претензии на

объективность. Тем не менее, в случае социальных наук есть смысл обсуждать применимость и пригодность обосновательной стратегии естественных наук по той причине, что познавательный интерес здесь оказывается общим - контроль над действительностью. «Именно человеческий интерес, а не нечто, присущее явлению «объективно», позволяет считать его экономическим, политическим или культурным. Интерес формируется в рамках специфического культурного значения, которое мы придаём тому или иному событию в каждом отдельном случае» [1, с. 360].

Совершенно иная ситуация с собственно гуманитарными науками: историей, искусствоведением, литературоведением. Собственно гуманитарные науки - *humanities* - интересуют индивидуальное, либо как результат уникального ансамбля исторических условий, либо как произведение уникального человеческого духа. Возможен подход к индивидуальному с точки зрения всеобщего, то есть тех законов, которые сделали возможным появление того или иного феномена, тогда мы сможем отчасти объяснить его (не объяснив, почему именно в такой форме он возник). Но это будут, прежде всего, внутренние закономерности самого объекта (исторического процесса, построения художественного произведения), а уже затем законы конкретных форм, в которых представлен объясняемый феномен (например, феодальная экономика или художественные приемы живописи барокко). И здесь на помощь конкретным историческим исследованиям приходят такие дисциплины, как поэтика, история как теория исторического процесса, эстетика, философия искусства. И на этой стезе становится реальным максимальное методологическое сближение социальных и собственно гуманитарных наук на основе использования ими процедуры объяснения. В этом случае индивидуальное лишается своей самоценности, приближаясь по познавательному статусу к объекту естественнонаучного знания.

Однако историческим и творческим конкретностям может быть приписана иная роль, выводимая из их эстетической функции, причем это касается не только произведений искусства, но и исторических событий, питающих человеческую фантазию. И тогда задачей гуманитарной науки будет донесение этой индивидуальной ценности до человека, обеспечение посредничества не только для получения эстетического удовольствия, но и обогащения самопонимания, так как все, что создано человеком для человека, содержит знание о нем. Такого рода познавательная тенденция выводит гуманитаристику из сферы научного, делая ее скорее пропедевтикой эстетического освоения действительности. Ведь в этом случае целью гуманитарных наук является не объективная истина, единая для всех, а подготовка человека к восприятию некой субъективной, индивидуальной истины. В таком случае речь идет уже не об объяснении, а о понимании и интерпретации как основных познавательных процедурах гуманитарной науки.

Отсутствие у гуманитарных наук познавательной задачи контроля делает для них невозможным применение таких критериев объективности и истинности теории, как практическая плодотворность и экспериментальная проверка, что открывает широкий простор для познавательного произвола и

релятивизации знания. Эти познавательные условия объясняют и приравнение гуманитарных наук по статусу к их объектам, и отставание гуманитаристики от социальных дисциплин в результатах познания и в степени научности доставляемого гуманитарными дисциплинами знания.

Значимость гуманитаризации образования трудно переоценить, так как уровень культуры, этические нормы, политическая культура - все это находит свою реализацию не только в профессиональной, но и в повседневной жизни. Социально-гуманитарные науки призваны помочь человеку лучше понять себя и действовать в соответствии с выводимым из этого понимания представлением о благе для себя. Под социогуманитарным образованием мы понимаем не столько изучение дисциплин гуманитарного цикла, сколько формирование новых подходов к пониманию человеческого бытия, взаимосвязи природы и человека, ценностей, сформированных в процессе всестороннего развития мирового сообщества такими формами человеческой деятельности, как философия, религия, искусство и т.д. «Основной принцип научного познания — его объективная истинность — органически сочетается с наличием ценностных отношений как внутри самого научного познания, так и в обществе, соотносящем науку в целом, понимаемую в качестве специфически человеческого средства ориентации человека в мире, со своими целями, выступающими как утилитарно-практические и нормативные или идеальные критерии достигаемой в итоге оценки» [2, с. 212].

Таким образом, образование как необходимый процесс передачи социального опыта, как специально организованное взаимодействие обучающего и обучаемого, должно подготовить современное общество к эффективному его функционированию, к созидательной деятельности и увести от примитивной потребительской составляющей бытия человека.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с. С. 360.
2. Фролов И.Т. Взаимодействие наук и гуманистические ценности //Наука и культура. – М., 1984. – 329 с. С. 212.
3. Hoffmeister J. Worterbuch der Philosophischen Begriffe. Hamburg, 1955. P. 52.

Сведения об авторах

Ткаченко Валентина Григорьевна - ректор ЛНАУ, член-корреспондент Национальной академии аграрных наук Украины, академик Академии экономических наук Украины, академик Академии гуманитарных наук России, академик Международной академии науки и практики организации производства, заслуженный работник народного образования Украины, доктор экономических наук, профессор (г. Луганск)

Акимова Анастасия Вадимовна – ассистент кафедры политологии и социологии Луганского национального аграрного университета (г. Луганск).

Апенышева Людмила Григорьевна – доцент кафедры философии Алтайского государственного аграрного университета, к.ф.н. (г. Барнаул).

Бабурин Сергей Николаевич - доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, заместитель председателя Государственной Думы России 2 и 4 созывов (г. Москва)

Баранов Владимир Евгеньевич - профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, д.ф.н. (г. Санкт-Петербург).

Баранов Андрей Владимирович - профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВПО Кубанский государственный университет, д.пол.н., д.и.н. (г. Краснодар).

Баркова Элеонора Владиленовна – профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.ф.н. (г. Москва).

Богачев Василий Иванович - профессор кафедры экономической теории и маркетинга ЛНАУ, академик Академии экономических наук Украины, академик Международной академии науки и практики организации производства, д.э.н. (г. Луганск).

Борисов Валерий Иннокентьевич – профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, д.и.н. (г. Смоленск).

Теплицкий Юрий Михайлович - заведующий кафедрой истории, педагогики и языкознания ЛНАУ, к.и.н., доцент (г. Луганск).

Шендриков Евгений Александрович - доцент Воронежского государственного аграрного университета им. Петра I, к.и.н. (г. Воронеж).

Борисов Максим Витальевич - магистрант 1 курса агроинженерного факультета, Воронежского государственного аграрного университета им. Петра I (г. Воронеж).

Бунтовский Сергей Юрьевич - доцент Кубанского государственного аграрного университета, к.э.н. (г. Краснодар).

Власов Александр Вениаминович - декан факультета пищевых технологий, зав. кафедрой молока и молокопродуктов Луганского национального аграрного университета, доцент, к.с.-х.н. (г. Луганск).

Галкина Людмила Игоревна - доцент кафедры философии и социологии Луганского университета имени Т.Г. Шевченко, к.ф.н. (г. Луганск).

Чугунов Евгений Васильевич - старший преподаватель кафедры философии Луганского национального аграрного университета (г. Луганск).

Матаева М. Х. – профессор Казахского инновационного университета, д. ф. н. (Республика Казахстан).

Гижя Андрей Владимирович – доцент кафедры философии Донецкого национального технического университета, к. ф. н., (г. Донецк)

Грамматикопулос Сократ - Общество русской культуры «Подмосковные вечера» (г. Афины, Греция).

Грошева Ирина Александровна – зав. кафедрой философии, истории и социологии, доцент ГАОУ ВО Тюменской области «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права», к.соц.н. (г. Тюмень).

Грошев Игорь Львович - доцент кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВПО Тюменской области «Тюменский государственный нефтегазовый университет», к.соц.н. (г. Тюмень).

Гююшлю Георгий Викторович - магистрант кафедры общественных дисциплин, Комратского государственного университета (г. Комрат, Республика Молдова).

Папцова Алла Константиновна - ст. преподаватель кафедры общественных дисциплин Комратского государственного университета, к.ф.н. (г. Комрат, Республика Молдова).

Даренский Виталий Юрьевич - доцент кафедры философии Луганского национального аграрного университета, к. ф.н. (г. Луганск).

Чекер Валерий Николаевич – декан факультета гуманитарного образования, зав. каф. философии Луганского национального аграрного университета, к. ф. н. (г. Луганск).

Донник Ирина Михайловна - ректор Уральского государственного аграрного университета, академик РАН, профессор, д.б.н. (г. Екатеринбург).

Воронин Борис Александрович – проректор по научной работе и инновациям, зав. кафедрой управления и права УрГАУ, профессор, д.ю.н. (г. Екатеринбург).

Лоретц Ольга Геннадьевна – первый проректор, проректор по учебной работе, зав. кафедрой технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции УрГАУ, профессор, д.б.н. (г.Екатеринбург).

Дулина Надежда Васильевна - зав. кафедрой истории, культуры и социологии, профессор Волгоградского государственного технического университета, д.соц.н. (г. Волгоград).

Fred Eidlin - профессор политических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Česká zemědělská univerzita v Praze, Univerzita Karlova v Praze, the University of Guelph (Canada).

Елизаров Сергей Геннадьевич - профессор кафедры психологии Курского государственного университета, доцент, д.псх.н. (г. Курск).

Ермакова Валентина Викторовна - профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», директор Института эстетического образования ОГУ, доцент, к.ф.н. (г. Орел).

Ершов Богдан Анатольевич - профессор кафедры истории и политологии Воронежского государственного технического университета, д.и.н. (г.

Воронеж).

Мерзлякина Карина - студентка 2 курса факультета энергетике и систем управления Воронежского государственного технического университета (г. Воронеж).

Ефанова Е. И. - Общество русской культуры «Подмосковные вечера» (г. Афины, Греция).

Заббарова Эндже Фанисовна - доцент Казанского государственного аграрного университета, к.фил.н. (г. Казань).

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна- профессор кафедры истории и философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, д.ф.н. (г. Ростов-на-Дону)

Золотухин Валерий Ефимович - профессор кафедры истории и философии Ростовского государственного строительного университета, д.ф.н. (г. Ростов-на-Дону).

Ильинова Надежда Александровна - заведующая кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета, доцент, к.соц.н. (г. Майкоп).

Иманакова Елена Георгиевна - доцент кафедры философии Забайкальского государственного университета, кандидат культурологии (г. Чита).

Канц Наталья Александровна - доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет», к.ф.н. (г. Ставрополь).

Крикунова Светлана Тихоновна - старший преподаватель кафедры политологии и социологии Луганского национального аграрного университета.

Катеринец Светлана Леонидовна – доцент кафедры экономической теории и маркетинга Луганского национального аграрного университета, к.э.н. (г. Луганск).

Козлов Михаил Иванович - доцент кафедры социологии и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, Института социально-гуманитарных и политических наук, к.ф.н. (г. Архангельск).

Коломыц Дмитрий Михайлович - доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат политических наук (г. Казань)

Криштанович Лев Евстафьевич – начальник научно-исследовательского отдела, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств, д. ф. н. (г. Минск, Республика Беларусь).

Марчуков Андрей Владиславович - старший научный сотрудник Института российской истории РАН, к.и.н. (г. Москва).

Мачкарина Ольга Дмитриевна – профессор кафедры философии, истории и социологии Мурманского государственного технического университета, д.ф.н. (г. Мурманск).

Мезенцев Евгений Анатольевич – зав. кафедрой философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, доцент, к.ф.н. (г. Омск).

Макухин Петр Геннадиевич - доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, доцент, к.ф.н. (г. Омск).

Соломина Наталья Владимировна - доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, доцент, к.фил.н. (г. Омск).

Михайловская Оксана Георгиевна – доцент кафедры политологии и международных отношений Луганского университета имени В. Даля, к.пол.н. (г. Луганск).

Напреенков М. А. - Академия военных наук, к.и.н, генерал-майор (г. Москва).

Некрасов Станислав Николаевич – зав. кафедрой философии, профессор Уральского федерального университета, Уральского государственного аграрного университета, д.ф.н. (г. Екатеринбург).

Пашина Наталья Поликарповна – зав. кафедрой политологии и социологии Луганского национального аграрного университета, д.пол.н., доцент (г. Луганск).

Петров Вадим Петрович - зав. кафедрой философии и политологии ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», профессор, д.ф.н. (г. Нижний Новгород).

Полищук Виктор Иванович – профессор филиала Тюменского государственного университета, д.ф.н. (г. Ишим, Тюменская обл.).

Пороховская Татьяна Ивановна - доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, к.ф.н. (г. Москва).

Пробейголова Наталия Владимировна – зав. кафедрой политологии и международных отношений Луганского университета им. В. Даля, к.пол.н., доцент (г. Луганск).

Прохорова Ольга Анатольевна – доцент кафедры экономической теории и маркетинга Луганского национального аграрного университета, к.э.н. (г. Луганск).

Романова Светлана Яковлевна - и.о. зав. кафедрой общественных дисциплин, старший преподаватель, 1-я дидактическая степень Комратского государственного университета (г. Комрат, Республика Молдова).

Рощупкин Юрий Николаевич - министр сельского хозяйства и продовольствия ЛНР

Сапожникова Наталья Васильевна - профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета, д.ф.н. (г.Нижневартовск).

Сидоров Виктор Александрович - заведующий кафедрой теоретической экономики Кубанского государственного университета, академик Гуманитарной академии наук, почетный работник высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Краснодар).

Симоненко Оксана Даниловна - ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, к.т.н. по специальности "история науки и техники" (г. Москва).

Скворцов Алексей Алексеевич - доцент кафедры этики философского

факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н. (г. Москва)

Смирнов Талибжан Анатольевич -и.о. зав. кафедрой философии, истории и иностранных языков ФГБОУ ВПО «Норильский индустриальный институт», доцент,к.ф.н. (г. Норильск).

Майорова Елена Владимировна - декан факультета электроэнергетики, экономики и управления ФГБОУ ВПО «Норильский индустриальный институт», профессор, д.э.н. (г. Норильск).

Михайлов Юрий Васильевич - доцент кафедры экономики, менеджмента и организации производства ФГБОУ ВПО «Норильский индустриальный институт», к.т.н. (г. Норильск).

Стецюк Кира Владимировна - доцент кафедры истории, педагогики и языкознания Луганского национального аграрного университета, к.п.н. (г. Луганск).

Суходуб Татьяна Дмитриевна – доцент Центра гуманитарного образования НАН Украины, к.ф. н. (г. Киев).

Чапля Василий Васильевич - директор АНО «НИИ экономики ЮФО», главный редактор журнала «Экономический вестник Южного федерального округа», к.э.н. (г. Краснодар).

Чекер Наталья Валериевна – доцент кафедры философии Луганского национального аграрного университета, к.ф.н. (г. Луганск).

Пантюхов Олег Дмитриевич – студент 5 курса строительного факультета Луганского национального аграрного университета (г. Луганск).

Дибач Ярослав Игоревич – доктор богословия, митрофорный протоиерей (Корсунская епархия, г. Торревьеха, Испания).

Чернышев Алексей Сергеевич – зав. кафедрой психологии Курского государственного университета, профессор, д.псх.н. (г. Курск).

Шевельков Анатолий Иванович - доцент кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института, к.и.н. (г. Коломна)

Шевченко Олег Константинович - доцент Крымского федерального университета, член-корреспондент Академии Военно-исторических наук, к.ф.н. (г. Симферополь).

Шиптенко Сергей Алексеевич - главный редактор журнала «Новая экономика» (г. Минск, Республика Беларусь).

Содержание

Организационный комитет Международной научно-практической конференции «Духовная составляющая Великой Победы» (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)	3
Приветственное слово ведущего конференции Черткова Дмитрия Дмитриевича , проректора по научной работе ГОУ ЛНР «ЛНАУ»	6
Приветственное слово ректора ГОУ ЛНР «ЛНАУ» Ткаченко Валентины Григорьевны	6
Приветственное слово Председателя региональной общественной организации «Луганское землячество» города Москвы Челомбитько Н. И.	7
Приветственное слово Президента Сибирского отделения Академии военных наук РФ генерал-майора Фёдорова А. Э.	8
Роциупкин Ю. Н. Вклад тружеников сельского хозяйства Луганщины в разгром немецких оккупантов в годы Великой Отечественной войны	10
Ткаченко В. Г. Духовная составляющая Великой Победы	12
Бабурин С. Н. Ялтинские договоренности великих держав в 1945 году и их уроки для XXI века	14
Баранов В. Е. Личностный фактор Великой Победы	19
Баркова Э. В. Победа как категория экофилософского мировидения в концепции Возрождения-XXI	23
Баранов А. В. Состояние и возможности формирования идентичности Новороссии	28
Борисов В. И., Теплицкий Ю. М. Духовные истоки Великой Победы (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.)	33
Бунтовский С. Ю. Исторические предпосылки раскола Украины	37
Богачев В. И. Память о немеркнувшей славе нашего народа как основа патриотического воспитания молодежи	42
Чернышев А. С. Социальная психология детства на оккупированной территории: утраты и силы противодействия злу (из воспоминаний автора)	47
Марчуков А. В. Память о войне и национальная идентичность	50
Донник И. М., Воронин Б. А., Лоретц О. Г. Высшее аграрное образование и наука на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны и сегодня	55
Пороховская Т. И. Философские основания нацизма	59
Скворцов А. А. О духовном смысле войны. Парадокс христианского отношения	63
Галкина Л. И., Матаева М. Х., Чугунов Е. В. Актуальность противодействия идеологии и практике фашизма в современном мире	66
Гижса А. В. Бандеровщина как идеология тотального цивилизационного распада: организация сопротивления украинству	69

<i>Грамматикопулос Сократ</i> Русский мир в Греции	73
<i>Грошев И. Л., Грошева И. А.</i> Патриотизм в современном социуме: роль, статус и вектор развития	78
<i>Гююшилю Г. В., Папцова А. К.</i> Великая Отечественная война в современном массовом сознании	82
<i>Симоненко О. Д.</i> Формирование образа Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. у послевоенных поколений как гуманитарная проблема	87
<i>Власов А. В.</i> Патриотическое воспитание будущих специалистов аграрного сектора в контексте профессионально-экологической подготовки	88
<i>Даренский В.Ю., Чекер В.Н.</i> Философия войны Н.А. Бердяева в свете опыта Великой Отечественной войны	90
<i>Дулина Н. В.</i> Подвиг на Волге как «место памяти» для современной студенческой молодежи (по итогам социологического исследования)	94
<i>Fred Eidlin</i> Conceptual frameworks and their role in social inquiry	99
<i>Чекер Н. В., Пантюхов О. Д., Дибач Я. И.</i> И. А. Ильин: трагедия несправедного подвига	102
<i>Ермакова В. В.</i> Проблема войны и мира: история и современность	107
<i>Шиптенко С. А.</i> Ревизионизм в Белоруссии: Отечественные войны и конструирование «новой идентичности»	110
<i>Чапля В.В.</i> Казачество как фактор преодоления духовно-нравственного кризиса современного общества	115
<i>Прохорова О. А.</i> Роль экономических интересов в социально-политических конфликтах	117
<i>Ефанова Е. И.</i> Праздник «Охи», за который стоит уважать греков	123
<i>Елизаров С. Г.</i> Смыслообразующая функция ценностей социальной системы как механизм формирования мотивационно-ценностной включенности молодежной учебной группы	128
<i>Пашина Н. П.</i> Функциональные особенности политической идентичности в период военных конфликтов	131
<i>Петров В. П.</i> Законы и закономерности войны: от истоков до наших дней	135
<i>Суходуб Т. Д.</i> Память как условие преодоления духовно-культурных кризисов	138
<i>Шевченко О. К.</i> Феномен «власть» в ментальных практиках Великой Отечественной войны	140
<i>Ершов Б. А., Мерзликина К. В.</i> Вклад Русской Православной Церкви в национальное единство советского народа в период Великой Отечественной Войны	142
<i>Золотухина-Аболина Е.В., Золотухин В. Е.</i> Соблазн национализма	145
<i>Канц Н. А.</i> К вопросу о фальсификациях Великой Отечественной войны	147
<i>Козлов М. И.</i> Роль Коммунистической партии в мобилизации	152

духовных сил советского народа на разгром немецко-фашистских захватчиков	
<i>Коломыц Д. М.</i> Пересмотр итогов Второй мировой войны – наступление на историю и на русский народ	158
<i>Криштанович Л. Е.</i> О фальсификации истории Великой Отечественной войны	161
<i>Мачкарин О. Д.</i> Война глазами русских философов	167
<i>Напреенков М. А.</i> 1-й Украинский фронт в Берлинской операции	171
<i>Некрасов С. Н.</i> Традиционность России и инновационное развитие социума против иноземных захватчиков: искушение фашизмом	177
<i>Романова С. Я.</i> Изучение темы Второй мировой войны в школьных учебниках	181
<i>Сапожникова Н. В.</i> 70-летие Великой Победы и рассказ от «первого лица»: персонификация «военной антропологии» в источниках личного происхождения югорчан	187
<i>Сидоров В. А.</i> На пороге нового раздела мира: агония капитализма. К 70-летию Великой Победы	192
<i>Смирнов Т. А., Майорова Е. В., Михайлов Ю. В.</i> Блокада Ленинграда: к 71-годовщине освобождения	205
<i>Шевельков А.И.</i> О патриотизме и исторической памяти	209
<i>Пробейголова Н. В.</i> Политический миф как механизм конструирования политической реальности	213
<i>Акимова А. В.</i> Идеологический фактор Победы советского народа в Великой Отечественной войне	217
<i>Борисов М. В., Шендриков Е. А.</i> Военно-патриотическое воспитание школьников и студентов на примере защитников Воронежа времен Великой Отечественной войны	219
<i>Апенышева Л. Г.</i> Александр Невский как выразитель духовно-нравственного идеала Святой Руси	224
<i>Стецюк К. В.</i> Патриотическое воспитание будущих специалистов в контексте экологических ценностей	227
<i>Михайловская О.Г.</i> Символическое насилие	230
<i>Заббарова Э. Ф.</i> Духовно-нравственный потенциал советского человека в Великой Отечественной войне	233
<i>Крикунова С.Т., Катеринец С.Л.</i> Единство советского народа – решающий фактор победы в Великой Отечественной войне	235
<i>Иманакова Е. Г.</i> Украинская поздравительная открытка к 9 Мая как культурный феномен	237
<i>Полищук В. И.</i> Нетерпимость в культуре	243
<i>Мезенцев Е. А., Макухин П. Г., Соломина Н. В.</i> Толерантность и эвфемизм как механизмы «Окон Овертона»	247
<i>Ильинова Н. А.</i> Особенности выхода из духовного кризиса России посредством гуманитарного знания	251
Сведения об авторах	256

«Духовная составляющая Великой Победы»

**(К 70-летию Победы советского народа в Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг.)**

**Материалы
Международной научно-практической конференции
16 апреля 2015 года**

Часть I

В авторской редакции

Подписано в печать 10.06.2015.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать лазерная. Усл. печат. листов 15,35. Уч.-изд. л. 16,28.

Тираж 100 экз. Изд. № 1339. Зак. №1498. Цена договорная.

Издательство "НОУЛИДЖ"

Свидетельство о регистрации серия ДК №2884 от 26.06.2007

тел. (050) 475-35-13, e-mail: nickvnu@gmail.com